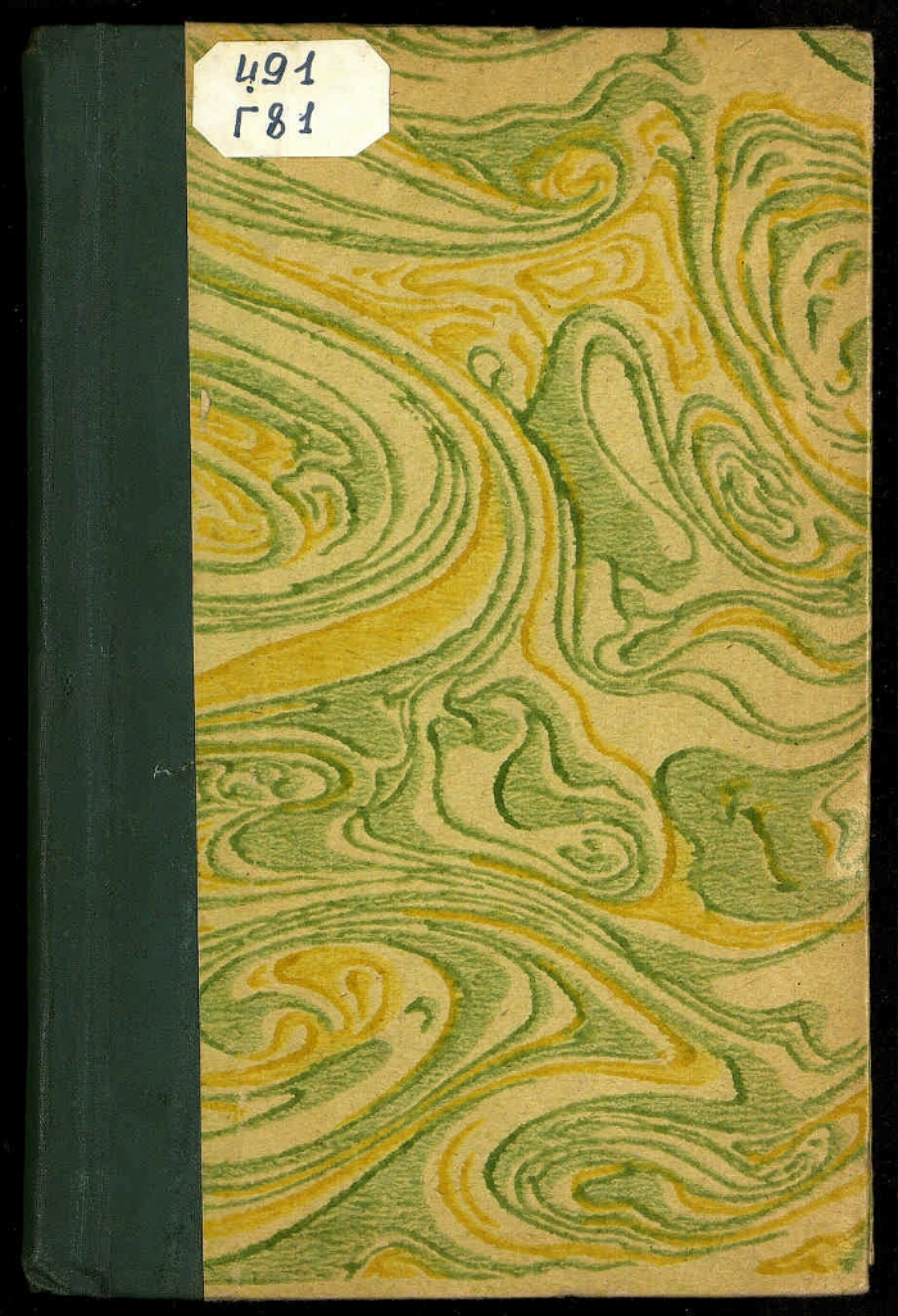
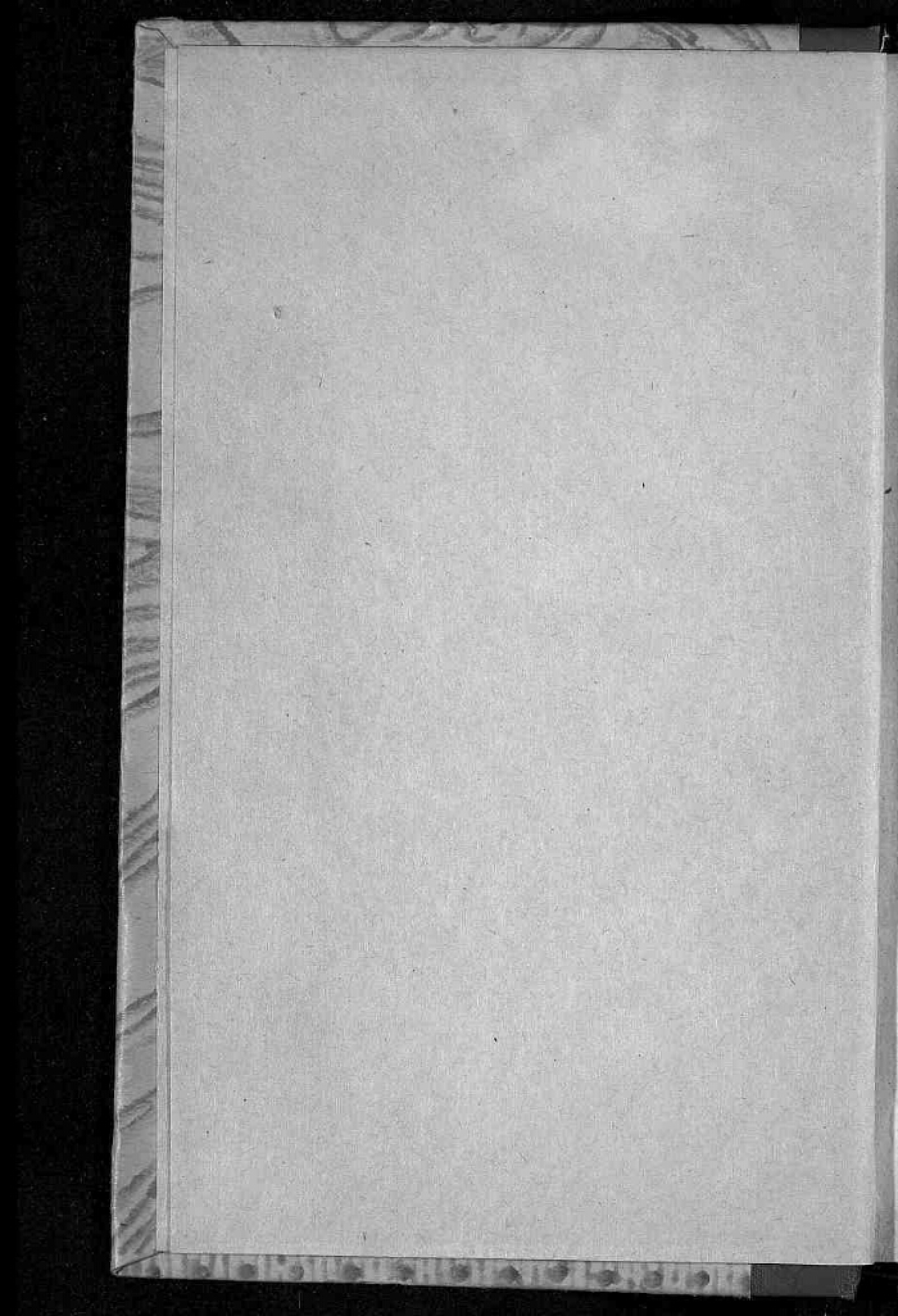
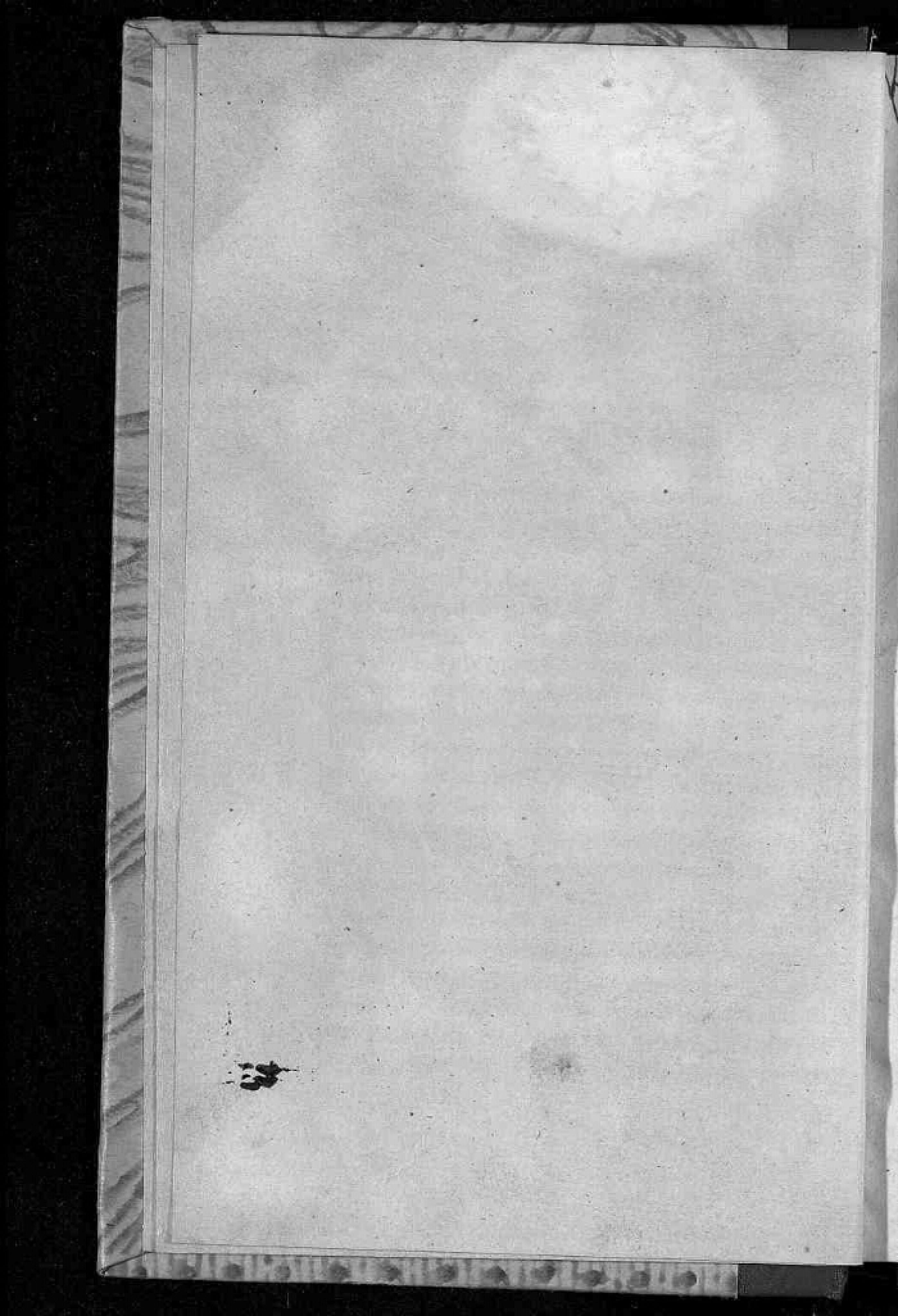

Ч91
Г81



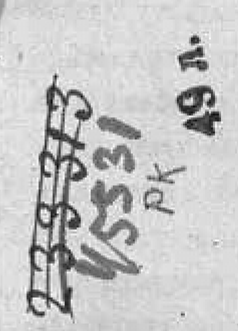


ЧТЕНІЯ

О

РУССКОМЪ ЯЗЫКѢ,

НИКОЛАЯ ГРЕЧА.



ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1840.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ:

съ тѣмъ чтобы по напечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Санктпетербургъ, 15 Марта 1840 года.

Ценсоръ П. Корсаковъ.

Въ типографіи Н. Греча.

ОСЬМОЕ ЧТЕНІЕ.

(2-го Февраля.)

I.

Въ предшествовавшемъ Чтеніи изложилъ я общія свойства русскихъ глаголовъ, исчислилъ времена ихъ, и показалъ виды, на которые они раздѣляются. Теперь слѣдуетъ представить, какимъ образомъ сіи различныя обстоятельства дѣйствія выражаются въ языкѣ. Для сего должны мы, вопервыхъ, разсмотрѣть *образованіе* глаголовъ, а вовторыхъ, *спряженіе* ихъ.

Глаголы образуются, какъ и всѣ прочія слова, изъ главныхъ корней, присоединеніемъ къ нимъ корней придаточныхъ. Прежде сего сказано нами было, что глаголъ вообще есть слово сложное, составленное совокупленіемъ имени качественнаго съ глаголомъ самостоятельнымъ. Это свойство является и въ наружномъ его образованіи: всякій

глаголъ составленъ изъ какого нибудь главнаго корня, означающаго качество, и составляющаго его матерію, и изъ корня придаточнаго, дающаго ему форму глагола, и сходствующаго съ окончаніемъ глаголовъ самостоятельныхъ: *быть* и *стать*.

Глаголы, какъ и имена, могутъ быть *первообразные*, составленные непосредственно изъ главнаго корня, съ присовокупленіемъ корня придаточнаго (*люб-ить, ход-ить тон-уть, тер-еть*, и т. п.); *производные*, происходящіе отъ другой части рѣчи (*умничать, горевать, существовать*) и *второобразные*, произведенные отъ глаголовъ первообразныхъ: *сажать* отъ *садить*, *являть* отъ *явить*, *расхаживать* отъ *ходить*.

Прямая или первоначальная форма русскихъ глаголовъ заключается въ неокончательномъ наклоненіи, которое оканчивается на *ть* съ предъидущею гласною или согласною буквою; иногда окончаніе *ть*, по свойству буквы *т*, превращается въ *ч* (*влечь*), или *щ* (*влещь*). Немногіе глаголы оканчиваются на *ти: итти, ползти*.

Какъ составляются первообразные глаголы? Во-первыхъ, къ главному корню, являющемуся въ языкѣ и въ видѣ другихъ частей рѣчи, (напримѣръ: *видъ, бѣлъ, ходъ*), присовокупляется окончаніе *ть* съ предъидущею гласною буквою (*видѣть, бѣлить, ходить*). Окончательная согласная буква иногда, по свойству своему, измѣняется, напримѣръ: *кругъ, кружить; крикъ, кричать; пискъ, пищать*. Во-вторыхъ, главный корень сокращается, иногда и вовсе теряется въ придаточномъ; напримѣръ: *бер, брать;*

вы, выть; сол, слать; зов, звать; или же окончаніе глагола превращается въ *чь, щь, ти* (*сѣк, сѣчь; влек, влечь, влещь; ид, итти*). Первые изъ сихъ глаголовъ называю *явнообразованными*, послѣдніе *скрытнообразованными*.

Скрытнообразованные глаголы, безъ всякаго сомнѣнія, въ языкѣ старѣе глаголовъ явнообразованныхъ: они измѣнили свои окончанія, укоротились и пришли въ неправильность отъ давняго и частаго въ языкѣ употребленія. Въ числѣ ихъ находятся глаголы, родившіеся въ самомъ началѣ языка: *быть, жить, ѣсть, пить, брать, дать, стать, бить, грѣть, пасть, сѣсть, лечь,* и т. п.

Явнообразованные принимаютъ различныя окончанія, по своему значенію и производству. Большая часть, т. е. болѣе двухъ третей русскихъ первообразныхъ дѣйствительныхъ глаголовъ, оканчиваются на *ить: ходить, любить, говорить.* По сходству *и* съ *ѣ*, эти буквы и здѣсь замѣняются одна другою: *болѣть, видѣть, горѣть.*

На *ать* и *ять* оканчиваются: звукоподражательные: *ахать, хрюкать, мычать, кричать, ворчать, бряцать, блеять, вѣять, лаять;* производные отъ существительныхъ: вѣнецъ: *вѣнчать;* сердце, *сердчать;* братъ, *брататься;* голодъ, *голодать;* козырь, *козырять;* щеголь, *щеголять;* также отъ нарѣчій: *дакать, нѣкаться.* На *овать* и *евать*, происходящіе отъ наименованій частей дня и года: *ночевать, зимовать,* также отъ другихъ именъ: *существовать, даровать,* и составленные изъ глаголовъ иноязычныхъ: *рисовать, танцовать.* На *оть, ереть* и *нуть*

очень немногіе: *колоть*, *пороть*, *тереть*, *тонуть*, *тянуть*.

Второобразными глаголами могутъ быть виды неопредѣленный, происходящій отъ опредѣленнаго, многократный и однократный отъ неопредѣленнаго, несовершенный отъ совершеннаго, и глаголы начинательные. — Вообще всѣ глаголы второобразные имѣютъ два окончанія: полное *ывать* и *ивать* (*дѣлывать*, *спрашивать*), и сокращенное *ать* и *ять* (*блуждать*, *гонять*). Начинательные кончаются на *ѣть* и *нуть* (*болѣть*, *сохнуть*).

Въ образованіи глаголовъ вообще есть слѣдующія степени: скрытнообразованные, и явнообразованные, во-первыхъ на *ить*, во-вторыхъ на *ать*, въ третьихъ на *ывать*. Если первообразный глаголъ есть скрытнообразованный, отъ него производится второобразный глаголъ, кончащійся на *ить*; *бресть*, *бродить*; *итти*, *ходить*; *нести*, *носить*. Если первоначальный глаголъ кончится на *ить*, второобразный принимаетъ окончанія *ять* и *ать*: *валить*; *валять*, *блудить*, *блуждать*. Если первоначальный кончится на *ять* и *ать*, второобразный принимаетъ окончанія: *ивать*, *ывать*: *стоять*, *стаивать*; *дѣлать*, *дѣлывать*. Всѣ однократные имѣютъ окончаніе *нуть*; только *бросать* имѣетъ *бросить*.

Это были второобразные простые. Предложные составляются точно такъ. Совершенный видъ образуется просто присовокупленіемъ предлога къ неопредѣленному виду глагола: *бить*, *разбить*; *про-*

сить, попросить; дѣлать, выдѣлать. Несовершенный видъ дѣлается присовокупленіемъ предлога къ виду многократному: *бивать, разбивать; просить, испрашивать; дѣлать, выдѣлывать.* Если неопредѣленный видъ оканчивается на *ить*, то несовершенный можетъ и сократиться, напримѣръ: мы говоримъ не *ослѣпливать*, а *ослѣплять*, не *обагривать*, а *обагрять*. Иногда употребляется то и другое окончаніе: *выбѣливать*, и *убѣлять; доборанивать*, и *оборонять*; *выворачивать*, и *развращать; задаривать*, и *одарять; налавливать*, и *уловлять; перепалнивать*, и *исполнять*. Въ этомъ случаѣ является достойное вниманія свойство Языка Русскаго, уже упомянутое нами. Если значеніе остается первоначальное, простое, физическое, окончаніе бываетъ полное: *выбѣливать, загащиваться, обгораживать, обрушивать;* если же значеніе переходитъ въ смыслъ отвлеченный, умственный, возвышенный, оно усѣкается; напримѣръ: *убѣлять* сѣдиною, *угощать* друга, *ограждать* безопасностію, *разрушать* надежды.

Еще замѣтимъ о образованіи глаголовъ. Какая разница между глаголами: *краснѣть* и *краснѣться, чернѣть* и *чернѣться, бѣлѣть* и *бѣлѣться?* Та, что первые изъ нихъ суть начинательные, и означаютъ, что предметъ мало по малу принимаетъ извѣстное качество, напримѣръ: «лице отъ жара *краснѣетъ;* полотно на солнцѣ *бѣлѣетъ*; чернила, высохнувъ, *чернѣютъ.*» Съ мѣстоименіемъ же *ся* означается, что предметъ имѣетъ уже качество, выказываетъ оное вполнѣ: паруса въ морѣ *бѣ-*

лѣются, а не бѣлѣютъ; замки и задвижки на воротахъ *чернѣются*, а не чернѣютъ.

Я изложилъ здѣсь главныя черты образованія глаголовъ, то есть составленіе неокончательнаго ихъ наклоненія, или прямой формы. Правила и свойства сего образованія необходимо намъ знать для того, чтобъ расположить спряженіе глаголовъ самымъ логическимъ или, можно сказать, историческимъ образомъ.

Неоднократно замѣчали мы, что чѣмъ слово старѣе въ языкѣ, тѣмъ оно неправильнѣе въ своемъ образованіи и уклоненіяхъ: это монета, у которой, отъ давнишняго употребленія, изгладился чеканъ. Теперь: которыя слова въ языкѣ старѣе, длинныя или короткія? Разумѣется, короткія: они или состоятъ изъ первоначальныхъ корней, или сократились отъ употребленія: *чту* было въ языкѣ ранѣе нежели *читаю*; *шелъ*, ранѣе нежели *ходилъ*. Слѣдственно самыя короткія слова должны быть и самыя неправильныя. Приложивъ это наблюденіе къ правиламъ спряженій, я нашелъ дѣйствительно, что неправильные глаголы суть тѣ, которые, въ прямой своей формѣ, неокончательномъ наклоненіи, односложны, т. е. скрытнообразованные: *ѣсть, дать, бѣть, сѣчь*, и т. п. Только одинъ двусложный глаголъ неправиленъ — это *хотѣть*. Глаголы явнообразованные двусложные правильны, но имѣютъ различныя уклоненія, напримѣръ: *сидѣть, сидѣю; видѣть, вижу; говорить, говорю; точить, точу; ходить, хожу; катить, качу; искать, ищу*. Но глаголы второобразные

правильны безъ малѣйшаго исключенія: *являть, являю; ночевать, ночую; разсуждать, разсуждаю.*

На этомъ основаніи расположилъ я свои спряженія. Неправильными глаголами назвалъ я всѣ глаголы, односложные въ неокончательномъ наклоненіи; правильные же раздѣлилъ на три спряженія, какъ вы увидите въ предложенной вамъ таблицѣ *. Третье спряженіе заключаетъ въ себѣ глаголы, кончащіеся на *нуть* и *ереть*, и подходящіе къ неправильнымъ по образованію прошедшаго времени, которое въ нихъ усѣкается: *теръ, меръ, пухъ, зябъ.* Во второмъ спряженіи помѣщены глаголы, преимущественно оканчивающіеся на *ить* (также на *ѣть* и *оть*) первообразные, явнообразованные, спрягающіеся правильно, только съ нѣкоторыми измѣненіями въ предпослѣдней буквѣ согласной. Въ первомъ спряженіи заключаются всѣ глаголы второобразные и т. п., спрягающіеся по общимъ правиламъ безъ исключенія.—Отличительною чертою спряженій можно принять окончаніе перваго лица. Перваго спряженія, *ю* съ предъидущею гласною: *дѣлаю, жалую, являю, владѣю.* Втораго, *ю* съ предъидущею согласною (*говорю, люблю*), или *у* съ предъидущею шипящею: *вижу, точу, хожу, ношу.* Третьяго, *у* съ предъидущею плавною: *тону, мру.* — Второе лице, въ глаголахъ перваго и третьяго спряженій, оканчивается на *ешь*, а втораго на *ишь*, за

* См. *Начальныя Правила Русской Грамматики*, § 72.

исключеніемъ тѣхъ глаголовъ, которые оканчиваются въ неокончательномъ наклоненіи на *ать* съ предъидущею нешипящею буквою; например: *пахать, пашу, пашешь; писать, пишу, пишешь; хохотать, хохочу, хохочешь; искать, ищу, ищешь.* Повѣрите ли, что въ сихъ немногихъ правилахъ заключаются почти всѣ законы русскихъ спряженій, съ немногими исключеніями? И у насъ утверждаютъ, что спряженіе глаголовъ нашихъ сбивчиво, что эта система не годится. Да въ какомъ языкѣ она простѣе, малосложнѣе, основательнѣе? Окончаніе неокончательнаго наклоненія и образованіе его показываетъ, правильный ли глаголъ или неправильный, и первомъ случаѣ, къ которому спряженію онъ принадлежитъ. Первое лице производится на основаніи этого дѣленія, и лишь только вы его узнали, второе и прочія представляются сами собою. Прошедшее время всегда оканчивается на *лъ;* въ третьемъ спряженіи и въ неправильныхъ глаголахъ усѣкается: *распухъ, умеръ, высохъ, истекъ.* Повелительное наклоненіе всегда оканчивается на *и, ь* или *й,* смотря по ударенію: *проси, брось, имѣй.* Будущее время образуется какъ настоящее.

Не смотря на то, у насъ безпрерывно ошибаются въ спряженіяхъ. И кто? Издатели газетъ и журналовъ! Тѣ, которые должны подавать примѣръ правильности и чистоты языка, которые приняли на себя званіе судей и сыщиковъ литературы. Говорятъ, что въ оправданіе имъ можетъ служить поспѣшность, требуемая срочною рабо-

тою. Это извиненіе можетъ быть принято въ отношеніи къ слогу статей переводныхъ: газеты иностранныя получены сегодня; завтра, въ этотъ же часъ, извлеченія изъ нихъ должны быть не только переведены и напечатаны, но и забыты. Гдѣ тутъ гладить слогъ, избѣгать галлицисмовъ, повтореній одного и того же слова! Но позволено ли впадать въ ребяческія грамматическія ошибки? Поспѣшность этого не извиняетъ. Не говоримъ уже о глаголахъ: *не совайся*, вм. *не суйся; водружилъ*, вм. *водрузилъ;* эти слова очевидно написаны были иностранцемъ, съ котораго нѣчего взыскивать: за то де спасибо, что и такъ пишетъ, только бы насъ не вздумалъ переучивать. Но мы нашли въ одномъ новомъ журналы *тáитъ*, вмѣсто *тáетъ*. Надъ *а* поставлено было удареніе, вѣроятно для того, чтобъ отличить это слово отъ *таи́тъ*. Но глаголъ *таять* (schmelzen, fondre, liquescere) спрягается: *таю, таешь, таетъ, таютъ*, а не *таятъ*. Это глаголъ перваго спряженія. *Таить* же, втораго спряженія, имѣетъ: *таю, таишь, таитъ, таимъ, таите, таятъ*. — Еще пишутъ у насъ: *стоютъ*, чтобъ отличить это слово отъ *стоятъ;* напримѣръ: книги *стоятъ* десять рублей; *книги стоятъ* на полкѣ. Здѣсь и тотъ и другой глаголъ должны оканчиваться на *ятъ:* они различаются только удареніемъ. Если станемъ писать *стоютъ*, то въ единственномъ числѣ должно говорить: онъ *стоетъ*, а не *стоитъ*. — «Они *борятся*.» Нѣтъ, они *борются*. Глаголы, кончащіеся въ неокончательномъ наклоненіи на *оть*, имѣютъ во второмъ

лицѣ *ешь*: *колоть*, *колю*, *колешь*, *колютъ*; *бороться*, *борюся*, *боремся*, *борются*. — *Сыпятъ*. Нѣтъ! должно говорить *сыплютъ*. *Сыпятъ* другое, отъ глагола *сыпить*. — Нѣкоторые пишутъ у насъ *дышетъ*, другіе *дышитъ*. Что правильнѣе? Послѣднее. Всѣ глаголы, имѣющіе въ неокончательномъ наклоненіи *ать*, съ предъидущею шипящею буквою (*ж*, *ч*, *ш*, *щ*), *держать*, *кричать*, *пышать*, *трещать*, имѣютъ во второмъ лицѣ *ишь* (*держишь*, *кричишь*, *пышишь*, *трещишь*); слѣдственно и *дышать* имѣетъ *дышишь*. Это можно видѣть изъ стиха въ Дѣтской Библіотекѣ, переведенной А. С. Шишковымъ:

Малый червь и страшный китъ
Имъ единымъ лишь дышитъ.

Также въ вышеприведенномъ (на стр. 283) стихотвореніи Державина:

Подъ жемчугами драгими
Груди бѣлыя дышатъ.

Правильно ли говорятъ: *подчую*, *подчуешь*? Нѣтъ! Должно говорить: *подчиваю*, *подчиваешь*. Это глаголъ сложный изъ предлога *подъ* и утраченнаго глагола, отъ котораго осталось слово *чивый* (или *тщивый*) щедрый, и долженъ спрягаться какъ глаголъ, произведенный отъ многократнаго вида, напримѣръ: *почивать*, *почиваю*; *обтачивать*, *обтачиваю*. На *ую* оканчиваются въ первомъ лицѣ глаголы, имѣющіе въ неокончательномъ наклоненіи *овать* и *евать*: *ковать*, *кую*; *ночевать*, *ночую*.

Спряженіе всѣхъ глаголовъ производится по общимъ правиламъ, изложеннымъ мною вкратцѣ.

Частныя исключенія, разумѣется, неизбѣжны: листья одного рода деревъ имѣютъ равное начертаніе вообще, но есть ли въ мірѣ одно дерево, на которомъ бы нѣкоторые листочки не уклонились отъ общей формы? Причина этому находится во внутренности ствола и сучьевъ, въ невидимой лабораторіи, гдѣ изготовляются и принимаютъ видъ свой части листа, выходящія наружу: мы видимъ только дѣйствіе и послѣдствія. Обычай, или лучше, привычка, лѣнь, невнимательность, равномѣрно имѣютъ вліяніе на нѣкоторыя уклоненія въ языкѣ. Извѣстный нѣмецкій писатель Лихтенбергъ, прославившійся истолкованіемъ Гогартовыхъ карикатуръ, пишетъ: «Въ дѣтствѣ моемъ сидѣлъ я однажды зимою поутру у окна родительскаго дома, и любовался снѣгомъ, выпавшимъ въ ту ночь. Растворилась изба людская; изъ нее вышелъ дворникъ, и пошелъ по свѣжему снѣгу прямо въ господскій нашъ домъ. На половинѣ дороги зазѣвался онъ на голубей, и уклонился отъ прямаго пути; потомъ обошелъ лужу, и такимъ образомъ по дорогѣ начерталъ ломаную кривую линію. За нимъ вышла коровница; она не прокладывала новой дорожки, а шла по слѣдамъ дворника, и описывала тѣ же самыя уклоненія отъ прямой линіи. Прочіе ходили такъ же, и къ обѣду уже утоптана была дорожка, обязанная своимъ направленіемъ минутнымъ впечатлѣніямъ, которыя дѣйствовали на перваго странника. Къ этой дорожкѣ привыкли, и лѣтомъ протоптали по ней тропинку. Чрезъ два года построили заборъ вдоль

по тропинкѣ, наблюдая всѣ ея искривленія. Если бъ понадобилось построить тутъ и каменный домъ, врядъ ли дерзнули бы уклониться отъ принятаго однажды направленія: отцы-де наши не дураки были; они проложили эту дорогу, и конечно имѣли важныя причины не проводить ея прямо!» Такъ случается и въ жизни, и въ языкѣ, и въ наукахъ. Неважное, ничтожное обстоятельство сбиваетъ съ толку первыхъ дѣлателей, а въ послѣдствіи трудно, иногда и невозможно исправить попорченное. Но если построенное по этому искривленію зданіе прочно, уютно, красиво, пріятно воспоминаніями — станемъ ли ломать его для того только, чтобъ перестроить по прямой линіи! Нѣтъ, и въ природѣ, и въ дѣлахъ человѣческихъ, едва ли прямая линія не составляетъ исключенія. Кривизна есть удѣлъ слабости нашей и несовершенства дѣлъ земныхъ. Но кривизна кривизнѣ рознь!

Мы сказали, что неокончательное наклоненіе въ глаголахъ есть прямая форма, то же, что именительный падежъ въ именахъ, и что оно нерѣдко употребляется вмѣсто имени существительнаго. Это справедливо до такой степени, что въ языкахъ, имѣющихъ членъ, неокончательное наклоненіе получаетъ значеніе и всѣ свойства существительнаго имени отъ присоединенія къ нему члена: das Sprechen, le toucher. У насъ же есть особыя имена, производимыя отъ глаголовъ, и называемыя потому отглагольными: они представляютъ намъ дѣйствіе въ видѣ существа отвлеченнаго, напримѣръ: *бѣгать*, *бѣганіе*; *разбивать*, *разбиваніе*; *ходить*,

хожденіе. Иногда случается, что отъ измѣненія окончанія отглагольное отвлеченное имя становится вещественнымъ, напримѣръ: *тканіе,* и *тканье; бытіе,* и *бытье; питіе,* и *питье,* и т. д. Въ одномъ изъ первыхъ моихъ Чтеній упоминалъ я о томъ, что отъ глагола можетъ быть произведено имя отглагольное, а отъ этого имени нельзя производить другаго глагола, и что по этому не позволительно говорить: *вдохновить, вдохновитель, вдохновительный.* — Такъ же неправильно имя отглагольное: *воздвигнутіе.* Глаголы на *нуть* принимаютъ въ семъ случаѣ окончаніе на *овеніе:* мигнуть, *мгновеніе;* дерзнуть, *дерзновеніе,* и т. д.

Этимъ заключаю Чтеніе мое о глаголахъ.

II.

Предметомъ нынѣшней нашей бесѣды будетъ поэзія драматическая. Если поэзія лирическая, какъ изліяніе собственныхъ чувствъ поэта народнаго или вдохновеннаго своимъ предметомъ, заслуживаетъ вниманіе любителя словесности, слѣдящаго за развитіемъ народнаго генія въ поэтахъ, его представителяхъ, поэзія драматическая еще въ бóльшей степени проявляетъ предъ нами свойство ума, степень образованія и особенный вкусъ народа вообще, служитъ зеркаломъ его жизни общей и частной. Лирическіе поэты почти всѣ сходны между собою: и Грекъ, и Римлянинъ, и Англичанинъ и Италіянецъ, всѣ люди, всѣ одинаковымъ образомъ выражаютъ свои мысли и чувствованія, различаясь

только степенью своего генія и образованія, и особенностями языка. Драматическая же поэзія представляетъ собою столько различныхъ отдѣловъ, сколько есть просвѣщенныхъ народовъ, ею занимающихся; *просвѣщенныхъ*, говорю потому, что лирическая поэзія можетъ быть у всякаго народа, драматическая же существуетъ только у народовъ образованныхъ. Лирическая поэзія возникаетъ у всякаго народа по природному влеченію человѣка къ поэтическому изліянію своихъ мыслей и ощущеній. Драматическая же есть непрерывная цѣпь, передаваемая отъ одного народа другому, и измѣняющаяся по характеру и требованіямъ каждаго изъ нихъ. Дѣйствіе той и другой равномѣрно не одинаково: лирическая, назначенная для чтенія, и въ немногихъ случаяхъ для пѣнія, производитъ вліяніе на умъ и сердце слушателей и читателей въ отдѣльности, тихо, незамѣтно. Драматическая, отверзая предъ глазами и душею зрителей новый міръ существенности и поэзіи, дѣйствуетъ вдругъ, громко, рѣшительно и сильно на всю массу публики; лучи генія драматическаго пробѣгаютъ мгновенно по сердцамъ всѣхъ присутствующихъ, какъ искра электрическая. Драматическая поэзія, требующаго поэтовъ и для творенія своихъ поэмъ и для исполненія ихъ на позорищѣ, имѣетъ сильное вліяніе на ходъ ума и образованія публики, и въ свое время сама отражаетъ образъ мыслей и степень просвѣщенія народа. Мнѣ могутъ возразить, что драматическая поэзія является и у народовъ дикихъ, необразованныхъ.

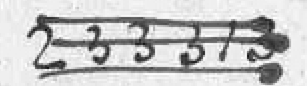
Такъ: является и остается зародышемъ; надлежащій видъ можетъ дать ей только образованность, и эта образованность переходитъ съ древности отъ одного народа къ другому.

Что есть искусство драматическое? Представленіе на театрѣ дѣйствія вымышленнаго или заимствованнаго изъ исторіи, съ его причинами и послѣдствіями; изображеніе на сценѣ страстей, влекущихъ къ сему дѣйствію, или препятствующихъ ему, искусство двигать сердцами зрителей, возбуждая въ нихъ сострадапіе или ужасъ, смѣхъ или веселость. Въ поэзіи драматической видимъ борьбу человѣка со страстями чужими или своими собственными, борьбу со свѣтомъ, его уставами, обычаями, съ судьбою или другими препятствіями, борьбу, которой успѣхъ или конецъ неизвѣстностью своею возбуждаетъ и поддерживаетъ вниманіе и участіе зрителей.

Не стану утомлять васъ скучнымъ и безплоднымъ толкованіемъ разныхъ родовъ драматическихъ дѣйствій: коснусь этого въ послѣдствіи, когда буду исчислять произведенія въ семъ родѣ. Считаю лучшимъ изложить предъ вами, въ бѣглыхъ очеркахъ, исторію драмы и драматическаго искусства съ древнѣйшихъ до нынѣшнихъ временъ, и потомъ уже, указавъ на свойства и требованія произведеній сего рода, исчислить и отличить лучшія изъ нихъ.

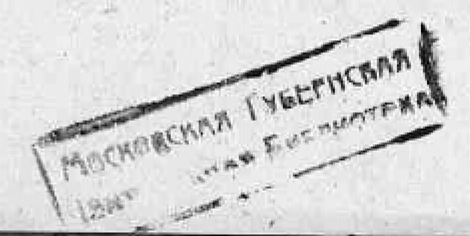
Когда и гдѣ началось искусство драматическое? Въ точности это не извѣстно. До насъ не дошло свѣдѣній, были ль игрища и произведенія драма-

тическія у народовъ Востока, съ которыхъ начинаютъ исторію слова и поэзіи. Врядъ ли. Скрытные, патріархальные нравы обитателей Востока, созерцательная жизнь ихъ, повиновеніе жрецамъ, особенныя понятія ихъ о правахъ своихъ, и униженіе женщинъ, не могли благопріятствовать представленіямъ сценическимъ. И климатъ имѣлъ важное на то вліяніе: подъ палящимъ небомъ Индіи, напримѣръ, люди не охотно стали бы сбираться въ амфитеатры, тѣсниться въ душныхъ театральныхъ зданіяхъ. Индійцы имѣли зрѣлища другаго рода. Обряды странной, причудливой ихъ миѳологіи замѣняли для нихъ представленія театральныя, раздирали душу и воображеніе, и не давали мѣста игрищамъ и страданіямъ вымышленнымъ. Знаменитая индѣйская драма, Саконтала, есть произведеніе временъ позднѣйшихъ. — То же должно сказать и объ Египтянахъ, Персахъ и Халдеяхъ. Удивительно ли, что Китайцы, въ древнія времена, равномѣрно не представляютъ намъ слѣдовъ истиннаго драматическаго искусства? Неподвижные въ своихъ обычаяхъ, сохраняя неприкосновенными древнѣйшія свои преданія, не измѣняя ни одежды, ни пищи, ни церемоній и учтивостей, не зная, что есть мода и ея прихоти, наблюдая строжайшій порядокъ и постепенность въ гражданскихъ своихъ учрежденіяхъ и чинопочитаніи, они не знали тѣхъ движеній и перемѣнъ душевныхъ, которыя раждаютъ драму, которыя сами отъ представленій драматическихъ заимствуютъ волненіе и разнообразіе страсти. Они



имѣютъ свои странныя и уродливыя игрища, въ которыхъ представляются дѣйствія развратныя, безчеловѣчныя и гнусныя; на образованіе же театра въ другихъ странахъ не имѣли эти представленія ни малѣйшаго вліянія.

Началомъ театра всѣ народы Европы обязаны Грекамъ. Этотъ единственный въ мірѣ народъ представляетъ собою съ временъ глубочайшей древности, любопытное и наставительное зрѣлище! Многіе философы историки не безъ основанія утверждаютъ, что существованіе Средиземнаго Моря, посреди трехъ различныхъ частей Свѣта, со многими заливами, проливами, островами, полуостровами, сблизивъ различные народы воднымъ сообщеніемъ, способствовало къ развитію и просвѣщенію человѣчества въ древности, и что если бъ, вмѣсто этого благодатнаго моря, отъ Гибралтарскаго Пролива до береговъ Сиріи простиралась равнина, подобная Средней Азіи или внутренней Африкѣ, наша страна Свѣта еще долго не вышла бы изъ варварства, и не пріобрѣла бы первенства и владычества на всемъ Земномъ Шарѣ. Но не всѣ жители береговъ Средиземнаго Моря шли однимъ и тѣми же путемъ къ образованію. Финикіяне и Кароагеняне занимались исключительно торговлею. Римляне воевали съ сосѣдами. Египтяне вращались въ кругу своихъ преданій и суевѣрій. Отъ чего же именно Греки имѣли это первенство между всѣми прибрежными жителями сего моря? Греки, одаренные свѣтлымъ умомъ, пламеннымъ воображеніемъ и тѣмъ легкомысліемъ,



которое, не устрашаясь затрудненій, приводитъ въ исполненіе великія дѣла безъ напряженія силъ своихъ, какъ бы забавляясь игрушками, произошли отъ счастливаго слiянія Ѳракійскихъ племенъ съ коренными жителями Пелопоннеза и острововъ, Пелазгами. Это чудесное, непостижимое произведеніе великихъ дѣлъ изъ соединенія противоположныхъ стихій; эта полярность, раждающая и безсмертныхъ людей и безсмертные народы, есть еще неразгаданная тайна Всемірной Исторіи; это тѣ таинственные слѣды неисповѣдимаго Промысла, которые пытливый умъ нашъ находитъ на пути образованія и усовершенія рода человѣческаго.

И драматическое искусство, какъ многія другія проявленія творческаго духа человѣческаго, возникло у Грековъ. Дѣятельные, умные, безпокойные, храбрые обитатели гористаго уголка суровой тогда Европы, сражаясь съ дикими звѣрями и съ свирѣпыми непріятелями, сообщаясь съ народами Востока и съ обитателями Запада, заимствовали у однихъ блескъ и богатство воображенія, у другихъ силу и твердость духа. Превосходство, въ этомъ отношеніи, между Греками принадлежитъ исключительно Аѳинянамъ: они имѣли и величайшихъ ораторовъ, и превосходныхъ поэтовъ драматическихъ. Одинъ изъ новѣйшихъ нашихъ критиковъ смѣется надъ Мерзляковымъ, который производилъ трагедію отъ козла. Это было дѣйствительно такъ. Въ глубокой древности одинъ поселянинъ, упитанный дарами Вакха, нашелъ въ своемъ виноградникѣ длиннобородаго

козла, который съ безмыслiемъ варварства пожиралъ драгоцѣнные грозды. Раздраженный хозяинъ принесъ его въ жертву своему божеству. Веселые сосѣди собрались вокругъ убитаго козла, который жарился на угляхъ, и въ хороводѣ воспѣли хвалу богу вина. Это случайное пиршество сдѣлалось праздникомъ ежегоднымъ. На сихъ праздникахъ пѣли сначала хвалебные гимны Вакху: эти гимны назывались трагедiями, то есть козлопѣнiемъ. Потомъ, дѣйствующiе въ хороводахъ, вымазавъ лице дрождями, стали разъѣзжать по городамъ и селенiямъ. Они одѣвались сатирами и силенами, кривлялись и прыгали, дразнили проходящихъ, и насмѣхались надъ зрителями. Вскорѣ эти пѣсни и монологи превратились въ разговоры, и мало по малу родилась драма, сначала трагедiя, получившая образъ и правильность въ рукахъ Эсхила, потомъ усовершенная Софокломъ и Эврипидомъ. — Комедiя, получившая названiе отъ игрищъ или пѣснопѣнiй сельскихъ, появилась позже. Это была личная сатира въ формѣ дѣйствiй и разговоровъ: въ ней смѣялись надъ правительствомъ, надъ полководцами, надъ мудрецами, даже надъ богами. Тридцать тирановъ аѳинскихъ прекратили это злоупотребленiе.

Римляне нѣсколько вѣковъ не знали зрѣлищъ, и это неудивительно: могли ли существовать у нихъ роскошныя увеселенiя ума и воображенiя въ то время, когда Цинцинатъ ходилъ за своею сохою, а Фабрицiй питался бобами? Наконецъ

поселились въ Римѣ богатство, роскошь и словесность. Римляне свозили отвсюду произведенія искусствъ, искали новыхъ, сильныхъ впечатлѣній, забавъ и наслажденій. Въ правленіе консула Лицинія въ первый разъ дозволено было гистріонамъ, или скоморохамъ, играть пантомимы, прерываемыя плясками и чтеніемъ стиховъ. Затѣмъ послѣдовали сатиры, или насмѣшки надъ дѣйствующими и надъ зрителями. Наконецъ, при консулѣ Клавдіи, Грекъ Андроникъ завелъ правильныя сценическія представленія. Такъ родилась трагедія у Римлянъ, которые сами разыгрывали самую ужасную трагедію въ трехъ частяхъ Свѣта. Еще были у Римлянъ особыя сценическія игрища, Ателланы, родъ трагикомедіи. Къ сожалѣнію, не осталось въ потомствѣ ни одной изъ піесъ сего разряда. Изъ комиковъ латинскихъ отличились Плавтъ и Теренцій. Они ввели въ Римъ правильную комедію, съ завязкою, занимательную по содержанію, вѣрную живопись нравовъ тогдашняго Рима или Греціи. Вообще зрѣлища составляли важную часть забавъ и даже занятій въ сихъ двухъ странахъ. Въ правленіе Перикла представленіе трехъ трагедій Софокла стоило болѣе, нежели издержки всей Пелопоннезской Войны. Августъ расточалъ несмѣтныя суммы для забавы народа. Въ правленіе его преемниковъ, вкусъ Римлянъ развратился до того, что они хотѣли видѣть на театрахъ только тигровъ, львовъ, медвѣдей и гиппопотамовъ. Не притворныя слезы, а дѣйствительная кровь не-

счастныхъ жертвъ орошала ихъ сцену. Шедшіе на смерть привѣтствовали Цесаря, и испускали дыханіе при радостныхъ воплях и громкихъ рукоплесканіяхъ изступленной толпы.

Варвары нахлынули на Римъ, развратный и дряхлый. Погасъ свѣтильникъ наукъ, скрылись веселыя и печальныя музы. Послѣ долговременнаго усыпленія, въ XV вѣкѣ возродились вновь искусство и поэзія драматическія. Нунцій папскій Триссино сочинилъ первую изъ новѣйшихъ трагедій, Софонисбу, а кардиналъ Бабіена первую комедію, Кассандра. Италіянскій Театръ, прославленный въ послѣдствіи Аріостомъ и Апостоломъ Зено, возникъ прежде всѣхъ европейскихъ.

Потомъ родился Театръ Испанскій въ началѣ XVI вѣка, и трудами Серванта и Лопеса Севильскаго, пріобрѣлъ блистательную славу. Лопе де Вега написалъ пятьсотъ театральныхъ піесъ. Послѣ него обогащали Театръ Испанскій Кальдеронъ, Гильемъ де Кастро, Діаманте, Солисъ, Морето, Самора. Инквизиція подавила испанскую сцену.

Вслѣдъ за Испанскимъ Театромъ возникъ Театръ Французскій, и такъ какъ онъ болѣе всѣхъ иныхъ имѣлъ вліянія на драматическое и сценическое искусство въ Европѣ, то мы и будемъ говорить о немъ подробнѣе. Французы заимствовали начало своего театра у испанскаго, потому только, что этотъ послѣдній уже существовалъ: если же бы не было въ то время ни Испанскаго, ни Италіянскаго Театра, ни остатковъ древности, то

Французы конечно сами, изъ своего воображенія и дарованій, составили бы театръ, при возрожденіи искусствъ на Западѣ. То, что въ древности было у Аѳинянъ, разцвѣло вновь на берегахъ Сены. Пламенное воображеніе, безпокойная жадность къ новизнѣ и наслажденіямъ, быстрый и ясный умъ, основательное изученіе наукъ, и въ то же время самое неограниченное легкомысліе, забывчивость на все, на хорошее и на дурное, и страсть блистать наружностью, хвастать и парадировать: все это составляло характеръ двухъ народовъ, древняго и новаго, равно отличавшихся и на сценѣ свѣта, и на позорищѣ театральномъ, въ трагедіи вымышленной, и въ трагедіи дѣйствительной жизни. У другихъ народовъ сценическія представленія суть занятіе праздности и любви къ развлеченіямъ, отдыхъ отъ упражненій важныхъ и дѣлъ тяжелыхъ. Во Франціи театръ есть существенная часть народнаго и политическаго быта, и вся Франція сама раздѣляется на сцену и на залу спектакля: одни играютъ, другіе смотрятъ. За входъ поплачиваются обыкновенно иностранцы. Отъ этого серіознаго упражненія въ искусствѣ драматическомъ, отъ этого вниманія, которое оно обращаетъ на себя во всей публикѣ, театръ достигъ во Франціи бо́льшаго совершенства нежели во всѣхъ другихъ странахъ. Въ Англіи, Германіи, Испаніи на театрѣ *играютъ*, во Франціи *дѣйствуютъ*.

Театръ во Франціи начался представленіемъ такъ называемыхъ мистерій, или духовныхъ игрищъ,

которыя представляемы были въ училищахъ студентами, и заимствовали содержаніе изъ Священной и Церковной Исторіи. Потомъ занялись театральными преставленіями приказные, или, по нашему, подьячіе, les clercs de la basoche. Но дѣйствительный Театръ Французскій возникъ въ царствованіе Лудовика XIII, при кардиналѣ Ришельё, который ему покровительствовалъ. Первые французскіе драматическіе писатели, Ротру, Скюдери, Мере, были люди безъ дарованія: они-то утвердили мнимые законы Аристотеля, которыми долгое время стѣснялась сцена французская, и отягощался полетъ генія. Они заставили писателей новыхъ принять правила, выведенныя изъ свойствъ театра древняго, который былъ совершенно иной, и по цѣли, и по содержанію піесъ. И великіе поэты, возникшіе вслѣдъ за тѣмъ, Корнель и Расинъ, принуждены были дѣйствовать и творить на этомъ стѣсненномъ поприщѣ. Я назвалъ ихъ великими поэтами не безъ размышленія и основанія: геніемъ своимъ они принадлежатъ всѣмъ вѣкамъ и народамъ. Знаю, что въ нынѣшнее время вошло въ моду унижать и бранить ихъ, противопоставляя имъ Шекспира, Шиллера, Гете и даже Бейрона, который былъ самый плохой драматическій писатель. Это неуваженіе къ памяти сихъ писателей дошло до того, что ихъ просто называютъ поэтическими уродами. Позвольте не слѣдовать этому обычаю; позвольте отдавать всякому дарованію, всякой заслугѣ свое. Величіе романтическихъ поэтовъ не препятствуетъ

французскимъ писателямъ XVII и XVIII вѣка быть образцовыми и безсмертными. И Гете и Шиллеръ признавали превосходство своихъ предшественниковъ: Шиллеръ перевелъ стихами Расинову Федру; Гете, Вольтеровыхъ Танкреда и Магомета. Я увѣренъ, что и новые критики прельстились бы красотами французской трагедіи, если бъ умѣли читать по-французски. Впрочемъ у насъ все это не собственныя сужденія критиковъ, а безмысленное повтореніе чужаго, послѣдствіе желанія отличиться чѣмъ либо новымъ и необыкновеннымъ. Правда, что французскіе писатели вѣка Лудовика XIV были стѣснены и правилами тогдашней піитики, и единообразнымъ стихомъ французскимъ, и тогдашнимъ устройствомъ французской сцены. Зрители высшаго круга сидѣли на самомъ театрѣ, подлѣ дѣйствующихъ лицъ, глядѣли на нихъ вблизи, прислушивались къ каждому слову, громко порицали малѣйшую ошибку. Не было ни декорацій, ни костюмовъ приличныхъ; не было ни одного сценическаго эффекта, ни малѣйшаго поэтическаго обмана. И въ этихъ тѣсныхъ предѣлахъ авторъ не смѣлъ нарушать законовъ правдоподобія: долженъ былъ, въ порывахъ самой пламенной страсти, хранить и наблюдать правила холоднаго разсудка. Педанты и бездарные умники очертили этотъ магическій кругъ, изъ котораго не смѣлъ выступить ни какой писатель. И въ этихъ условіяхъ, при этихъ стѣсненіяхъ ума, чувства и воображенія, Корнель, Расинъ, Вольтеръ умѣли стяжать удивленіе современниковъ и

безсмертіе въ потомствѣ! Нынѣ этого нѣтъ: всѣ искусства соединяются для очарованія ума, фантазіи и чувствъ зрителя; міръ безпредѣльный предоставленъ на выборъ авторамъ; не голодная жизнь на чердакѣ, а приволье и роскошь ожидаютъ даровитаго писателя драматическаго,—и что мы видимъ во Франціи? Уродливыя творенія развращеннаго воображенія, и слабыя копіи жалкой дѣйствительности, смѣняющіяся ежедневно, какъ въ волшебномъ фонарѣ, и не оставляющія на бѣлой стѣнѣ ни какого слѣда. За то и тамъ твердятъ о Шекспирѣ и Шиллерѣ, не понимая ихъ. — Если трагедія Французовъ не принята повсюду за образцовую и достойную подражанія, то комедія ихъ пріобрѣла вездѣ первенство, и неподражаемый, единственный Мольеръ вездѣ имѣетъ первое мѣсто между комиками и своими и иностранными. Его характеры, его страсти, его причуды и слабости людскія живутъ всегда и вездѣ. Его Скупой, Мизантропъ, повторяются безпрестанно и на сценѣ и въ свѣтѣ. И нынѣ ювелиръ Жоссъ совѣтуетъ утѣшить печальную дочь покупкою брилліантовъ, и нынѣ полицейскій, входя въ честную компанію, начинаетъ роль свою словами: не бойтесь, господа! Иногда кажется, что его характеры вышли изъ моды: пройдетъ лѣтъ пять, десять, Тартюфъ снова всплыветъ на поверхности общества, и снова іезуиты возопіютъ противъ нечестивца, комедіанта Мольера.

Театръ Англійскій начался подражаніемъ французскимъ мистеріямъ, и долго влачился въ мла-

денчествѣ. Вдругъ, посреди тумановъ ученія классическаго, возникъ въ Англіи геній самородный, оригинальный, единственный, Шекспиръ, въ душѣ котораго, какъ въ чистомъ зеркалѣ свѣтлаго ручья, отразилось все небо поэзіи. Въ музеѣ Дерптскаго Университета видѣлъ я достойную вниманія аллегорическую картину, о которой говоритъ Гете въ своей автобіографіи. Представленъ храмъ поэзіи драматической. Въ святилищѣ его возсѣдятъ геніи древности и новѣйшихъ вѣковъ, важные, глубокомысленные, въ классической одеждѣ Грековъ и Римлянъ; другіе занимаютъ мѣста въ преддверіи храма; третьи внѣ его, на ступеняхъ. Одинъ человѣкъ, въ камзолѣ, брюкахъ и фуражкѣ англійскаго матроса, закинувъ руки за спину, глядя вверхъ, входитъ въ самую средину святилища, какъ видно и самъ того не зная, куда зашелъ: это Шекспиръ. Ему обязана рожденіемъ новая драма, до невѣроятности употребляемая во зло бездарностью, шарлатанствомъ и мнимою геніяльностью.

Нѣмецкій Театръ долгое время коснѣлъ въ тенетахъ безвкусія и педантства, жилъ мертвыми, холодными подражаніями французской сценѣ. Лессингъ оживилъ его примѣрами и уроками. Гете и Шиллеръ создали нѣмецкую трагедію. По ихъ слѣдамъ пошли многіе подражатели, въ числѣ ихъ и люди съ талантомъ, но бо́льшею частію подражатели однимъ слабостямъ. Раздробленіе Германіи на множество отдѣльныхъ политическихъ тѣлъ, на множество нарѣчій, преимущество боль-

шинства на сторонѣ провинціяловъ, стѣсненныхъ въ своихъ взглядахъ, и почерпающихъ свѣдѣнія не изъ жизни, а изъ книгъ, препятствуютъ въ ней явиться чему нибудь оригинальному.

Мы представили главные очерки исторіи и характера сихъ театровъ, потому что они имѣли болѣе или менѣе значительное вліяніе на образованіе и ходъ театра въ нашемъ отечествѣ. У насъ первые начатки сценическихъ представленій являются въ западныхъ провинціяхъ, нѣсколько сотъ лѣтъ бывшихъ подъ владычествомъ Литвы и Польши. И у насъ, какъ въ западной Европѣ, начались они игрищами духовными. Въ половинѣ XVII вѣка студенты Кіевской Академіи представляли священныя драмы, или, лучше сказать, разговоры, на польскомъ языкѣ, въ коридорахъ академическаго зданія въ Братскомъ Монастырѣ. Нѣкоторые пастыри Церкви, желая обратить это увеселеніе въ пользу нравовъ и словесности, начали сочинять духовныя и нравоучительныя драмы на славянскомъ языкѣ. До насъ дошли драматическія творенія въ семъ родѣ Св. Димитрія Ростовскаго и Ѳеофана Прокоповича. Вскорѣ представленія распространились и вышли изъ стѣнъ монастырскихъ: бурсаки странствовали по Украйнѣ, и тѣшили народъ своими игрищами. Мало по малу представленія сіи пробрались и въ Москву: тамъ студенты новой Славено-Греко-Латинской Академіи играли драмы іеромонаха Симеона Полоцкаго, перваго піиты того времени. При Царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ пріѣзжали въ Москву и нѣмецкіе актеры.

Они играли въ Селѣ Преображенскомъ, въ присутствіи Царя, разныя піесы, съ музыкою и танцами. Дворовые люди Боярина Матвѣева переняли нѣмецкую хитрость, и участвовали въ представленіяхъ. Первая недуховная піеса играна была въ комнатахъ Царевны Софіи Алексѣевны придворными особами обоего пола: піеса эта была Моліеровъ Врачъ противу воли. Есть преданіе, что сама Царевна сочинила драму, но мы не знаемъ ни содержанія, ни достоинства ея.

Петръ Великій, во время пребыванія своего во Франціи, съ удовольствіемъ посѣщалъ тамошніе театры, и подарилъ, въ знакъ благодарности своей, шпагу знаменитому актеру Барону, но у себя, въ Россіи, не могъ думать объ учрежденіи театра: во-первыхъ, это роскошь просвѣщенія, а онъ преимущественно обращалъ вниманіе на полезное и необходимое; во-вторыхъ, театры Голландіи и Германіи, откуда онъ наиболѣе заимствовалъ средства къ просвѣщенію своего народа, не могли удовлетворить его вкусу: тамъ играли одни грубые и непристойные фарсы. Онъ предпочиталъ театральнымъ представленіямъ большіе и великолѣпные маскарады, которые давали болѣе пищи его уму и воображенію, представленіемъ различныхъ народовъ, ихъ нравовъ, обычаевъ, одежды и прочаго.

Опыты театральныхъ представленій, въ то время даваныхъ, не были удачны. Изъ Данцига и Лейпцига пріѣзжали въ Москву комедіянты, и кромѣ нѣмецкихъ піесъ давали представленія на

странномъ вавилонскомъ нарѣчіи того времени, составленномъ изъ словъ русскихъ, польскихъ и нѣмецкихъ. Одному изъ этихъ содержателей театра, какъ нѣмецкому мастеру, отданы были въ ученье мальчики изъ дѣтей подьячихъ. Забавны заглавія тогдашнихъ комедій, напримѣръ: *О Франталпеѣ, Царѣ Эпирскомъ, и о Мирандонѣ, сынѣ его, и о прочихъ; О честномъ измѣнникѣ, въ ней же первая персона арцухъ* (герцогъ) *Фридрихъ фонъ Поплей, Донъ Педро, почитанный шляхта, Амариллисъ, дочь его; Порода Геркулесова, въ ней же первая персона Юпитеръ; Тюремный заключникъ, или Принцъ Пикельгерингъ.* Послѣдняя піеса видимо заимствована у Голландцевъ. Нѣкоторыя изъ этихъ драмъ состояли изъ осьми, десяти и двѣнадцати дѣйствій, и продолжались нѣсколько вечеровъ сряду. Во всѣхъ антрактахъ дѣйствовалъ шутъ, и иногда трагедіи оканчивались дракою между всѣми дѣйствующими лицами. Комедіянты, обученные нѣмецкими мастерами, у насъ долго не изводились. До самаго учрежденія публичныхъ театровъ, представляемы были въ Петербургѣ, на нынѣшней Площади Большаго Театра, въ амфитеатрѣ, который до того служилъ для каруселей, разныя комедіи, переплетчиками, типографскими наборщиками и подьячими, точно такъ какъ во Франціи писарями Базоши. Актеры получали за каждое представленіе по полтинѣ на человѣка отъ полиціи. Публику впускали даромъ, но такъ какъ представленія происходили на открытомъ амфитеатрѣ, то нерѣдко случалось, что

дождь разгонялъ и зрителей и актеровъ. Піесы сочиняемы были самими актерами наканунѣ, и импровизированы безъ приготовленія, по внушенію минутнаго восторга. Однажды, говорятъ, вздумали они разыграть какую-то печатную комедію, выучили наизустъ роли, но, не зная, что дѣлать съ словами, напечатанными въ скобкахъ, напримѣръ: *входитъ*, *уходитъ*, *въ сторону*, *закалается*, *умираетъ*, рѣшились ихъ пѣть.

Дѣйствительныя театральныя представленія при Дворѣ начались, со вступленіемъ на престолъ Императрицы Анны Іоанновны, въ 1730 году. Вызваны были труппы нѣмецкая, италіянская и французская. Театръ устроенъ былъ во дворцѣ; мѣста раздавались безденежно, по чинамъ и званію зрителей. Русскій Театръ возникъ въ Сухопутномъ Корпусѣ, который, какъ единственное въ то время высшее учебное заведеніе въ Россіи, замѣнялъ и университеты и лицеи. Кадетъ Сумароковъ началъ писать русскія трагедіи, правильными шестистопными александрійскими стихами, въ подражаніе трагикамъ французскимъ, и восхитилъ своихъ современниковъ. По восшествіи на престолъ Императрицы Елисаветы Петровны, нѣмецкій языкъ при Дворѣ и въ высшемъ обществѣ замѣненъ былъ французскимъ, и это имѣло благопріятное вліяніе на образованіе нашего театра, потому что французская драматическая литература была въ то время гораздо богаче и изящнѣе нѣмецкой. Съ этого времени начинается у насъ вліяніе французскаго языка, которое способ-

ствовало начальнымъ успѣхамъ нашего образованія вообще, но въ послѣдствіи сдѣлалось вредно и тягостно для Русскаго Языка и Литературы. — Трагедіи Сумарокова долгое время находили только читателей и слушателей, а не зрителей. Въ 1750 году, кадеты Свистуновъ, Бекетовъ, Мелиссино съ товарищами вздумали въ корпусѣ сыграть Хорева, въ присутствіи автора, выпущеннаго уже въ офицеры. Государыня, узнавъ о томъ отъ Графа Разумовскаго, приказала кадетамъ повторить это представленіе во дворцѣ. Имъ выданы были богатые костюмы изъ царской кладовой. Зрители приведены были въ восторгъ симъ новымъ, благороднымъ увеселеніемъ. Эти представленія продолжались при Дворѣ и въ корпусѣ. Сумароковъ, осыпанный наградами и похвалами, написалъ еще нѣсколько трагедій, и тѣмъ упрочилъ свою славу. Вотъ причина, по которой онъ, не равняясь талантомъ съ Ломоносовымъ, сталъ съ нимъ на ряду: писатель эпическій и лирическій дѣйствуетъ только на читателей отдѣльныхъ, и довольствуется заочною, безмолвною хвалою, которая достается ему иногда очень поздно, случается, и послѣ смерти. Писатель драматическій приводитъ въ движеніе современную публику, и пожинаетъ лавры въ минуту творчества. Первый находитъ цѣнителей въ тѣсномъ кругу избранныхъ; послѣдняго славитъ и хвалитъ громогласная толпа. Достойно замѣчанія, что и по прекращеніи представленій въ корпусѣ, по учрежденіи всенароднаго театра, геній драматической поэзіи не оставлялъ перваго

своего прiюта въ Россiи: многiе наши драматическiе писатели (Херасковъ, Озеровъ, Крюковской, Ефимьевъ, Глинка) вышли изъ Сухопутнаго Корпуса. Княжнинъ былъ тамъ учителемъ.

Въ то самое время, когда въ Петербургѣ благородные любители сценическихъ представленiй испытывали свои дарованiя, собственный Русскiй Театръ составился въ удаленной отъ столицы провинцiи. Въ Ярославлѣ купеческiй сынъ Өедоръ Волковъ, бывавшiй въ Петербургѣ, гдѣ удалось ему видѣть представленiя нѣмецкихъ актеровъ, завелъ, при помощи другихъ молодыхъ людей, театръ въ кожевенномъ амбарѣ своего вотчима, а потомъ построилъ и особое деревянное для того зданiе. При пособiи любителя театра, Г. Майкова, Волковъ имѣлъ успѣхъ необыкновенный. Государыня желала тогда устроить Русскiй Театръ, и услышавъ объ этихъ представленiяхъ, въ 1752 году послала въ Ярославль за Волковымъ съ товарищами. Изъ Ярославля они были привезены прямо въ Царское Село, и на другой день представили предъ Императрицею трагедiю, къ большому ея удовольствiю. Лучшiе изъ труппы, Өедоръ Волковъ, Дмитревскiй, Шумскiй и Поповъ, были отданы въ Кадетскiй Корпусъ, для обученiя наукамъ и иностраннымъ языкамъ, а прочiе отпущены, съ награжденiемъ, домой. Любопытно, какъ иногда политическiя обстоятельства непримѣтнымъ образомъ способствуютъ успѣхамъ литературы. Въ Ярославлѣ жилъ тогда въ заточенiи, могучiй въ свое время, Герцогъ Биронъ, и у его пастора молодые

любители изящнаго получили первое образованіе въ наукахъ, первое понятіе о благородныхъ занятіяхъ изящными искусствами. Богомъ благословенная, плодоносная, обильная талантами Русская Земля! гдѣ только случайно канетъ на тебя живительная капля росы просвѣщенія, тамъ возникнетъ свѣжая травка, и превратится въ зеленый оазисъ посреди пустыни! — Въ 1756 году учрежденъ былъ Русскій Придворный Театръ. Директоромъ назначенъ былъ Сумароковъ, первымъ актеромъ Волковъ. Приняты были на театръ и актрисы. Представленія происходили на театрѣ Лѣтняго Дворца, у Полицейскаго Моста, гдѣ нынѣ домъ Косиковскаго. Государыня приходила въ свою ложу прямо изъ своихъ апартаментовъ почти на каждое представленіе. Что играли тогда? Трагедіи и комедіи Сумарокова, переводы Моліера, Корнелева Поліевкта, Расинову Андромаху. Первая русская опера была Цефалъ и Прокрисъ. Слова сочинилъ Сумароковъ, музыку капельмейстеръ Араія.

Вступленіе на престолъ Екатерины II было для Русскаго Театра, какъ и во всемъ, эрою новой жизни и славы. Къ прискорбію любителей изящныхъ искусствъ, въ томъ же году скончался учредитель его, Волковъ. Дмитревскій заступилъ его мѣсто. Государыня отправила его въ чужіе краи, для усовершенствованія себя въ сценическомъ искусствѣ. Онъ пользовался примѣрами и уроками Гаррика, Лекена и другихъ знаменитыхъ актеровъ того времени, которые уважали въ немъ талантъ необыкновенный, и по возвращеніи своемъ, преобра-

зовалъ Русскій Театръ. Дворъ Екатерины II отличался не только пышностію, богатствомъ и великолѣпіемъ: при немъ цвѣли всѣ изящныя искусства, красовались всякія дарованія, блистала слава всякаго рода. Большія карусели, представляя изображеніе рыцарскихъ игръ, питали умъ и фантазію юныхъ благородныхъ воиновъ, которые къ успѣхамъ, пріобрѣтеннымъ на потѣшныхъ бояхъ, вскорѣ присоединили дѣйствительные нетлѣнные лавры при Бендерахъ, Кагулѣ и Чесмѣ. Знатнѣйшіе кавалеры и дамы играли на придворномъ театрѣ, предъ избранною публикою комедіи французскія и русскія, танцовали въ балетахъ. По преобразованіи придворнаго театра въ народный, представленія любителей ограничились Эрмитажемъ. Тамъ великая Государыня, окруженная своими блистательными царедворцами и достойными представителями иныхъ Европейскихъ Монарховъ, которые старались отправлять къ ней *самыхъ академическихъ* министровъ, отдыхала въ занятіяхъ словесностію и искусствами отъ дѣлъ и обязанностей государственныхъ. При ней были въ Петербургѣ превосходные Театры Французскій, Италіянскій и Нѣмецкій. Есть люди, которые утверждаютъ, будто иностранные театры вредятъ успѣхамъ Русскаго. Это неосновательно и опровергается событіями. Лучшіе наши актеры и актрисы образовались во время существованія здѣсь театровъ иностранныхъ. Монополія нигдѣ не годится. Благородное соревнованіе оживляетъ дарованія. Что сказали бы въ публикѣ, если бъ мы,

русскіе писатели, стали утверждать, что привозъ книгъ французскихъ и нѣмецкихъ вредитъ успѣхамъ русскихъ, если бъ мы стали желать совершеннаго воспрещенія иностранныхъ твореній для того, чтобъ мы одни пользовались и славою и прибылью съ своихъ доморощенныхъ произведеній! Мы отнюдь не стыдимся признаваться, что учимся писать по книгамъ иностраннымъ, что читаемъ ихъ съ удовольствіемъ, пользою и благодарностью. Я увѣренъ, что актеры безпристрастные и даровитые говорятъ то же о своихъ пріѣзжихъ совмѣстникахъ. Въ наукахъ и искусствахъ исчезаетъ различіе націй: всѣ хорошіе писатели и артисты на Земномъ Шарѣ родные братья. — Русскій Театръ былъ предметомъ особенныхъ попеченій Императрицы Екатерины II: по возвращеніи Дмитревскаго, какъ мы сказали, эта часть была совершенно преобразована, и въ 1783 году открытъ Большой Каменный Театръ, въ который вся публика получила входъ за умѣренную плату. Репертуаръ обогатился трагедіями и комедіями Княжнина и фонъ-Визина. Русскій водевиль появился въ Мельникѣ. Сама Государыня сочиняла великолѣпныя представленія изъ Русской Исторіи и сказокъ: Рюрикъ, Начальное Правленіе Олега, Иванъ Царевичъ, Февей, возобновляли въ воображеніи зрителей событія Русской Исторіи и вымыслы русской старины. Изъ актеровъ отличались самъ Дмитревскій, Крутицкій въ роляхъ стариковъ, Плавильщиковъ въ роляхъ героевъ, Черниковъ и Сандуновъ, въ роляхъ слугъ. Изъ ак-

трисъ превосходнѣйшею была Троепольская, которую Дмитревскій ставилъ наряду съ первыми артистками тогдашняго Парижскаго Театра. Образовавшійся тогда же Московскій Театръ славился талантами Калиграфа, Померанцева и Шушерина. Дмитревскій уволенъ былъ отъ должности, послѣ тридцати-осьми-лѣтней службы, въ 1787 году, и съ тѣхъ поръ Русскій Театръ началъ видимо упадать. Онъ возникъ съ большимъ блескомъ и славою съ начала царствованія Императора Александра Павловича. Въ это время взошла новая заря для нашей литературы, а съ нею и для театра. Возобновленъ былъ Большой Театръ, выстроенъ Малый, пополнены труппы французская и нѣмецкая; выписана прекраснѣйшая италіянская опера. Русская сцена оживилась драмами Ильина, имѣвшими успѣхъ, по тогдашнему, необыкновенный, и преимущественно трагедіями Озерова. Эдипъ въ Аѳинахъ, Фингалъ, Димитрій Донской представили намъ зрѣлища, достойныя просвѣщенной публики по содержанію, по составу и по слогу. Крыловъ написалъ двѣ прекрасныя комедіи, которыя останутся въ потомствѣ памятниками современныхъ нравовъ. Танкредъ, Гоѳолія, Эсѳирь, Ифигенія, Мизантропъ явились на Русскомъ Театрѣ въ хорошихъ переводахъ. Князь Шаховской, не столько сочиненіями своими, которыя, къ сожалѣнію, писалъ онъ наскоро въ слишкомъ большомъ числѣ, сколько личными своими стараніями и трудами, способствовалъ успѣхамъ сценическаго искусства. Въ русской трагедіи и драмѣ красовались:

Яковлевъ, переведенный изъ Москвы Шушеринъ, Каратыгина, и наконецъ несравненная у насъ донынѣ Семенова; къ комедіи Пономаревъ, Рыкаловъ и Рахманова; въ операх восхищали публику Воробьевъ, Самойловъ, а потомъ Семенова младшая, Зловъ и Климовскій.

Такимъ образомъ возрасталъ, цвѣлъ и образовался Русскій Театръ до нынѣшняго времени, въ которое онъ сталъ на высокую степень, какъ достоинствомъ и числомъ представляемыхъ на немъ піесъ, такъ и дарованіемъ дѣйствующихъ, отчетливостью и великолѣпіемъ сценическаго исполненія. Въ Каратыгиныхъ, Брянскомъ, Сосницкомъ имѣемъ мы артистовъ, которыхъ смѣло можемъ поставить на ряду первыхъ талантовъ Европы. Московскій Театръ красуется необыкновеннымъ, оригинальнымъ дарованіемъ Щепкина. Многіе юные питомцы и питомицы нашего драматическаго разсадника обѣщаютъ сдѣлаться достойными преемниками знаменитыхъ корифеевъ русской сцены. Недавно оплакали мы геніяльнаго артиста Дюра. Станемъ надѣяться, что, при поощреніи свыше, при ободреніи со стороны публики, нашъ Русскій Театръ станетъ наряду съ прочими театрами Европы, что и въ этомъ отношеніи, какъ во многихъ другихъ, мы будемъ преемниками и хранителями преданій и искусствъ тѣхъ странъ, которыя опередили насъ въ просвѣщенія, и указали намъ дорогу. Наступитъ время, что и къ намъ станутъ ѣздить артисты изъ другихъ странъ за примѣрами и уроками.

Нынѣшнее Чтеніе посвящено было обозрѣнію исторіи сцены вообще, но о собственныхъ произведеніяхъ драматическихъ, въ отношеніи къ поэзіи и языку, станемъ мы бесѣдовать въ будущую пятницу: уклоняясь отъ всѣхъ излишнихъ теоретическихъ тонкостей, мудрованій и мнимыхъ умозрѣній, постараемся въ точности изложить ходъ этой отрасли литературы въ нашемъ отечествѣ.

ДЕВЯТОЕ ЧТЕНІЕ.

(9-го Февраля.)

I.

Изъ Этимологіи осталось намъ пройти второстепенныя части рѣчи: причастіе, нарѣчіе съ дѣепричастіемъ, предлогъ, союзъ и междометіе.

Причастіе есть имя прилагательное дѣйствующее, происходящее отъ глагола, напримѣръ: дерево зеленое и *зеленѣющее*; кубокъ серебряный и *серебренный*. Въ разборѣ глаголовъ сказали мы, что каждый глаголъ состоитъ изъ матеріи (причастія), составляющей его значеніе, и формы (глагола самостоятельнаго), дающей ему видъ и свойства глагола. Это разумѣли мы только о внутреннемъ значеніи глаголовъ, но въ наружномъ, видимомъ ихъ образованіи это не всегда проявляется. Въ семъ отношеніи причастія могутъ быть раздѣлены на два главные отдѣла: на причастія, происходящія отъ глаголовъ дѣйствительныхъ, среднихъ и воз-

вратныхъ со взаимными и общими, и удерживающія ихъ знаменованіе, выражая дѣйствіе, совершаемое самимъ предметомъ, напримѣръ: *дылающій, спящій, моющійся, сражающійся, надѣющійся,* и на причастія страдательныя, производимыя только отъ дѣйствительныхъ глаголовъ, и относящіяся къ предмету, который не самъ дѣйствуетъ, а подвергается дѣйствію: человѣкъ *любящій,* и человѣкъ *любимый;* человѣкъ *почитающій,* и человѣкъ *почитаемый, почтенный;* листъ, *исписанный* ученикомъ; цвѣтокъ, *сорванный* дѣвицею.

Какъ части глагола, причастія имѣютъ два времени, настоящія и прошедшія (сколько ихъ въ начертаніи глагола, отъ котораго они происходятъ), напримѣръ: настоящія, *кидающій, носящій, несущій;* прошедшія, *кидавшій, кинувшій, кидывавшій; носившій, песшій, нашивавшій.* Страдательное: *кидаемый, киданный, кинутый, кидыванный; носимый, несомый, ношеный, несенный, нашиваный.* Какъ имя прилагательное, причастіе согласуется съ своимъ существительнымъ въ родѣ, числѣ и падежѣ: *любящій* сынъ, *любящая* дочь, *любящее* дитя; *любящія* дѣти; *любимый, любимое, любимая, любимые.*

Причастія дѣйствительныя и среднія употребляются только въ полномъ окончаніи: *плачущее* дитя, *шумящая* рѣка, *любившій* сынъ. Усѣченное окончаніе ихъ (дитя *плачуще,* рѣка *шумяща,* сынъ былъ *любившій*) выражается глаголомъ совокупнымъ: дитя *плачетъ,* рѣка *шумитъ,* сынъ *любилъ.* Усѣченныя окончанія ихъ употребляются, когда причастіе переходитъ въ имя прилагательное, и вы-

ражаетъ не временное дѣйствія предмета, а всегдашнее его качество: Богъ есть *всемогущъ*; мой пріятель очень *свѣдущъ* въ наукахъ.

Страдательныя причастія употребляются въ обоихъ окончаніяхъ: въ полномъ непосредственно при существительныхъ (*избалованное* дитя, *прочитанная* книга, *любимая* дочь), а въ усѣченномъ послѣ глаголовъ *быть* и *стать*: дитя (есть) *избаловано*, дочь будетъ *любима*. Въ послѣднемъ случаѣ раждается глаголъ страдательный, о которомъ мы уже упоминали.

Достойно замѣчанія, что причастія, какъ дѣйствительныя, такъ и страдательныя, образуются изъ глаголовъ весьма правильно, почти безъ всякихъ исключеній. Это происходитъ оттого, что это слова второобразныя, составленныя гораздо позже первоначальныхъ. Причастія дѣйствительныя и среднія производятся слѣдующимъ образомъ: настоящаго времени, отъ третьяго лица множественнаго числа, настоящаго времени глаголовъ, перемѣною *тъ* на *щій*: *любятъ*, *любящій*; *дѣлаютъ*, *дѣлающій*. Прошедшаго, изъ прошедшаго времени, перемѣною *лъ* на *вшій*: *любилъ*, *любившій*; *дѣлалъ*, *дѣлавшій*.

Страдательное причастіе настоящаго времени составляется изъ перваго лица множественнаго числа, настоящаго времени дѣйствительныхъ глаголовъ: *играемъ*, *играемый*; *любимъ*, *любимый*; въ неправильныхъ, *емъ* превращается въ *омый*: *несемъ*, *несомый*; *пасемъ*; *пасомый*; въ прошедшемъ времени окончаніе глагола измѣняется въ *анный* и

енный: дѣлалъ, дѣланный; дѣлилъ, дѣленный; съ наблюденіемъ превращенія буквъ: *садилъ, саженный; просилъ, прошенный; простилъ, прощенный.* Въ нѣкоторыхъ глаголахъ на *тый: двинутый, колотый, тертый, битый, грѣтый.* Замѣтьте, сударыни, что не говорятъ: пальчикъ *уколонъ;* должно говорить: *уколотъ.*

Есть глаголы дѣйствительные, особенно въ прошедшихъ несовершенныхъ временахъ, отъ которыхъ нельзя произвести страдательныхъ причастій; напримѣръ, отъ глагола *прельщать;* можно сказать *прельщаемый,* въ прошедшемъ совершенномъ *прельщенный,* но какъ выразить несовершенное время *прельщалъ? Прельщанный* сказать нельзя. Здѣсь страдательный глаголъ принимаетъ форму возвратнаго: «человѣкъ, неоднократно *прельщавшійся* красотами природы.» Этотъ случай встрѣчается въ письмѣ очень часто.

Должно замѣтить, что глаголы страдательные производятся только отъ дѣйствительныхъ, а отнюдь не отъ среднихъ; напримѣръ: *чтимый, любимый,* отъ *читать, любить.* По этой причинѣ совершенно неправильны, и могутъ быть терпимы только въ своевольной поэзіи, слѣдующія причастія: *бываемый, неувядаемый, немерцаемый, незаходимый,* вмѣсто: *бывающій, неувядающій, немерцающій, незаходящій.* Мнѣ возразятъ: да говорится: *необходимый,* почему же не написать *незаходимый?* Потому что *обходить* глаголъ дѣйствительный: я *обхожу* поле; а *заходить* средній; солнце *зашло,* и конецъ.

Упомянемъ еще обо одномъ обстоятельствѣ. Имѣютъ ли причастія степени сравненія, то есть: можно ли сказать: *любящѣе, влюбленнѣе, живущѣе?* Нѣтъ! Имѣя значеніе времени, они не могутъ въ то же время означать степень качества. Они получаютъ это свойство, лишь только перейдутъ въ собственное имя прилагательное, то есть, когда лишатся значенія времени: напримѣръ, отъ глагола *учить* происходитъ страдательное причастіе: *ученный, выученный.* Оно становится прилагательнымъ *ученый*, и въ этомъ видѣ можетъ имѣть степени сравненія: *ученѣе, ученѣйшій.* Отъ *горящій* происходятъ: *горячій* и *горючій.* Это имена прилагательныя, и могутъ имѣть степени сравненія: *горячѣе, горючѣе.*

Теперь о *нарѣчіи.* Имя прилагательное выражаетъ качество предмета. Случается однако, что это качество принадлежитъ и глаголу, и другому прилагательному: *скорый* писецъ, и *скоро* пишетъ; *яркій* огонь, и *ярко* горитъ, *ярко* зеленый. Въ семъ случаѣ прилагательное становится нарѣчіемъ, adverbium, или приглаголіемъ. Встарину глаголъ назывался рѣчью.

Нарѣчія раздѣляются, какъ и имена прилагательныя, во-первыхъ, на нарѣчія качественныя, происходящія отъ именъ прилагательныхъ: *хорошо, худо, давно, рано, поздно, умно, глупо;* во-вторыхъ, на нарѣчія обстоятельственныя, означающія не свойство, а постороннее обстоятельство дѣйствія: *теперь, вчера, завтра, дважды* и т. п., и наконецъ, на дѣепричастія, или нарѣчія дѣйствующія,

происходящія отъ глаголовъ: *шутя*, учится; *улыб-нувшись*, отвѣчалъ.

Должно замѣтить, что нарѣчія качественны и дѣйствующія принадлежатъ къ знаменательным словамъ, или частямъ рѣчи, а обстоятельственны къ служебнымъ, или частицамъ.

Нарѣчія качественныя имѣютъ степени сравнѣнія, какъ имена прилагательныя: Василій пишетъ *хорошо*, а Яковъ *лучше*; *всемилостивѣйше* уволенъ.

Особеннаго вниманія достойны нарѣчія дѣйствующія, или *дѣепричастія*. Они относятся къ нарѣчіямъ, такъ какъ причастія къ именамъ прилагательнымъ, означая постороннее дѣйствіе предмета, во время котораго, прежде или послѣ, происходитъ главное его дѣйствіе: *сидя*, играетъ; *лежа*, читаетъ; *вставши*, вышелъ; *взглянувъ*, испугался. Эта часть рѣчи служитъ замѣною недостающихъ у насъ соотвѣтственныхъ, или относительныхъ формъ глаголовъ, и до чрезвычайности сокращаетъ и тѣмъ украшаетъ рѣчь. Вмѣсто: après avoir dîné или nachdem ich abgegessen hatte, мы говоримъ: *отобѣдавъ*. Нѣкоторые грамотѣи выражали странное мнѣніе, будто причастія и дѣепричастія могутъ быть употребляемы только въ книжномъ языкѣ, въ высшемъ слогѣ, придерживающемся оборотовъ церковнаго языка. Мы находимъ это несправедливымъ: гораздо лучше, пріятнѣе, выразительнѣе, короче, употреблять причастія и дѣепричастія, нежели затычки: *который*, *кой*, *какъ*, *такъ*, *послѣ того что*, *когда*, *тогда*, и т. п. На

это возгласятъ, что у насъ они не употребляются въ изустномъ разговорѣ. Вольно говорить дурно!

Дѣепричастія, какъ и причастія, имѣютъ два времени, настоящее и прошедшее: *дѣлая, дѣлаючи; дѣлавъ, дѣлавши.* Они производятся отъ глаголовъ какъ причастія, и вообще имѣютъ два окончанія: усѣченное и полное. Первое употребляется въ языкѣ книжномъ, послѣднее въ просторѣчіи: «*Дѣлая* ближнему добро, мы благотворимъ самимъ себѣ. *Воздавъ* хвалу Господу Богу, отправлюсь въ путь. Черезъ поле *идучи*, русу косу *плетучи*, шелкомъ *приплетаючи*, златомъ *прививаючи*. *Вставши* со стула, я подошелъ къ дверямъ.»

Должно замѣтить, что не всѣ глаголы, особенно неправильные, имѣютъ настоящее дѣепричастіе, напримѣръ, можно ли сказать: *спя, спючи?* Въ случаѣ надобности, должно выразить это обстоятельство инымъ образомъ, напримѣръ: *заснувши*, во время сна, и т. п.

Еще должно сказать, что въ глаголахъ предложныхъ дѣепричастія производятся отъ прошедшаго, а не отъ будущаго совершеннаго времени, т. е. что должно говорить и особенно писать: *посадивъ*, а не *посадя; вынесши*, а не *вынеся; бросивъ*, а не *брося; устремивъ*, а не *устремя*. Исключенія позволительны въ глаголахъ возвратныхъ, напримѣръ: *убоясь, возвратясь*, и въ стихахъ, для избѣжанія стеченія согласныхъ:

У Дмитріева: Какъ будто совѣсти *почувствуя* улику.
У Крылова: *Наудя* рыбъ, попировать сбирался.
У Пушкина: Гирей сидѣлъ, *потупя* взоръ.

Многіе, и въ томъ числѣ грамотные люди, пишутъ у насъ: *отеревъ* слезы, *заперевъ* дверь. Это неправильно. Должно писать: *отерши* слезы, *заперши* дверь. Кому непріятно это окончаніе, тотъ можетъ превратить дѣепричастіе въ глаголъ, и напримѣръ, вм. *отеревъ* слезы, засмѣялся, написать: *отеръ* слезы и засмѣялся. Если говорить *отеревъ*, *заперевъ*, то можно сказать и *умеревъ*, и вмѣсто *отеръ*, *заперъ* — *отерелъ*, *заперелъ*.

Разсмотримъ свойство *предлоговъ*. Существа могутъ находиться между собою и съ качествами своими въ различныхъ отношеніяхъ: одно существо независимо, а другое отъ него зависитъ, къ нему относится, и т. д. Это отношеніе предметовъ выражается, во-первыхъ, падежами; напримѣръ: *хозяинъ сада*, *другъ сыну*, и т. п., во-вторыхъ предлогами: *хозяинъ въ саду*, *другъ съ сыномъ*, и т. д. Есть языки, въ которыхъ вовсе нѣтъ падежей, а всѣ отношенія предметовъ означаются частицами, т. е. членами и предлогами. Таковы всѣ западные языки Европы: англійскій, французскій, италіянскій. И такъ предлогъ есть частица рѣчи, служащая для выраженія взаимныхъ отношеній между предметами и ихъ качествами.

Предлоги Русскаго Языка суть: *безъ*, *воз*, *во*, *вы*, *до*, *за*, *изъ*, *ко*, *на*, *надъ*, *низ*, *о*, *отъ*, *по*, *подъ*, *пере*, *пред*, *при*, *про*, *раз*, *со*, *у* и *чрезъ*; *для* и *ради*, поставляемые и послѣ имени. Есть и нарѣчія, имѣющія силу предлоговъ; напримѣръ: *близъ*, *вдоль*, *между*, *мимо*, *около*, и т. п. Какъ

отличить нарѣчіе отъ собственнаго предлога? Г. Востоковъ даетъ намъ въ этомъ случаѣ очень хорошее, удовлетворительное правило. Предлогъ всегда полагается непосредственно подлѣ имени (*у* хозяина, *безъ* стола), а между нарѣчіемъ и именемъ можно включить какое нибудь другое нарѣчіе; напримѣръ: *подлѣ же сада* выстроенъ домъ; *мимо же насъ* никто не ходитъ.

Предлоги имѣютъ въ языкѣ двоякое употребленіе. Во-первыхъ, употребляются они, какъ корни придаточные предъидущіе, въ образованіи другихъ словъ; напримѣръ: *безводіе, взглядъ, извѣстіе, подпора, порука, перепись;* во-вторыхъ, полагаются какъ частицы рѣчи отдѣльно, для выраженія различныхъ отношеній между предметами, какъ сказано выше, причемъ они требуютъ, въ послѣдующемъ за ними имени, употребленія извѣстнаго падежа.

У насъ не всѣ писатели согласны между собою, какимъ образомъ употреблять нѣкоторые предлоги, слитно или отдѣльно; напримѣръ, нѣкоторые пишутъ слитно: *впродолженіе, ксожалѣнію;* другіе раздѣляютъ сіи слова. Объ этомъ упомянемъ мы въ отдѣленіи Правописанія. И вообще подробности свойства и употребленія предлоговъ изложимъ въ Синтаксисѣ.

Туда же отнесемъ и изложеніе свойствъ *союзовъ,* частицъ рѣчи, которыми выражаются взаимныя отношенія сужденій; напримѣръ: «Сегодня холодно, *а* чрезъ мѣсяцъ будетъ тепло. *Хотя* онъ молодъ, *но* успѣлъ во многомъ.»

Теперь осталось разсмотрѣть еще одинъ разрядъ

словъ — *междометіе*. Это собственно не часть и не частица рѣчи, а остатокъ тѣхъ первоначальныхъ звуковъ языка, которыми человѣкъ, до созданія языка, изображающаго понятія и мысли, выражалъ свои неясныя чувствованія. Междометія сначала состояли изъ однихъ гласныхъ звуковъ; въ послѣдствіи присоединились къ нимъ буквы согласныя. Междометія вообще могутъ быть троякія: во-первыхъ, выражающія ощущеніе радости, удивленія: *ба ба*, *ахъ*, *ой ли*; боязни: *ой*, *ахти;* во-вторыхъ, изъявляющія приказаніе: *цыцъ*, *тсъ*, *ну*, *гей*, *на*. Это усѣченныя повелительныя наклоненія глаголовъ. Въ-третьихъ, усѣченные глаголы звукоподражательные: *бухъ*, *цапъ*, *хлопъ*. — Междометіе, употребляясь отдѣльно, и не входя въ составъ понятной рѣчи, не подлежитъ дальнѣйшимъ изслѣдованіямъ Грамматики.

Такимъ образомъ прошли мы всѣ части и частицы рѣчи, въ главныхъ ихъ основаніяхъ. Подробности, какъ я уже говорилъ, вы можете найти въ Грамматикахъ Г. Востокова и моей.

Теперь любопытно будетъ взглянуть на путь, пройденный нами, и обратить вниманіе на свойства общія всѣмъ частямъ и частицамъ рѣчи.

Всѣ части рѣчи имѣютъ, въ образованіи своемъ, нѣкоторыя извѣстныя степени; эти степени суть: звукъ первоначальный, корень слова, слово, часть и частица рѣчи, часть рѣчи простая, первообразная, производная, второобразная и сложная.

Вотъ какъ раждаются и образуются слова постепенно:

Первая степень. Первоначальный *звукъ*, междометіе, и звукъ подражательный.

Вторая степень. Первоначальное *слово*, часть рѣчи, выражающая дѣйствіе предмета, потомъ его качество, а наконецъ и самый предметъ.

Третья степень. Имя первоначальное, собственное. Родъ. Именительный падежъ.

Имя качественное усѣченное.

Прилагательное

Идея причастія.

Глаголъ существительный.

Частица рѣчи, замѣнявшая нарѣчіе, предлогъ и союзъ.

Четвертая степень. Имя существительное первообразное, нарицательное.

Прилагательное полное.

Глаголъ совокупный, первообразный, неокончательное наклоненіе, третье лице, настоящее время.

Мѣстоименіе личное третьяго лица.

Предлогъ. Косвенные падежи.

Пятая степень. Фраза, предложеніе, связь подлежащаго со сказуемымъ.

Нарѣчіе первоначальное.

Союзъ.

Имя числительное. Числа двойственное и множественное.

Глаголъ въ первомъ и во второмъ лицѣ.

Мѣстоименія перваго и втораго лица.

Шестая степень. Глаголы явнообразованные. Всѣ наклоненія и времена.

Нарѣчія качественныя. Степени сравненія.

Причастія полныя. Глаголы страдательные.

Дѣепричастія.

Седьмая степень. Сложное предложеніе.

Имена существительныя производныя, отвлеченныя и отглагольныя.

Прилагательныя производныя.

Глаголы однократные, начинательные и производные.

Осьмая степень. Періодъ.

Глаголы второобразные, сугубые, предложные.

Имена существительныя и прочія, второобразныя, уменьшительныя и увеличительныя.

Имена сложныя.

Такимъ или почти такимъ образомъ составились всѣ многообразныя слова, существующія въ языкѣ. Сія постепенность происхожденія имѣла вліяніе на объемъ, значительность и наружную форму словъ.

Первоначальное раздѣленіе словъ было у насъ на знаменательныя и служебныя: первыя суть части, послѣднія — частицы рѣчи.

Изъ этого выходитъ слѣдующее:

Слова служебныя (частицы рѣчи), выражая только отношенія предметовъ и ихъ дѣйствій, а не самые предметы и дѣйствія, должны быть короче знаменательныхъ (частей рѣчи); напримѣръ, нарѣчія качественныя: *хорошо, худо, рано,* длиннѣе обстоятельственныхъ: *да, нѣтъ, здѣсь.* Предлоги и союзы еще короче нарѣчій обстоятельственныхъ,

потому что сіи послѣднія составляютъ переходъ къ частямъ рѣчи.

Части рѣчи бываютъ длиннѣе частицъ, и очень естественно: слой цементу въ строеніи гораздо тоньше камней, имъ скрѣпляемыхъ. По этой причинѣ и глаголъ самостоятельный (*быть* и *стать*) короче другихъ глаголовъ, также словъ существительныхъ и качественныхъ, ибо имѣетъ при нихъ силу частицы, не означающей предмета или дѣйствія, а служащей только къ ихъ соединенію. — Существительныя мѣстоименія (*я*, *ты*, *онъ*, *самъ*), означая преимущественно отношеніе предметовъ къ дѣйствіямъ, коротки, какъ частицы рѣчи. Прилагательныя, выражающія обстоятельство и качество (*который*, *нѣкоторый*, *твой*), длиннѣе.

Слово производное и второобразное бываетъ длиннѣе первообразнаго: *сухъ*, *сухость*; *дѣлить*, *дѣлитель*; *мужъ*, *мужикъ*, *мужчина*, *мужичекъ*, *мужичище*. Сложныя длиннѣе простыхъ: *вино* и *дѣло*, *винодѣліе*; *книга* и *чтецъ*, *книгочтецъ*.

При образованіи всякой части рѣчи, должно замѣтить, что прямая форма есть та, которая не имѣетъ надобности въ придаточныхъ слогахъ, или по крайней мѣрѣ, принимаетъ самые кратчайшіе. Косвенныя формы всегда длиннѣе прямыхъ: прямая форма *домъ*; косвенныя: *домы*, *домовъ*, *домами*; прямая форма *имѣть*; косвенныя формы: *имѣю*, *имѣли*. — Это происходитъ оттого, что прямыя формы въ языкѣ существовали ранѣе косвенныхъ. — Въ глаголѣ единственное число короче множественнаго: *видѣлъ*, *видѣли*; *имѣю*, *имѣемъ*.

Изъ залоговъ прежде всѣхъ существовалъ дѣйствительный; страдательный и возвратный произошли позже: они и длиннѣе. — Изъ наклоненій ранѣе всѣхъ произошло неокончательное. Въ нѣкоторыхъ языкахъ считается старѣйшимъ повелительное наклоненіе, потому что оно короче прочихъ. У насъ этого сказать нельзя: у насъ, какъ уже упомянуто, краткость повелительныхъ наклоненій произошла отъ усѣченія окончаній существующаго уже глагола: повелѣніе требуетъ краткости, рѣшительности, подходящихъ къ междометіямъ. Изъ временъ было ранѣе прочихъ настоящее; прошедшія составились позже, изъ глагола *быть* и причастія; изъ послѣднихъ удержали они родъ. Будущія, изъ времени настоящаго (*сдѣлаю*, *увижу*, *кину*) или изъ неокончательнаго наклоненія глагола съ вспомогательнымъ: *буду дѣлать*, *буду кидать*. — Самыя длинныя изъ несложныхъ частей рѣчи суть причастія дѣйствительныя и страдательныя: *довольствующій*, *довольствуемый*, *предводительствуемый*. Это происходитъ оттого, что въ нихъ заключается знаменованіе двухъ словъ: *который довольствуетъ*, *который довольствуется*.

Это разсмотрѣніе и сравненіе словъ касательно ихъ краткости и длины, можетъ назваться *количественнымъ*. Слова могутъ быть разсматриваемы еще въ другомъ отношеніи, *качественномъ*, то есть, въ отношеніи къ тому, что они звуками своими изображаютъ, предметъ или дѣйствіе. Это находимъ только въ именахъ существительныхъ

и прилагательныхъ и въ глаголахъ, например: *ревъ, ревѣть, ревутъ; громъ, гремитъ, громкій.* Прочія части рѣчи, выражая не предметъ и не дѣйствіе, а только отношенія, не могутъ имѣть качества звукоподражательнаго.

Въ изложеніи образованія и измѣненія словъ, вы конечно замѣтили, что слова образуются и измѣняются съ бо́льшею или ме́ньшею правильностію не отъ случая и прихоти, а отъ тѣхъ неизмѣнныхъ законовъ, по которымъ умъ человѣческій употребляетъ орудіе слова, для выраженія своихъ дѣйствій. Чѣмъ ранѣе слово составилось у народа, тѣмъ неправильнѣе оно бываетъ въ послѣдствіи. Это мы видимъ въ глаголѣ *быть*, въ образованіи и склоненіи мѣстоименій и именъ числительныхъ, въ самыхъ употребительныхъ степеняхъ сравненія; въ спряженіи глаголовъ, выражающихъ самыя обыкновенныя дѣйствія человѣка: *ѣсть, пить, спать, лечь, итти, сѣсть, брать, дать* и пр. Эти слова, составившіяся въ самомъ началѣ языка, удержали въ прямыхъ своихъ формахъ односложность, но въ образованіи и измѣненіяхъ подверглись бо́льшимъ неправильностямъ и уклоненіямъ отъ общихъ законовъ.

Достойно вниманія, какъ языкъ человѣческій, выразивъ одно понятіе коренными словомъ, потомъ проводитъ его по всѣмъ степенямъ образованія языка, вездѣ формою опредѣляетъ вещество, и даетъ ему видъ особенный. Напримѣръ: корень *прав*, сначала является въ глаголѣ *править*; по-

томъ переходитъ усѣченный въ имя прилагательное *правъ*, *правый*; затѣмъ становится существительнымъ *право*, *правда*; пускаетъ вѣтви прилагательнаго *правдивый*, *правость*, *правдивость*, и нарѣчія *право*, *правдиво*, причастія *правящій*, дѣепричастія *правя*; даже союза *правда*, употребляемаго вмѣсто *хотя*. То же находимъ въ частицахъ рѣчи, словахъ служебныхъ: слово служитъ въ одно время и предлогомъ и нарѣчіемъ; напримѣръ: «*прежде* работай; пришелъ *прежде* товарища;» нарѣчіе превращается въ союзъ, напримѣръ въ словахъ: «*гдѣ* ты живешь?» *гдѣ* нарѣчіе; а въ слѣдующихъ: «домъ, *гдѣ* ты живешь,» *гдѣ* союзъ. Мѣстоименіе, какъ частица рѣчи, также переходитъ въ союзъ: *что* есть и мѣстоименіе и союзъ: *что́* ты дѣлаешь; я знаю, *что* ты добръ. Такимъ образомъ, во всѣхъ видахъ, во всѣхъ измѣненіяхъ слова проявляется живое, органическое, можно сказать, божественное его происхожденіе. Какъ лучъ солнца свѣтлый и безцвѣтный, преломляется оно призмою человѣческой души, и является оку умственному въ прелестныхъ, разнообразныхъ отливахъ всѣхъ цвѣтовъ радуги!

Симъ оканчиваю Чтенія объ Этимологіи, или разборъ словъ въ отдѣльномъ ихъ состояніи. Это матеріялы, прочные, обработанные, но отдѣльные, разбросанные, безъ связи и цѣли. Это мраморы драгоцѣнные, обваянные искусною рукою, и ожидающіе зодчаго для того, чтобъ составить изящное, великолѣпное, безсмертное зданіе, въ которомъ живетъ и красуется мысль человѣческая.

Составленіе рѣчи изъ отдѣльныхъ словъ есть предметъ второй части Грамматики, Синтаксиса, и ею займемся мы въ будущей нашей бесѣдѣ.

II.

Изложивъ, въ бѣгломъ обзорѣ, исторію Русскаго Театра, или лучше сказать, русской сцены, долженъ я теперь исчислить произведенія нашей драматической литературы.

Станете ли вы, почтенные слушатели, требовать у меня изложенія новой или старой теоріи драматической поэзіи? Смѣю ли предполагать, что вы имѣете въ томъ надобность? Желающихъ подробно познакомиться съ сею теоріею, равно какъ и съ исторіею этого рода поэзіи, отсылаю къ четвертому тому Чтеній о Словесности, московскаго профессора И. И. Давыдова: они найдутъ тамъ полное, ясное, на законахъ здраваго смысла и ученой критики основанное, удовлетворительное изложеніе сего предмета. Мое дѣло не теорія, а представленіе вамъ произведеній Русской Литературы въ исторической послѣдовательности, съ краткими о степени ихъ достоинства замѣчаніями.

Жизнь человѣческая, изъ которой поэты, эпическій и драматическій, берутъ предметы и содержаніе своихъ твореній, приводится въ движеніе двумя различными силами: одна изъ нихъ, выспренняя, происходящая свыше, таинственно управляемая властями духовнаго міра, къ которому человѣкъ принадлежитъ лучшею частію существа своего; другая сила низшая, земная, въ

которой участвуютъ его тѣлесная половина и второстепенныя душевныя способности, питающіяся обаяніемъ чувствъ и чарами воображенія. Первая сила возноситъ насъ, на крыліяхъ мышленія и фантазіи, въ міръ надзвѣздный, показываетъ и въ здѣшнемъ строгую сторону жизни: святость долга, ничтожество и тлѣнность благъ вещественныхъ, скоротечность земнаго бытія, неумолимость смерти. Она плачетъ съ нами надъ могилами утраченныхъ родителей, дѣтей, друзей нашихъ; она расторгаетъ самыя нѣжныя, священныя узы, смертію, разлукою, и, что еще ужаснѣе, враждою; она требуетъ у насъ жертвъ самыхъ тягостныхъ и терзательныхъ, лишаетъ всего, что намъ дорого, мило и свято, ниспровергаетъ мгновенно и навѣки зданіе нашего ума, нашей славы, нашей гордости, и растерзанному человѣку указываетъ на неумолимую судьбу, въ баснословной древности властвовавшую надъ самими богами, въ Христіанствѣ же облеченную въ таинственныя ризы неисповѣдимаго Промысла Божія. Эта строгая сторона жизни, у Нѣмцевъ называется Ernst, по-французски le sérieux: у насъ еще она не нашла точнаго себѣ наименованія. *Важная* не то; *серіозная,* слово не русское, и употребляемое у насъ не въ такомъ значеніи. *Строгая*, думаю, будетъ ближе, тѣмъ болѣе, что и слово *серіозный* происходитъ отъ латинскаго severus. Другая сила является намъ руководительницею и участницею въ дѣлахъ и событіяхъ дольнаго міра: показываетъ человѣка, какимъ онъ является въ свѣтѣ съ своими мелкими стра-

стями и слабостями, какъ онъ везетъ колесницу мнимаго своего счастія, погоняемый однимъ изъ трехъ возницъ, честолюбіемъ, сребролюбіемъ, сластолюбіемъ, часто двумя, иногда и всѣми тремя вдругъ; являетъ намъ привязанность человѣка къ мелочамъ, игрушкамъ и блесткамъ ничтожнаго свѣта; представляетъ его игралищемъ не судьбы, а случая, сплетаемаго совокупленіемъ слабостей и глупостей людскихъ. Это смѣшная, шутливая, веселая сторона жизни. И въ ней люди плачутъ, но плачутъ, какъ дѣти надъ изломанною игрушкою.

Эти двѣ стороны жизни, высшая и низшая, строгая и смѣшная, породили разность между стихотвореніями серіозными и шуточными, и въ драматическомъ отдѣлѣ произвели трагедію и комедію. Первая есть картина борьбы великаго или добродѣтельнаго человѣка съ непреложными, строгими законами судьбы; послѣдняя — изображеніе человѣка обыкновеннаго, крутящагося въ вихрѣ житейскихъ слабостей и недостатковъ. У древнихъ Грековъ, оба эти рода отдѣлены были одинъ отъ другаго неизмѣримымъ пространствомъ, и сходствовали только тѣмъ, что и трагедіи и комедіи представляемы были на театрѣ. У новѣйшихъ начали они сближаться. Трагедія сошла съ подмостковъ, на которыхъ заставляла дѣйствовать преимущественно боговъ, полубоговъ и героевъ, начала представлять страсти и дѣйствія людей, но возвышенныхъ духомъ и возбуждавшихъ участіе строгостью своихъ страданій. Комедія перестала

безобразить лица дѣйствующихъ, бросила маски и вывела на сцену людей, каковы они въ свѣтѣ. Въ послѣдствіе времени эти два рода сблизились еще болѣе. Въ трагедію вошли характеры и лица совершенно комическіе: крестьяне, шуты, и т. п. Комедія, не довольствуясь изображеніемъ слабостей и глупостей людскихъ, стала изображать весь житейскій бытъ человѣка, съ его радостями и страданіями, съ хохотомъ веселости и со слезами печали, и отъ этого произошла собственная драма, картина дѣлъ обыкновенной жизни человѣческой, имѣющая къ трагедіи такое же отношеніе, въ какомъ романъ находится къ поэмѣ эпической.

Люди, жадные къ наслажденіямъ чувствъ и воображенія, не удовольствовались этими зрѣлищами судебъ и странностей человѣческихъ, и старались украсить, возвысить ихъ помощію другихъ изящныхъ искусствъ: съ одной стороны присоединили они къ драматическимъ стихотвореніямъ пособіе музыки; съ другой, ограничились выраженіемъ страстей, чувствъ и мыслей посредствомъ пантомимы. Отъ этого произошли опера и балетъ.

Въ нынѣшнее время кажется, что трагедія совершенно переходитъ въ серіозную оперу. Люди соглашаются смотрѣть на дѣйствія грозной судьбы, когда они смягчаются и украшаются музыкою. Ромео и Юлія, Отелло, Макбетъ, Мазаніелло, Велисарій, Норма умираютъ на сценѣ посреди руладъ, трелей и кадансовъ. Это владычество оперы убиваетъ трагедію не только у насъ, но и на всѣхъ театрахъ Европы; однако торжество ея не

можетъ быть продолжительно. По мнѣнію одного умнаго германскаго критика, двѣ причины въ непродолжительномъ времени возвратятъ трагедіи прежнія ея права. Во-первыхъ, по мѣрѣ распространенія музыкальнаго образованія, музыкальные эффекты прислушаются публикѣ, надоѣдятъ своимъ безпрерывнымъ повтореніемъ. Какъ ни верти, а тоновъ въ слухѣ нашемъ не болѣе двадцати; словъ же, сколько мыслей въ умѣ человѣка, сколько чувствъ въ его сердцѣ: это нить безконечная. — Во-вторыхъ, музыка, по свойству своему, ограниченная въ средствахъ, становится безобразною и непріятною, когда перейдетъ назначенныя ей границы. Въ драмѣ можно представить бореніе двухъ, трехъ противоположныхъ страстей съ успѣхомъ и изяществомъ. Въ оперѣ это нарушаетъ гармонію, а съ нею законы прекраснаго. Въ Жидовкѣ, напримѣръ, въ концѣ втораго акта, гдѣ одинъ изъ поющихъ въ тріо грозитъ, другой извиняется, а третья старается ихъ примирить, раждается ненатуральная, противная слуху смѣсь тоновъ, которые вовсе не клеятся между собою, и наконецъ ничего не выражаютъ. Утомившись этимъ терзаніемъ слуха и смысла, стремимся мыслію въ драму, гдѣ каждая страсть, каждое чувство, каждая мысль находитъ для себѣ вѣрное, изящное, отчетистое выраженіе, и проникаетъ въ глубину души слушателя не темнымъ загадочнымъ тономъ, а яснымъ и удовлетворительнымъ словомъ. Опера сильно дѣйствуетъ на чувство и воображеніе въ минуту представленія,

но оставляетъ въ памяти только впечатлѣніе не опредѣленныхъ звуковъ, а стихи трагедіи врѣзываются въ душу зрителя живымъ словомъ и великою мыслію.

Говорить ли мнѣ о послѣднемъ изъ упомянутыхъ мною отдѣловъ сценическихъ представленій, о балетѣ? Безмолвное его выраженіе не даетъ ему мѣста тамъ, гдѣ говорится о *словѣ*. Вообще, мнѣ кажется, что балетъ относится къ трагедіи, какъ самый великолѣпный и блистательный фейерверкъ къ изящной картинѣ.

Мы займемся преимущественно двумя главными родами драматической поэзіи, трагедіею и комедіею, то есть исчисленіемъ произведеній сего рода въ Россіи.

Отцемъ Русскаго Театра, по всей справедливости, должны мы назвать Сумарокова. Онъ написалъ первыя правильныя русскія трагедіи и комедіи; онъ далъ бытіе нашей сценѣ. Винить ли его въ томъ, что онъ рабски подражалъ Театру Французскому? Отнюдь не должно. Въ то время, когда началъ писать Сумароковъ, одинъ Французскій Театръ былъ извѣстенъ и славенъ во всей Европѣ. Писатели всѣхъ другихъ народовъ списывали съ французскихъ піесъ слабыя и безцвѣтныя копіи. Англійскій и Испанскій Театры не были извѣстны и оцѣнены по достоинству. Сумароковъ строго держался правилъ французской драматургіи, давалъ своимъ героямъ имена русскія (Синава, Трувора, Гостомысла, Всеслава, Хорева), а это были тѣ же лица французской трагедіи. Онъ написалъ одну тра-

гедію собственно изъ Русской Исторіи — Димитрій Самозванецъ. Она долѣе прочихъ удержалась на нашей сценѣ, именно по своему національному интересу. Я видѣлъ еще лѣтъ за тридцать предъ симъ Синава и Трувора. Все, какъ у Французовъ, кромѣ одного, кромѣ того именно, что составляетъ главную прелесть и достоинство ихъ трагедій, кромѣ прекрасныхъ стиховъ. Сумароковъ и въ свое время не всегда заслуживалъ имя поэта: чего жъ могъ онъ ожидать въ потомствѣ, которое увидѣло обновленіе языка и въ обществѣ, и подъ перомъ даровитыхъ писателей? Сумароковъ исчезъ со сцены, и забытъ въ публикѣ. Только историкъ Русскаго Театра и Русской Литературы вспоминаетъ и говоритъ о немъ съ благодарностію и уваженіемъ, и удерживаясь отъ всенароднаго чтенія стиховъ его, нѣкогда громкихъ и патетическихъ, а нынѣ слабыхъ, темныхъ и смѣшныхъ, охраняетъ тѣмъ память полезнаго дѣлателя отъ порицаній, которыя только величайшихъ геніевъ не касаются въ неблагодарномъ потомствѣ.

Преемникомъ Сумарокова, въ драматической поэзіи, былъ у насъ Княжнинъ. И онъ приносилъ дань своему вѣку, и онъ представлялъ намъ однѣ копіи трагедій французскихъ, почти переводилъ ихъ: но какая разность въ языкѣ! Если Княжнинъ не былъ рожденъ трагикомъ, если онъ не имѣлъ силы проложить нашей драмѣ новый путь, то прекрасными, сильными стихами выкупалъ многое, и достоинъ признательнаго воспоминанія въ потомствѣ. Вотъ нѣсколько стиховъ изъ послѣд-

няго явленія Софонисбы. Масинисса, повергнутый во всѣ бѣдствія властолюбіемъ и кознями кровожадной Республики Римской, возглашаетъ ей проклятіе, и въ пророческомъ предсмертномъ изступленіи говоритъ:

О Римъ! прими мои послѣдніе обѣты,
Да всѣ цари, твоей жестокости предметы,
Униженны тобой, почувствовавъ себя,
Совокупя свой громъ, низринутъ на тебя!
Съ востока, съ запада возставшіе народы,
Со пламенемъ, съ мечемъ, ища своей свободы,
Да съединятся всѣ тебя разрушить въ прахъ!
Да гордость вся твоя, преобращенна въ страхъ,
Предъ коей алтари вселенныя курятся,
Униженна у ногъ гнуснѣйшихъ пресмыкаться,
Увидитъ въ рабствѣ всѣхъ твоихъ надмѣнныхъ чадъ!
Да истребится твой мучителей сенатъ!
Да Капитолія и всѣ твои вертепы,
Исчезнутъ и падутъ во адовы заклепы.
Поросшій терніемъ и прахомъ покровенъ
Изъ смертныхъ памяти да будешь истребленъ!
Вотъ, все, чего тебѣ желая предвѣщаю,
И съ симъ предвѣстіемъ спокойно умираю.

Эти стихи и нынѣ могли бы произвести дѣйствіе на сценѣ и прославить своего автора, если бъ только остальное имъ соотвѣтствовало. И не одинъ Княжнинъ, повторяю, подражалъ Французамъ и Сумарокову. Великихъ или славныхъ писателей часто сравнивали съ солнцемъ. Они заслуживаютъ это сравненіе и тѣмъ, что вызываютъ изъ небытія въ скоротечную жизнь милліоны мошекъ, которыя затмѣваютъ лучи свѣтила, давшаго имъ бы-

тіе. Объ этомъ времени очень удачно говоритъ одинъ критикъ: «Кажется, рѣшительно можно сказать, что у насъ не было трагедіи, и величество Мельпомены не царствовало на трагической сценѣ. Актеры, съ пышными именами, выходили передъ зрителей, говорили стихи, иногда хорошіе, чаще дурные; зрители рукоплескали, чаще зѣвали, но и рукоплесканія ихъ были данію звучности стиховъ, блестящихъ выраженіемъ истины, сильнымъ изрѣченіемъ, сохраненію нѣкоторыхъ условій искусства, а тайна трагедіи еще не была постигнута.»

Въ началѣ XIX вѣка явился Озеровъ. Первая трагедія его, *Ярополкъ и Олегъ*, представленная въ 1798 году, не имѣла успѣха на сценѣ. Чрезъ пять лѣтъ написалъ онъ своего *Эдипа въ Аѳинахъ*, и увѣнчанъ былъ общимъ восторгомъ. Русская публика услышала въ этой трагедіи, въ первый разъ, стихи, которые не только не оскорбляли ея чувства изящнаго и народнаго, но и возбуждали всѣ страсти, къ которымъ хотѣлъ подвигнуть поэтъ: и ужасъ, и состраданіе. Она увидѣла на сценѣ живое и близкое изображеніе дѣйствій и страстей человѣческихъ. Превосходные артисты того времени нашли средства къ проявленію своихъ талантовъ. Слѣпца Эдипа игралъ Шушеринъ; величественнаго Тезея, Яковлевъ; прелестную Антигону, можно сказать, первую женщину, явившуюся на русской сценѣ, несравненная Семенова, которая тутъ въ первый разъ узнала и тайну трагедіи и тайну своего таланта, и

потомъ вознеслась на первую степень нашихъ ар-
тистовъ. Не могу описать вамъ того наслажденія,
которое чувствовали мы, молодые люди, въ пред-
ставленіи Эдипа, въ чтеніи прекрасныхъ его сти-
ховъ, невольно затвердившихся въ памяти совре-
менниковъ! Вообразите, что нынѣ вдругъ возсталъ
изъ среды вашей Шекспиръ или Шиллеръ, и
силою могучаго таланта вывелъ на сцену всѣ кра-
соты трагедіи романтической, извѣстной намъ толь-
ко по преданіямъ, по переводамъ, по слабымъ
подражаніямъ. Вообразите, что онъ не воспользо-
вался ни народностію, которая несказанно при-
влекательна для зрителя, ни чарами великолѣпнаго
представленія, а только силою и истиною чувства,
вѣрностію въ изображеніи страстей, волнующихъ
несчастнаго отца, преступныхъ сыновей и добро-
дѣтельную дочь, успѣлъ затронуть вѣчныя струны
человѣческаго сердца; что онъ, наконецъ, загово-
рилъ языкомъ благороднымъ, чистымъ, понят-
нымъ, увлекательнымъ: вы поймете тогдашній
нашъ восторгъ!

И можно ли было не восхищаться стихами,
каковы, напримѣръ, слѣдующіе? Тезей отвѣчаетъ
Креону, убѣждающему его итти на помощь Ѳи-
вамъ:

За предложеніе Ѳивянъ благодаря,
Всю цѣну чувствую мнѣ почести толикой,
Но я не для того поставленъ здѣсь владыкой,
Чтобъ жизнью жертвовать мнѣ подданныхъ своихъ,
Чтобъ кровь ихъ проливать къ защитѣ царствъ чу-
жихъ.

Для славы суетной, мечтательной и лживой
Не обнажу меча къ войнѣ несправедливой.
Во браняхъ мой народъ томился много лѣтъ;
О подвигахъ его еще вѣщаетъ свѣтъ;
Сраженный Минотавръ живъ въ памяти у Грековъ.
Едва Аѳиняне свободны отъ упрековъ
За дань, возимую во критскую страну,
И новую, Креонъ, я предприму войну?
Нѣтъ, нѣтъ, надѣяться того не должны Ѳивы:
Лавръ трону есть краса, но мирныя оливы
Сѣнь благотворная для общества всего.

Креонъ возражаетъ, что у Тезея нѣтъ союзника, и получаетъ въ отвѣтъ:

Мой мечь союзникъ мнѣ
И подданныхъ любовь къ отеческой странѣ.
Гдѣ на законахъ власть царей установленна,
Сразить то общество не можетъ и вселенна.
Во храмѣ Эвменидъ собрался мой народъ:
Иди со мной туда, чтобъ видѣть мой оплотъ!
Услышишь гласъ его, узришь любовь къ Тезею,
И въ Ѳивахъ возвѣстишь, что устоять я смѣю
Противу силъ земли средь сонма чадъ моихъ.

Эдипъ изображаетъ свои бѣдствія:
Печальну жизнь влачить недостаетъ мнѣ силъ.
Слѣпецъ, чтобъ слезы лить, осталися мнѣ очи.
Дни ясны для меня подобны мрачной ночи.
Нѣтъ! никогда уже мой не увидитъ взоръ
Ни красоты долинъ, ни возвышенныхъ горъ,
Ни въ вешній день лѣсовъ зеленыя одежды,
Ни съ жатвою полей, оратаевъ надежды,
Ни мужа кроткаго пріятнаго чела,
Котораго боговъ рука произвела.
Сокрылись отъ меня всѣ прелести природы.

При имени моемъ всѣ возстаютъ народы:
Какъ язва лютая отвсюду я гонимъ!

Онъ обращается къ дочери:

Ты утѣшенье мнѣ, любезна Антигона,
Противъ гоненія одна мнѣ оборона,
Одна сопутница моей ты нищеты.
Для странника отца забыла счастье ты,
Санъ свѣтлый, царскій дворъ и юности забавы:
Одно намъ рубище отъ всей осталось славы.

Антигона.

Ахъ, не жалѣю я о пышной славѣ той!
Горжусь симъ рубищемъ, моею нищетой,
Предпочитаю ихъ сіянію короны.
Опорой быть твоей — вотъ счастье Антигоны,
Вотъ титло славное превыше титловъ всѣхъ!
Спокойствіе твое дороже мнѣ утѣхъ.
Увы, родитель мой! гонимъ людьми, судьбою,
Безъ помощи моей, что бъ сдѣлалось съ тобою!
Ты древнюю главу къ кому бы преклонилъ?
На чью, на чью бы грудь ты слезы уронилъ?
Прохлады въ жаркій день въ моей ты ищешь тѣни
Я сяду, ты главу мнѣ склонишь на колѣни;
Среди густыхъ лѣсовъ, въ жестокость бурныхъ зим
Ты согрѣваемъ мной, дыханіемъ моимъ.
Ахъ! свѣтъ, забывшій насъ, взаимно мы забудемъ
И утѣшеніемъ одинъ другому будемъ!
Ко мнѣ ты проливай свою сердечну боль,
Но мнѣ защитою твоею быть дозволь!
Не позавидую въ моей тогда я долѣ
И братьевъ участи, сѣдящихъ на престолѣ!

Эдипъ.

Награда сладостна толикихъ скорбныхъ лѣтъ...
О радость полная, моихъ превыше бѣдъ!

Приди, о дочь моя, приди мое рожденье!
Да будетъ надъ тобой боговъ благословенье!
Живой отрадою наполнила мнѣ грудь.
Любви къ родителю въ примѣръ потомству будь!
Объ имени твоемъ повѣдаютъ народы,
И похвала твоя прейдетъ изъ рода въ роды!

На мольбы Полиника о прощеніи, Эдипъ отвѣчаетъ:

Меня склонить къ себѣ ты тщетно уповаешь.
Сей скиптръ, который мнѣ столь щедро предлагаешь,
Не я ль оставилъ самъ, не я ли вамъ вручилъ?
Не я ли дней моихъ покой вамъ поручилъ,
Быть съ вами навсегда одной считавъ отрадой?
Неблагодарные! что было мнѣ наградой?
Презрѣнье, ненависть, изгнанье и позоръ.
Коль смѣешь, ты на мнѣ останови свой взоръ!
Зри ноги ты мои, скитавшись изъязвленны,
Зри руки, милостынь прошеньемъ утомленны;
Ты зри главу мою, лишенную волосъ:
Ихъ изсушила грусть и вѣтеръ ихъ разнесъ.
Тѣмъ временемъ, тебя какъ услаждала нѣга,
Твой изгнанный отецъ, безъ пищи, безъ ночлега,
Не зналъ, куда главу несчастну преклонить.
Повсюду долженъ былъ вашъ стыдъ съ собой влачить;
И дебри темныя, и глубины пещерны,
Природа зрѣла вся злодѣйства безпримѣрны.
Иди, жестокій сынъ, усугубляй вины,
Будь истребителемъ отеческой страны,
Союзниковъ своихъ веди противу брата,
Яви еще примѣръ неслыханна разврата!
Но тамъ, у ѳивскихъ стѣнъ, не тронъ тебѣ готовъ:
Десница метящая тамъ ждетъ тебя боговъ.
Отъ ѳивскихъ областей удѣлъ тебѣ сужденный

То мѣсто лишь одно, гдѣ ты падешь сраженный.
Какъ безъ пристанища скитался въ жизни я,
По смерти будетъ такъ скитаться тѣнь твоя,
Безъ гроба будешь ты, тебя земля не приметъ,
Отъ нѣдръ отвергнетъ трупъ, и смрадъ его обыметъ,
И призоветъ звѣрей, птицъ хищныхъ изъ лѣсовъ
И, домы подданныхъ твоихъ стрегущихъ, псовъ.
Иди, бѣги, спѣши на ново преступленье!
Всѣхъ васъ я чуждъ: мнѣ дочь семья и утѣшенье!

Простите мнѣ эти длинныя выписки изъ поэта, которому я, въ юныя лѣта своей жизни, обязанъ былъ прекраснѣйшими наслажденіями. Что бы сказали вы, если бъ подъ старость явились предъ вами и родительскій кровъ, лелѣявшій ваше дѣтство, и то дерево, со всѣми прежними листьями, подъ которымъ вы играли въ безпечности младенческой, если бъ наяву возникли милые лики тѣхъ, которые оставили васъ въ мірѣ сиротою, но до послѣдняго вашего дыханія будутъ жить въ вашемъ сердцѣ! Такое впечатлѣніе производитъ въ насъ чтеніе поэтовъ, услаждавшихъ нашу юность, отверзавшихъ намъ пути жизни, показывавшихъ намъ свѣтъ въ радужныхъ лучахъ надежды и счастія!

Озеровъ, въ Эдипѣ, подражалъ Софоклу и французскимъ писателямъ, обработывавшимъ тотъ же самый предметъ для сцены, особенно Дюсису. Его обвиняютъ въ томъ, что онъ измѣнилъ конецъ своей трагедіи. У Софокла Эдипъ, съ самаго начала облеченный покровомъ таинственно-

сти, смертію своею примиряетъ боговъ съ своими невольными преступленіями. У Озерова громъ боговъ-мстителей щадитъ изнуреннаго страданіями Эдипа, и, вмѣсто его, поражаетъ злодѣя Креона. Въ этомъ случаѣ, какъ говоритъ біографъ поэта, Озеровъ, по совѣту актера, повиновался правилу, что порокъ долженъ быть наказанъ, а добродѣтель награждена въ концѣ каждаго драматическаго произведенія. Критики правы: смерть невиннаго страдальца была бы лучшимъ примиреніемъ его съ разгнѣванными небесами. При семъ случаѣ не могу не коснуться преувеличенія этого правила, которое, въ безусловномъ своемъ приложеніи, доходитъ до нелѣпаго. Говорятъ, что искусство есть условіе и цѣль искусства, и что ни какой нравственной цѣли оно имѣть не должно и не смѣетъ! И такъ поэты и артисты не суть глашатаи воли и судебъ всевышняго Провидѣнія: они не раздаватели истинной земной славы, не слуги и жрецы чести, правды и добра; они не гонители порока, преступленій и злодѣйства, а только творцы изящныхъ, но мертвыхъ, бездушныхъ и безмысленныхъ образовъ! Въ природѣ всякая травка, всякая мошка имѣетъ свое назначеніе, свою цѣль: неужели одни высшія творенія духа человѣческаго должны являться только для самихъ себя, безъ всякаго намѣренія со стороны творящаго, безъ всякаго благаго дѣйствія для рода человѣческаго! Неужели поэтъ, въ твореніяхъ своихъ, долженъ забыть и вѣру свою, и отечество, и все что свято для него въ жизни, и

творить только для того, чтобъ творить? Въ этомъ случаѣ человѣкъ удалился бы отъ цѣли, предназначенной ему Провидѣніемъ, отъ возможности возноситься своимъ духомъ къ божеству, его создавшему. Разумѣется, что правосудіе поэта должно быть не земное, не вседневное, не прозаическое. Отъ него зависитъ, въ концѣ своей піесы, осыпать страждущую невинность всѣми благами жизни, а порокъ казнить жестокимъ образомъ, но это будетъ, во-первыхъ, слишкомъ явнымъ, низкимъ и своекорыстнымъ доказательствомъ справедливости Провидѣнія; во-вторыхъ, будетъ и несообразно съ ходомъ дѣлъ человѣческихъ, въ которомъ добродѣтель, скромная и тихая, рѣдко получаетъ должное, а чаще торжествуетъ если не порокъ, то искусство жить въ свѣтѣ и пользоваться чужими слабостями. Поэтъ имѣетъ другія награды для своихъ героевъ: вѣнцы безсмертія въ здѣшнемъ мірѣ и въ будущемъ, достающіеся имъ уже по минованіи земнаго, страдальческаго поприща. Не свѣтскую, ничтожную славу, не минутный успѣхъ и пріобрѣтеніе временныхъ благъ долженъ онъ давать въ награду людямъ добродѣтельнымъ, а славу преодолѣнія земныхъ страданій небесными дарами, утѣшеніе въ прекращеніи бѣдствій и терзанія юдольной жизни для стяжанія отрады и спасенія тамъ, гдѣ нѣтъ ни печали, ни воздыханія, гдѣ жизнь безконечная! Вотъ награда, въ которой ни одинъ истинный поэтъ, толкователь уставовъ Всевышней Власти, не отказывалъ своимъ героямъ! Страданія стыда,

отчаянія, угрызеній совѣсти — вотъ кары, которыми онъ преслѣдуетъ злодѣевъ, хотя бъ они торжествовали въ минуту смерти праведной жертвы, хотя бъ оставались на земли, осыпанные почестьми и сокровищами. Кто не видитъ торжества Маріи Стюартъ надъ празднующею смерть ея, Елисаветою! Кто завидуетъ въ княжескомъ титулѣ Графу Пикколомини, въ послѣднемъ явленіи Валленштейна! Кто не летитъ душею вслѣдъ за Дѣвою Орлеанскою съ послѣднимъ ея восклицаніемъ:

Я въ облакахъ..... я мчуся быстротечно
Туда..... туда! Земля ушла отъ глазъ!
Минута скорбь — блаженство безконечно!

Второю трагедіею Озерова — былъ *Фингалъ*, произведеніе вполнѣ оригинальное, величественное, поэтическое, но не имѣющее полноты и дѣйствія, требуемыхъ трагедіею. Содержаніе піесы очень просто. Въ ней одно лице трагическое, Старнъ, мстящій Фингалу за смерть любимаго сына. Фингалъ представленъ воиномъ храбрымъ, благороднымъ и довѣрчивымъ. Моина являетъ идеалъ простодушной, мечтательной и нѣжной дочери угрюмаго Сѣвера. Главное достоинство сей трагедіи состоитъ въ томъ, что въ ней собраны всѣ красоты сѣверной поэзіи, и выражены прелестными стихами. Вотъ, напримѣръ, клятва Фингала:

Оденъ, Локлинцевъ богъ! Коль нынѣ въ первый разъ
Ты Каледонина во храмѣ слышишь гласъ,
Не удивись тому..... ты божество Моины.

Предъ жертвенникомъ ждетъ она своей судьбины.
Хочу тебя призвать, хочу тебя почтить,
И, въ пламенной любви клянясь ей вѣрнымъ быть,
Сихъ клятвъ хочу имѣть свидѣтелемъ Одена.
Мнѣ будь свидѣтелемъ и ты, племенъ Морвена,
Отцевъ Фингаловыхъ, могуще божество!
Ты, коего весь міръ являетъ существо,
Но смертные умомъ кого не постигаютъ,
Кого именовать уста мои не знаютъ!
Ты, исполняющій вселенную собой,
И въ храмѣ чуждомъ семъ обѣтъ услышишь мой.
Когда Моинины любовью полны взгляды
Не будутъ находить въ глазахъ моихъ отрады,
Когда не будутъ зрѣть въ нихъ страстнаго огня,
Которымъ днесь горю, то накажи меня:
Чтобы руки моей исчезла дивна сила,
Котора страхъ врагамъ въ сраженьѣ наносила,
И твердость, мужество Фингаловой души,
Какъ быліе долинъ, во цвѣтѣ изсуши;
Чтобъ безполезный царь, противъ любви безчестенъ
Влачилъ я мрачну жизнь и умеръ безъизвѣстенъ;
Чтобъ въ пѣсняхъ бардовъ я въ потомствѣ не гремѣлъ
Въ дому моихъ отцевъ чтобъ щитъ мой не висѣлъ,
И мечъ, мой тщетный мечъ, притупленный и ржавый,
Былъ въ дебри выброшенъ, какъ мечъ царей без
славы!

Эта трагедія свидѣтельствуетъ, что Озеровъ чувствовалъ всю односторонность, скудость тогдашняго театра, что духъ его, пламенный и нетерпѣливый, рвался изъ оковъ мнимаго классицисма, что онъ видѣлъ вдали вѣнцы, ожидающіе поэтовъ романтическихъ, но не имѣлъ силъ расторгнуть свои узы. Онъ воспитанъ былъ на млекѣ траге-

діи французской и мнимо-греческой, и писалъ французскіе стихи такъ же легко, какъ русскіе.

Димитрій Донской былъ данію, принесенною имъ на алтарь отечества, въ то время, когда Россія готовилась на брань съ могучимъ Тамерланомъ Запада, когда всѣ поэты наши вспомнили и доказали, что они еще болѣе граждане и Русскіе. Въ Димитріи Донскомъ много прекрасныхъ стиховъ, много возвышенныхъ мыслей и благородныхъ чувствъ, искусно и краснорѣчиво выраженныхъ, но характеры лицъ, ходъ происшествій и даже вѣроятность поэтическая и психологическая не вполнѣ соотвѣтствуютъ требованіямъ. Герои этой трагедіи вовсе не носятъ на себя русскаго характера. Въ Эдипѣ видимъ Грековъ, въ Фингалѣ Калелдонцевъ; въ Димитріи рыцарей Среднихъ Вѣковъ, а не нашихъ православныхъ князей и богатырей. Это и не удивительно: тогда Русская Исторія существовала только въ несвязныхъ, мертвыхъ отрывкахъ, и картины древняго быта являлись глазамъ русскихъ наблюдателей въ превратномъ свѣтѣ.

Послѣднимъ произведеніемъ Озерова была *Поликсена*. Непріятности, претерпѣнныя авторомъ при представленіи сей піесы, возбудили общее къ ней вниманіе, но мы безпристрастно скажемъ, что это самое слабое изъ произведеній Озерова. Въ Эдипѣ занимаютъ насъ страданія царя, отца, изгнаннаго дѣтьми, страданія не чуждыя жизни человѣческой во всѣ времена и во всѣхъ мѣстахъ. А какой интересъ могутъ имѣть для русскихъ

зрителей и читателей эти безконечныя похожденія троянскихъ героевъ и ихъ поколѣній!

Cette race d'Agamemnon qui ne finit jamais!

Можетъ ли баспословная, небывалая, несбыточная судьба Поликсены тронуть наше сердце? Однихъ стиховъ для трагедіи мало. Въ Эдипѣ плакали всѣ зрители. Поликсена, твореніе автора, уже заслужившаго первое мѣсто въ русской трагедіи, прошла незамѣченная. Говорятъ: это Иліада. Соглашаемся, но повторяемъ съ Карамзинымъ:

Мы не Греки и не Римляне,
Мы не вѣримъ ихъ преданіямъ.

Говоря о красотѣ стиховъ Озерова, мы переносимся въ то время, когда онъ писалъ ихъ, когда еще не существовалъ живой, свободный стихъ новѣйшей нашей поэзіи. Въ Озеровѣ можете вы найти стихи тяжелые, натянутые, даже дикіе и жесткіе, но это бываетъ только въ тѣхъ сценахъ, гдѣ лица дѣйствующія толкуютъ равнодушно; гдѣ же говоритъ сердце, гдѣ глубокое чувство поэта вырывается наружу, тамъ и стихи и языкъ его гладки, чисты, краснорѣчивы. Еще замѣтили критики, и очень справедливо, что у Озерова характеры женскіе гораздо совершеннѣе и возвышеннѣе мужескихъ. Антигона, Моина, Ксенія, Гекуба, Поликсена представлены во всемъ блескѣ, во всей истинѣ благородной женственности. Есть преданіе, что Озеровъ, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, любилъ платоническою страстію одну прекрасную, умную женщину; для нея писалъ французскіе стихи, даже игралъ во французскихъ тра-

гедіяхъ. Она умерла, оставивъ въ душѣ его идеалъ совершенства, и этотъ идеалъ служилъ ему образцемъ для изображенія женскихъ характеровъ. Эта нѣжная привязанность смягчала его сердце, не давала ему зачерствѣть отъ лѣтъ, и когда возникли предъ нимъ препятствія, когда гоненія и преслѣдованія преогорчили дни его, сердце это ихъ не выдержало: оно сокрушилось задолго до прекращенія его жизни.

Въ одно время съ Димитріемъ Донскимъ появилась на нашемъ театрѣ, другая отечественная трагедія, *Пожарскій,* сочиненная Крюковскимъ, молодымъ человѣкомъ съ великими дарованіями, рано похищеннымъ смертію. Эта трагедія, вѣрное изображеніе чувствъ и помысловъ Русскаго Народа въ великую эпоху гибели и спасенія отечества, удержалась на нашей сценѣ донынѣ, хотя собственно трагическаго въ ней немного.

Блистательный успѣхъ Озерова породилъ множество подражателей, болѣе или менѣе слабыхъ. Творенія ихъ исчезли съ русской сцены и изъ воспоминанія читателей, и памятны едва ли по эпиграммамъ, которыми встрѣчали ихъ остроумные насмѣшники. Изъ всѣхъ этихъ трагедій заслуживаютъ быть упомянутыми *Сумбека,* Глинки, и *Деборра,* Князя Шаховскаго, но торжество ихъ было минутное и непрочное. Въ то же время, какъ мы уже упоминали, являлись у насъ лучшіе доселѣ переводы трагедій Расина и Вольтера, и давали случаи нашимъ артистамъ раскрывать свои

дарованія, а зрителямъ наслаждаться картина[м]
изящнаго, хотя и не оригинальнаго.

Между тѣмъ готовилась перемѣна въ понятія[х]
публики и писателей нашихъ о существѣ и тре-
бованіяхъ театра. Всѣ видѣли, какъ тѣсна сце[на]
французской классической трагедіи, помѣща[ю]-
щаяся иногда въ сѣняхъ царскихъ чертогов[ъ].
Видѣли, что другіе писатели присвоили себѣ ве[сь]
міръ; что Шиллеръ изъ Испаніи, гдѣ онъ жи-
вописалъ Филиппа, переносился и въ Англію [съ]
Маріею Стюартъ, и во Францію, за парепіе[мъ]
Іоанны д'Аркъ; въ Италіи изображалъ Невѣст[у]
Мессинскую, въ Швейцаріи Телля, въ Росс[іи]
Самозванца; видѣли, что весь міръ принадл[е]-
житъ поэзіи драматической; чувствовали, ч[то]
и тяжелый, единообразный стихъ французск[ій]
не то, что свободные бѣлые стихи Греков[ъ,]
Англичанъ и Нѣмцевъ, но не кому было испы-
тать и доказать это на дѣлѣ. И, странное явл[е]-
ніе, перемѣна эта произошла не отъ дѣйстві[я]
сценическихъ представленій, а отъ чтенія и ра[з]-
мышленія, отъ примѣра, поданнаго поэтомъ л[и]-
рическимъ. Жуковскій, прекраснымъ своимъ пе-
реводомъ *Дѣвы Орлеанской*, показалъ намъ вс[ю]
силу и прелесть поэзіи романтической, и вселил[ъ]
равнодушіе къ законамъ и требованіямъ прежпя[го]
театра. Но это дѣйствіе было только отрицател[ь]-
ное: превосходный, образцовый переводъ может[ъ]
показать намъ слабость и недостаточность преж-
нихъ произведеній, и указать новые пути, н[о]
дѣйствительнымъ преобразователемъ и путевод-

телемъ въ неизвѣстныя дотолѣ страны можетъ быть только поэтъ самостоятельный и оригинальный. Жуковскій прекрасенъ и увлекателенъ въ лирической поэзіи, гдѣ онъ самъ творитъ и созидаетъ. Въ трагедіи онъ былъ лишь удачнымъ толкователемъ чужаго труда, и не создалъ ничего своего. Слогъ и языкъ составляютъ необходимое качество драматической поэзіи, но этого въ ней не довольно: она требуетъ творенія, созданія, дѣйствія самобытнаго.

У насъ стали читать, изучать, переводить Шекспира, Гете, Шиллера; стали и подражать имъ, но только въ наружной формѣ, въ ихъ слабостяхъ и недостаткахъ. Времена междуцарствія, также годы, ему предшествовавшіе и послѣдовавшіе, издавна были у насъ любимою историческою эпохою драмы отечественной. И въ самомъ дѣлѣ, ни какое другое время не представляетъ столько богатыхъ матеріяловъ для трагика. Чѣмъ болѣе бѣдъ и смятеній въ данномъ періодѣ, тѣмъ лучше для поэта: это для него то же, что повальная болѣзнь для гробоваго мастера. Въ это время являются на позорищѣ Русской Исторіи самыя противоположныя и занимательныя лица: умный, и несчастный грѣхомъ своимъ Борисъ, достигшій трона злодѣяніемъ, хотѣвшій утвердиться на немъ добродѣтелью, и заплатившій за владычество гибелью своего семейства; таинственный Димитрій, соединявшій въ себѣ разительныя противоположности, и донынѣ вполнѣ неразгаданный; хитрый Шуйскій, образецъ царедворца крамольныхъ временъ; доблест-

ные Скопинъ-Шуйскій и Пожарскій; русскій че-
ловѣкъ Козьма Мининъ, образецъ и идеалъ исти
наго сына отечества, и наконецъ непричастны
темнымъ дѣламъ прежнихъ лѣтъ, ангелъ мира
благости, отрокъ Михаилъ, слезами скромности
богобоязни орошавшій царскую порфиру, и сим
слезами сѣявшій величіе и счастіе Россіи въ в
кахъ грядущихъ. И какія событія совершили
въ эту эпоху паденія одной династіи и возвыше
другой: завоеваны были враждебныя нѣкогда ца
ства, открыта и покорена Россіи новая часть Свѣт
Притомъ, съ одной стороны православная Русь
любовію къ Царямъ, съ другой рыцарская Пол
ша съ католицисмомъ и вольницею, и подлѣ и
буйное казачество, а сверхъ этого грозный и та
ственный судъ Провидѣнія надъ преступными
ихъ потомками *.

Изъ этого источника многіе наши драматическ
писатели, начиная отъ Сумарокова, почерпа
предметы и содержаніе своихъ твореній, но д
нынѣ не видимъ въ нихъ ни одной трагедіи, к
торая удовлетворяла бы вполнѣ требованіямъ сц
ны и искусства.

И геній Пушкина потерпѣлъ крушеніе на это
бурномъ морѣ. Онъ избралъ предметомъ *Бор
ça Годунова*, именно, какъ онъ представленъ
Исторіи Карамзина, и изъ разныхъ случаевъ ег
царствованія (отъ избранія его на царство до

* *Очерки Полеваго*. Ч. 1, стр. 183.

бели его семейства), написалъ нѣсколько отдѣльныхъ сценъ, которыя не составляютъ ничего цѣлаго или полнаго. Это отрывки, отдѣльные, неровные, этюды, а отнюдь не драматическое созданіе. Самъ Пушкинъ это чувствовалъ, и не назвалъ этихъ сценъ ни какимъ общимъ именемъ. Нѣкоторыя изъ нихъ отдѣльно прекрасны: таковы инокъ Пименъ и Самозванецъ, монахи на границѣ, битва подъ Новгородомъ Сѣверскимъ, и окончаніе. Намъ возразятъ, что эта піеса, какъ Гецъ фонъ-Берлихингенъ, Гете, и не назначалась для представленія. Но и въ чтеніи она неудовлетворительна: это только планъ какой-то піесы; прочитаешь до конца, и кажется, что прочиталъ одно оглавленіе. Нѣтъ! Пушкинъ хорошъ, неподражаемъ, истинно великъ только въ мелкихъ своихъ стихотвореніяхъ, гдѣ онъ не умничалъ, не утомлялся работою, а творилъ и пѣлъ по внушенію свѣтлаго своего генія!

Исчислять ли намъ прочія трагедіи того же періода? Классическаго *Бориса Годунова*, написаннаго гладкими стихами, но не натуральнаго, принужденнаго и холоднаго? Философскаго *Ермака*, который на берегахъ Иртыша разглагольствуетъ, какъ ученикъ Канта въ Кёнигсбергскомъ Университетѣ! Романтическаго *Димитрія Самозванца*, который написанъ умно и съ соблюденіемъ одной общей идеи, но слабо и безцвѣтно, и составленъ изъ безконечныхъ разговоровъ, въ которомъ авторъ, отъ желанія подражать Шекспиру, становится низкимъ и отвратительнымъ. Напри-

мѣръ, капитанъ Маржеретъ говоритъ у него ломаннымъ французскимъ языкомъ, какъ мусье Трише въ Модной Лавкѣ, а стрѣлецъ замѣчаетъ:

Вишь, хрюкаетъ французская свинья!

Говорить ли о *Марѳѣ Посадницѣ*, написанной самымъ, грубымъ площаднымъ языкомъ черни, какой нетерпимъ и въ таерскихъ фарсахъ? — Трагедія *Осада Пскова* составлена и написана умно, но не произвела дѣйствія ни на зрителей, ни на читателей.

Дарованія драматическое отличается отъ всякаго другаго, и рѣдко поэты лирическіе и эпическіе, со всѣмъ своимъ геніемъ и даже со всеобъемлющею ученостію, могутъ стяжать вѣнцы на сценѣ. Драматическій писатель долженъ совершенно забыть себя, и душею своею переноситься, попеременно, въ каждое изъ дѣйствующихъ лицъ: мыслить и чувствовать какъ величественный воинъ, и невинная дѣвушка, какъ маститый старецъ, и отважный юноша. Онъ лишенъ всѣхъ пособій эпической поэмы: ея описаній, ея картинъ, ея вводныхъ сценъ, ея разсужденій: онъ долженъ весь превратиться въ дѣйствіе и слово — а это дается не многимъ. Къ тому присоединяется еще требованіе — знаніе сцены. Прекраснѣйшая піеса въ чтеніи, является на театрѣ неинтересною, вялою, скучною. Напротивъ, нерѣдко случается, что зритель, восхищенный представленіемъ драмы, совершенно разочаровывается, взявъ въ руки печатную. Это особенный взглядъ, не всякому доставшійся, даръ, отчасти и навыкъ. Я полагаю, что піесы Шек-

спира и Моліера оттого получаютъ бо́льшую занимательность, что поэты сіи были и актеры, и вполнѣ знали требованія, условія и затрудненія сцены.

.....

У насъ есть одинъ превосходный драматическій талантъ, который непремѣнно, какъ я надѣюсь, составитъ славу и величіе русской трагической сцены. Вы конечно догадаетесь, что я говорю о Кукольникѣ. Онъ явился въ литературѣ съ прекраснѣйшимъ драматическимъ созданіемъ, которое назвалъ фантазіею; онъ самъ донынѣ не производилъ ничего выше, и въ нѣкоторыхъ позднѣйшихъ своихъ произведеніяхъ повторялъ отголоски первой пѣсни. *Тассъ* его остается донынѣ лучшимъ произведеніемъ поэта, и хотя не имѣлъ громкаго успѣха на сценѣ, но затвердился въ памяти и душѣ истинныхъ любителей изящнаго. Прочитаю здѣсь, въ оправданіе сказаннаго мною, нѣсколько стиховъ его. Это пророческія мечтанія Тасса, въ Римѣ, предъ Капитоліею, при торжествѣ его:

И это все для нищаго пѣвца,
Для бѣднаго пѣвца Іерусалима!..
Какъ оглянусь, мнѣ кажется, я прожилъ
Какую-то большую эпопею,
Трагедію огромную я прожилъ.....
День настаетъ; готовится развязка,
И утромъ я засну вечернимъ сномъ.....
Настанетъ время, и меня не будетъ,
И всѣ мои мечты и вдохновенья
Въ одно воспоминанье перельются!

Въ Италіи моей уснетъ искусство,
Поэзія разлюбитъ край Торквата,
И перейдетъ на Западъ и на Сѣверъ!....
Тогда въ снѣгахъ, въ туманномъ, хладномъ сердц
Пробудится о мнѣ воспоминанье.....
Тотъ юноша, холодный и суровый,
Отъ всѣхъ храня всѣ мысли и всѣ чувства,
Какъ друга своего меня полюбитъ,
Какъ полюбилъ меня тотъ семилѣтній
И странный другъ въ больницѣ сумасшедшихъ.
Шесть лѣтъ со мной онъ будетъ безъ разлуки.
Еще дитя, въ училищѣ, за книгой,
Онъ обо мнѣ начнетъ мечтать и думать
И жизнь мою разскажетъ передъ свѣтомъ.
Какъ біографъ холодный и пристрастный,
Онъ не пойдетъ годъ отъ году искать
Всѣхъ горестей моихъ и всѣхъ несчастій,
Чтобъ въ безобразной кучѣ ихъ представить.
Нѣтъ! Онъ въ душѣ угрюмой воскреситъ
Всю внутреннюю жизнь Торквата Тасса —
И выставитъ ее въ науку людямъ.....
И эти люди прибѣгутъ смотрѣть,
Какъ жилъ Торкватъ. — Большая половина
Трагедію прослушаетъ безъ вздоха!
Всегда, вездѣ одни и тѣ же люди.....
Но, можетъ быть, — кто знаетъ? — поколѣнья
Измѣнятся..... Постойте!.... Вижу я:
Весь Западъ въ хладный Сѣверъ переходитъ.
О! сколько тамъ пѣвцовъ и музыкантовъ,
Художниковъ и умныхъ и искусныхъ!
Италіи моей уже не видно.....
Но мѣсто то, гдѣ чудная лежала,
Покрылъ высокій холмъ, — могильный холмъ,

Но все еще великій и прекрасный!
Въ немъ есть врата, и любопытный Сѣверъ
Тѣснится въ нихъ, то входитъ, то выходитъ.....
И всякій разъ изъ чуднаго холма
Какой нибудь кладъ дорогой уноситъ.....
Но снова все туманится и тмится,
И я опять одинъ на цѣломъ свѣтѣ!
Опять народъ, опять весь свѣтъ кипитъ!
Вотъ вижу я: въ толпѣ кудрявыхъ Тевтовъ
Поднялись два гиганта и въ вѣнцахъ!
Одинъ — меня узналъ, и сладкой лирой
Привѣтствуетъ! Благодарю, поэтъ!
Другой мечту прекрасную голубитъ;
Какъ пламенно мечту свою онъ любитъ;
И правъ поэтъ! Прекрасная мечта!
Но мнѣ дика простая красота
Безъ вымысловъ наряда, украшеній,
И страненъ звукъ германскихъ вдохновеній!
Друзья мои! вотъ истинный поэтъ!
Послушайте, какъ стихъ его рокочетъ,
То пламенно раздастся, то умретъ,
То вдругъ скорбитъ, то пляшетъ и хохочетъ.
Вокругъ него морозъ, свирѣпый хладъ,
А все на немъ цвѣтетъ вѣнецъ лавровый.
Откуда онъ? — Невѣдомый нарядъ!
Подъ шубой весь и въ шапкѣ соболевой!
Анакреонъ, Горацій, Симонидъ
Вокругъ стоятъ съ подъятыми очами,
И Пиндаръ самъ почтительно глядитъ,
Какъ онъ гремитъ полночными струнами!
Что жъ онъ поетъ? Его языкъ мнѣ новъ,
Въ немъ громъ гремитъ въ словахъ далекогласныхъ,
Тоска горюетъ тихо, — а любовь

Купается въ созвучьяхъ сладострастныхъ!
Какъ сей языкъ великолѣпенъ, гордъ!
Какъ риѳмъ его лобзанiе роскошно!
Какъ гибокъ онъ — и вмѣстѣ какъ онъ твердъ!
Благословенъ языкъ земли полночной!
Не разберу я, къ сожалѣнью, словъ:
Онъ, кажется, поетъ про честь, про славу,
Про сладкую къ отечеству любовь,
Про новую полночную державу....
Но снова все туманится и тмится,
И я опять одинъ на цѣломъ свѣтѣ.

Здѣсь останавливаетъ и разочаровываетъ насъ н навистное слово *музыкантъ*, которое, къ удивлені у насъ не замѣнено другимъ, благороднѣйшим Въ нѣмецкомъ языкѣ, изъ котораго мы его з имствовали, оно означаетъ не артиста, не вирту за, а обыкновеннаго гудочника, по крайней мѣр не болѣе какъ ординарнаго музыканта въ оркестр

Изъ представляемыхъ на театрѣ пiесъ Кукол ника, болѣе всѣхъ пользуется извѣстностью и у спѣхомъ: *Рука Всевышняго Отечество спасла*, пр красная поэтическая картина великихъ событ въ началѣ семнадцатаго вѣка, примиренія грозн судьбы съ испытанною страданіями Россіею. Пiес этого рода не подлежатъ строгому разбору крит ки, по всѣмъ правиламъ и условіямъ драматич скаго искусства. Въ нихъ не поэтическая иде не созданные поэтомъ характеры, а дѣйствител ное событіе, существовавшія лица составляют основу и содержаніе. Въ нихъ или представляютс

народу картины бытій минувшихъ, и горестныхъ и славныхъ, или возбуждаются благородныя чувства любви къ отечеству и народной гордости. И если такія картины изображены живыми красками, если дѣйствующія лица сихъ представленій говорятъ приличнымъ имъ языкомъ, а публика понимаетъ и чувствуетъ все величіе изображаемаго событія — довольно для самаго взыскательнаго судьи. Къ этому отдѣленію принадлежатъ и Пожарскій, Крюковскаго, и Димитрій Донской, Озерова.

Другая изъ трагедій Кукольника, играемыхъ на театрѣ, *Князь Михаилъ Васильевичъ Скопинъ-Шуйскій*, въ которой Каратыгинъ съ невыразимою истиною играетъ лице Ляпунова, преисполнена красотъ неподдѣльныхъ. Приведемъ одно мѣсто изъ бесѣды Шуйскаго съ шведскимъ генераломъ де ла Гарди, который хвалилъ русскому вождю воинскую славу.

Князь.

Люблю войну — но за свою отчизну!
Люблю войну — но на чужой землѣ!
Ахъ, Яковъ, не беретъ тебя раздумье,
Когда въ глазахъ богатое село
И церковь Божія по серединѣ,
И на небѣ, какъ звѣздочка, сверкаетъ
Нашъ русскій крестъ, нашъ православный крестъ?
Какъ стражъ небесный, тихо смотритъ долу,
А на него съ молитвой смотритъ люди
И ангеломъ-хранителемъ зовутъ.

И вдругъ война — село беретъ пожаромъ
И церковь Божія въ огнѣ, а крестъ,
Отъ пламени краснѣя постепенно,
Не на своихъ съ небесъ далекихъ смотритъ,
А зажигателю сверкаетъ въ очи,
Упрекомъ, Яковъ, божескимъ упрекомъ!
Какая мысль — я жгу свою отчизну!
Ты понимать меня не можешь, Яковъ!
Вамъ, иностранцамъ, лишь бы гдѣ подраться,
Попировать, повеселиться; васъ
Война манитъ, какъ на богатый пиръ,
И вы за ней на край готовы свѣта.

Де ла Гарди.

Нѣтъ, князь, не глупая охота драться,
Влечетъ на брань и Шведовъ и Норвежцевъ!
Другая мысль тревожитъ наши думы:
Намъ тяжело спокойно жить, намъ горько
Въ могилу лечь, безъ подвиговъ и славы.

Князь.

Тщеславіе!!.... Что безполезный подвигъ,
Что ратный умъ, безъ прибыли для царства?...
Что храбрость, безъ любви къ своей отчизнѣ?...
Мучительная слава, ты сладка!
Я вѣрю — любъ молвы могущій голосъ
И упоителенъ привѣтъ побѣды...
О, сколько разъ и я передъ сраженьемъ
Безъ сна, тонулъ въ роскошныхъ сновидѣньяхъ,
И весь кипѣлъ невыразимымъ чувствомъ!
Я ожидалъ чего-то въ свѣтломъ блескѣ,
Устами пилъ небесное сіянье;
Но разумъ бралъ свое, и съ огорченьемъ

Мнѣ говорилъ: не забавляйся славой!
Ахъ, рано я узналъ, мой добрый Яковъ,
Что слава не въ мечѣ живетъ булатномъ,
А вотъ гдѣ, въ сердцѣ, въ добротѣ сердечной!

Кукольникъ теперь находится еще въ самомъ цвѣтѣ лѣтъ и своего таланта, но послѣднія его сочиненія показываютъ, что онъ не занимается ничѣмъ постояннымъ или великимъ. Просимъ его, именемъ всѣхъ чтителей его блистательныхъ дарованій, оставить занятія мелкою словесностію, которая найдетъ сотни другихъ дѣлателей, погрузиться въ свою богатую сокровищами поэзіи душу, и изъ нея извлечь творенія нетлѣнныя, вѣковыя, на славу свою и своего отечества, которое ожидаетъ отъ него многаго, и конечно не напрасно. Публика наша пойметъ, оцѣнитъ и наградитъ труды, подъемлемые въ пользу драматической поэзіи. Свидѣтельствомъ тому можетъ служить блистательный успѣхъ трагедіи *Велисарій*, удачно переведенной Г. Ободовскимъ. Что было бъ еще, если бъ герои этой піесы были Русскіе, если бъ мысль и исполненіе ея родились въ душѣ писателя отечественнаго!

Отъ романтической трагедіи не далекъ переходъ до собственной драмы, изображающей не грозныя, таинственныя проявленія законовъ судьбы въ здѣшнемъ мірѣ, а жизнь человѣка въ обществѣ и семействѣ. Этотъ родъ долго отвергаемъ былъ Вольтеромъ и другими классиками; онъ водворился, въ концѣ прошедшаго столѣтія, особенно въ Германіи.

Драмы Коцебу и Ифланда вытѣснили было трагедію и комедію. Вліяніе это простерлось и на другія страны. Въ то время, когда Коцебу почти исключительно господствовалъ на нашей сценѣ въ плохихъ переводахъ, появились драмы Ильина, и своею національностью произвели сильное дѣйствіе. Вамъ трудно этому повѣрить нынѣ; но перенеситесь въ 1802 годъ, когда у насъ въ этомъ родѣ не было рѣшительно ничего. Ильинъ, въ драмѣ своей: *Лиза, или Торжество Благодарности*, первый вывелъ на сцену русскаго солдата, Кремнева, явленіе оригинальное, неподражаемое и любопытное. Нынѣшнія изображенія русскихъ солдатъ вѣрнѣе и отчетистѣе, но тогдашнее было первое. Крутицкій, превосходною своею игрою, создалъ роль староеты, и вообще всѣ актеры играли въ этой піесѣ съ большимъ стараніемъ и успѣхомъ. Литературныхъ журналовъ тогда въ С. Петербургѣ не было, и признательность публики выразилась вещественно: нѣкто, неизвѣстный, прислалъ Крутицкому сто червонцевъ, а прочимъ актерамъ двѣ тысячи рублей (серебромъ): это стоило похвальной рецензіи въ Сѣверной Пчелѣ! Другая піеса Ильина, *Великодушіе, или Рекрутскій Наборъ*, принята была также съ одобреніемъ, хотя и не съ такимъ дѣйствительнымъ, и обѣ онѣ породили множество несчастныхъ подражаній. Въ числѣ русскихъ драмъ должно, по справедливости, отличить сочиненія Князя А. А. Шаховскаго, (который, конечно, написалъ бы ихъ гораздо лучше, если бъ не писалъ такъ много) *Роксолану*, Куколь-

ника, и оригинальныя, единственныя въ своемъ родѣ драматическія произведенія И. Н. Скобелева.

Въ нынѣшнее время заслуживаютъ рукоплесканія публики драмы Г. Полеваго, одного изъ самыхъ трудолюбивыхъ и полезныхъ писателей нашихъ, который во многихъ родахъ словесности подвизался и подвизается съ отличнымъ успѣхомъ. Его *Уголино*, *Смерть и Честь*, *Дѣдушка Русскаго Флота*, *Иголкинъ* и наконецъ *Параша Сибирячка* оживляютъ нашу сцену. Въ каждой изъ этихъ піесъ мы найдемъ мысли и чувства, выраженныя сильно и отчетисто, найдемъ характеры и положенія прекрасныя и занимательныя. Какъ глубоко трогаютъ, напримѣръ, въ Парашѣ, эти немногія слова ссыльнаго: «А мы сегодня еще ни разу не читали Парашина письма!» И этому писателю, какъ Кукольнику, пожелаемъ терпѣнія и досуга, чтобъ произвесть что нибудь достойное его дарованія. Вообще однако мы должны быть благодарны Г. Полевому и за то, что онъ дѣлаетъ. Зная на дѣлѣ жизнь, хлопоты и ежеминутныя заботы журналиста, мы удивляемся, откуда онъ беретъ возможность заниматься еще чѣмъ нибудь. И я едва ли не долженъ раскаиваться, что предпринялъ эти Чтенія, составляемыя мною урывками, въ часы, отнимаемые у ночнаго покоя. Чувствую, что предметъ, избранный мною, требовалъ бы бо́льшихъ приготовленій, основательнаго размышленія, долговременнаго труда, но утѣшаюсь мыслію, что сими Чтеніями проложилъ я новый путь инымъ литераторамъ нашимъ: другіе,

болѣе меня досужіе, свободные, основательнѣе изучившіе свой предметъ, со временемъ, и вскорѣ, довершатъ то, что начато мною съ пламеннымъ желаніемъ распространить свѣдѣнія о нашемъ прекрасномъ языкѣ и о произведеніяхъ его словесности, и тѣмъ, сколько нибудь, соотвѣтствовать лестнымъ ожиданіямъ почтенныхъ моихъ слушателей.

ДЕСЯТОЕ ЧТЕНІЕ.

(16-го Февраля.)

I.

Все, что было излагаемо мною донынѣ, относилось къ отдѣльнымъ частямъ языка, къ словамъ, выражающимъ понятіе о существѣ, его качествѣ и дѣйствіи, или объ отношеніяхъ ихъ между собою. Нынѣ приступаю къ изложенію законовъ и правилъ, по которымъ слова соединяются между собою, для выраженія сужденій ума нашего.

Часть всякаго организма только тогда становится дѣйствительнымъ органомъ, когда входитъ въ живую связь съ цѣлымъ организмомъ: такъ и слово только тогда становится словомъ, т. е. выраженіемъ мысли, когда оно, какъ часть живой рѣчи, соединено съ другими словами въ предложеніи. Звукъ принимаетъ значеніе въ словѣ, слово въ рѣчи.

Мы видѣли уже въ первой части Грамматики взаимныя соотношенія словъ между собою. Таковы сочетанія словъ падежами: *хозяинъ дома, другъ сыну*, и предлогами: *дѣвица въ саду, сказка о колдунѣ;* таковы опредѣленія именъ прилагательными: *бѣлый флагъ, строгій приказъ;* но это еще не совершенное, не достаточное соединеніе словъ. Жизнь и значеніе даетъ рѣчи глаголъ, по сей причинѣ называвшійся встарину рѣчью.

Сравнивать или сближать между собою понятія, и находить между ими сходство или несходство, согласіе или противорѣчіе, значитъ судить. *Зима и холодъ, лѣто и жаръ*, составляютъ сужденія: *зимою холодно, лѣтомъ жарко*, или: *зимою не жарко, лѣтомъ не холодно.* Сужденіе, выраженное словами, называется предложеніемъ: *Золото тяжело. Римъ былъ славенъ. Домъ будетъ построенъ.* Вотъ предложенія.

Въ предложеніи различаются слѣдующія части: *подлежащее*, т. е. предметъ, о которомъ въ немъ говорится: *золото, Римъ, домъ. Сказуемое* то, что говорится о подлежащемъ: *тяжело, славенъ, построенъ.* Сверхъ того *связка*, которою соединяются между собою понятія подлежащаго и сказуемаго: *есть, былъ, будетъ.* Глаголъ самостоятельный (*есть, былъ, будетъ,*) многими грамматиками, по сей причинѣ, причисляется къ служебнымъ, форменнымъ частямъ рѣчи. Есть языки, и въ томъ числѣ Русскій, въ которыхъ глаголъ вспомогательный, въ настоящемъ времени, выпускается, или подразумѣвается; вмѣсто: *солнце есть ярко; звѣзды суть*

неподвижны, мы говоримъ: *солнце ярко*; *звѣзды неподвижны*. Глаголъ вспомогательный теряется еще въ томъ случаѣ, когда онъ сливается съ сказуемымъ, и составляетъ съ нимъ одно слово; напримѣръ, вмѣсто: вода *есть кипяща*, солнце *было свѣтяще*, луна *будетъ восходяща*, говоримъ: вода *кипитъ*, солнце *свѣтитъ*, луна *взойдетъ*. Всѣ глаголы, кромѣ глаголовъ самостоятельныхъ, называются совокупными, потому что совокупляютъ въ себѣ смыслъ глагола самостоятельнаго и относящагося къ нему сказуемаго.

Такимъ образомъ дошли мы до составленія предложенія изъ имени и глагола: *Человѣкъ живетъ. Деревья растутъ. Цвѣты блекнутъ.* Спрашивается: которая изъ сихъ двухъ частей, въ предложеніи, важнѣе, существеннѣе? Разумѣется, глаголъ. Подлежащее, или имя, одно не можетъ составить предложенія. *Человѣкъ, деревья, цвѣты* — это отдѣльныя понятія, мертвыя слова. Но въ глаголахъ, напримѣръ: *пишу, смѣются, свѣтаетъ*, мы находимъ фразу, полную по смыслу, только не по наружной формѣ. Слово *пишу*, значитъ: *я пишу*, слѣдственно заключаетъ въ себѣ смыслъ цѣлаго предложенія. *Смѣются*, есть: *они смѣются*. *Свѣтаетъ*, есть дѣйствіе самостоятельное, хотя и относится къ предмету неопредѣленному. Отъ этого въ каждомъ предложеніи долженъ быть глаголъ и только одинъ: гдѣ два глагола, тамъ два предложенія. Отъ этого всѣ другія части предложенія могутъ быть замѣнены или размножены иными словами: одинъ

глаголъ остается въ своей силѣ. Мы это увидимъ въ послѣдствіи.

И такъ первое отношеніе въ каждомъ предложеніи есть отношеніе подлежащаго къ сказуемому; можно сказать, отношеніе сказуемое. Между тѣмъ, для ближайшаго означенія сихъ двухъ главныхъ частей, являются еще два отношенія: *опредѣленія*, которыми выражается качество предмета или дѣйствія, и *дополненія*, которыми выражаются предметы, состоящіе съ подлежащимъ или съ сказуемымъ въ извѣстномъ отношеніи; напримѣръ: *Бѣдный человѣкъ много терпитъ.* Здѣсь подлежащее *человѣкъ*, сказуемое *терпитъ*. *Бѣдный*, опредѣленіе подлежащаго; *много*, опредѣленіе сказуемаго. *Человѣкъ въ бѣдности терпитъ отъ безжалостныхъ. Въ бѣдности* и *отъ безжалостныхъ*, дополненія словъ *человѣкъ* и *терпитъ*. И самыя дополненія и опредѣленія могутъ быть опредѣляемы и дополняемы; напримѣръ: «Человѣкъ въ *тяжкой* бѣдности *много* терпитъ отъ людей *безжалостныхъ къ ближнему.*»

Такимъ образомъ является подлежащее и сказуемое *несоставное* и *составное*: первое состоитъ изъ одного понятія, выраженнаго однимъ словомъ; послѣднее изъ одного главнаго понятія, поясненнаго и опредѣленнаго другими посторонними понятіями. Въ предложеніи: *Римъ славился*, и подлежащее и сказуемое несоставное, но въ предложеніи: *Знаменитый Римъ, обширнѣйшее государство древняго міра, славился своими побѣдами во всѣхъ частяхъ Свѣта*, они составныя.

Подлежащее и сказуемое могутъ быть *простое* и *сложное*. Простое подлежащее выражаетъ *одинъ* предметъ, хотя и многими словами, напримѣръ: *Знаменитый Римъ, обширнѣйшее государство древняго міра.* Сложное подлежащее выражаетъ два или болѣе отдѣльныхъ предметовъ; напримѣръ: «*Римъ* и *Карѳагенъ* были славны.» Та же разность находится и въ сказуемомъ простомъ и сложномъ. *Римъ былъ славенъ*, и *Римъ былъ славенъ и богатъ*: *славенъ* простое сказуемое; *славенъ и богатъ* двойное. Какъ отличить подлежащее сложное отъ составнаго? Подлежащее сложное можетъ быть раздѣлено на нѣсколько простыхъ: *Римъ былъ славенъ, Карѳагенъ былъ славенъ.* Но составнаго (*Знаменитый Римъ былъ славенъ*) не раздѣлите. *Римъ былъ славенъ*, такъ, но *знаменитый былъ славенъ*, ничего не значитъ. То же и въ сказуемомъ: Римъ былъ *богатъ и славенъ*. Здѣсь оно сложное: *Римъ былъ богатъ, Римъ былъ славенъ.* Раздѣлите сказуемое: *Римъ славился побѣдами въ цвѣтущее свое время.* Нельзя.

Подлежащее можетъ быть:

1. Имя существительное въ именительномъ падежѣ: «*Человѣкъ* смертенъ.»

2. Прилагательное, употребленное вмѣсто существительнаго: «*Смертный* слабъ. *Страждущій* плачетъ. *Утѣшенный* радуется. *Этотъ* ходитъ, *тотъ* сидитъ.»

3. Мѣстоименіе личное: «*Я* усталъ. *Ты* веселъ.»

4. Глаголъ въ неокончательномъ наклоненіи: «*Плакать* есть слабость.»

5. Нарѣчія качественныя, употребленныя вмѣсто существительныхъ отвлеченныхъ: «Мнѣ *холодно.* Мнѣ было *страшно.* Тебѣ будетъ *весело.*»

Составное подлежащее производится изъ несоставнаго, присоединеніемъ къ нему словъ опредѣлительныхъ или дополнительныхъ, кои суть:

1. Имена прилагательныя, въ полномъ окончаніи: *душистая* роза, *одна* роза, *моя* роза, *цвѣтущая* роза, *сорванная* роза.

2. Нарѣчіе качества и дѣепричастіе при неокончательномъ наклоненіи: «*Храбро* сражаться есть долгъ воина. *Разгорячась* пить опасно.»

3. Приложеніе, или аппозиція, то есть другое имя существительное съ приложеніями, выражающее какую нибудь принадлежность главнаго имени въ подлежащемъ или сказуемомъ; напримѣръ: «Роза, *цвѣтокъ прелестный*, манитъ къ себѣ взоры.»

4. Дополненія имени, въ косвенномъ падежѣ или съ предлогомъ, дополняющія значеніе подлежащаго: «Роза *безъ шиповъ* цвѣтетъ только въ сказкахъ. Слава *отечества* намъ дорога.»

Сказуемое, какъ выше сказано, можетъ быть двоякое, или собственное сказуемое или глаголъ совокупный, заключающій въ себѣ и сказуемое и связку.

Собственное сказуемое бываетъ:

1. Имя прилагательное въ усѣченномъ окончаніи: «Листъ *зеленъ.* Вода была *холодна.* Лѣто будетъ не *жарко.*»

2. Причастіе страдательное въ усѣченномъ окон-

чанія: «Домъ *срытъ*. Роза будетъ *сорвана*. Книга была *написана*.»

3. Имя прилагательное обстоятельственное, притяжательное, числительное, мѣстоименіе прилагательное, въ полномъ окончаніи, потому что они не имѣютъ усѣченнаго, напримѣръ: «Этотъ хлѣбъ *вчерашній*. Твоя шуба *медвѣжья*. Москва *наша*. Эта книга *моя*. Онъ у насъ былъ *первый*.»

4. Имя существительное нарицательное, заключающее въ себѣ понятіе о какомъ либо качествѣ, или относящееся къ подлежащему, какъ родъ къ виду, напримѣръ: «Твой братъ *чудакъ*. Этотъ мальчикъ *лѣнтяй*. Лѣность есть *порокъ*.»

5. Глаголъ въ неокончательномъ наклоненіи, замѣняющій имя отглагольное, напримѣръ: «Вашъ долгъ есть *молчать*, вм. молчаніе.»

Втораго рода сказуемое есть всегда глаголъ совокупный, т. е. дѣйствительный, средній или возвратный; напримѣръ: «Птица *поетъ*. Кошка *моется*. Звѣри *дерутся*.»

Опредѣлительныя слова сказуемаго, при именахъ прилагательныхъ и глаголахъ, суть нарѣчія и дѣепричастія; напримѣръ: «Твой другъ *очень* уменъ. Ваша сестра *гораздо* моложе. Онъ былъ *не* веселъ. Я гулялъ *вчера*. Домъ построенъ *недавно*. Соловей поетъ *сидя*, а жаворонокъ поетъ *летая*.» При именахъ существительныхъ тѣ же слова, которыми опредѣляется подлежащее: «Суворовъ былъ *великій* полководецъ, *честь своего вѣка*.»

При сказуемомъ бываютъ дополненія, какъ и при подлежащемъ: «Я говорю *правду*. Мой сосѣдъ

боленъ *лихорадкою.* Этотъ городъ разоренъ *въ конецъ.* Я гуляю *по полю.* Мы ѣздимъ *въ большихъ саняхъ.*»

Связка, какъ уже неоднократно говорено было, состоитъ изъ глаголовъ существительныхъ *быть* и *стать.* Связка опредѣляется нарѣчіями утвержденія, отрицанія и вопросительными; напримѣръ: «Онъ *точно* былъ дома. Онъ *вѣроятно* былъ дома. Онъ *непремѣнно* былъ дома. Онъ *не* былъ дома. Былъ *ли* онъ дома?» — Замѣтимъ здѣсь одно правило орѳографіи, которое, можетъ быть, въ послѣдствіи намъ не встрѣтится. Какъ писать отрицательное нарѣчіе *не,* слитно или отдѣльно? Напримѣръ: «мальчикъ *не глупъ;* моя лошадь *не упряма.*» Если отрицаніе заключается въ связкѣ, то пишется отдѣльно; напримѣръ: «онъ *не* охотникъ до лошадей.» Это значитъ: «онъ *не есть* охотникъ до лошадей.» Но заключаясь въ сказуемомъ, отрицаніе пишется слитно: «онъ *невеселъ,* онъ *нездоровъ.*» Это значитъ: «онъ *есть не*веселъ; онъ *есть не*здоровъ.»

Должно знать, что весьма часто опускается или подразумѣвается которая либо изъ частей предложенія. Напримѣръ, въ предложеніи: *роза нѣжна,* опущена связка *есть;* въ словахъ: *желаемъ здравія,* опущено подлежащее. На вопросъ: кто построилъ Петербургъ? отвѣчаютъ словами: *Петръ Великій,* которыя суть сокращенное предложеніе: *Петръ Великій построилъ Петербургъ.*

Мы говорили доселѣ о предложеніяхъ простыхъ, отдѣльныхъ. Теперь скажемъ нѣсколько словъ о сложныхъ. Простое предложеніе состоитъ изъ од-

ного совокупленія сказуемаго съ подлежащимъ; напримѣръ: *Этотъ домъ проданъ. Этотъ домъ проданъ вчера съ публичнаго торгу за большія деньги.* Оба эти предложенія простыя, ибо въ обоихъ заключается смыслъ только одного существительнаго глагола *былъ* или *есть*. Сложное предложеніе происходитъ отъ присовокупленія одного простаго предложенія къ другому, слѣдственно есть совокупленіе двухъ или болѣе простыхъ предложеній. *Этотъ домъ, который обошелся хозяину во сто тысячъ рублей, проданъ за двѣсти тысячъ.* Здѣсь два предложенія: *этотъ домъ проданъ за двѣсти тысячъ рублей*, и *который домъ обошелся хозяину во сто тысячъ*. Въ словахъ: *Если хочешь быть счастливъ, дѣлай добро и не жди награды*, три предложенія: *ты хочешь быть счастливъ, ты дѣлай добро, ты не жди награды.* Должно замѣтить, что число предложеній можно узнать по числу глаголовъ въ изъявительномъ и повелительномъ наклоненіи, причастій и дѣепричастій.

Сложное предложеніе, вполнѣ выражающее мысль со всѣми обстоятельствами и оттѣнками, есть *періодъ*, и составленіемъ періода оканчивается дѣло Грамматики.

Мы раздѣлимъ правила Синтаксиса, или Словосочиненія, на три части: 1) О сочетаніи словъ, 2) О сочетаніи предложеній, и 3) О порядкѣ или размѣщеніи словъ.

Въ главѣ: О сочетаніи словъ, предлагаются правила, по которымъ, въ Русскомъ Языкѣ, отдѣльныя слова соединяются для составленія предложенія

или которой либо его части. Выше сего говорено было, что разныя обстоятельства главныхъ частей предложенія выражаются двумя способами, опредѣленіемъ и дополненіемъ. Это ведетъ къ раздѣленію сихъ правилъ на двѣ части, на согласованіе словъ, и на управленіе словъ.

Въ отдѣленіи согласованія словъ заключаются правила, на основаніи которыхъ выражается, грамматическими формами, связь между главными и вспомогательными частями предложенія. Главныя, какъ я сказалъ, суть подлежащее, сказуемое и связка; вспомогательныя же — ихъ опредѣленія.

Общія правила согласованія словъ, во всѣхъ языкахъ, суть слѣдующія:

1. Подлежащее, сказуемое и связка (также глаголъ совокупный) полагаются въ одномъ числѣ, лицѣ и родѣ: *Богъ есть всемогущъ. Римъ былъ славенъ. Азія будетъ спокойна. Луна свѣтитъ. Аннибалъ сражался. Римляне побѣждали.*

2. Опредѣлительныя слова имени существительнаго полагаются съ нимъ въ одномъ родѣ, числѣ и падежѣ; напримѣръ: «Александръ *Великій* завоевалъ *богатую* Персію. Екатерина *Вторая* воздвигла *великолѣпный* памятникъ Петру *Великому.*»

3. Приложеніе, то есть объяснительное имя существительное, согласуется съ главнымъ существительнымъ въ падежѣ, но въ числѣ и родѣ можетъ разниться. «Стѣны Кремля, *почтенный памятникъ* древности, были разрушены. Башня Ярославова, *новое гордое зданіе* народнаго богатства, пала. Слезы, *утѣшеніе* несчастныхъ, у него изся-

кли.» Если употребленое въ приложеніи имя есть движимое, т. е. если оно измѣняется въ родѣ, то согласуется съ главнымъ существительнымъ: «Петръ, *просвѣтитель* Россіи. Екатерина, *законодательница* отечества. Сонъ, *утѣшитель* страждущихъ.» При подлежащемъ средняго рода, приложеніе употребляется въ мужескомъ: «Терпѣніе, *наставникъ* человѣка.»

4. При двухъ или болѣе подлежащихъ, употребленныхъ въ единственномъ числѣ, связка и сказуемое, также глаголъ, полагаются во множественномъ числѣ: «Румянцовъ, Суворовъ и Кутузовъ были *великіе полководцы*. Лѣность и невоздержаніе *вредны*. Отецъ и сынъ *богаты*.» То же разумѣется и о словахъ опредѣлительныхъ: при двухъ или болѣе существительныхъ, употребленныхъ въ единственномъ числѣ, они полагаются во множественномъ: «*Безсмертные* Владиміръ и Ярославъ. *Наши* Смоленскъ и Москва были взяты непріятелемъ. Потомство благословляетъ Михаила и Алексѣя, *мудрыхъ и добродѣтельныхъ*.»

5. Всѣ глаголы, означающіе дѣйствіе одного и того же предмета въ предложеніи, полагаются въ одномъ времени, видѣ, наклоненіи, числѣ, лицѣ и родѣ; напримѣръ: «Петръ Великій *распространилъ*, *просвѣтилъ*, *обогатилъ* и *возвеличилъ* Россію. Науки *питаютъ* юношей, *украшаютъ* мужей, *утѣшаютъ* старцевъ.»

Вотъ главныя правила согласованія словъ, всѣмъ извѣстныя и всѣми безъ ошибки употребляемыя. Но они имѣютъ нѣсколько подраздѣленій и укло-

ненiй, свойственныхъ Русскому Языку. Исчислимъ важнѣйшiя.

1. Если употреблены два имени, нарицательное и собственное, относящiяся къ одному и тому же предмету, и разнящiяся въ родѣ и числѣ, то прилагательное или глаголъ согласуется съ нарицательнымъ: «*Древнiя* Ѳивы, и *древнiй* городъ Ѳивы. *Славный* Дунай, и *славная* рѣка Дунай.»

2. Если прилагательныя и глаголы относятся къ двумъ или болѣе существительнымъ единственнаго числа, которыми означаются разные, личные предметы, то полагаются въ множественномъ числѣ; напримѣръ: «*Англiйскiй* и *французскiй* послы выѣхали изъ города.» Но когда предметъ существительнаго отвлеченный, или когда имя это нарицательное, общее, означающее предметы совершенно одного рода, или же, когда исчисляются части цѣлаго, тогда какъ существительное, такъ и прилагательное, или глаголъ, могутъ оставаться въ единственномъ числѣ. Напримѣръ: *Ему принадлежала законодательная и судебная власть. О рѣзномъ и плавильномъ искусствѣ. Ревъ бури, трескъ огня и вопль людей былъ заглушаемъ взрывами пороха. Между Чернымъ и Каспiйскимъ Моремъ. Въ десятомъ и одиннадцатомъ вѣкѣ. Въ 1812 и 1814 году.* Здѣсь можно употребить существительное и въ множественномъ числѣ: *между Чернымъ и Каспiйскимъ Морями; въ десятомъ и одиннадцатомъ вѣкахъ*, но первое будетъ правильнѣе и глаже. Здѣсь подразумѣвается избѣгнутое повторенiе: *въ одиннадцатомъ вѣкѣ и въ двѣнадцатомъ вѣкѣ.*

3. Если два имени существительныя совокуплены союзами: *или, либо; и, и; ни, ни; не столько, но и, ни, ниже*, то имя прилагательное и глаголъ полагаются въ единственномъ числѣ: «Зима или весна тебѣ *пріятна?* Иванъ или Петръ *получитъ* награду. Либо сынъ, либо дочь *поѣдетъ* съ отцемъ. Ни богатство, ни слава не *ведетъ* къ истинному счастію.» Но какъ быть, когда эти существительныя разнятся въ родѣ: «Зима или лѣто *тебѣ пріятна* или *пріятно?* Мечъ сильныхъ или хитрость человѣколюбивыхъ *произвелъ (мечъ)* сіи перемѣны или *произвела (хитрость)* сіи перемѣны?» Здѣсь надобно примирить разнородныя имена числомъ множественнымъ: *Зима или лѣто тебѣ пріятны? Мечъ сильныхъ или хитрость честолюбивыхъ произвели сіи перемѣны.* — Позволяется еще оставлять прилагательное и глаголъ въ единственномъ числѣ, когда они предшествуютъ существительному: «*Божія* благость и долготерпѣніе велики. *Царская* милость и благоволеніе мнѣ всего дороже.» — Если сложное подлежащее состоитъ не изъ существительныхъ, а изъ прилагательныхъ, мѣстоименій и глаголовъ въ неокончательномъ наклоненіи, то сказуемое полагается въ единственномъ числѣ: «То и другое мнѣ *противно.* Изящное и высокое *воспламеняетъ* человѣка. Сражаться и умирать *есть* долгъ воина.» Достойно замѣчанія, что глаголъ *есть*, когда онъ означаетъ существованіе предмета, а не служитъ только связкою, употребляется въ единственномъ числѣ при имени въ числѣ множественномъ; напримѣръ: «у него *есть* деньги,» но

это бываетъ только въ настоящемъ времени. Въ прошедшемъ и будущемъ, онъ согласуется: «у него *были* деньги, у него *будутъ* деньги.»

4. При двухъ или болѣе существительныхъ рода мужескаго и средняго, мужескаго и женскаго, прилагательное согласуется съ родомъ мужескимъ: «*Славные* цари и царицы; *знаменитые* Москва и Петербургъ; сочиненія и переводы, *издаваемые* академію; *русскіе* повѣсти и разсказы.»

5. Въ мѣстоименіяхъ первое лице важнѣе втораго, второе важнѣе третьяго. «Я и ты *живемъ* весело. Ты и онъ *ходите* гулять. Мы и они *любимъ* книги.»

6. Мѣстоименіе личное втораго лица, слѣдственно и относящіеся къ нему глаголы, употребляются изъ учтивости во множественномъ числѣ: «*Вы нездоровы. Вы*, сударыня *гуляли* по саду.» Но если сказуемое есть имя существительное, то полагается въ единственномъ числѣ: «Вы *охотникъ* до книгъ. Вы *добрая дѣвица*.» — Третье лице оставляется въ единственномъ числѣ, т. е. не должно говорить: *они ушли*, вм. *онъ ушелъ*. Это этикетъ переднихъ. Во второй части нынѣшняго моего Чтенія, упомяну я объ одной странности, господствовавшей въ этомъ отношеніи въ языкѣ прошедшаго вѣка.

7. При именахъ средняго и женскаго рода, означающихъ титулъ: *величество*, *высочество*, *свѣтлость*, *сіятельство*, слова опредѣлительныя полагаются въ соотвѣтствующемъ родѣ: *королевское величество*, *княжеская свѣтлость*, но зависящіе отъ нихъ глаголы и сказуемыя согласуются съ

поломъ лица, къ которому титулъ относится: «Его Величество (Король) *былъ* здѣсь. Ея Величечество (Королева) *нездорова.* Его Свѣтлость (князь) *въѣхалъ* изъ дому. Ея Сіятельство (графиня) *прогуливалась.*» Во французскомъ языкѣ мѣстоименія и прилагательныя согласуются съ титуломъ: послѣ словъ sa majesté, они употребляются въ женскомъ родѣ, напримѣръ: elle a *été* indisposée.

8. Приложеніе, заключающее въ себѣ титулъ, наименованіе вещи, заглавіе книги, полагается въ падежѣ именительномъ, хотя главное имя поставлено въ косвенномъ. Напримѣръ: «Въ трагедіи *Эдипъ* много прекрасныхъ стиховъ. Я пріѣхалъ на пароходѣ *Наслѣдникъ.* Въ книгѣ: *Основанія Архитектуры,* много чертежей.»

9. Большую сбивчивость представляетъ согласованіе именъ числительныхъ количественныхъ. Такъ, напримѣръ, у насъ одни пишутъ: *два новые дома,* другіе: *два новыхъ дома:* здѣсь согласованы три различные падежа. Но такъ какъ это касается преимущественно управленія словъ, то мы и относимъ разборъ сихъ обстоятельствъ къ слѣдующей главѣ. Здѣсь предлежатъ намъ главныя правила согласованія числительныхъ съ существительными. При именахъ существительныхъ (*два, три, четыре, пять, сто*) и сложныхъ съ ними, означающихъ болѣе одного предмета, слѣдственно число множественное, опредѣлительныя слова полагаются во множественномъ числѣ, если за числительнымъ слѣдуетъ существительное: «*первые* два человѣка; *эти* три чашки; *всѣ* четыре

брата; *послѣднія* шесть гривенъ; *эти* сорокъ пять копѣекъ, *наши* сто душъ, *чьи* тысяча рублей.» Если же послѣ числительныхъ: *сорокъ*, *сто*, *тысяча*, нѣтъ существительнаго, то опредѣлительныя полагаются въ единственномъ числѣ: «*первый* сорокъ, *второе* сто, *послѣдняя* тысяча.» Замѣчательно, что слово *милліонъ* всегда требуетъ согласованія: «*первый* милліонъ, и *первый* милліонъ рублей.» Глаголъ и сказуемое, слѣдующіе за сими числительными, подчиняются тѣмъ же правиламъ. Мы говоримъ: «два человѣка *пришли*; три солдата *работаютъ*; четыре брата *уѣхали*; сорокъ человѣкъ *трудятся*; тысяча солдатъ *штурмуютъ* баттарею.» Но если дѣйствія сихъ предметовъ суть не отдѣльныя каждаго изъ нихъ, а общія, производимыя всею массою, если эти предметы являются въ дѣйствіяхъ страдательными или невольными дѣятелями, то глаголъ и сказуемое полагаются въ родѣ среднемъ: «*пришло* десять человѣкъ; пять человѣкъ *убито*; двѣнадцать стакановъ *разбито*; *ранено* человѣкъ десять рядовыхъ; *куплено* тысячъ пять аршинъ; *было* три часа; *протекло* два года; *прошло* двѣнадцать дней.» Когда же вы опредѣлите эти предметы порознь, и заставите дѣйствовать каждый, употребляется число множественное: «*прошли* двѣнадцать тяжкихъ дней; *протекли* семь счастливыхъ лѣтъ.»

10. Къ правиламъ о согласованіи словъ числительныхъ примѣняются замѣчанія о согласованіи именъ существительныхъ, означающихъ число предметовъ собирательнымъ, неопредѣленнымъ об-

разомъ, и принимающихъ послѣ себя существительное имя въ падежѣ родительномъ; напримѣръ: *множество золота, толпа людей*. Одни пишутъ у насъ: «Множество купцевъ *толпилось* на биржѣ; другіе: Множество купцевъ *толпились* на биржѣ. Большая часть солдатъ *легла* на мѣстѣ сраженія, и Большая часть солдатъ *легли* на мѣстѣ сраженія.» Во французскомъ языкѣ наблюдается второе изъ приведенныхъ правилъ: глаголъ согласуется не буквально съ главнымъ существительнымъ, а по смыслу его, со множественнымъ числомъ. У насъ, я думаю, можно сдѣлать различіе, показанное мною прежде при именахъ числительныхъ. Если дѣйствіе производится не отдѣльными лицами, а массою, (лавою, какъ говорятъ казаки), если оно вынужденное, непроизвольное, то употребляется множественное число: «Безчисленное множество людей *вступило* съ рѣку. Множество Россіянъ *легло* на мѣстѣ. Большое число людей *сгорѣло*. Большая часть Печенѣговъ *была убита*.» Но когда выражается дѣйствіе каждаго изъ лицъ, составляющихъ общее количество, когда является дѣйствіе произвольное, употребляется множественное число: «Множество дѣтей *учатся* въ семъ заведеніи. Большая часть ткачей *занимаются* работою.» Въ этомъ случаѣ должно руководствоваться чувствомъ приличія и сообразности съ смысломъ, но такъ какъ чувство худой руководитель въ дѣлахъ ума и языка, то, мнѣ кажется, лучше бъ было утвердить что нибудь одно. — Нарѣчія качества: *много, мало, нѣсколько*, принимаютъ глаголъ въ числѣ

единственномъ и въ родѣ среднемъ: «Нѣсколько деревень *сгорѣло*. Много учениковъ затрудняетъ учителя. Сколько *пригнано* воловъ?» Но если глаголъ стоитъ впереди, то можетъ быть употребленъ во множественномъ числѣ: «Нѣтъ! *воскликнули* нѣсколько человѣкъ. Вотъ книга, которую *писали* нѣсколько литераторовъ.»

11. За нѣсколько лѣтъ предъ симъ, въ Сѣверной Пчелѣ напечатана была статья, въ которой описывалось какое-то уличное происшествіе въ Парижѣ. «Ѣхала карета. Народъ окружилъ ее. Два человѣка высунули *голову* изъ окна въ обѣ стороны.» Одинъ московскій критикъ замѣтилъ, что видно у обоихъ была одна голова. Нѣтъ, не одна голова, а по одной головѣ. Если бъ сказано было: *высунули головы*, значило бы, что у нихъ нѣсколько головъ. Напримѣръ: *высунули руки*. Но какъ сказать: высунули *правую руку*, или *правыя руки*? *Правую руку:* она одна у каждаго. Карамзинъ говоритъ: «Народъ плакалъ надъ *тѣломъ* Олега, Ольги и Владиміра, а не надъ *тѣлами*,» ибо дѣйствіе происходило отдѣльно, и при каждомъ дѣйствіи было одно тѣло. — У насъ пишутъ: *офицеры ѣхали верхами*. Нѣтъ! *верхомъ*. Слѣдственно должно говорить: *офицеры шли пѣшками?*

12. Глаголы въ одномъ предложеніи могутъ разниться въ видѣ, но притомъ должно быть выражено нарѣчіемъ обстоятельство, побуждающее къ этому измѣненію. Напримѣръ, нельзя сказать: «Онъ *ходилъ*, *остановился*, *вздохнулъ* и *продолжалъ путь*.» Опредѣлите каждое дѣйствіе нарѣчіемъ, и

тогда не будетъ несообразности: «Онъ *долго ходилъ* по улицѣ, *вдругъ остановился, вздохнулъ*, и *потомъ продолжалъ* путь.» — Изъ видовъ глагола болѣе всего сближаются однократный и совершенный; многократный и несовершенный имъ противоположны; неопредѣленный составляетъ между ими средину, или переходъ. Напримѣръ: «Воины *выступили* изъ города, долгое время *хранили* молчаніе; наконецъ *стали* разговаривать; весело *бесѣдовали* между собою, *вспоминали* о прежнихъ своихъ подвигахъ, *шутили, смѣялись,* и въ виду непріятеля *изготовились* къ сраженію. Мой сосѣдъ *живалъ* въ разныхъ городахъ, *торговалъ* въ Москвѣ, и недавно *переселился* сюда.»

Въ слѣдующемъ Чтеніи приступимъ къ законамъ управленія словъ.

II.

Нынѣшняя бесѣда наша посвящена будетъ обозрѣнію русскихъ драматическихъ произведеній, въ родѣ комическомъ.

И въ этомъ родѣ, какъ и въ трагедіяхъ, начали мы подражаніями иностранцамъ, именно Французамъ. Упомянуто уже, что Моліеровъ Врачъ противу воли представленъ былъ въ комнатахъ Царевны Софіи Алексѣевны, что комедіи Моліера, въ самыхъ тяжелыхъ, варварскихъ переводахъ, составляли репертуаръ Русскаго Театра въ царствованіе Императрицы Елисаветы Петровны. Моліеръ признанъ образцовымъ комикомъ въ Европѣ, но мнѣнія о степени его достоинства различны.

Французы единогласно признаютъ его первымъ и единственнымъ поэтомъ комическимъ, оригинальнымъ и неподражаемымъ, утверждая, что онъ все творилъ изъ собственнаго генія, не подражая никому другому. Нѣмецкіе же критики, въ томъ числѣ именно Августъ Вильгельмъ Шлегель, говорятъ, что онъ много заимствовалъ у комиковъ латинскихъ и у италіянскихъ своихъ предшественниковъ, что его важныя комедіи скучны и натянуты, а фарсы были собственнымъ его поприщемъ, съ котораго бы ему сходить не надлежало. Это видимое пристрастіе, несправедливое преувеличеніе, порожденное исключительнымъ пристрастіемъ Шлегеля къ Шекспиру и Испанцамъ, въ которыхъ онъ, переводя ихъ, находилъ все безъ исключенія великимъ и образцовымъ. Моліеръ останется всегда первымъ комическимъ писателемъ новыхъ временъ; только обстоятельства и временныя требованія того круга, въ которомъ онъ жилъ и дѣйствовалъ, останавливали и замедляли въ немъ развитіе всѣхъ способностей и средствъ. Кто могъ превзойти его въ теченіе полутораста лѣтъ? Кто могъ съ нимъ сравниться? Чьи комедіи полтора вѣка безпрерывно восхищаютъ и забавляютъ публику всѣхъ театровъ въ свѣтѣ? Еще на прошлой недѣлѣ играли на здѣшнемъ Французскомъ Театрѣ его Précieuses ridicules, и намъ казалось, что въ рѣчахъ его провинціяльныхъ умницъ мы слышимъ сужденія и фразы одного изъ нашихъ тучныхъ листами журналовъ! Перестанемъ нападать на истинно изящное и великое; перестанемъ искать

пятенъ тамъ, гдѣ сіяютъ красоты перваго разряда. Не будемъ взыскивать съ Французовъ ихъ безотчетной, можетъ быть, преувеличенной хвалы Моліеру: она истекаетъ у нихъ изъ благородной любви къ отечественному, она искренняя и безкорыстна; любимый актеръ Лудовика XIV не можетъ выпросить для нынѣшнихъ хвалителей своихъ ни чинишка, ни мѣстечка. Въ этомъ случаѣ является любопытная и странная противоположность въ духѣ и дѣйствіяхъ двухъ націй. Французы слывутъ по превосходству легкомысленными и непостоянными: дѣйствительно, и въ дѣлахъ важныхъ, государственныхъ, и въ свѣтскихъ обычаяхъ они безпрестанно мѣняютъ свои мысли и правила; нѣтъ двухъ Французовъ изъ тридцати милліоновъ, которые были бы совершенно согласны между собою въ сихъ отношеніяхъ. Но въ литературѣ они постоянны и единогласны: уважаютъ безусловно своихъ классическихъ писателей, читаютъ ихъ съ вниманіемъ и какимъ-то благоговѣніемъ, защищаютъ всѣми силами, прощаютъ имъ и несообразности съ нынѣшними понятіями, и варварскій, устарѣлый языкъ, благодаря ихъ за наслажденіе, которое писатели сіи доставляютъ имъ въ теченіе вѣковъ. По сю сторону Рейна видимъ совершенно иное. Спокойные, благоразумные, основательные, глубокоученые Нѣмцы, у которыхъ и домы и физіономіи лицъ остались стеоретиппооригинальными съ Среднихъ Вѣковъ, въ словесности непостоянны и забывчивы, можно сказать, несправедливы и

неблагодарны къ прошедшему; въ нихъ являются холодность къ своему и предпочтеніе чужаго. Каждое десятилѣтіе раждаетъ у нихъ и новыхъ философовъ, и новыхъ поэтовъ, которые въ публикѣ приводятъ въ забвеніе все прошедшее, наполняютъ собою всѣ книги и журналы, и чрезъ нѣсколько лѣтъ, въ свою чреду, замѣняются новыми героями. Сколько на нашемъ вѣку перемѣнилось въ Германіи школъ и мнѣній! Желательно было бы, чтобъ мы, въ этомъ случаѣ, подражали Французамъ, не тѣмъ, которые въ новое и новѣйшее время старались ниспровергнуть все существующее, а тѣмъ, которые, страстно любя свое отечество и его славу, чтятъ великихъ своихъ писателей, и награждая похвалами новыхъ, не обременяютъ прежнихъ равнодушіемъ и насмѣшками.

Первыя русскія комедіи писаны были Сумароковымъ, не потому чтобъ онъ чувствовалъ въ себѣ влеченіе или талантъ къ сочиненіямъ сего рода, а по той единственно причинѣ, что для тогдашняго театра нужны были и комедіи. Къ несчастію, слишкомъ часто подводятъ и произведенія литературы подъ уровень занятій канцелярскихъ; сочинители садятся писать трагедіи и комедіи, какъ краткія выписки изъ апелляціоннаго дѣла, по предписанію начальства, въ исполненіе лежащей на чиновникѣ обязанности. Отъ этого родятся тѣ холодныя, незанимательныя, скучныя представленія, которыми подчиваютъ насъ записные драматурги. Но мы, въ этомъ случаѣ, отнюдь не

намѣрены унижать заслуги Сумарокова: онъ дѣлалъ что могъ и умѣлъ, и за то ему спасибо чрезъ восемьдесятъ лѣтъ.

После него театръ нашъ пробавлялся одними переводами, до самого фонъ-Визина. Денисъ Ивановичъ фонъ-Визинъ представляетъ намъ лице достойное вниманія и изученія. Онъ былъ сынъ почтенныхъ и добродѣтельныхъ родителей, получилъ хорошее, по тогдашнему, воспитаніе въ Московскомъ Университетѣ, обратилъ на себя вниманіе наставниковъ и начальниковъ необыкновенными способностями, но, на бѣду себѣ, сдѣлался извѣстенъ преимущественно рѣзкими и колкими своими эпиграммами на дураковъ, невѣждъ и негодяевъ, слѣдственно обратилъ на себя гнѣвъ и негодованіе значительнаго числа, и имѣя отъ природы доброе, чувствительное сердце, прослылъ злымъ и опаснымъ человѣкомъ. Языкъ мой врагъ мой! повторялъ онъ со многими другими. Онъ выросъ въ правилахъ Христіанской Вѣры и чистой нравственности, но, по вступленіи въ свѣтъ, вошелъ въ связи съ тогдашними умниками и модными вольнодумцами, и сталъ было проповѣдовать ихъ правила въ стихахъ и прозѣ, но послѣ образумился, вспомнилъ благіе совѣты своихъ родителей, и почерпнувъ правила истинной нравственности изъ глубины души своей, старался загладить и исправить заблужденія молодыхъ лѣтъ. Онъ нѣсколько разъ ѣздилъ за границу, и, въ письмахъ изъ чужихъ краевъ, оставилъ намъ памятники своего наблюдательнаго, остраго и здраваго ума.

Портреты тогдашнихъ Французовъ, описанія разныхъ частныхъ случаевъ того времени остались драгоцѣннымъ достояніемъ потомства. Въ молодости своей видѣлъ онъ Ломоносова, и пользовался его бесѣдою; потомъ былъ въ связяхъ съ Сумароковымъ, но не любилъ его, издѣвался надъ его самолюбіемъ и тщеславіемъ, и передражнивалъ его, читая свои комедіи. Въ Парижѣ былъ онъ въ связи со всѣми тогдашними писателями и умниками, видѣлъ послѣднее торжество Вольтера, и сбираясь посѣтить любимаго имъ Руссо, узналъ о неожиданной его кончинѣ. Вторичное путешествіе, въ Италію, предпринималъ онъ въ осьмидесятыхъ годахъ, и по возвращеніи готовился блеснуть своими дарованіями и собранными имъ свѣдѣніями. Параличъ лишилъ его употребленія руки и отчасти языка, и въ этомъ бѣдственномъ положеніи прожилъ онъ около осьми лѣтъ, не могъ дѣятельно заниматься словесностью, но восхищалъ и дивилъ всѣхъ свѣжестью и оригинальностью своего ума. Иванъ Ивановичъ Дмитріевъ пишетъ, что видѣлъ его, осенью 1792 года, у Гаврила Романовича Державина. Фонъ-Визинъ былъ душею разговора, и разсказывалъ, при общемъ смѣхѣ, содержаніе новой трагедіи, сочиненной его пріятелемъ, въ которой героиня, въ концѣ піесы, умираетъ не отъ яду или кинжала, а отъ злой чахотки. Онъ обѣщалъ пріѣхать на другой день, и привезть съ собою эту трагедію, но въ слѣдующую ночь скончался. Послѣднимъ его произведеніемъ было начало Испо-

вѣди, въ которой онъ намѣревался изложить всю свою жизнь, описать все, что съ нимъ случалось въ свѣтѣ, не скрывая ни слабостей, ни пороковъ своихъ. Смерть прекратила его занятіе. У насъ остались полторы главы этой Исповѣди, чрезвычайно занимательныя. Очень жаль, что онъ не успѣлъ ея кончить.

Фонъ-Визинъ написалъ первыя русскія комедіи, и долгое время единственныя. Первая его комедія, *Бригадиръ*, написанная имъ въ самыхъ молодыхъ лѣтахъ, имѣла успѣхъ необычайный. Авторъ долженъ былъ читать ее при Государынѣ Екатеринѣ II, при Наслѣдникѣ Павлѣ Петровичѣ, у всѣхъ вельможъ и значительныхъ людей. Эта комедія, въ самомъ дѣлѣ, изобилуетъ многими истинно комическими чертами, но, какъ мнѣ кажется, фонъ-Визинъ, сочиняя ее, имѣлъ въ виду не идеалы, а дѣйствительныя лица. И самъ онъ признавался, что снималъ свою бригадиршу Акулину Тимоѳеевну съ родительницы одной московской барышни, за которою тогда волочился. Комедія Бригадиръ, не имѣя большаго художественнаго достоинства, любопытна для насъ, какъ картина тогдашнихъ нравовъ, не весьма назидательныхъ, какъ собраніе образчиковъ тогдашняго разговорнаго слога, который съ тѣхъ поръ до чрезвычайности перемѣнился. Въ комедіяхъ фонъ-Визина нахожу выраженія и обороты, которыя слыхалъ я въ изустномъ разговорѣ въ моей молодости, и которыя нынѣ совершенно вывелись. Пушкинъ умѣлъ превосходно угадать и выразить этотъ языкъ XVIII

вѣка въ своей Капитанской Дочкѣ. — *Недоросль* написанъ чрезъ двадцать лѣтъ послѣ Бригадира. Что между тѣмъ дѣлалъ фонъ Визинъ? Провелъ года два въ путешествіи, а остальное время въ вихрѣ большаго свѣта, въ гостиныхъ и пріемныхъ вельможъ и меценатовъ. Если и нынѣ званіе литератора не есть еще титло въ нашемъ обществѣ, и требуетъ къ тому еще чего-то посущественнѣе, то въ семидесятыхъ годахъ оно еще менѣе могло быть достаточною рекомендаціею для умнаго человѣка. Сколько мы видимъ изъ преданій того вѣка, писатели, преимущественно стихотворцы, были, если не шутами, то потѣшниками и игрушками знатныхъ господъ, забавляя ихъ въ часы хандры и безсонницы. Не общій голосъ публики опредѣлялъ успѣхъ книги или театральной піесы, а ласковый взглядъ умнаго вельможи. Судьбу Недоросля рѣшилъ приговоръ Потемкина. Умри, Денисъ! сказалъ онъ автору, который въ коридорѣ дожидался выхода его изъ ложи, и счастіе комедіи было сдѣлано безъ всякихъ дальнѣйшихъ околичностей. Потемкинъ былъ правъ: фонъ-Визинъ не написалъ ничего лучше, и Недоросль остается донынѣ на первой степени нашихъ комедій, хотя выведенные въ немъ оригиналы давно уже вышли изъ моды. Нынѣ Простакова бранитъ мужа по-французски; Скотининъ воспитываетъ не свиней, а мериносовъ; Митрофанъ играетъ не въ бабки, а на биліардѣ, и учитъ не часословъ, а Гегелеву Философію.

Прочитаемъ нѣсколько сценъ изъ Недоросля.

Г-жа Простакова. Поди жъ, Еремѣевна, дай позавтракать ребенку. Вѣдь, я чаю, скоро и учители пріидутъ.

Еремѣевна. Онъ уже и такъ, матушка, пять булочекъ скушать изволилъ.

Г-жа Прост. Такъ тебѣ жаль шестой, бестія? Вотъ какое усердіе! изволь смотрѣть!

Ерем. Да во здравіе, матушка! Я вѣдь сказала это для Митрофана же Терентьевича: протосковалъ до самаго утра.

Г-жа Прост. Ахъ, мати Божія! Что съ тобою сдѣлалось, Митрофанушка?

Митрофанъ. Такъ, матушка! Вчера послѣ ужина схватило.

Скотининъ. Да видно, братъ, поужиналъ ты плотно.

Митр. А я, дядюшка, почти и вовсе не ужиналъ.

Простаковъ. Помнится, другъ мой, ты что-то скушать изволилъ.

Митр. Да что! Солонины ломтика три, да подовыхъ, не помню пять, не помню шесть.

Ерем. Ночью то и дѣло испить просилъ. Квасу цѣлый кувшинецъ выкушать изволилъ.

Митр. И теперь какъ шальной хожу. Ночь всю такая дрянь въ глаза лѣзла.

Г-жа Прост. Какая же дрянь, Митрофанушка?

Митр. Да то ты, матушка, то батюшка.

Г-жа Прост. Какъ же это?

Митр. Лишь стану засыпать, то и вижу, будто ты, матушка, изволишь бить батюшку.

Прост. (въ сторону) Ну, бѣда моя! сонъ въ руку!

Митр. (разнѣжась) Такъ мнѣ и жаль стало.

Г-жа Прост. (съ досадою) Кого, Митрофанушка?

Митр. Тебя, матушка: ты такъ устала, колотя батюшку.

Г-жа Прост. Обойми меня, другъ мой сердечный! Вотъ сынокъ, одно мое утѣшеніе!

Скотининъ. Хлопотать я не люблю, да и боюсь. Сколько меня сосѣди ни обижали, сколько убытку ни дѣлали, я ни на кого не билъ челомъ, а всякій убытокъ, чѣмъ за нимъ ходить, сдеру съ своихъ же крестьянъ; такъ и концы въ воду.

Простаковъ. То правда, братецъ: весь околотокъ говоритъ, что ты мастерски оброкъ собираешь.

Г-жа Прост. Хоть бы ты насъ поучилъ, братецъ батюшка, а мы никакъ не умѣемъ. Съ тѣхъ поръ, какъ все, что у крестьянъ ни было, мы обобрали, ничего уже содрать не можемъ. Такая бѣда!

Скот. Изволь, сестрица, поучу васъ, поучу; лишь жените меня на Софьюшкѣ.

Г-жа Прост. Неужели тебѣ эта дѣвчонка такъ понравилась?

Скот. Нѣтъ, мнѣ нравится не дѣвчонка.

Прост. Такъ по сосѣдству ея деревеньки?

Скот. И не деревеньки, а то, что въ деревенькахъ то ея водится, и до чего моя смертная охота.

Г-жа Прост До чего же, братецъ?

Скот. Люблю свиней, сестрица, а у насъ въ околоткѣ такія крупныя свиньи, что нѣтъ изъ нихъ ни одной, которая, ставъ на заднія ноги, не была бы выше каждаго изъ насъ цѣлой головою.

Прост. Странное дѣло, братецъ, какъ родня на роднгю походить можетъ! Митрофанушка нашъ весь въ дядю. И онъ до свиней сызмала такой же охот-

никъ, какъ и ты. Какъ былъ еще трехъ лѣтъ, такъ бывало, увидя свинку, задрожитъ съ радости.

Скот. Это подлинно диковинка! Ну, пусть, братецъ, Митрофанъ любитъ свиней для того, что онъ мой племянникъ. Тутъ есть какое нибудь сходство: да отъ чего же я къ свиньямъ то такъ сильно пристрастился?

Прост. И тутъ есть же какое нибудь сходство. Я такъ разсуждаю.

Правдинъ. А ты, господинъ Кутейкинъ, не изъ ученыхъ ли?

Кутейкинъ. Изъ ученыхъ, ваше высокородіе: семинаріи здѣшней епархіи. Ходилъ до риторики, да Богу изволившу, назадъ воротился. Подавалъ въ консисторію челобитье, въ которомъ прописалъ: «Такой-то де семинаристъ, изъ церковничьихъ дѣтей, убоясь бездны премудрости, проситъ отъ нея объ увольненіи.» На что и милостивая резолюція вскорѣ воспослѣдовала, съ отмѣткою: «Такого-то де семинариста отъ всякаго ученія уволить; писано бо есть: не мечите бисера предъ свиніями, да не попрутъ его ногами.»

Г-жа Прост. Да гдѣ нашъ Адамъ Адамычъ?

Ерем. Я и къ нему было толкнулась, да насилу унесла ноги: дымъ столбомъ, моя матушка! Задушилъ, проклятый, табачищемъ. Такой грѣховодникъ!

Кут. Пустое, Еремѣевна! Нѣсть грѣха въ куреніи табака. Во многихъ книгахъ разрѣшается: во псалтыри именно напечатано: «И злакъ на службу человѣкомъ.»

Правдинъ. Ну, а еще гдѣ?

Кут. И въ другой псалтыри напечатано то же. У нашего протопопа маленька въ осьмушку, и въ той то же.

⁂

Г-жа Прост. Какъ! это ты! ты, батюшка! гость нашъ безцѣнный! Ахъ, я дура безчестная! Да такъ ли бы надо было встрѣтить отца роднаго, на котораго вся надежда, который у насъ одинъ, какъ порохъ въ глазъ. Батюшка! прости меня; я дура. Образумиться не могу. Гдѣ мужъ? Гдѣ сынъ? Какъ въ пустой домъ пріѣхалъ! Наказаніе Божіе! Всѣ обезумѣли. Дѣвка! дѣвка! Палашка! дѣвка!

Ерем. Чего изволишь?

Г-жа Прост. А ты развѣ дѣвка, собачья ты дочь? Развѣ у меня въ домѣ, кромѣ твоей скверной хари, и служанокъ нѣтъ! Палашка гдѣ?

Ерем. Захворала, матушка; лежитъ съ утра.

Г-жа Прост. Лежитъ? Ахъ, она бестія! Лежитъ! Какъ будто она благородная!

Ерем. Такой жаръ розпялъ, матушка; безъ умолку бредитъ.

Г-жа Прост. Бредитъ, бестія? Какъ будто благородная!

⁂

Теперь намъ все это кажется натянутымъ и преувеличеннымъ, но въ то время, когда писалъ фонъ-Визинъ, это было очень близко къ натурѣ. Сказываютъ, что въ одномъ изъ первыхъ представленій Недоросля, когда весь партеръ, кресла и ложи помирали со смѣху, одинъ армейскій маіоръ сидѣлъ на своемъ мѣстѣ пресеріозно, и не показывалъ ни малѣйшаго участія въ піесѣ. Какъ

вы можете оставаться равнодушными при этихъ забавныхъ сценахъ? спросилъ у него сосѣдъ. «Чему тутъ смѣяться? отвѣчалъ маіоръ съ досадою: такъ у насъ водится.» Фонъ-Визина упрекаютъ въ томъ, что эти комическія сцены смѣшаны у него съ серіозными, въ которыхъ дѣйствующія лица преутомительно толкуютъ о нравственности и о прочемъ. Это было данію требованіямъ вѣка. Карамзинъ, бывшій въ первомъ представленіи Недоросля, сказывалъ мнѣ, что сцены комическія возбуждали въ зрителяхъ мимолетный смѣхъ, а серіозныя обращали на себя все вниманіе публики, которая въ то время любила такія разглагольствія на сценѣ, особенно если они были наполнены колкими замѣчаніями на свѣтскіе обычаи и слабости того времени. — Разумѣется, если мы станемъ разбирать комедіи фонъ-Визина по всѣмъ правиламъ, онѣ окажутся въ многомъ недостаточными: предоставимъ это другимъ, а сами, наслаждаясь красотами ихъ, почтимъ память автора искреннимъ уваженіемъ и благодарностію.

Вслѣдъ за комедіями фонъ-Визина явились комедіи Княжнина. Изъ нихъ болѣе прославились двѣ, *Хвастунъ* и *Чудаки*, потому что написаны были стихами, умными, острыми и, по-тогдашнему, очень хорошими. Въ этихъ комедіяхъ много комическаго, много забавнаго, много остраго, но много и невѣроятностей, много смѣлыхъ заимствованій у Французовъ. Гдѣ у насъ тѣ французскіе лакеи, которые служатъ своимъ господамъ адъютантами и совѣтниками, подра-

жаютъ имъ и въ шалостяхъ и въ волокитствѣ, и наставляютъ тамъ, гдѣ господскій умъ станетъ въ тупикъ? Это вещь, существовавшая только во Франціи. Достойно вниманія еще, что, по какому-то нелѣпому преданію и условію, наше прекрасное русское обыкновеніе называть людей по отчеству, считалось встарину низкимъ и неприличнымъ на сценѣ: вмѣсто нынѣшнихъ Александра Андреевича, Софьи Павловны, являлись на сценѣ Стародумы, Прелесты, Милены, Честоны, Верхолеты, Пріяты — о которыхъ можно было сказать: по шерсти собачкѣ и кличка дана. Имена съ отчествомъ предоставлялись только самымъ низкимъ лицамъ: бригадиршѣ Акулинѣ Тимоѳеевнѣ, недорослю Митрофану Терентьевичу. Оставивъ въ сторонѣ недостатки и странности, принадлежавшія тогдашнему времени, и забывъ, что откуда заимствовано, прочитаемъ одну сцену Хвастуна.

Полистъ.

О скучный дяди видъ! Нечаянный пріѣздъ!
Сѣдой нашъ Простодумъ свалился будто съ звѣздъ.
Онъ шелъ за мной..... его давно мы не видали,
И гостя этого отнюдь не ожидали.....
Боюся, чтобы онъ Полиста не узналъ,
И чтобы напередъ слуги не потазалъ
За шалость своего племянника въ задатокъ.
Уже давно отвыкъ отъ русскихъ я ухватокъ,
Которы бѣдныхъ слугъ столь тягостны бокамъ.
Однако передъ нимъ пріосамлюсь и самъ.
Какъ баринъ наряженъ, могу я притвориться,
Что я, не я.... А вотъ ужъ онъ и самъ валится.

Простодумъ.

Такъ! это плутъ Полистъ, племянниковъ слуга.
Нѣтъ, кажется.... тепла у этого нога,
Весь золотомъ облитъ, спесивъ и рыжій волосъ

Полистъ.

Что вамъ угодно?

Простодумъ.

Такъ, Полистовъ это голосъ.
Полистъ! здоровъ ли ты?

Полистъ. (дразнитъ)

Полистъ, здоровъ ли ты?
Какія въ голову вселились вамъ мечты?
И кѣмъ я вамъ кажусь?

Простодумъ.

Какое вижу сходство!
Прости, коль ваше я обидѣлъ благородство:
Вы Верхолетовымъ казались мнѣ слугой.

Полистъ.

Кто этотъ Верхолетъ? И кто ты самъ такой?

Простодумъ.

Племянникъ онъ, а я ему ближайшій дядя.
Дивлюся, на твою высоку милость глядя;
Во вѣкъ не видывалъ я двухъ сходнѣе рожъ.
Племянниковъ слуга во всемъ на васъ похожъ;
Замашки тѣ жъ, лице, не погнѣвися, то же;
Лишь только десять лѣтъ назадъ онъ былъ моложе,
Да черны волосы; еще жъ не такъ одѣтъ,
Еще жъ — великій плутъ....

Полистъ. (съ досадой)

Довольно сихъ примѣтъ
Оставьте грубости не нынѣшняго вѣка;
Онѣ вредятъ ушамъ честнаго человѣка.

Узнай, старикъ, узнай: кто прежде звался плутъ,
Того уже теперь искусникомъ зовутъ.

Простодумъ.

Въ деревнѣ живучи, мы вашихъ модъ не знаемъ,
Бездѣльниковъ всегда плутами называемъ;
Вотъ такъ у насъ въ глуши. Да дѣло не о томъ.
Сказали, Верхолетъ свой здѣсь имѣетъ домъ.
Вы это знаете?

Полистъ.

Я вѣдалъ бы конечно,
Но я не слыхивалъ.....

Простодумъ.

Жалѣю я сердечно.
Къ слугѣ было его привезъ я добру вѣсть;
Да видно будетъ мнѣ ее назадъ отвезть.
Вѣсть эта не плоха, довольно серебриста,
Обрадовала бы она весьма Полиста.

Полистъ. (останавливая его)

А! а! Полиста, вы изволили сказать?
Авось-либо о немъ могу я толкъ вамъ дать.
Мнѣ кажется, его, не знаю, какъ-то знаю.

Простодумъ.

Вамъ кстати ль знать слугу! Я васъ не унижаю
Знакомствомъ таковымъ, и вѣрить не хочу.....

Полистъ.

Я не спесивъ, и мнѣ всѣ люди по плечу.
Полистъ извѣстенъ мнѣ, и я вамъ въ томъ божуся,
И можетъ быть, его представить обяжуся....
Да что вы привезли?

Простодумъ.

Въ наслѣдство сто рублей.

Полистъ. (съ радостью)

Что слышу я! Да кто жъ, по милости своей,
Оставя здѣшній свѣтъ, Полисту сдѣлалъ дружбу?

Простодумъ.

Старуха, тетушка его, которой службу
Я буду помнить ввѣкъ, оставила ему
По смерти всю свою накопленну суму.
Хоть милости такой плутъ этотъ не достоинъ,
Но въ совѣсти своей не буду я спокоенъ,
Когда я теткиныхъ деньжонокъ не отдамъ.
Я знаю, пьяница Полистъ.....

Полистъ.

Не стыдно ль вамъ
Такою клеветой злословить добродѣтель?
Я самъ, сударь, всегда бывалъ тому свидѣтель,
Какъ онъ по улицамъ чиннехонько идетъ,
Какъ прямо онъ себя, какъ вѣжливо ведетъ,
Ногами никогда онъ вензелей не пишетъ,
А если о винѣ онъ какъ нибудь услышитъ,
Всегда наморщится, и прійдетъ тошнота.
Повѣрьте мнѣ: Полистъ лакеевъ красота!
Моимъ слугамъ въ примѣръ всегда его я ставлю.....
Когда изволите, я дѣло все исправлю;
Отдайте деньги мнѣ, а я ему отдамъ,
И, можетъ быть, тотчасъ его....

Простодумъ.

Не стыдно ль вамъ
Въ дѣла чужихъ людей безъ просьбы ихъ мѣшаться?
Прощайте!

Полистъ. (останавливая его)

На часокъ. Ну, можно ль удержаться?
Скажите жъ мнѣ, за что вы гнѣвны на него?

Простодумъ.

Скажите, нужда вамъ какая до того?

Полистъ.

Я жалостливъ, до ссоръ я очень не охотенъ
И добрыхъ я людей мирить всегда заботенъ.

Простодумъ.

Да я съ плутягами мириться не люблю:
Полисту прежде я ударовъ сто влеплю,
А тамъ и сто рублей отдамъ на томъ же мѣстѣ,
Охотно.

Полистъ.

И того Полистъ получитъ двѣсти?
Онъ могъ бы сотнею одной доволенъ быть,
То есть, рублевою.

Простодумъ.

Нѣтъ! Нѣтъ!

Полистъ. (подставя спину)

Извольте жъ бить.

Простодумъ.

Проказить надо мной еще ты молоденекъ.

Полистъ.

Удары палочны моихъ на выкупъ денегъ
Изволь отсчитывать, извольте: я Полистъ.

Простодумъ.

Не вѣрю.

Полистъ.

Я клянусь!.... И вашей трости свистъ,
И молодецкое моей спины терпѣнье
Докажутъ, что въ рукахъ у васъ мое имѣнье.
Всмотритесь: у меня Полистовъ глазъ, ротъ, носъ....

Простодумъ.

Такого жъ вора видъ, да онъ черноволосъ.
Ты не Полистъ.

Полистъ.

Я — онъ и тѣломъ и душою!
Вотъ, что, Французы, вы надѣлали со мною!
Отъ желтой, сударь, ихъ причинныя муки
Такіе вышли мнѣ ужасные крюки.
Французамъ да чертямъ лишь можно такъ штукарить,
Чтобъ даже въ моду ввесть и пудру въ печкѣ жарить,
И ею волоса природны засыпать
На то, чтобъ не могли наслѣдника узнать.
Повѣрьте хоть бровямъ, природнаго остатку:
Онѣ увѣрясъ васъ, рѣша сію загадку,
Что черенъ волосомъ я, какъ виновый тузъ;
А что я рыжъ кажусь, виновенъ въ томъ Французъ,
У коего муку мой баринъ покупаетъ,
Племянникъ вашъ.

Простодумъ.

Вотъ какъ повѣса мой мотаетъ!
Я слышалъ, по уши онъ врютился въ долги?
Скажи, мошенникъ, мнѣ, скажи же, да не лги,

Полистъ.

Скажите прежде, кѣмъ теперь я вамъ кажуся?

Простодумъ.

Преплутомъ, наглецомъ!

Полистъ.

Прекрасно! Я божуся,
Мнѣ обхожденіе пріятнѣй безъ чиновъ,
И всякій, ужасъ, мнѣ противенъ пустословъ.
Пусть незнакомые между собой чинятся,
А намъ, пріятелямъ, не далеко считаться.

Простодумъ.

Кто? Мы пріятели?

Полистъ.

А для чего жъ не такъ?

Или.....

Простодумъ. (поднявъ трость)

Какъ смѣешь ты равняться мнѣ, дуракъ?

Полистъ.

Потише, господинъ, прокиснувшій въ деревнѣ;
Потише, говорю, вѣдь здѣсь вы не въ харчевнѣ:
Великій господинъ въ сихъ комнатахъ живетъ!

Здѣсь начинается невѣроятность. Простодумъ, который очень хорошо понялъ и умно провелъ Полиста, вдругъ становится самымъ легковѣрнымъ простакомъ, вѣритъ всему, что разсказываютъ ему Полистъ и баринъ его, хвастунъ, и тогда только видитъ, что его обманываютъ, когда, въ концѣ пятаго акта, мнимаго Графа отводятъ въ полицію. — Замѣтимъ странность тогдашняго слога, которая осталась и въ изустной рѣчи нѣкоторыхъ стариковъ; по крайней мѣрѣ, мнѣ случалось еще это слышать. Низшій называлъ высшаго *вы*, но когда хотѣлъ его о чемъ попросить, разжалобить, тронуть, употреблялъ простодушное *ты*, такъ точно какъ и нынѣ, обращаясь напримѣръ, въ торжественныхъ случаяхъ къ Высочайшимъ Особамъ, мы называемъ ихъ въ единственномъ числѣ, но здѣсь видимъ условіе, принятое по уваженію къ благородной *древности;* употребленіе же единственнаго

числа въ изустной бесѣдѣ и въ простой перепискѣ, было въ правахъ и обычаяхъ *народа*. Примѣръ этому видимъ и въ письмахъ Ломоносова къ Шувалову, и въ комедіяхъ того времени.

Комедія *Чудаки* имѣетъ тѣ же достоинства и тѣ же недостатки, но въ ней болѣе картинъ современныхъ нравовъ. Въ ней являются приторно-чувствительный юноша, одинъ изъ тѣхъ вздыхателей и плаксъ, которые развелись было у насъ въ концѣ XVIII вѣка, и нынѣ остались только въ комедіяхъ; мнимый философъ, который всю мудрость полагаетъ въ грубости, неопрятности и лѣни; старичокъ, который всѣмъ хочетъ услужить, и не угодитъ ни на кого. Впрочемъ желаніе автора представить на сценѣ нѣсколько разнородныхъ чудаковъ, повредило единству и дѣйствію цѣлаго. Притомъ и заимствованія изъ французскихъ писателей здѣсь слишкомъ явны: одна сцена цѣликомъ переведена съ Трисотина и Вадіуса. Княжнинъ написалъ еще нѣсколько изрядныхъ комедій и оперъ въ прозѣ, которыя долго держались на нашей сценѣ. Первая русская комическая опера (по нынѣшнему, водевиль) была Мельникъ, удивительное по своему времени произведеніе бѣднаго поэта Аблесимова, сохранившееся на Русскомъ Театрѣ понынѣ. Это былъ первый опытъ въ своемъ родѣ, и чрезвычайно удачный. Княжнинъ подражалъ Мельнику своимъ Сбитенщикомъ, но послѣдняя піеса не русская: это пародія Севильскаго Цирюльника.

Въ одно время съ Княжнинымъ выступилъ на

сцену Ефимьевъ, сочинитель комедіи: *Преступникъ отъ игры, или Братомъ проданная сестра*, въ которой, при многихъ невѣроятностяхъ и противорѣчіяхъ, есть стихи рѣзкіе и умные. Достойна вниманія слабость человѣческая: поэтъ, начертавшій смѣлою рукою пагубныя слѣдствія карточной игры, въ послѣдствіи самъ сдѣлался ея жертвою!

После этого комедія наша долгое время была въ усыпленіи: слезливыя драмы Коцебу согнали ее съ Русскаго Театра. Въ 1806 году появились на сценѣ *Модная Лавка* и *Урокъ Дочкамъ*, Крылова, піесы, порожденныя тогдашними обстоятельствами, но достоинствомъ своимъ пережившія время, для котораго были написаны. Если бъ онѣ были написаны стихами, стихами Крылова, то не сходили бы со сцены. — Упомянемъ объ одномъ драматическомъ твореніи, порожденномъ тогдашними обстоятельствами. Это комедія: *Вѣсти, или Убитый живой*, сочиненіе Графа Ѳ. В. Растопчина. Въ этой піесѣ не соблюдены правила комедіи, но она изобилуетъ оригинальными лицами и сверкаетъ неподдѣльнымъ русскимъ остроуміемъ.

Князь Шаховской написалъ нѣсколько комедій, имѣвшихъ успѣхъ на сценѣ, и, должно сказать, только на сценѣ. Выше сего говорили мы, что драматическій писатель *долженъ* знать и сцену, но условія сцены не могутъ быть единственными его руководителями. Сверхъ того вредитъ ему стараніе писать свою піесу такъ, чтобъ каждый изъ лучшихъ даннаго времени актеровъ имѣлъ въ ней приличную роль. Сойдутъ съ театра актеры,

съ ними сойдетъ и піеса. Между тѣмъ должны мы сказать, что многія піесы Князя Шаховскаго очень милы и забавны, особенно небольшія, которыя онъ писалъ безъ дальнихъ замысловъ и цѣлей. Комедіи: *Новый Стернъ*, *Ссора, или Два сосѣда*, *Своя Семья*, водевили: *Ломоносовъ* и *Встрѣча Незваныхъ* принадлежатъ къ лучшимъ произведеніямъ нашей сценической литературы. Изъ большихъ комедій его лучше всѣхъ *Аристофанъ* и *Пустодомы*.

Въ это время, т. е. во второмъ десятилѣтіи XIX вѣка чувствительно очистился, упростился и облагородился языкъ драматическихъ произведеній въ стихахъ и прозѣ. Лучшіе стихи комедій принадлежатъ Н. И. Хмельницкому. Онъ не сочинялъ свои піесы, а большею частію переводилъ ихъ, но какъ переводилъ? Какъ человѣкъ съ дарованіемъ, съ умомъ и вкусомъ образованнымъ! Приведу одинъ монологъ изъ *Воздушныхъ Замковъ*. Слуга, Викторъ, выслушавъ своего барина, который сбирается открыть и завоевать неизвѣстный островъ, и сдѣлаться на немъ владыкою, говоритъ, оставшись одинъ:

Ну, — баринъ мой проказитъ не путемъ:
Онъ хочетъ сдѣлаться, бездѣлица, царемъ!
Вотъ мѣсто славное для мичмана въ отставкѣ!
Тогда бъ не грѣхъ царя..... просить мнѣ о прибавкѣ
Сотняги лишней въ годъ. — Но, что ни говори,
А вѣрно не прыгнешь изъ мичмановъ въ цари.
Какъ въ голову войдетъ дурачество такое?

Вотъ я такъ, напримѣръ, оно совсѣмъ другое:
Я лотерейный взялъ дорогою билетъ,
И какъ не взять, когда увидѣлъ изъ газетъ,
Что скоро разыграть хотятъ часы съ лихими
Курантами, ну такъ, что не разстался бъ съ ними!
Рискнулъ — и за билетъ взнесъ кровныхъ пять рублей.
Въ сто тысячъ выигрышъ, да кто жъ себѣ злодѣй?
Сто тысячъ! Боже мой! въ твоей все это волѣ!
Пусть баринъ мой себѣ храбрится на престолѣ,
Да сто-то тысячъ ты пошли его слугѣ!
А подлинно бъ, онѣ пришли мнѣ по рукѣ.
Что, если бъ мнѣ.... хоть часть досталася на долю...
Что сдѣлаю?... Тотчасъ я выкуплюсь на волю,
Тутъ въ службу, выслужусь, и черезъ годъ какъ разъ
Вдругъ Викторъ нашъ махнетъ въ четырнадцатый классъ!
О, честолюбіе! оставь меня въ покоѣ.
Нѣтъ, Викторъ; нѣтъ, мой другъ, затѣялъ ты пустое:
Изъ службы не всегда вѣдь выйдешь съ барышомъ.
Такъ, лучше.... рѣшено: я сдѣлаюсь купцомъ,
Хоть третьей гильдіи, чтобы поменьше сумму
Съ имѣнія платить мнѣ въ городскую думу.
Тутъ я, благословясь, пущусь тотчасъ въ торги;
По лавочкамъ мои всѣ заплачу долги;
Потомъ куплю себѣ я домикъ презатѣйной,
Сперва въ полку, а тамъ, пожалуй, на Литейной.
Обзаведусь и — самъ женюся наконецъ.....
И Саша мнѣ жена! И Викторъ ужъ отецъ!
И вотъ вокругъ меня цыпляточки, малютки;
Я стану говорить имъ сказки, прибаутки,
И въ счастьѣ проживу конечно до ста лѣтъ!...
Однако жъ посмотрѣть, здоровъ ли мой билетъ.
Гдѣ жъ онъ? Кой чортъ! Не то все въ руки попадаетъ.

Билетъ! билетъ! — Меня по кожѣ подираетъ!
Ахъ, Боже мой!

Саша. (вбѣгая)

Сейчасъ васъ баринъ приказалъ
Позвать къ себѣ.

Викторъ.

Я все билета не сыскалъ....
Безъ васъ, со мной ударъ убійственный случился!

Саша.

Да что же сдѣлалось?

Викторъ.

Супругъ вашъ разорился!
Что будетъ съ нашими несчастными дѣтьми?

Вотъ искусство слога! Здѣсь говоритъ слуга, человѣкъ не глупый, но и не образованный. Онъ употребляетъ языкъ простой, натуральный, но отнюдь не низкій и не подлый. — Вообще это изящество и благородство съ простотою и естественностію есть отличительное качество драматическихъ произведеній Хмельницкаго, къ сожалѣнію не оригинальныхъ.

На нашемъ вѣку появилось въ Русской Драматической Литературѣ произведеніе первостепеннаго таланта, вполнѣ оригинальное. Это *Горе отъ ума*, незабвеннаго нашего Грибоѣдова, котораго умъ, дарованія, благородство души и бѣдственная въ цвѣтѣ лѣтъ кончина, навсегда останутся памятны благодарнымъ его соотчичамъ. Горе отъ ума есть комедія единственная у насъ въ своемъ родѣ;

не смотря на всѣ умствованія и ухищренія критики, остается на первой степени, и врядъ ли вскорѣ увидитъ совмѣстничество. Есть комедіи, прекрасныя въ чтеніи, и скучныя на театрѣ; есть комедіи, забавныя на сценѣ, и незанимательныя въ книжкѣ. Есть еще піесы, которыя, какъ Исторія Елагина, славятся, ходя въ публикѣ рукописными, и теряютъ весь блескъ, всю славу свою, показавшись въ печати. Комедія Грибоѣдова выдержала всѣ эти испытанія, и вышла изъ нихъ съ торжествомъ. Она не была напечатана, и всѣ Русскіе знали ее наизустъ; ее напечатали, и она осталась любимымъ чтеніемъ публики. Она была представлена на театрѣ, и возбудила общія рукоплесканія. Въ самомъ дѣлѣ, это первая комедія, которая представила наши обычаи, слабости и недостатки, не въ преувеличенной, колоссальной формѣ, а въ естественную величину, съ ногъ до головы, въ которой мы нашли не слабые сколки съ героевъ Моліера, Ренара и Коленъ д'Арлевиля, а живые портреты нашихъ современниковъ. И Фамусовъ и Чацкій, и Скалозубъ и Молчалинъ списаны съ натуры. А этотъ негодяй Загорѣцкій, котораго

Вездѣ ругаютъ,
А всюду принимаютъ!

А этотъ всесвѣтній другъ, глупый либералъ, Репетиловъ, эта энциклопедія невѣжества, хвастовства, подлости, услужливости и ханжества! А эти бары, барыни, барышня, — все это живо, все дѣйствуетъ, все трудится для комедіи.

Стихи Горя отъ ума затвердились въ памяти русской публики, какъ Моліеровы во Франціи:

Что за коммиссія, Создатель,
Быть взрослой дочери отцомъ!

—

Служить бы радъ, прислуживаться тошно.

—

Нѣтъ, я передъ родней, гдѣ встрѣтится, ползкомъ,
Сыщу ее на днѣ морскомъ.
При мнѣ служащіе чужіе, очень рѣдки,
Все больше сестрины, свояченицы дѣтки.
Какъ станешь представлять къ чинишку иль къ мѣ-
стечку,
Ну, какъ не порадѣть родному человѣку?

—

По мѣрѣ я трудовъ и силъ,
Съ тѣхъ поръ, какъ числюсь по архивамъ,
Три награжденья получилъ. —
Взманили почести и знатность! —
Нѣтъ-съ, свой талантъ у всѣхъ... — У васъ.... —
Два-съ:
Умѣренность и аккуратность.

—

Кто это тамъ, въ углу, вошли мы, поклонился? —
Пріѣзжій, Чацкій. —
Отставной? —
Да, путешествовалъ, недавно воротился. —
И холостой? —
Да, не женатъ. —
Князь! Князь! сюда, живѣе!
Къ намъ на вечеръ, въ четвергъ, проси скорѣе

Натальи Дмитревны знакомаго — вотъ онъ!
Вотъ тото дѣтки!
Имъ балъ, а батюшка пускайся на поклонъ.
Танцовщики ужасно стали рѣдки!.,
Онъ каммеръ-юнкеръ? —
Нѣтъ! —
Богатъ? —
О нѣтъ! —
Князь! Князь! назадъ!

Выписывать ли далѣе? Выпишемъ всю комедію. Особенно богата рѣзкими чертами роль Репетилова, мастерски начертанный характеръ, который, кажется, уже начинаетъ пропадать у насъ и останется въ комедіи Горе отъ ума, какъ памятникъ бывшихъ нравовъ и обычаевъ.

Удивительно ли, что эта комедія подверглась пересудамъ, толкамъ, желчной критикѣ и безотчетной брани? Это судьба всѣхъ произведеній искусства, списанныхъ съ натуры: чѣмъ они ближе къ подлиннику, тѣмъ хуже ихъ авторамъ. Соглашаемся, что Горе отъ ума не есть комедія совершенная, образцовая, правильная. Въ ней нѣтъ общаго дѣйствія, нѣтъ завязки: это только собраніе занимательныхъ, близкихъ и схожихъ портретовъ. Даже языкъ этой піесы, живой, натуральный и свободный, подвергся упрекамъ — въ неправильности! Рѣдкій кто зналъ Русскій Языкъ такъ основательно, какъ Грибоѣдовъ; но могъ ли онъ карикатурныя лица своей комедіи заставить говорить такъ, какъ написана Исторія Государства Россійскаго? — Утверждаютъ, что въ Чац-

комъ онъ хотѣлъ представить самого себя. Это вздоръ: Грибоѣдовъ за границею былъ только въ Персіи, и никогда не находился въ положеніи Чацкаго. Разумѣется, что авторъ влагаетъ въ уста главнаго своего героя любимыя свои мысли и рѣчи, но изъ этого не слѣдуетъ, чтобъ онъ хотѣлъ выставить самого себя. Мнѣ кажется, что Грибоѣдовъ напрасно назвалъ свою комедію Горе отъ ума. Это заставило критиковъ многаго взыскивать съ Чацкаго. Назови онъ ее: День въ Москвѣ, Возвращеніе домой, и т. п., обошлось бы легче.

Но полно толковать и рядить о томъ, что истинно прекрасно и геніяльно! Ни одинъ изъ затѣйливыхъ критиковъ Грибоѣдова, ни одинъ изъ тѣхъ писателей, которыхъ они ему противопоставляютъ, не написалъ и не напишетъ во всю жизнь одного стиха, какихъ въ его комедіи множество!

Грибоѣдовъ имѣетъ у насъ ту важную заслугу, что онъ первый отважился вывесть на сцену лица образованнаго нашего общества въ настоящемъ ихъ видѣ, и имѣлъ въ томъ совершенный успѣхъ. Во всѣхъ прежнихъ комедіяхъ нашихъ дѣйствуютъ французскіе Жеронты, Оргоны, Селимены и Лафлеры подъ русскими именами, или карикатуры низкихъ, необразованныхъ людей. Въ Горѣ отъ ума увидѣли мы лица, а не маски. Если бъ авторъ былъ еще въ живыхъ, мы могли бы сдѣлать ему нѣсколько замѣчаній, съ желаніемъ, чтобъ онъ ими воспользовался. Но вотъ минуло уже одиннадцать лѣтъ, что этотъ писатель, необыкновенный дарованіями и душевными своими

достоинствами, покоится въ могилѣ, сраженный вѣроломствомъ въ исполненіи своего долга. Память души и дѣлъ его никогда не изгладится въ Россіи, признательной къ достойнымъ сынамъ своимъ. Намъ, литераторамъ, остается изучать его произведеніе, указывать на красоты его, отдавать ему справедливость, и желать, чтобъ Грибоѣдовъ вскорѣ нашелъ себѣ у насъ достойнаго премника.

У насъ есть еще одна комедія, достойная вниманія и хвалы, *Ревизоръ*, Гоголя. Это, правда, собственно не комедія, а карикатура въ разговорахъ; дѣйствіе ея не ново, и притомъ несбыточно и невѣроятно; въ ней, съ начала до конца, нѣтъ ни одного благороднаго, возвышеннаго движенія, не только мысли; лица ея принадлежатъ къ числу самыхъ ничтожныхъ людей въ мірѣ: всѣ они, болѣе или менѣе, дураки или воры; обычаи и пріемы многихъ, особенно женщинъ, не настоящіе русскіе, а болѣе бѣлорусскіе; въ ней часто нарушаются правила вкуса и благопристойности; языкъ вообще неправильный и варварскій; но въ этой піесѣ столько ума, веселости, истинно смѣшнаго, удачно схваченнаго; выведенныя въ ней лица представлены такъ живо, рѣзко и натурально, что ее смотришь и перечитываешь всегда съ новымъ удовольствіемъ, сердясь на автора, что онъ написалъ только одну комедію, да и ту безъ рачительной обработки. Въ Ревизорѣ мастерски, и даже слишкомъ натурально, обрисовано особенно одно лице — это Осипъ, такъ, что одинъ критикъ совѣтовалъ называть комедію не Ревизоромъ, а

Осипомъ. Лучшее мѣсто въ комедіи монологъ голоднаго Осипа въ трактирѣ. Хороши еще Бобчинскій и Добчинскій, и просьба перваго изъ нихъ: «Прошу васъ покорнѣйше, какъ поѣдете въ Петербургъ, скажите всѣмъ тамъ вельможамъ разнымъ, сенаторамъ и адмираламъ, что вотъ, Ваше Сіятельство или Ваше Превосходительство, живетъ въ такомъ-то городѣ Петръ Ивановичъ Бобчинскій. Такъ и скажите, что живетъ Петръ Ивановичъ Бобчинскій. Да если этакъ и Государю прійдется, то скажите и Государю, что вотъ молъ В. И. В. въ такомъ-то городѣ живетъ Петръ Иванъ Бобчинскій.» — Прекрасно выражены понятія Городничаго о правахъ и наслажденіяхъ вельможъ: «Вѣдь почему хочется быть генераломъ? потому что случится, поѣдешь куда нибудь, фельдъегеря и адъютанты поскачутъ вездѣ впередъ: лошадей! И тамъ на станціяхъ никому не дадутъ, все дожидается, всѣ эти титулярные, капитаны, городничіе, а ты себѣ и въ усъ не дуешь. Обѣдаешь гдѣ нибудь у губернатора, а тамъ, стой городничій! Вотъ что, канальство, заманчиво!»

Вообще вся комедія изобилуетъ блестками ума и комисма; при благоразумномъ употребленіи этихъ матеріяловъ, можно бъ было выкроить изъ нихъ не одну, а нѣсколько піесъ. И стоятъ ли провинціяльные подьячіе и другіе подобные негодяи, чтобъ человѣкъ съ умомъ и дарованіемъ долго на нихъ останавливался? У насъ ожидаютъ драматическаго писателя другіе, гораздо интереснѣйшіе лица и характеры, которые смѣшны и по-

рочны не одними взятками и сплетнями. Надѣемся, что Г. Гоголь оправдаетъ ожиданія, возбужденныя первыми произведеніями его превосходнаго таланта. Его Ревизоръ останется, какъ Разбойники Шиллера, первымъ, несовершеннымъ опытомъ: дарованіе, не умѣренное ни собственною, ни чужею критикою, вылилось въ немъ въ безобразныя формы, а потомъ, встрѣченное и благоразумными похвалами, и строгими совѣтами, приняло лучшее направленіе, и явилось въ произведеніяхъ вѣковыхъ и образцовыхъ. Чтителямъ и беспристрастнымъ цѣнителямъ самородныхъ достоинствъ Гоголя очень непріятно было читать въ одномъ журналѣ критику, въ которой Ревизоръ поставленъ былъ не только выше Горя отъ ума, но и выше всѣхъ піесъ Моліера, названнаго тутъ же поэтическимъ уродомъ, не художникомъ, человѣкомъ безмысленнымъ; въ которой все, до послѣдняго слога, въ Ревизорѣ, превознесено до небесъ, и самыя ошибки и несообразности названы красотами. Это не похвала, а горькая насмѣшка и надъ публикою, и надъ Гоголемъ, который самъ, какъ человѣкъ умный, слѣдовательно скромный, конечно никогда не думалъ, чтобъ фарсъ его, написанный, какъ по всему видно, наскоро и безъ дальнѣйшихъ требованій, могъ быть поставленъ на одну полку съ Мизантропомъ, Тартюфомъ, Школою женъ. Мы увѣрены, что Гоголь, своими будущими произведеніями, займетъ почетное мѣсто въ ряду нашихъ комическихъ писателей, но это время еще не наступило, и сбивать

его съ толку такими критиками, хотя бъ даже самъ критикъ не видалъ, что смѣется надъ авторомъ и надъ публикою, право не хорошо.

Вообще изъ этого обзора произведеній драматической литературы, можно видѣть, что у насъ еще нѣтъ ни одной вполнѣ образцовой комедіи: всѣ онѣ мѣстныя и частныя картины обычаевъ и недостатковъ людскихъ въ настоящую минуту, а не изображеніе человѣка, его сердца, слабостей, глупостей, странностей, пороковъ вообще; что и мѣстныя критики большею частію списаны съ людей низкаго круга, и потому вообще грязны и оскорбительны для благороднаго вкуса. А у насъ было бы что списать! Спросите у пріѣзжихъ иностранцевъ, необжившихся еще съ нашими нравами, понятіями и обычаями. Они скажутъ вамъ, что въ Россіи есть много своего, оригинальнаго, самобытнаго, интереснаго, но намъ оно приглядѣлось отъ ежедневнаго въ немъ обращенія.

Мы не упоминаемъ здѣсь о новыхъ нашихъ комедіяхъ, или такъ называемыхъ, водевиляхъ, бóльшею частію передѣланныхъ съ французскаго. Въ числѣ ихъ есть піески замысловатыя, умныя, забавныя, но едва ли одна изъ нихъ достойна назваться произведеніемъ искусства и таланта. Въ нихъ, для насущной забавы публики, расточается мѣдными деньгами капиталъ ума, который до размѣна могъ бы ходить, если не имперіялами, то серебряными рублями, и имѣть цѣну не только у насъ, но и за границею.

Заключимъ нынѣшнюю нашу бесѣду изъявленіемъ надежды, что, можетъ быть, въ какомъ либо уголку обширной, богатой дарованіями Россіи, можетъ быть, недалеко отъ насъ, можетъ быть, и въ нашемъ кругу, зрѣетъ талантъ, который подмѣтитъ, схватитъ и мастерскою рукою изобразитъ въ комедіи русскій бытъ, его свойства, особенности и причуды, и займетъ праздное мѣсто на Русскомъ Парнассѣ.

ОДИННАДЦАТОЕ ЧТЕНІЕ.

(1-го Марта.)

I.

Въ статьѣ о согласованіи словъ показали мы, какимъ образомъ слова различныхъ свойствъ согласуютъ формы свои, для указанія принадлежности одного къ другому. Это было стремленіе словъ къ соединенію, къ слитію, къ подведенію подъ одинъ уровень, родъ силы центрипетальной. Теперь переходимъ къ изложенію управленія словъ, т. е. къ показанію законовъ, которыми въ словахъ выражается противоположность, взаимное отношеніе разнообразныхъ предметовъ и ихъ качествъ: это сила центрифугальная; здѣсь являются причины и необходимость противоборства понятій, и средства подчиненія одного другому, словомъ, излагаются различныя отношенія подлежащаго и сказуемаго, одного къ другому или къ своимъ дополненіямъ.

Всякимъ отношеніемъ предполагается существованіе двухъ членовъ, изъ которыхъ одинъ есть неотносительный, управляющій послѣдующимъ; другой относительный, подчиненный, управляемый предъидущимъ. Въ отношеніяхъ: *отецъ отечества, миръ людямъ, дѣйствіе обманомъ, повѣсть о богатырѣ,* независимые члены суть: *отецъ, миръ, дѣйствіе, повѣсть;* зависимые, или управляемые: *отечества, людямъ, обманомъ, о богатырѣ.* При всякомъ отношеніи должно быть *указаніе* его, или признакъ, которымъ членъ независимый отличается отъ зависимаго. Это указаніе заключается иногда въ расположеніи словъ: *громъ прекращаетъ жаръ,* и *жаръ прекращаетъ громъ.* Здѣсь мѣсто показываетъ, что первое слово есть членъ независимый, или именительный падежъ, а второе зависимый, т. е. падежъ винительный. Во-вторыхъ, означается отношеніе падежами: *отечества, людямъ, обманомъ;* въ-третьихъ падежами съ предлогами: *о богатырѣ, звѣри въ лѣсу, солнце на небѣ.* По сей причинѣ падежи и предлоги могутъ быть названы указателями отношеній, а послѣдующіе члены дополненіями. Послѣдующій членъ одного отношенія можетъ быть предъидущимъ другаго: *Сынъ моего друга читаетъ повѣсть о разореніи Трои.* Впрочемъ, сколько бы ни слѣдовало отношеній одно за другимъ, въ самомъ ихъ началѣ непремѣнно долженъ быть членъ предъидущій, независимый.

Отношенія предметовъ вообще могутъ быть двоякія, спокойныя и дѣйствующія. Первыя означаютъ совокупность, связь, совмѣстное пребываніе пред-

метовъ, безъ движенія, безъ дѣйствія; напримѣръ: *листъ дерева, крыша дома, волосы на головѣ, хозяинъ въ домѣ, господинъ надъ слугами.* Послѣднія, дѣйствующія, выражаютъ отношеніе предмета къ другому, являющееся въ силѣ, въ дѣйствіи, въ движеніи: *Мой братъ ѣдетъ въ Москву. Солнце грѣетъ землю. Другъ кланяется другу.* — Первыя, спокойныя, движенія могутъ быть двоякія: мы воображаемъ предметъ или въ тѣсной связи съ другимъ, въ непосредственной отъ него зависимости; напримѣръ: *хозяинъ сада, отецъ сына,* или принимаемъ въ разсужденіе случайную ихъ связь, совмѣстное пребываніе; напримѣръ: *хозяинъ въ саду, отецъ съ сыномъ.* Дѣйствующія отношенія могутъ также быть двоякія: однимъ выражается, что дѣйствіе предмета обращается на другой прямо, непосредственно, напримѣръ: «Солнце грѣетъ *землю.* Дѣвица читаетъ *книгу.*» Другимъ означается, что дѣйствіе простирается на предметъ не прямо, происходитъ только въ пользу или во вредъ ему, косвеннымъ образомъ: «Дѣвица читаетъ книгу *сестрѣ.* Яковъ подарилъ деньги *брату.*» Средину между дѣйствующими и спокойными отношеніями составляетъ отношеніе средства, или орудія: имъ указывается на совмѣстное, совокупное пребываніе двухъ предметовъ, и въ то же время выражается орудіе дѣйствія; напримѣръ: «Иванъ рисуетъ картину *карандашемъ.* Яковъ отдалъ мнѣ деньги *руками.*»

Сіи различныя отношенія выражаются въ Русскомъ Языкѣ слѣдующимъ образомъ: I. *Независи-*

мый, первый изъ предъидущихъ членовъ предложенія, падежемъ именительнымъ: «*Отецъ* отечества. *Римъ* палъ.» II. Отношенія *зависимыя*: 1. *Спокойныя*: означающее непосредственную зависимость предмета, происхожденіе, принадлежность, отношеніе дѣйствія къ причинѣ, причины къ дѣйствію, части къ цѣлому, цѣлаго къ части — падежемъ родительнымъ; напримѣръ: «другъ *сына;* господинъ *села;* дѣйствіе *грома;* начало *грозы;* толпа *людей;* вершина *горы.*» Выражающее случайную связь предметовъ, временное, совмѣстное ихъ пребываніе, мѣсто, — падежами родительнымъ, творительнымъ и предложнымъ, съ предлогами: «братъ *у брата;* мужъ *съ женою;* господинъ *въ селѣ.*» 2. *Дѣйствующія*: а) Прямое, непосредственное дѣйствіе на предметъ, падежемъ винительнымъ: «Солнце грѣетъ *землю.* Птица пьетъ *воду.*» б) Если дѣйствіе обращается на предметъ не прямо, а только касается его косвенно, неопредѣлительно, отрицательно, сей падежъ замѣняется родительнымъ: «ищу *случая;* боюсь *бѣды;* не пью *воды.*» в) Движеніе въ какое либо мѣсто, падежемъ винительнымъ съ предлогомъ: «ѣду *въ Нарву;* сѣлъ *на скамью.*» г) Совершеніе дѣйствія въ пользу или во вредъ предмету личному или олицетворенному, падежемъ дательнымъ: «Другъ мой угодилъ *моему брату.* Мой сосѣдъ надоѣлъ *всему городу.*» д) Движеніе, въ извѣстномъ направленіи, на извѣстномъ мѣстѣ, падежемъ дательнымъ съ предлогомъ: «Онъ ѣдетъ *къ отцу.* Овцы бѣгаютъ *по лугу.*» 3. Среднее между дѣйствующими и спокойными, отношеніе орудія,

средства, выражается падежемъ творительнымъ: «пишу *перомъ;* мащу *рукою;* гляжу *глазами.*»

Звательный падежъ не входитъ въ составъ предложенія: онъ составляетъ въ рѣчи часть вносную, не существенную, и предложеніе ни мало не измѣняется, когда онъ въ немъ опущенъ; напримѣръ: «*Слуга!* подай свѣчу!» По сей причинѣ этотъ падежъ всегда отдѣляется отъ прочихъ словъ запятыми.

Который изъ сихъ падежей важнѣе прочихъ? Во-первыхъ, именительный; во-вторыхъ, винительный. Этими двумя падежами выражаются двѣ крайности отношеній: независимое спокойствіе, и предметъ прямаго дѣйствія. Потомъ, по важности, слѣдуютъ падежи родительный, дательный и творительный. Самыя слабыя, отдаленныя отношенія означаются падежами съ предлогами.

Части рѣчи, составляющія предъидущій членъ, предложенія, называются *управляющими*, а составляющія послѣдующій членъ, *управляемыми.* Управляющія части рѣчи суть: во-первыхъ, глаголы съ происходящими отъ нихъ другими частями рѣчи, т. е. причастіями, дѣепричастіями, отглагольными именами существительными, прилагательными и нарѣчіями; во-вторыхъ, имена неотглагольныя, происходящія отъ нихъ прилагательныя, числительныя и мѣстоименія. Части рѣчи перваго разряда, т. е. глаголы и отглагольныя слова, могутъ управлять другими во всѣхъ отношеніяхъ, спокойныхъ и дѣйствующихъ, а послѣдняго только въ отношеніяхъ спокойныхъ. Управляемыя части рѣчи

суть имена существительныя всѣхъ видовъ, и неокончательныя наклоненія глаголовъ.

Достойно замѣчанія, что слова получаютъ силу управлять другими не столько отъ грамматической своей формы, сколько отъ заключающагося въ нихъ смысла. По сей причинѣ одно и то же слово, принимаемое въ разныхъ значеніяхъ, имѣетъ и въ управленіи другими словами различную силу; напримѣръ: *Должно слѣдовать добрымъ примѣрамъ. Эта часть грамматики должна слѣдовать за другою. Профессоръ говоритъ рѣчь. Вы говорите о погодѣ. Я говорю съ пріятелемъ. Сегодня играютъ оперу. Вы играете въ шашки. Судьба играетъ людьми.* По той же причинѣ сила управленія, заключающаяся въ глаголѣ, и зависящая отъ его смысла, не теряется при переходѣ его въ другую часть рѣчи, причастіе, дѣепричастіе, имя существительное, прилагательное, нарѣчіе; напримѣръ: *надѣюсь на Бога; надѣясь на Бога; надѣющійся на Бога; надежда на Бога; надежный на Бога; надежно на Бога; — соглашаюсь съ вами; соглашающійся съ вами; соглашаясь съ вами; согласіе съ вами; согласный съ вами; согласно съ вами.*

Выше сего сказано, что свойство отношенія можетъ быть выражено мѣстомъ каждаго изъ членовъ его, падежемъ безъ предлога, и падежемъ съ предлогомъ. Первый случай бываетъ, когда винительный падежъ сходенъ съ именительнымъ; напримѣръ: *Солнце освѣщаетъ море.* Переставьте слова: *Море освѣщаетъ солнце*, смыслъ выйдетъ вовсе противоположный. Совѣтуемъ избѣгать этого

способа, какъ недостаточнаго и сбивчиваго. Скажите: *Море освѣщается солнцемъ* — тутъ не будетъ обоюдности.

Считаю излишнимъ входить въ исчисленіе всѣхъ падежей и предлоговъ, въ различномъ ихъ знаменованіи. Скажу только, что отношеніе управляющихъ частей рѣчи выражается иногда посредствомъ двухъ предлоговъ: одинъ предлогъ присовокупляется къ управляющему глаголу, другой находится предъ управляемымъ именемъ. Обыкновенно предлоги бываютъ оба одни и тѣ же: *вошелъ въ домъ; отвелъ отъ стѣны; доѣхалъ до рѣки; извлекъ изъ книги; оторвалъ отъ дѣла.* Но въ нѣкоторыхъ случаяхъ они разнятся: предъ глаголомъ *воз, взо,* предъ именемъ *на: взошелъ на гору, вознесся на небо; вы, изъ: выгналъ изъ дому; пере, чрезъ: перешелъ чрезъ воду; при, ко: пришелъ ко мнѣ; про, сквозь: прошелъ сквозь огнь и воду; произ, отъ: происходитъ отъ болѣзни; раз, на: разрѣзалъ на части.* По этому не должно говорить: *въѣхалъ во дворъ, взошелъ въ комнату,* должно: *взъѣхалъ на дворъ; вошелъ въ комнату.* Недавно одинъ многоглаголивый критикъ, въ возраженіе на мои сужденія о его косноязычіи, написалъ цѣлую книжку, и объявилъ въ газетахъ, что она *приложена при* его журналѣ. Могу заплатить ему за зло (безвредное) добромъ полезнымъ: совѣтую писать: *приложена къ журналу,* а не *при журналѣ.* Раздана *при* журналѣ — такъ, но приложена *къ журналу.*

Изложивъ общіе и главные законы управленія словъ, приступимъ къ исчисленію частныхъ пра-

вилъ и исключеній, начавъ съ главныхъ частей предложенія.—

Подлежащее въ предложеніи полагается въ падежѣ именительномъ, напримѣръ: «*Москва* есть столица. *Сибирь* богата. *Море* шумитъ.» Это правило существуетъ для всѣхъ языковъ, но въ Русскомъ имѣетъ достойное примѣчанія исключеніе: когда за подлежащимъ слѣдуютъ глаголы *быть* или *стать* съ отрицаніемъ, или замѣнительное нарѣчіе *нѣтъ*, подлежащее переходитъ въ падежъ родительный: «*Брата моего* нѣтъ дома. *Денегъ* у него не было. *Хлѣба* вамъ не будетъ. *Кроваваго вина* не станетъ.» Нѣкоторые утверждаютъ, что подлежащее переходитъ и въ дательный падежъ; напримѣръ: «*Тебѣ* должно ѣхать. *Дѣтямъ* надобно погулять. *Мнѣ* хочется пить.» Нѣтъ! здѣсь подлежащее заключается въ неокончательныхъ наклоненіяхъ глаголовъ: *ѣхать* (должно тебѣ) *погулять* (надобно дѣтямъ), *пить* (хочется мнѣ). Въ дательномъ падежѣ употребленъ здѣсь предметъ дѣйствія, а не подлежащее.

Сказуемое, т. е. выраженіе качества, придаваемаго подлежащему, полагается также въ именительномъ падежѣ, напримѣръ: «Мой дядя *старикъ*. Этотъ ученикъ *лѣнивецъ*. Тверь есть *городъ*.» Но если сказуемымъ выражается не всегдашнее, непремѣнное, а только случайное, временное свойство подлежащаго, оно полагается въ падежѣ творительномъ: «Этотъ человѣкъ былъ *солдатомъ*. Этотъ офицеръ скоро будетъ *генераломъ*. Должность моя становится *трудною*.»

Какъ должно говорить: *быть любиму* или *быть любимымъ*? Послѣднее правильнѣе: «Тебѣ хочется быть (чѣмъ?) *любимымъ*.»

Вотъ все, что слѣдовало сказать объ управленіи главныхъ частей предложенія: остается исчислить законы управленія словъ, означающихъ обстоятельства главныхъ частей, а именно выраженіе предмета дѣйствія, качества, количества, мѣста и времени.

Глаголъ дѣйствительный переходящій (также причастіе и дѣепричастіе), выражая дѣйствіе подлежащаго, обращающееся прямо на другой предметъ, требуетъ сего имени въ надежѣ винительномъ; напримѣръ: «Солнце освѣщаетъ *землю*. Художникъ пишетъ *картину*.» Прочіе падежи или находятся при винительномъ падежѣ, или замѣняютъ его.

При винительномъ падежѣ могутъ быть слѣдующіе падежи:

а) Творительный, означая орудіе, способъ совершенія дѣйствія; напримѣръ: «Солнце освѣщаетъ землю *своими лучами*. Художникъ пишетъ картину *масляными красками*.» Также выражая имя, свойство, придаваемое глаголу: «Отецъ назвалъ своего сына *шалуномъ*. Королева пожаловала его *маркизомъ*.»

б) Родительный падежъ, означая предметъ вещественный, или отвлеченный, послѣ глаголовъ: *лишать, сподоблять, удостоивать, пріобщать*. Напримѣръ: «Онъ лишилъ жену свою *имѣнія*. Богъ исполнилъ землю *славы своей*. Начальникъ удо-

стоилъ моего друга *своей милости.*» Въ этихъ случаяхъ, т. е. послѣ глаголовъ *исполнилъ* и *удостоилъ*, можно употреблять и творительный падежъ: «исполнилъ землю *славою*, удостоилъ *милостію*.»

в) Дательный падежъ, означая предметъ личный или олицетворенный, въ пользу или во вредъ которому дѣйствіе происходитъ, напримѣръ: «Мой братъ подарилъ книгу *своему товарищу.* Персія уступила *Россіи* Армянскую Область.»

г) Косвенный падежъ съ предлогомъ, означающій отдаленное сношеніе подлежащаго съ предметомъ, обстоятельство совокупности, цѣли, времени, мѣста и т. п. «Я читаю книгу *отъ скуки, для забавы.* Я купилъ книгу *съ братомъ въ лавкѣ, у купца, за рубль, безъ торгу.*»

Замѣняется же винительный падежъ слѣдующими:

а) Родительнымъ, когда глаголу предшествуетъ отрицательная частица *не.* «Художникъ не пишетъ *картины.* Я не покупалъ *книгъ.*» Это правило рѣшительное. Оно наблюдается и тогда, когда отрицаніе находится предъ глаголомъ, предшествующимъ управляющему глаголу: «Я не хочу пить *вина.* Не люблю терять *денегъ.*» Но съ этимъ не должно смѣшивать отрицанія, находящагося въ нарѣчіи или имени, предшествующемъ глаголу: *Я не охотно принимаю лекарство. Онъ не всегда пьетъ воду. Мой братъ не охотникъ пить вино.* Еще должно замѣтить, что это правило не имѣетъ мѣста тамъ, гдѣ отрицаніе относится не къ предмету дѣйствія, а къ смыслу цѣлаго предложенія или глаго-

ла: *Я не сочиняю книгу, а перевожу ее.* Винительный падежъ замѣняется родительнымъ, когда дѣйствіе глагола простирается на неопредѣленную часть предмета, когда выражается, что оно имѣетъ продолжаться малое время, не всегда, напримѣръ: «дай мнѣ *хлѣба;* выпей *воды;* одолжи мнѣ *ножичка;* достань мнѣ *книги.*» Во всѣхъ сихъ случаяхъ подразумѣвается нарѣчіе: *нѣсколько, немного, мало,* требующее родительнаго падежа. — Когда глаголъ означаетъ боязнь, опасеніе, надежду, ожиданіе предметовъ, еще не находящихся въ виду: «Воинъ жаждетъ *славы.* Юноша избѣгаетъ *дурнаго общества.* Бѣдный требуетъ *помощи.* Нищій проситъ *милостыни.* Чаю воскресенія *мертвыхъ.*»

б) Дательнымъ замѣняется винительный падежъ, когда глаголъ означаетъ дѣйствіе, происходящее въ пользу или во вредъ личному предмету, угожденіе или противорѣчіе, приказаніе или запрещеніе, досаду или удовольствіе, пособіе или препятствіе: «Я возражаю *противнику.* Жаръ вредитъ *здоровью.* Начальникъ грозитъ *подчиненному.* Позвольте *мнѣ* сказать. Помогай *бѣднымъ.* Служи *отечеству.* Угождай *роднымъ.* Подражай *хорошимъ примѣрамъ.*»

в) Творительнымъ замѣняется винительный падежъ, когда глаголомъ означается презрѣніе, негодованіе или уваженіе, также обладаніе: «Человѣкъ дорожитъ *своею честью.* Наша губернія изобилуетъ *льномъ.* Не пренебрегай *добрымъ совѣтомъ.*»

г) Творительнымъ съ предлогомъ *съ,* означается взаимное дѣйствіе предметовъ: «Сосѣдъ враждуетъ

съ сосѣдкою. Орловская Губернія граничитъ *съ Курскою.»*

Глаголы возвратные (*моюсь, чешусь*), въ которыхъ винительный падежъ замѣняется мѣстоименіемъ *ся,* принимаютъ падежъ творительный: «моюсь *водою,* чешусь *гребнемъ;»* взаимные, творительный съ предлогомъ *съ:* «дружусь *съ сосѣдомъ,* ссорюсь *съ сосѣдкою.»* Другіе глаголы этого окончанія требуютъ падежей по своему смыслу, какъ упомянуто выше: «боюсь *бѣды;* добиваюсь *толку,* стыжусь *грѣха;* чуждаюсь *людей;* дивлюсь *герою;* жалуюсь *начальству;* нравлюсь *дѣтямъ;* удивляюсь *мужеству; мнѣ* видится во снѣ; *тебѣ* такъ кажется; *мнѣ* послышалось.»

Въ глаголахъ страдательныхъ падежъ винительный становится именительнымъ, а именительный превращается въ творительный; напримѣръ, изъ предложенія: «Помѣщикъ *выстроилъ* этотъ домъ,» происходитъ: «Этотъ домъ *выстроенъ* помѣщикомъ. Гроза *разрушила* это дерево. — Это дерево *разрушено* грозою.» Изъ этого видно, что глаголы страдательные принимаютъ падежъ творительный, но какъ симъ падежемъ выражается при глаголѣ не посторонній, а главный предметъ, дѣйствующій, то онъ не только можетъ, но и долженъ быть выраженъ, какъ при дѣйствительномъ глаголѣ падежъ именительный. Напримѣръ, нельзя написать просто: *Изданная книга заслуживаетъ вниманіе публики. Выстроенный домъ обращаетъ на себя взоры прохожихъ.* Непремѣнно нужно дополнить, *кѣмъ* изданная, *кѣмъ* выстроенный: *Книга, изданная Смир-*

динымъ, заслуживаетъ вниманіе. Впрочемъ дополненіе это можетъ состоять и изъ другаго падежа. «Домъ, *выстроенный на Невскомъ Проспектѣ*, обращаетъ на себя вниманіе прохожихъ.» По дополненіе это во всякомъ случаѣ необходимо.

Средніе глаголы, выражающіе дѣйствіе, не переходящее на другой предметъ, не могутъ требовать падежа винительнаго. При нихъ выражается только отношеніе отдаленное, посредственное, косвенными падежами: «сижу *на стулѣ*, хожу *по полю*; гляжу *на небо*,» также упоминается орудіе: «гляжу *глазами*; животныя дышатъ *легкими*; этотъ человѣкъ живетъ *неправдою*; дитя спитъ *крѣпкимъ сномъ*; эта помада пахнетъ *розою*.» Иногда глаголы средніе становятся дѣйствительными отъ присоединенія къ нимъ предлоговъ: *прогулялъ время; отлежалъ бока; обошелъ домъ.*

Сообщимъ теперь нѣсколько замѣчаній объ отдѣльныхъ и частныхъ уклоненіяхъ въ управленіи словъ.

а) Глаголъ *дарить* употребляется двояко: дарить *кому что*, или дарить *кого чѣмъ*: «Иванъ подарилъ *Петру картину*, и Иванъ подарилъ *Петра деньгами*.» Въ одной пѣснѣ встрѣчаются оба случая:

Не дари меня ты златомъ,
Подари лишь мнѣ себя.

Что правильнѣе? Правильно то и другое. Только первый оборотъ употребляется, когда мы хотимъ болѣе обратить вниманія на подаренную вещь. *Вельможа подарилъ своему управителю деревню.* Вто-

рой преимуществуетъ, когда хотимъ болѣе указать на лице, получившее подарокъ и на самое дѣйствіе: *Вельможа подарилъ своего управителя деревнею. Не дари меня золотомъ; похвали меня.*

б) Происходящій отъ предъидущаго глаголъ *благодарить*, принимаетъ за собою также и дательный и винительный падежъ: «благодарю *вамъ*, благодарю *васъ* за милость.» Первый случай встрѣчается, когда при глаголѣ есть еще другое дополненіе: *Благодарю Бога за милости.*

в) *Принадлежать* употребляется съ дательнымъ падежемъ, когда означается обладаніе: «Алеутскіе Острова принадлежатъ *Россіи*.» Съ предлогомъ *къ*, выражая отношеніе части къ цѣлому: «Волга принадлежитъ *къ рѣкамъ россійскимъ*.»

г) *Слѣдовать* — съ дательнымъ, когда значитъ послѣдованіе умственное, подражаніе: «*слѣдовать правиламъ* чести; съ предлогомъ *за* и творительнымъ падежемъ, когда означаетъ слѣдованіе физическое, порядокъ шествія: «дѣти слѣдуютъ *за отцемъ; за Нижегородскою Губерніею* слѣдуетъ Казанская.»

д) Глаголъ *учить* (и *обучать*) отличается отъ всѣхъ прочихъ тѣмъ, что при немъ личный предметъ полагается въ винительномъ падежѣ, а предметъ дѣйствія въ дательномъ: «Онъ учитъ *брата ариѳметикѣ*.»

е) *Удовлетворять* требуетъ падежа дательнаго или винительнаго: перваго, когда предметъ дѣйствія есть отвлеченный; втораго, когда онъ есть

личный: «удовлетворять *просьбамъ*, *требованіямъ*; я удовлетворилъ *чиновниковъ* жалованьемъ.»

ж) *Укорять*, *упрекать*, *попрекать*, слагаются двояко, съ винительнымъ и съ дательнымъ падежемъ: «укорять *человѣка* или *человѣку* въ лѣности; попрекать *сыну* или *сына*.» Мнѣ кажется, что винительный падежъ здѣсь приличнѣе.

з) *Испрашивать*, въ видѣ несовершенномъ, требуетъ падежа родительнаго: «испрашиваю *вашего разрѣшенія*,» а въ совершенномъ, винительнаго: «онъ испросилъ *разрѣшеніе* начальства.» Въ первомъ случаѣ этотъ глаголъ относится къ тѣмъ глаголамъ, которые означаютъ ожиданіе чего-то неопредѣленнаго, еще несуществующаго; во-второмъ, выражаетъ дѣйствіе, обращающееся прямо на извѣстный предметъ. По этому же правилу слѣдовало бы употреблять и глаголъ *заслуживать*: «вашъ помощникъ заслуживалъ *похвалы*; вашъ поступокъ заслужилъ *похвалу*.» Но это правило еще не принято.

и) *Почитать* имѣетъ при винительномъ падежѣ еще творительный: «Онъ почитаетъ *своего друга великимъ писателемъ*.» Иногда употребляется въ этомъ случаѣ предлогъ *за* съ винительнымъ падежемъ: «Всѣ почитали *его за великаго полководца*.» Первый оборотъ правильнѣе. Послѣдній взятъ съ французскаго: on le prenait pour un grand capitaine.

і) *Произвесть*, *повысить*, *пожаловать*, *постричь*, сочиняются съ предлогомъ *въ* и съ падежемъ именительнымъ: «его пожаловали *въ офицеры*;» иногда

и съ творительнымъ: «его пожаловали *кавалеромъ.*» Въ этихъ случаяхъ должно избѣгать непріятнаго и сбивчиваго стеченія двухъ творительныхъ падежей: «Онъ пожалованъ *начальствомъ деньгами.* Мой пріятель почитается *всѣмъ полкомъ храбрымъ офицеромъ.*» Можно сказать: *Начальство пожаловало его деньгами. Мой пріятель почитается во всемъ полку храбрымъ офицеромъ.*

к) Глаголы, означающіе пособіе, содѣйствіе и т. п. (*вспомоществовать, помогать, соревновать, споспѣшествовать*), требуютъ падежа дательнаго: «содѣйствовать *товарищу*, помогать *бѣдняку;*» когда же дополненіемъ выражается предметъ умственный, означающій цѣль, причину дѣйствія, употребляется дательный падежъ съ предлогомъ *къ:* «споспѣшествовать *къ успѣху* дѣла; содѣйствовать *къ полученію* потеряннаго.» Это происходитъ оттого, что здѣсь иногда случается необходимость въ другомъ дательномъ падежѣ: «содѣйствовать *сосѣду къ полученію* потеряннаго; помогать *друзьямъ къ отысканію* наслѣдства.»

л) Нѣкоторые глаголы сочиняются двояко, съ падежемъ винительнымъ и съ творительнымъ: «бросать *камень,* и бросать *камнемъ;* вертѣть *палку,* и вертѣть *палкою;* трясти *голову,* и трясти *головою;* шевелить *губы,* и шевелить *губами.*» Въ первомъ случаѣ болѣе обращается вниманія на предметъ дѣйствія; во второмъ, важенъ не столько этотъ предметъ, какъ самое дѣйствіе.

Неоднократно говорили мы, что неокончательное наклоненіе употребляется иногда вмѣсто имени

существительнаго въ подлежащемъ или сказуемомъ. «*Молчать* полезно. Долгъ твой *терпѣть*, вм. *Молчаніе полезно. Долгъ твой терпѣніе.*» Это наклоненіе можетъ быть и дополненіемъ глагола, выражающаго повелѣніе, запрещеніе, желаніе, боязнь, любовь, отвращеніе, начало, продолженіе и прекращеніе дѣйствія; напримѣръ: *желаю учиться; боюсь гулять; онъ любитъ шалить; прошу садиться; велю сказать; хочу спать; начинай работать; продолжай писать; перестань играть.* Но глаголы, выражающіе дѣйствіе физическое, не могутъ имѣть за собою неокончательнаго наклоненія. Нельзя сказать: *вижу его ходить, слышу тебя пѣть.*

Имена существительныя, происходящія отъ глаголовъ дѣйствительныхъ, требующихъ падежа винительнаго, принимаютъ за собою падежъ родительный, въ имени, означающемъ и дѣйствующій предметъ, и предметъ, дѣйствію подлежащій: «*крестьянинъ строитъ домъ:* строеніе *дома,* строеніе *крестьянина; солнце освѣщаетъ землю:* освѣщеніе *солнца,* освѣщеніе *земли,*» но когда, при существительномъ отглагольномъ, выражаются оба предмета, дѣйствующій полагается въ творительномъ падежѣ: «строеніе дома, *крестьяниномъ;* освѣщеніе земли *солнцемъ.*» Имена отглагольныя, происходящія отъ глаголовъ, требующихъ падежа дательнаго, творительнаго, предложнаго, или другаго какого съ предлогомъ, требуютъ въ имени, означающемъ дѣйствующій предметъ, падежа родительнаго, а въ предметѣ, подвергающемся дѣйствію, падежа, сочиняемаго съ глаголомъ: «благо-

дѣяніе *человѣка;* благодѣяніе *человѣку;* соревнованіе *умнаго писателя;* соревнованіе *умному писателю;* выговоръ *начальника;* выговоръ *начальнику;* пренебреженіе *людей;* пренебреженіе *людьми;* торжество враговъ; торжество *надъ врагами;* басня *Крылова;* басня *о лисицѣ.*

Имена отглагольныя, происходящія отъ дѣйствительныхъ глаголовъ, означающихъ приверженность, любовь или ненависть, требуютъ въ предметѣ дѣйствующемъ падежа родительнаго, а въ подвергающемся дѣйствію, падежа дательнаго съ предлогомъ *къ:* «любовь *народа;* любовь *къ отечеству;* ненависть *людей;* ненависть *къ людямъ;* милосердіе *Бога;* милосердіе *къ врагамъ.*»

Имена прилагательныя, происходящія отъ глаголовъ или существительныхъ отглагольныхъ, требуютъ тѣхъ же косвенныхъ падежей съ соотвѣтствующими предлогами: «соотвѣтственный *назначенію;* мстительный *врагамъ.*»

Въ языкѣ существуютъ нарѣчія, означающія, въ совокупленіи съ самостоятельнымъ глаголомъ, дѣйствіе или существованіе въ пользу или во вредъ личному предмету, возможность или невозможность: эти нарѣчія требуютъ падежа дательнаго. «*Вамъ* угодно кушать. *Тебѣ* неприлично играть въ карты. *Мнѣ* сегодня грустно. Жаль *ему* брата.» Сюда же относится дательный падежъ, полагаемый послѣ неокончательныхъ наклоненій: «быть *бѣдѣ;* не видать *мнѣ* моей родины.» Здѣсь подразумѣвается: *должно быть, не можно видѣть родины.*

Въ слѣдующемъ Чтеніи изложимъ средства выраженія обстоятельствъ качества, числа, времени и мѣста.

II.

Въ самомъ началѣ Чтеній о произведеніяхъ Русской Словесности, изложили мы обозрѣніе русскихъ пѣсень, лирическаго проявленія духа поэзіи во всякомъ народѣ. Вслѣдъ за пѣснями идутъ сказки. Человѣкъ сначала выражаетъ свои собственныя чувствованія, потомъ повѣствуетъ о событіяхъ прежняго времени, дошедшихъ до него въ преданіи. Вездѣ и всегда люди охотно отдавали преимущество случаямъ и лицамъ былаго времени предъ настоящимъ. Во всякомъ народѣ первообразъ добродѣтели, мудрости, храбрости является въ старцѣ, представляющемъ въ лицѣ своемъ событія и характеры временъ славныхъ и геройскихъ. Тогда и небо было свѣтлѣе, и трава зеленѣе, и дѣвы красивѣе, и юноши статнѣе и сильнѣе. Мысль о томъ, что свѣтъ выраждается, господствуетъ, вопреки умозрѣнію и опыту, съ начала міра. Такимъ образомъ родились сказанія о вѣкахъ героическихъ: это не чистыя выдумки, а повѣтствованія о дѣйствительныхъ событіяхъ, распространенныя, дополненныя и украшенныя воображеніемъ. Такимъ образомъ произошли пѣснопѣнія о Войнѣ Троянской и о странствіяхъ Улисса, приписываемыя слѣпцу Гомеру, но вѣроятно составившіяся въ самомъ народѣ изъ замысловатыхъ преданій старины. Рапсоды распѣвали ихъ, бродя

изъ города въ городъ. Въ числѣ ихъ, вѣроятно, былъ и Гомеръ, которому въ послѣдствіи приписали честь сочиненія, такъ какъ Америку Веспуччи открытіе Новаго Свѣта. Потомъ семь городовъ спорили о чести быть его родиною. Какъ бы то ни было, Гомеръ или тѣ лица, которыя облечены симъ именемъ, остался отцемъ и первообразомъ поэтовъ, донынѣ недостигнутымъ въ свѣтскихъ пѣснопѣніяхъ. Иліада есть поэтическое повѣствованіе о важнѣйшемъ событіи отечественной исторіи Грековъ, въ которомъ, по тогдашнимъ понятіямъ, лично участвовали высшія силы: отъ этого родилось опредѣленіе эпической поэмы; отъ этого произошли условія и требованія, которыя съ глубокой древности предлагаемы были всякому пѣснопѣнію въ этомъ родѣ.

Римляне противопоставили Иліадѣ Энеиду: это уже не проявленіе поэтической силы цѣлаго народа и вѣка, а искусственное созданіе одного превосходнаго поэта, жившаго въ вѣкѣ просвѣщенномъ, великолѣпномъ и уже совлекшемся древнихъ вѣрованій. Но и эта поэма была вполнѣ національная, изображая подвиги и случаи жизни героя, положившаго, по преданіямъ, начало величію Италіи; она была и религіозная, вмѣшивая содѣйствіе боговъ въ труды и страданія смертныхъ.

Средніе Вѣки породили Данта. Въ его Божественной Комедіи представляются намъ тогдашнія повѣрья, предразсудки, современныя автору событія въ свѣтѣ, и даже политическія мнѣнія.

Какъ въ Гомерѣ изображенъ намъ міръ греческій во время покоренія Трои, такъ въ Дантѣ видимъ міръ католическій, Европу въ XIII вѣкъ; видимъ смѣшеніе понятій древнихъ, языческихъ, съ новыми, христіанскими. Въ поэмахъ Гомера является намъ міръ внѣшній, физическій, прекрасный, совершенный, въ который сходятъ сами боги, и пируютъ какъ смертные. Въ поэмѣ Данта человѣкъ, просвѣтлѣнный мыслію о безсмертіи души, видитъ близость преставленія Свѣта, и стремится духомъ въ обитель безсмертія. Вотъ предѣлъ и различіе поэзіи классической и романтической! Въ первой преобладаніе красоты земной, тлѣнной, преходящей; въ послѣдней торжество духа и жизни вѣчной.

Дѣйствительными романтическими поэмами были пѣснопѣнія Аріоста и Тасса, служащія первообразомъ новѣйшимъ рыцарскимъ повѣстямъ: въ нихъ, при вліяніи высшихъ силъ, является чудесно-волшебное новыхъ вѣрованій, храбрость, честь, любовь благородная, возвышенная, безкорыстная, порожденная прекрасною зарею новыхъ временъ, поэтическими вѣками рыцарства.

Въ числѣ эпическихъ поэтовъ романтическихъ занимаетъ отличное мѣсто Португалецъ Камоэнсъ, творецъ Лузіады, въ которой изображено открытіе пути въ Восточную ИндіюВаскою де Гама. Въ этой поэмѣ смѣшаны самымъ страннымъ образомъ понятія христіанскія съ преданіями языческими, но она богата такими прекрасными картинами, написана такими изящными стихами, что

донынѣ составляетъ наслажденіе всякаго Португальца, какого бы званія и образованія онъ ни былъ.

Въ послѣдніе вѣки событія Священной Исторіи одушевили двухъ великихъ поэтовъ: Мильтонъ воспѣлъ грѣхопаденіе людей; Клопштокъ искупленіе ихъ Спасителемъ міра.

Франція не имѣла эпической поэмы. Вольтеръ хотѣлъ загладить сей недостатокъ своею Генріадою, и отнюдь не достигъ цѣли. Происшествія новыя, исключительно принадлежащія Исторіи, отсутствіе истиннаго одушевленія, нарушеніе правдоподобія, и искаженіе дѣйствительныхъ событій — все это лишаетъ Генріаду правъ на почетное мѣсто въ ряду другихъ эпическихъ поэмъ. Впрочемъ неуспѣхъ въ состязаніи съ Виргиліемъ и Тассомъ не даетъ намъ права унижать поэта. Онъ пріобрѣлъ славу въ другихъ родахъ.

Изъ поэмъ, исчисленныхъ нами, только первыя, т. е. Гомеровы, могутъ назваться истинно поэтическими, вдохновенными твореніями. Всѣ прочія суть искусственныя, болѣе или менѣе близкія подражанія этимъ первообразамъ. Всѣ онѣ выкроены по формѣ, данной Гомеру александрійскими справщиками. Между тѣмъ, духъ эпической поэзіи возникалъ и въ другихъ странахъ и вѣкахъ, независимо и самобытно. Таковы пѣснопѣнія, если не древнихъ, то старинныхъ бардовъ и скальдовъ шотландскихъ, появившіяся въ свѣтъ въ половинѣ XVIII вѣка, разукрашенныя издателемъ ихъ, Макферсономъ, но въ самомъ дѣлѣ оригинальныя,

прекрасныя и драгоцѣнныя въ исторіи хода ума и воображенія рода человѣческаго. Такова старинная германская пѣснь о Нибелунгахъ, составленная, какъ и Гомеровы поэмы, изъ отдѣльныхъ отрывковъ о похожденіяхъ героевъ стараго времени. Много было о ней споровъ и толковъ; то лишь достовѣрно, что это самый драгоцѣнный и оригинальный отрывокъ германской народной поэзіи. Мы коснемся его, когда станемъ говорить о балладахъ.

У насъ, на Руси, существуютъ сказки волшебныя и богатырскія, но онѣ едва ли оригинальныя. Въ нѣкоторыхъ изъ нихъ, напримѣръ въ сказкѣ о Бовѣ Королевичѣ, находятся явные признаки происхожденія ея изъ Италіи или Франціи. Бова это duc или chevalier de Beauvais; Гвидонъ, рыцарь Гвидо; городъ Антонъ, Анкона. Илья Муромецъ, Соловей-разбойникъ, Баба-Яга и Змѣй-Горыничъ, Алеша Поповичъ, Добрыня Никитичъ, напротивъ того имѣютъ основаніе русское, и какъ въ сказаніяхъ Среднихъ Вѣковъ прославляли Карла Великаго и его рыцарей, такъ въ памяти Русскихъ сохранились Великій Князь Владиміръ и его витязи. Мы не распространяемся объ этихъ остаткахъ старины, не разобранныхъ, не очищенныхъ критикою, и далеко не равняющихся внутреннимъ достоинствомъ съ нашими народными пѣснями, а взглянемъ на сказанія, смѣшанныя съ Исторіею, или непосредственно изъ нея заимствованныя. Основатели Государства Россійскаго, норманскіе князья, нѣтъ сомнѣнія, имѣли въ дружинѣ своей и скаль-

довъ, пѣвцовъ, сказочниковъ стариннаго Сѣвера. Это сословіе исчезло, какъ и многія другія принадлежности язычества, при просвѣщеніи Русской Земли Вѣрою Христіанскою, но пѣсни и сказанія ихъ, очищенныя отъ языческихъ примѣтъ, и разукрашенныя мѣстами изъ писаній священныхъ, остались въ устахъ народа и въ лѣтописяхъ. Г. Полевой исчисляетъ нѣсколько такихъ сказаній, или сагъ, въ древнемъ нашемъ лѣтописцѣ Несторѣ; напримѣръ: завоеваніе Кіева Хозарами, убіеніе Аскольда и Дира (разсказъ драматическій); походъ Олега къ Царюграду (разсказъ эпическій); поэтическая смерть Олега; походы Игоря, и мщеніе за смерть его; крещеніе Ольги; походы Святослава; исторія Рогнѣды Полоцкой; спасеніе Бѣлгорода; походъ Мстислава на Касоговъ. Эти поэтическіе разсказы рѣзко отдѣляются отъ выписокъ нашихъ хронографовъ изъ Византійцевъ: послѣднія просты, сухи, правдивы; стихотворныя вставки преисполнены вымысловъ и сравненій. Нѣкоторыя сказанія заимствованы прямо изъ сагъ скандинавскихъ: таково повѣствованіе о смерти Олега. Но самая полная сага, или поэма, того времени сохранилась у насъ въ *Пѣсни о походѣ Удѣльнаго Князя Сѣверскаго, Игоря Святославича, на Половцевъ.*

Нѣкоторые критики наши хотѣли опровергнуть подлинность и древность этой поэмы разными отрицательными доказательствами, но мы ссылаемся на свидѣтельство Шлецера, Болтина, Карамзина и большей части новыхъ дѣлателей въ Рус-

ской Исторіи: они признаютъ ее произведеніемъ XIII вѣка, и темноты въ ней приписываютъ тому обстоятельству, что списокъ съ стариннаго текста, теперь утраченнаго, сдѣланъ былъ не съ надлежащимъ стараніемъ. Изъ всѣхъ выводовъ достовѣрной и добросовѣстной критики явствуетъ, что эта поэма есть неподдѣльное твореніе древней Русской Словесности, родившееся во то время, когда догматами и формами Христіанства изгонялись слѣды и примѣты язычества. Карамзинъ полагаетъ, что эта пѣснь написана міряниномъ, ибо монахъ не дозволилъ бы себѣ говорить о богахъ языческихъ, и приписывать имъ дѣйствія сверхъестественныя. Мнѣ кажется это неосновательнымъ. Духовные очень часто, и въ недавнемъ времени, въ поученіяхъ своихъ ссылались на авторовъ языческихъ, и приводили баснословныя божества, какъ фигуры риторическія. Поэма сія написана южно-русскимъ языкомъ, которымъ говорили въ XII вѣкѣ въ Кіевѣ и Черниговѣ, но языкомъ не простонароднымъ, а возвышеннымъ, поэтическимъ. Стихосложеніе въ ней тоническое, свойственное древнимъ сказкамъ и пѣснямъ русскимъ. Нѣкоторыя отдѣльныя мѣста и выраженія ея подверглись толкамъ критиковъ историческихъ, но о достоинствѣ цѣлаго, кажется, общее мнѣніе уже утвердилось. Многіе наши прозаики и поэты переводили ее на нынѣшній языкъ, и передѣлывали по-своему. Лучшій изъ сихъ переводовъ изданъ, въ прошломъ году, Господиномъ Деларю, но мы не станемъ приводить его, а возьмемъ изложеніе

содержанія поэмы изъ Карамзина: оно проще и ближе всѣхъ къ подлиннику.

«Игорь, Князь Сѣверскій, желая воинской славы, убѣждаетъ дружину итти на Половцевъ, и говоритъ: «Хочу переломить копіе свое на ихъ дальнѣйшихъ степяхъ, положить тамъ свою голову или *шлемомъ испить Дону!*» Многочисленная рать собирается: «кони ржутъ за Сулою, гремитъ слава въ Кіевѣ, трубы трубятъ въ Новѣгородѣ, знамена развѣваются въ Путивлѣ: Игорь ждетъ милаго брата, Всеволода.» Всеволодъ изображаетъ своихъ мужественныхъ витязей: «Они подъ звукомъ трубъ повиты, концемъ копья вскормлены; пути имъ свѣдомы, овраги знаемы; луки у нихъ натянуты, колчаны отворены, сабли наточены; носятся въ полѣ какъ волки сѣрые; ищутъ чести самимъ себѣ, а князю славы.» Игорь, *вступивъ въ златое стремя*, видитъ глубокую тму предъ собою; небо ужасаетъ его грозою, звѣри ревутъ въ пустыняхъ, хищныя птицы станицами парятъ надъ воинствомъ, орлы *клектомъ* своимъ предвѣщаютъ ему гибель, и лисицы лаютъ на багряные щиты Россіянъ. Битва начинается; полки варваровъ сломлены; ихъ дѣвицы красныя взяты въ плѣнъ, злато и ткани въ добычу, олежды и наряды половецкіе лежатъ на болотахъ, вмѣсто мостовъ для Россіянъ. Князь Игорь беретъ себѣ одно багряное знамя непріятельское съ древкомъ сребрянымъ. Но идутъ съ юга черныя тучи или новые полки варваровъ: «Вѣтры, Стрибоговы внуки, вѣютъ отъ моря стрѣлами на воиновъ Игоре-

выхъ.» Всеволодъ впереди съ своею дружиною: «сыплетъ на враговъ стрѣлы, гремитъ о шлемы ихъ мечами булатными. Гдѣ сверкнетъ златой шишакъ его, тамъ лежатъ головы половецкія.» Игорь спѣшитъ на помощь къ брату. Уже два дни пылаетъ битва, неслыханная, страшная: «земля облита кровію, усѣяна костями. Въ третій день пали наши знамена: *кроваваго вина* не достало; кончили пиръ свой храбрые Россіяне, напоили гостей и легли за отечество.» Кіевъ, Черниговъ въ ужасѣ. Половцы, торжествуя, ведутъ Игоря въ плѣнъ, и дѣвицы ихъ «поютъ веселыя пѣсни на берегу синяго моря, звеня русскимъ золотомъ.» Сочинитель молитъ всѣхъ князей соединиться для наказанія Половцевъ, и говоритъ Всеволоду III: «Ты можешь Волгу *раскропить* веслами, а Донъ вычерпать шлемами.» — Рюрику и Давиду: «Ваши шлемы позлащенные издавна обагряются кровію; ваши мужественные витязи ярятся какъ дикіе волы, уязвленные саблями калеными.» — Роману и Мстиславу Волынскимъ: «Литва, Ятвяги и Половцы, бросая на землю свои копья, склоняютъ головы подъ ваши мечи булатные!» — Сыновьямъ Ярослава Луцкаго, Ингварю, Всеволоду и третьему ихъ брату: «О вы, славнаго гнѣзда *шестокрильцы!* заградите поле врагу стрѣлами острыми.» Онъ называетъ Ярослава Галицкаго *Осмомысломъ*, прибавляя: «Сидя высоко на престолѣ златокованномъ, ты *подпираешь* Горы Карпатскія *желѣзными* своими полками, затворяешь врата Дуная, отверзаешь путь къ Кіеву, пускаешь стрѣлы

въ земли отдаленныя. Въ то же время сочинитель оплакиваетъ гибель одного кривскаго князя, убитаго Литовцами: «Дружину твою, Князь, птицы хищныя пріодѣли крыльями, а звѣри кровь ея полизали. Ты самъ выронилъ *жемчужную* душу свою изъ мощнаго тѣла чрезъ златое ожерелье.» Въ описаніи несчастнаго междоусобія владѣтелей россійскихъ и битвы Изяслава I съ Княземъ Полоцкимъ сказано: «На берегахъ Нѣмана стелютъ они снопы головами, молотятъ цѣпами булатными, вѣютъ душу отъ тѣла.... О времена бѣдственныя! Для чего нельзя было *пригвоздить* стараго Владиміра къ горамъ кіевскимъ!».... Между тѣмъ супруга плѣненнаго Игоря льетъ слезы въ Путивлѣ, съ городской стѣны смотря въ чистое поле: «Для чего, о вѣтеръ сильный! легкими крылами своими навѣялъ ты стрѣлы ханскія на воиновъ моего друга? Развѣ мало тебѣ волновать синее море и *лелѣять* корабли на зыбяхъ его?... О Днѣпръ славный! ты пробилъ горы каменныя, стремяся въ землю половецкую; ты несъ на себѣ ладіи Святославы до стана Кобякова: принеси же и ко мнѣ друга милаго, да не шлю къ нему утреннихъ слезъ моихъ въ синее море!... О солнце свѣтлое! ты для всѣхъ тепло и красно: почто же знойными лучами своими изнурило ты воиновъ моего друга въ пустынѣ безводной?».... Но Игорь уже свободенъ: обманувъ стражу, онъ летитъ на борзомъ конѣ къ предѣламъ отечества, стрѣляя гусей и лебедей для своей пищи. Утомивъ коня, садится на ладію, и плыветъ Донцемъ въ

Россію. Сочинитель, мысленно одушевляя сію рѣку, заставляетъ оную привѣтствовать Князя: «Не мало тебѣ, Донецъ, величія, когда ты лелѣешь Игоря на волнахъ своихъ, стелешь мнѣ траву мягкую на берегахъ *сребряныхъ*, одѣваешь меня теплыми мглами подъ сѣнію древа зеленаго, охраняешь гоголями на водѣ, чайками на струяхъ, чернетьми на вѣтрахъ.» Игорь, прибывъ въ Кіевъ, ѣдетъ благодарить Всевышняго въ храмъ Пирогощей Богоматери, и сочинитель, повторивъ слова Бояновы: «худо головѣ безъ плечъ, худо плечамъ безъ головы,» восклицаетъ: счастлива земля и веселъ народъ, торжествуя спасеніе Игорево! Слава князьямъ и дружинѣ!» Читатель видитъ, что сіе произведеніе древности ознаменовано силою выраженія, красотами языка живописнаго и смѣлыми уподобленіями, свойственными стихотворству юныхъ народовъ *.»

Этимъ и кончилась наша старинная эпическая поэзія. Различныя другія стихотворныя сказанія о временахъ и подвигахъ Димитрія Донскаго и Іоанна III, не имѣютъ большаго достоинства, ни въ отношеніи къ содержанію, ни по языку своему: у насъ въ народѣ первенствовала поэзія лирическая.

Ломоносовъ началъ эпическую поэму о жизни и подвигахъ величайшаго Русскаго Царя, Петра,

---

* *Исторія Государства Россійскаго*. Томъ III, стр. 219 — 223.

написалъ только двѣ пѣсни, и пересталъ. Великій лирикъ почувствовалъ, что для поэтическаго изображенія героя въ приличномъ ему видѣ, поэтъ долженъ находиться въ нѣкоторомъ отъ него отдаленіи; изображаемыя лица должны быть не живыя, не предстоящія поэту; они должны носиться въ туманѣ древности, и невѣрными очерками своими давать волю поэзіи дополнять ихъ своими образами, не вредя истинѣ стихотворной, не оскорбляя въ читателѣ чувства исторической правды.

Херасковъ не устрашился затрудненій, сопряженныхъ въ новое время съ созданіемъ эпопеи: онъ написалъ поэмы: *Россіяда* и *Владиміръ*, которыя въ свое время превозносимы были сверхъ достоинства; нынѣ же, за то, слишкомъ унижаются нашими критиками. Излишній восторгъ современниковъ кажется мнѣ естественнымъ и извинительнымъ: мы видимъ въ поэтѣ нашего единоземца, сверстника, друга, и его творенія, прославляющія отечество наше, кажутся намъ собственными нашими: какъ тутъ удержаться въ надлежащихъ предѣлахъ хвалы? Но унижать сверхъ мѣры то, что въ свое время пользовалось славою и уваженіемъ, не великодушно и не справедливо. Всякъ изъ насъ платитъ дань своему вѣку, и то, что нынѣ кажется новымъ, свѣжимъ, прекраснымъ, лѣтъ чрезъ десять обветшаетъ, завянетъ, обезобразится. Если мы хотимъ уваженія въ потомствѣ для себя, станемъ чтить то, что было прежде насъ. Сынъ неблагодарный никогда не будетъ счастливымъ отцемъ. Одинъ критикъ из-

дѣвался надъ слабоуміемъ Карамзина, который, въ свое время, восхищался Херасковымъ; но кто имъ не восхищался? Дмитріевъ, въ надписи къ портрету его, выразился такъ:

Пускай отъ зависти сердца въ Зоилахъ ноютъ;
Хераскову они вреда не нанесутъ:
Владиміръ, Іоаннъ щитомъ его покроютъ
И въ храмъ безсмертья проведутъ.

Державинъ, въ заключеніи своего Ключа, говоритъ:

Да честь твоя пройдетъ всѣ грады,
Какъ эхо съ горъ сквозь лѣсъ дремучъ;
Творца безсмертной Россіяды,
Священный Гребеневскій Ключъ,
Поилъ водой ты стихотворства.

Вотъ голоса первыхъ изъ его современниковъ! На это возражаютъ, что личныя качества Хераскова, какъ человѣка, гражданина, ревнителя просвѣщенія, покровителя талантовъ, возбуждали это общее къ нему уваженіе. Тѣмъ болѣе обязанности потомкамъ, говоря о его произведеніяхъ смѣло и откровенно, щадить его память, смягчать свой приговоръ, и всячески стараться открывать въ немъ хорошее и хвалы достойное. Подробная критика произведеній словесности не входитъ въ кругъ нашихъ Чтеній. Мы только указываемъ на нихъ, и изображаемъ ихъ свойства и характеръ. Не приводимъ выписокъ изъ поэмъ Хераскова, потому что какой нибудь негладкій стихъ, какое нибудь выраженіе, нынѣ обветшавшее, могли бы дать о немъ нашимъ слушателямъ ложное поня-

тіе. Но что онъ былъ человѣкъ съ дѣйствительнымъ стихотворческимъ даромъ, въ томъ свидѣтельствуетъ одно четверостишіе, переведенное имъ на семидесятомъ году отъ роду. Вольтеръ прогуливался однажды въ прекрасную лунную ночь съ Маркизою дю-Шатле по Сирейскому Парку. Взглянувъ на звѣздное небо, она сказала: нужна цѣлая поэма, чтобъ изобразить это дивное мірозданіе. — Нѣтъ, отвѣчалъ Вольтеръ: на это довольно четырехъ стиховъ, и вотъ они:

Tout ce vaste océan d'azur et de lumière,
Tiré du néant même et formé sans matière,
Arrondi sans compas et tournant sans pivot,
A peine a-t-il coûté la dépense d'un mot.

Херасковъ, по просьбѣ одного пріятеля, перевелъ это экспромтомъ:

Весь этотъ океанъ лазури и сіянья,
Составленъ безъ существъ, изъятъ изъ ничего.
Безъ циркуля скругленъ, вертясь безъ основанья,
Едва ли стоилъ онъ лишь слова одного.

Россіяда и Владиміръ останутся у насъ памятниками трудолюбія, благонамѣренности и желанія обогатить отечественную литературу достойнымъ ея произведеніемъ, но совершенству ихъ препятствовали и направленіе вѣка, и собственное дарованіе поэта, не исполинское, не гигантское, какого требовалось для созданія поэмы эпической. Мы, близкіе потомки Хераскова, тѣмъ менѣе имѣемъ права жестоко порицать его, что сами не произвели въ этомъ родѣ ничего лучшаго.

Въ одно время съ Херасковымъ писалъ Богдановичъ. Онъ первый оставилъ громкую трубу тогдашней поэзіи лирической и эпической, и сталъ испытывать силы свои въ стихотвореніяхъ легкихъ. Плодомъ трудовъ и дарованій его осталась *Душенька*, поэма комическая, большею частію переводъ сказки Лафонтеновой. Вымысла въ ней не было, но были легкіе, пріятные стихи, первые этого рода въ Россіи, которые и нынѣ можно читать съ удовольствіемъ:

Во всѣхъ ты, Душенька, нарядахъ хороша;
По образу ль какой царицы ты одѣта,
Пастушкою ли гдѣ сидишь у шалаша,
Во всѣхъ ты чудо свѣта;
Во всѣхъ являешься прекраснымъ божествомъ,
И только ты одна прекраснѣе портрета.

Душенька является въ саду:
Церберы перестали лаять,
Замерзлый Тартаръ началъ таять,
Подземна царства темный царь,
Который возлѣ Прозерпины
Дремалъ съ надеждою на слугъ,
Смутился тишиною вдругъ;
Возвысилъ вкругъ бровей морщины,
Сверкнулъ блистаньемъ ярыхъ глазъ,
Взглянулъ, начавши рѣчь запнулся,
И съ роду въ первый разъ
Въ то время улыбнулся!

Можно вообразить себѣ, какое впечатлѣніе произвели эти стихи въ то время, когда извѣстны

были однѣ холодныя, карикатурныя эклоги Сумарокова! Богдановичъ нашелъ себѣ совмѣстниковъ и послѣдователей въ легкости и пріятности стиховъ, но поэмъ эпическихъ, ни важныхъ, ни шутливыхъ, долгое время у насъ не было.

Явился Пушкинъ, и съ нимъ возникла у насъ романтическая поэма, поэма временъ новыхъ, богатырскихъ, рыцарскихъ, не стѣсненная въ предѣлахъ своихъ старинными формами, не обязанная растягиваться въ двадцати четырехъ пѣсняхъ, не подчиненная божествамъ и властямъ ветхаго Олимпа! Даръ Пушкина, какъ мы неоднократно говорили, заключался въ богатомъ, блистательномъ воображеніи, выражавшемся прекраснѣйшими стихами. Онъ не создавалъ въ точномъ смыслѣ сего слова: онъ мастерскою кистью списывалъ картины природы. Не знаю, чѣмъ бы онъ былъ, если бъ не предался увлеченію Байрона; можетъ быть, и вѣроятно, былъ бы онъ выше и самостоятельнѣе. Этотъ странный взглядъ на жизнь, это смѣшеніе высокаго съ низкимъ, благороднаго съ ничтожнымъ, великодушія съ дерзостью, самоотверженія съ жадностью къ наслажденіямъ, это возвышеніе силы характера надъ доблестью и благостью души, все это сбиваетъ насъ съ толку въ произведеніяхъ Пушкина, и заставляетъ жалѣть, что онъ не имѣлъ лучшаго образца и руководителя. Друзья и чтители пали ницъ предъ его талантомъ, и не дерзали говорить ему правду; враги и противники только раздражали и сердили его, а не наставляли и не образумливали.

Безусловные его хвалители ставятъ выше всѣхъ его поэмъ *Полтаву*. Мы не раздѣляемъ сего мнѣнія: эта поэма слаба и по вымыслу, и по исполненію. Это не Полтава, а Мазепа. Пушкинъ не могъ писать дурныхъ стиховъ, потому мы читаемъ и Полтаву съ удовольствіемъ; но въ ней отнюдь нѣтъ того, что восхищаетъ и плѣняетъ насъ въ другихъ его стихотвореніяхъ. И можно ли интересоваться его героемъ, гнуснымъ измѣнникомъ, развратникомъ и злодѣемъ, когда два великіе мужа, Петръ и Карлъ, проходятъ мимо насъ тѣнями, и въ этихъ тѣняхъ выше всего остальнаго! Сверхъ того многія картины и уподобленія въ Полтавѣ невѣрны и ложны. Говорятъ, эта одна поэма его національная, историческая. Но неужели Русская Исторія не представила предметовъ, болѣе достойныхъ животворящей его кисти? Странный выборъ — изъ всей Русской Исторіи, для поэзіи выбрать Мазепу, а для прозы — Пугачева. Вообще герои поэмъ Пушкина люди самые жалкіе: измѣнники, картежники, развратники, холодные эгоисты. Видимое вліяніе выродковъ Байроновскихъ! Пушкинъ самъ могъ бы сотворить ихъ гораздо лучше. Доказательство этому находимъ въ его женскихъ лицахъ и характерахъ. Его Людмила, его Черкешенка, Марія, Зарема, самая Цыганка Земфира, истинны, вѣрны, живы, прелестны, восхитительны, идеальны!

Русланъ и Людмила изобилуетъ прекрасными эпизодами и стихами, но это подражаніе западнымъ романтикамъ, а отнюдь не русская поэма:

ничего подобнаго этому на Руси не бывало. Критика очень справедливо замѣтила, что въ предисловіи къ этой поэмѣ, придѣланномъ въ послѣдствіи, гораздо болѣе руссисма, нежели въ самой поэмѣ. В ъ это прекрасное введеніе:

У лукоморья дубъ зеленый;
Златая цѣпь на дубѣ томъ.
И днемъ и ночью котъ ученый
Все ходитъ по цѣпи кругомъ;
Идетъ направо — пѣснь заводитъ,
Налѣво — сказку говоритъ.
Тамъ чудеса, тамъ лѣшій бродитъ,
Русалка на вѣтвяхъ сидитъ;
Тамъ на невѣдомыхъ дорожкахъ
Слѣды невиданныхъ звѣрей;
Избушка тамъ на курьихъ ножкахъ
Стоитъ безъ оконъ, безъ дверей;
Тамъ лѣсъ и долъ видѣній полны,
Тамъ о зарѣ прихлынутъ волны
На брегъ песчаный и пустой,
И тридцать витязей прекрасныхъ
Чредой изъ водъ выходятъ ясныхъ,
И съ ними дядька ихъ морской;
Тамъ королевичъ мимоходомъ
Плѣняетъ грознаго царя;
Тамъ въ облакахъ передъ народомъ
Черезъ лѣса, черезъ моря
Колдунъ несетъ богатыря;
Въ темницѣ тамъ царевна тужитъ,
А бурый волкъ ей вѣрно служитъ;
Тамъ ступа съ Бабою-Ягой
Идетъ-бредетъ сама собой:
Тамъ царь Кащей надъ златомъ чахнетъ;

Тамъ русскій духъ...тамъ Русью пахнетъ!
И тамъ я былъ, и медъ я пилъ;
У моря видѣлъ дубъ зеленый,
Подъ нимъ сидѣлъ; и котъ ученый
Свои мнѣ сказки говорилъ.
Одну я помню: сказку эту
Повѣдаю теперь я свѣту....
Дѣла давно минувшихъ дней,
Преданья старины глубокой.

О Кавказскомъ Плѣнникѣ написалъ онъ самъ, побывавши за Кавказомъ: «Здѣсь нашелъ я измаранный списокъ Кавказскаго Плѣнника, и признаюсь, перечелъ его съ большимъ удовольствіемъ. Все это слабо, молодо, неполно, но многое угадано и выражено вѣрно.»

Бахчисарайскій Фонтанъ есть прекрасная, великолѣпная декорація; между кулисами, мастерски расписанными волшебною рукою Дагерра, ходятъ таинственныя жены; двѣ изъ нихъ приподнимаютъ покрывало: одна сверкнула молніями, которыя объяснили одинъ изъ счастливѣйшихъ стиховъ Пушкина:

Твои язвительныя очи
Свѣтлѣе дня, чернѣе ночи!

Другая, но пусть договоритъ самъ поэтъ —

Гарема въ дальномъ отдѣленьѣ
Позволено ей жить одной,
И мнится, въ томъ уединеньѣ
Сокрылся нѣкто не земной.
Тамъ день и ночь горитъ лампада
Предъ ликомъ Дѣвы Пресвятой,

Души тоскующей отрада.
Тамъ упованье въ тишинѣ
Съ смиренной вѣрой обитаетъ,
И сердцу все напоминаетъ
О близкой, лучшей сторонѣ.
Тамъ дѣва слезы проливаетъ
Вдали завистливыхъ подругъ;
И между тѣмъ, какъ все вокругъ
Въ безумной нѣгѣ утопаетъ,
Святыню строгую скрываетъ
Спасенный чудомъ уголокъ...
Тамъ сердце, жертва заблужденій,
Среди порочныхъ упоеній
Хранитъ одинъ святой залогъ,
Одно божественное чувство.

И вдругъ обѣ, и Зарема, и Марія, исчезаютъ съ ударомъ грома, и надъ прахомъ Маріи возвышается фонтанъ слезъ. Прелестная пантомима посреди волшебныхъ декорацій — и только. Очарованный несравненными стихами, читатель ждетъ чего-то, и напрасно.

Первенствующія произведенія Пушкина и въ этомъ родѣ, какъ и въ прочихъ, поэмы небольшія. У него обыкновенно отдѣльная пѣснь лучше цѣлой поэмы, а стихъ лучше пѣсни. По мнѣ, лучшіе его разсказы суть: *Цыганы*, и, совѣстно сказать, *Братья Разбойники*.

Въ Цыганахъ видимъ удивительную картину поэтическаго быта этого загадочнаго народа, который блуждаетъ среди европейскаго образованія, какъ оставшаяся на яву грёза послѣ странныхъ сновидѣній, который, забывъ свое происхожденіе,

связываетъ Востокъ съ Западомъ, Югъ съ Сѣверомъ: пляшетъ и поетъ и ворожитъ Хитаною въ Андалузіи; пляшетъ и поетъ и ворожитъ Цыганкою въ Москвѣ, но охотно выбираетъ для привольной жизни своей тѣ страны, гдѣ неустановившееся еще общество гражданское, какъ въ Молдавіи и Валахіи, даетъ просторъ его прихотливымъ обычаямъ. И тамъ нашелъ ихъ Пушкинъ: тамъ начерталъ эту живую, движущуюся картину, вѣрно съ подлинникомъ; тамъ и Алеко его, выродокъ европейскаго образованія, на своемъ мѣстѣ.

Въ Цыганахъ есть все: и живая картина мѣстности, и точное изображеніе народныхъ обычаевъ, повѣрій и нравовъ, и близкіе портреты оригинальныхъ лицъ, есть и дѣйствіе, поэтически, а можетъ быть и исторически истинное. Къ тому прибавьте очаровательные стихи Пушкина, и получите одно изъ совершеннѣйшихъ произведеній его поэзіи.

Вотъ картина цыганскаго табора:

Цыганы шумною толпой
По Бессарабіи кочуютъ.
Они сегодня надъ рѣкой
Въ шатрахъ изодранныхъ ночуютъ.
Какъ вольность, веселъ ихъ ночлегъ
И мирный сонъ подъ небесами.
Между колесами телѣгъ,
Полузавѣшенныхъ коврами,
Горитъ огонь; семья кругомъ
Готовитъ ужинъ; въ чистомъ полѣ

Пасутся кони; за шатромъ
Ручной медвѣдь лежитъ на волѣ.
Все живо посреди степей:
Заботы мирныя семей,
Готовыхъ съ утромъ въ путь недальній,
И пѣсни женъ, и крикъ дѣтей,
И звонъ походной наковальни.
Но вотъ на таборъ кочевой
Нисходитъ сонное молчанье,
И слышны въ тишинѣ степной
Лишь лай собакъ, да коней ржанье.
Огни вездѣ погашены,
Спокойно все, луна сіяетъ
Одна съ небесной вышины
И тихій таборъ озаряетъ.
Въ шатрѣ одномъ старикъ не спитъ:
Онъ передъ углями сидитъ,
Согрѣтый ихъ послѣднимъ жаромъ,
И въ поле дальнее глядитъ,
Ночнымъ подернутое паромъ.
Его молоденькая дочь
Пошла гулять въ пустынномъ полѣ.
Она привыкла къ рѣзвой волѣ;
Она прійдетъ; но вотъ ужъ ночь,
И скоро мѣсяцъ ужъ покинетъ
Небесъ далекихъ облака;
Земфиры нѣтъ какъ нѣтъ, и стынетъ
Убогій ужинъ старика.

А вотъ походъ ихъ:

И съ шумомъ высыпалъ народъ,
Шатры разобраны; телѣги
Готовы двинуться въ походъ;

Все вмѣстѣ тронулось: и вотъ
Толпа валитъ въ пустыхъ равнинахъ.
Ослы въ перекидныхъ корзинахъ
Дѣтей играющихъ несутъ,
Мужья и братья, жены, дѣвы,
И старъ и младъ вослѣдъ идутъ;
Крикъ, шумъ, цыганскіе припѣвы,
Медвѣдя ревъ, его цѣпей
Нетерпѣливое бряцанье,
Лохмотьевъ яркихъ пестрота,
Дѣтей и старцевъ нагота,
Собакъ и лай и завыванье,
Волынки говоръ, скрипъ телѣгъ,
Все скудно, дико, все нестройно;
Но все такъ живо, неспокойно,
Такъ чуждо мертвыхъ нашихъ нѣгъ,
Такъ чуждо этой жизни праздной.

А эта пѣсенька:

Птичка божія не знаетъ
Ни заботы, ни труда;
Хлопотливо не свиваетъ
Долговѣчнаго гнѣзда.
Въ долгу ночь на вѣткѣ дремлетъ:
Солнце красное взойдетъ,
Птичка гласу Бога внемлетъ,
Встрепенется и поетъ.
За весной, красой природы,
Лѣто знойное пройдетъ —
И туманъ и непогоды
Осень поздняя несетъ:
Людямъ скучно, людямъ горе;
Птичка въ дальнія страны,

Въ теплый край, за сине море
Улетаетъ до весны.

И воспоминаніе объ Овидіи.

Межъ нами есть одно преданье:
Царемъ когда-то сосланъ былъ
Полудня житель къ намъ въ изгнанье,
(Я прежде зналъ, но позабылъ
Его мудреное прозванье).
Онъ былъ уже лѣтами старъ,
Но младъ и живъ душой незлобной:
Имѣлъ онъ пѣсень дивный даръ
И голосъ шуму водъ подобный.
И полюбили всѣ его,
И жилъ онъ на брегахъ Дуная,
Не обижая никого.
Людей разсказами плѣняя,
Не разумѣлъ онъ ничего,
И слабъ и робокъ былъ какъ дѣти;
Чужіе люди за него
Звѣрей и рыбъ ловили въ сѣти.
Какъ мерзла быстрая рѣка
И зимни вихри бушевали,
Пушистой кожей покрывали
Они святаго старика;
Но онъ къ заботамъ жизни бѣдной
Привыкнуть никогда не могъ;
Скитался онъ изсохшій, блѣдной;
Онъ говорилъ, что гнѣвный Богъ
Его каралъ за преступленье.
Онъ ждалъ, прійдетъ ли избавленье,
И все несчастный тосковалъ,
Бродя по берегамъ Дуная,

Да горьки слезы проливалъ,
Свой дальній градъ воспоминая,
И завѣщалъ онъ умирая,
Чтобы на югъ перенесли
Его тоскующія кости,
И смертью — чуждой сей земли
Неуспокоенные гости.

Алеко.

Такъ вотъ судьба твоихъ сыновъ,
О Римъ, о громкая держава!
Пѣвецъ любви, пѣвецъ боговъ,
Скажи мнѣ, что такое слава?
Могильный гулъ, хвалебный гласъ,
Изъ рода въ роды звукъ бѣгущій,
Или подъ сѣнью дымной кущи
Цыгана дикаго разсказъ?

Пропустимъ драматическую часть, полную истины и поэзіи, и прочитаемъ окончаніе:

Востокъ, денницей озаренный,
Сіялъ. Алеко за холмомъ,
Съ ножемъ въ рукахъ, окровавленный
Сидѣлъ на камнѣ гробовомъ.
Два трупа передъ нимъ лежали.
Убійца страшенъ былъ лицемъ.
Цыганы робко окружали
Его встревоженной толпой;
Могилу въ сторонѣ копали,
Шли жены скорбной чередой
И въ очи мертвыхъ цѣловали.
Старикъ отецъ одинъ сидѣлъ
И на погибшую глядѣлъ

Въ нѣмомъ бездѣйствіи печали.
Подняли трупы, понесли
И въ лоно хладное земли
Чету младую положили.
Алеко издали смотрѣлъ
На все. Когда же ихъ закрыли
Послѣдней горстію земной,
Онъ молча медленно склонился,
И съ камня на траву свалился.
Тогда старикъ, приблизясь, рекъ:
«Оставь насъ, гордый человѣкъ!
Мы дики, нѣтъ у насъ законовъ,
Мы не терзаемъ, не казнимъ,
Не нужно крови намъ и стоновъ;
Но жить съ убійцей не хотимъ.
Ты не рожденъ для дикой доли,
Ты для себя лишь хочешь воли;
Ужасенъ намъ твой будетъ гласъ:
Мы робки и добры душою,
Ты золъ и смѣлъ; — оставь же насъ.
Прости! да будетъ миръ съ тобою!»
Сказалъ, и шумною толпою
Поднялся таборъ кочевой
Съ долины страшнаго ночлега,
И скоро все въ дали степной
Сокрылось. Лишь одна телѣга,
Убогимъ крытая ковромъ,
Стояла въ полѣ роковомъ.
Такъ иногда передъ зимою,
Туманной, утренней порою,
Когда подъемлется съ полей
Станица позднихъ журавлей
И съ крикомъ вдаль на югъ несется,

Пронзенный гибельнымъ свинцомъ,
Одинъ печально остается,
Повиснувъ раненымъ крыломъ.
Настала ночь; въ телѣгѣ темной
Огня никто не разложилъ
Никто подъ крышею подъемной
До утра сномъ не опочилъ.
Волшебной силой пѣснопѣнья
Въ туманной памяти моей
Такъ оживляются видѣнья
То свѣтлыхъ, то печальныхъ дней.
Въ странѣ, гдѣ долго, долго брани
Ужасный гулъ не умолкалъ,
Гдѣ повелительныя грани
Стамбулу Русскій указалъ,
Гдѣ старый нашъ орелъ двуглавой
Еще шумитъ минувшей славой,
Встрѣчалъ я посреди степей
Надъ рубежами древнихъ становъ
Телѣги мирныя Цыгановъ,
Смиренной вольности дѣтей.
Но счастья нѣтъ и между вами,
Природы бѣдные сыны!
И подъ издранными шатрами
Живутъ мучительные сны,
И ваши сѣни кочевыя
Въ пустыняхъ не спаслись отъ бѣдъ,
И всюду страсти роковыя,
И отъ судебъ защиты нѣтъ.

И его нѣтъ уже межъ нами, пѣвца донынѣ несравненнаго и долго еще единственнаго! И онъ угасъ въ цвѣтѣ лѣтъ и своего таланта! И онъ унесъ съ темную могилу богатое сокровище, изъ

котораго бы могъ долго, долго надѣлять наше воображеніе, питать умъ и сердце. Съ нимъ умолкъ и этотъ очаровательный голосъ, на который, въ безмолвномъ умиленіи, отзывалось всякое русское сердце.

Братья Разбойники имѣютъ великое достоинство. Это стихотвореніе отличается вѣрностью и оригинальностью во всѣхъ чертахъ своихъ и самыхъ малѣйшихъ, едва замѣтныхъ. Въ немъ видимъ тѣ геніяльныя черты карандаша, которыми великій художникъ въ одинъ почеркъ умѣетъ нарисовать полную картину. Картина эта ужасная, по предмету своему отвратительная, а по взгляду поэтическому и художественной отдѣлкѣ, высокая и неподражаемая. Сто разъ негодовалъ я на Пушкина за выборъ такого предмета, и сто разъ вновь принимался за книгу: видѣлъ шайку злодѣевъ на берегу Волги, слышалъ стоны заключеннаго въ острогѣ:

Воды! воды!
Мнѣ душно здѣсь — я въ лѣсъ хочу!

Слѣдилъ за предсмертными его муками:

Три дня больной не говорилъ
И не смыкалъ очей дремотой.
Въ четвертый грустною заботой,
Казалось, онъ исполненъ былъ
Позвалъ меня, пожалъ мнѣ руку.
Потухшій взоръ изобразилъ
Одолѣвающую муку.
Рука задрогла; онъ вздохнулъ,
И на груди моей уснулъ.

Надъ хладнымъ тѣломъ я остался,
Три ночи съ нимъ не разставался,
Все ждалъ, проснется ли мертвецъ,
И горько плакалъ. Наконецъ
Взялъ заступъ, грѣшную молитву
Надъ братней ямой совершилъ,
И тѣло въ землю схоронилъ.

Смѣемъ ли мы винить поэта въ выборѣ лицъ и случаевъ? Онъ живетъ вдохновеніемъ, которое сходитъ къ нему въ мечтаніяхъ и грѣзахъ, никогда не снившихся прозаику!

Въ читающемъ свѣтѣ пользуется большою славою *Евгеній Онѣгинъ*. Въ немъ дѣйствительно есть прекрасныя, оригинальныя мѣста; есть красоты первостепенныя, но нѣтъ цѣлаго: онъ написанъ въ разныя времена, подъ различными впечатлѣніями, и съ различными видами. Встарину были въ модѣ картинки, называвшіяся quodlibet, на которыхъ изображалась смѣсь разныхъ предметовъ, разбросанныхъ по столу: и рисунки, и силуэты, и ноты, и визитные билеты, и карты съ загнутыми углами, и газеты, и обрывки афишъ, съ именемъ любимой артистки, и незасохшіе брызги шампанскаго. Къ роду такихъ картинъ, набросанныхъ великимъ художникомъ въ часы досуга, лѣни или затѣйливой шалости, принадлежитъ Онѣгинъ, какъ говоритъ самъ поэтъ,

Собранье пестрыхъ главъ
Полусмѣшныхъ, полупечальныхъ,
Простонародныхъ, идеальныхъ,
Небрежный плодъ *его* забавъ,

Безсонницъ, легкихъ вдохновеній,
Незрѣлыхъ и увядшихъ лѣтъ,
Ума холодныхъ наблюденій
И сердца горестныхъ замѣтъ!

Но и въ этомъ произведеніи Пушкинъ уступаетъ только самому себѣ. Всѣ подражанія Онѣгину, взятыя вмѣстѣ, не стоятъ одной его строфы.

Въ заключеніи статьи о лирической поэзіи, сказалъ я, что она сливается съ эпическою посредствомъ баллады. Теперь неизлишнимъ считаю войти въ нѣкоторыя подробности о происхожденіи и характерѣ послѣдняго рода поэзіи. Баллады не были извѣстны древнимъ, и въ новыя времена, въ разныхъ мѣстахъ и въ разные вѣки, имѣли не одинаковое значеніе. Сначала возникли онѣ во Франціи, и означали пѣсню, которою сопровождается пляска. Оттого онѣ получили и наименованіе свое: ballo по-италіянски, bal по-французски, и bayle по-испански означаютъ танцы. Нормандскіе завоеватели перенесли балладу въ Англію. Тамъ, въ теченіе двухъ вѣковъ, эти лирическія стихотворенія измѣнились въ содержаніи своемъ. Баллады сдѣлались небольшими народными поэмами, въ которыхъ разсказывали о какомъ нибудь старинномъ преданіи, страшномъ и драматическомъ, о событіи сѣдой старины, о похожденіяхъ любовныхъ, о бѣдствіяхъ героевъ національныхъ. Уже въ царствованіе Эдуарда III баллада лишилась своего первоначальнаго лирическаго свойства, изъ стихотворенія французскаго сдѣлалась англійскимъ и шотланд-

скимъ. Суровые пѣвцы туманной Каледоніи, ходя по горамъ и долинамъ, воспѣвали подвиги и событія ревниваго короля, который убилъ жену свою за то, что ей понравился молодой рыцарь; пѣли, какъ тѣнь жениха, убитаго на войнѣ, является его невѣстѣ, какъ старая жидовка привлекаетъ къ себѣ прекрасное дитя христіанское, суля ему гостинцы, и бросаетъ въ колодезь, во сто локтей глубиною; изображали прекрасную Роземонду, скрытую въ замкѣ Вудстокѣ царственнымъ ея другомъ, и принимающую смертное зеліе изъ рукъ соперницы. Изъ этихъ несвязныхъ, отрывочныхъ сказаній, составились у сѣверныхъ народовъ въ послѣдствіи цѣлыя поэмы. Такимъ образомъ исландская Элда, и германскіе Нибелунги суть не иное что, какъ баллады, слитыя воедино. Къ тому же разряду принадлежатъ и древнія пѣсни Датчанъ. Наши старинныя сказанія, перешедшія къ намъ, какъ выше сказано, отъ Норманновъ, равномѣрно могутъ назваться балладами; въ томъ числѣ и Пѣснь о походѣ Игоря. Любопытно видѣть, какъ цѣпь поэзіи объемлетъ всѣ народы! Этотъ самый родъ стихотвореній перенесенъ былъ въ Испанію, вѣроятно, Визиготами, и напитавшись вліяніемъ аравійскимъ, получилъ тамъ наименованіе романсовъ. Романсы объ испанскомъ Ахиллѣ, Сидѣ, суть не иное что, какъ баллады о подвигахъ одного героя. Испанскіе романсы безчисленны. Только во Франціи, свѣтлой, веселой и прозаической, этотъ родъ никогда не могъ совершенно укорениться. Тамъ нѣтъ ни поэтическихъ

тумановъ и скалъ Сѣвера, ни палящихъ степей Африки, а поэзія любитъ крайности, и неохотно дружится съ рѣзкимъ умомъ и ослѣпительнымъ просвѣщеніемъ.

Въ новѣйшія времена преимущественно занимались симъ родомъ поэзіи Нѣмцы, и въ числѣ ихъ особенно Бюргеръ, Шиллеръ, Гёте и Уландъ. Баллады Бюргера были первыя, произвели въ германской публикѣ большое впечатлѣніе, и долгое время считались образцовыми, но онѣ слишкомъ кудрявы и изысканны. Баллады Шиллера изящны и стихотворны, но Гёте и Уландъ представили въ этомъ родѣ прекраснѣйшіе образцы, удивительные своею простотою.

У насъ есть одинъ писатель въ этомъ родѣ, и писатель образцовый — Жуковскій. Разумѣется, онъ, въ своихъ балладахъ, долженъ былъ подражать и Англичанамъ и Нѣмцамъ, но и въ подражаніи своемъ онъ великъ и оригиналенъ. Менѣе удачи имѣлъ онъ въ тѣхъ балладахъ, которыхъ содержаніе взято изъ языческой древности. Эта туманность, эта чувствительность Сѣвера не подъ стать героямъ Гомера. Первая его баллада, *Людмила,* подражаніе Бюргеровой Леонорѣ, возбудила у насъ, какъ подлинникъ ея въ Германіи, общій восторгъ: мы услышали поэзію, дотолѣ неслыханную. Унылая, задушевная, глубокая чувствительность русскаго пѣвца нашла формы, въ которыя могла вылиться во всей полнотѣ своей. Помните ли вы эти прекрасные звуки:

«Гдѣ ты, милый? Что съ тобою!
Съ чужеземною красою
Знать въ далекой сторонѣ
Измѣнилъ, невѣрный, мнѣ!
Иль безвременно могила
Свѣтлый взоръ твой угасила?»
Такъ Людмила, пріунывъ,
Къ персямъ очи преклонивъ,
На распутіи вздыхала.
«Возвратится ль онъ — мечтала —
Изъ далекихъ, чуждыхъ странъ
Съ грозной ратію Славянъ?»
Пыль туманитъ отдаленье;
Свѣтитъ ратныхъ ополченье;
Топотъ, ржаніе коней,
Трубный трескъ и стукъ мечей;
Прахомъ панцыри покрыты;
Шлемы лаврами обвиты;
Близко, близко ратныхъ строй.
Мчатся шумною толпой
Жены, чада, обрученны...
«Возвратились незабвенны!»
А Людмила?.. Ждетъ, пождетъ...
«Тамъ дружину онъ ведетъ;
Сладкій часъ соединенье!...»
Вотъ проходитъ ополченье;
Миновался ратныхъ строй....
Гдѣ жъ, Людмила, твой герой?
Гдѣ твоя, Людмила, радость?
Ахъ! прости, надежда — сладость!
Все погибло: друга нѣтъ! —
Тихо въ теремъ свой идетъ,
Томну голову склонила:

«Разступись, моя могила;
Гробъ, откройся; полно жить;
Дважды сердцу не любить!» —
Вотъ ужъ солнце за горами;
Вотъ усыпала звѣздами
Ночь спокойный сводъ небесъ;
Мраченъ долъ и мраченъ лѣсъ.
Вотъ и мѣсяцъ величавой
Всталъ надъ тихою дубравой:
То изъ облака блеснетъ,
То за облако зайдетъ;
Съ горъ простерты длинны тѣни;
И лѣсовъ дремучихъ сѣни,
И зерцало зыбкихъ водъ,
И небесъ далекій сводъ
Въ свѣтлый сумракъ облеченны....
Спятъ пригорки отдаленны,
Боръ заснулъ, долина спитъ....
Чу!... полночный часъ звучитъ.
Потряслись дубовъ вершины;
Вотъ повѣялъ отъ долины
Перелетный вѣтерокъ....
Скачетъ по полю ѣздокъ;
Борзый конь и ржетъ и пышитъ.
Вдругъ.... идутъ.... (Людмила слышитъ)
На чугунное крыльцо....
Тихо брякнуло кольцо....
Тихимъ шопотомъ сказали....
(Всѣ въ ней жилки задрожали)
То знакомый голосъ былъ,
То ей милый говорилъ:
— Спитъ, иль нѣтъ моя Людмила?
Помнитъ друга, иль забыла?

Весела иль слезы льетъ?
Встань, женихъ тебя зоветъ. —
«Ты ль? Откуда въ часъ полночи?
Ахъ! едва прискорбны очи
Не потухнули отъ слезъ.
Знать, тронулся Царь небесъ
Бѣдной дѣвицы тоскою?
Точно ль милый предо мною?
Гдѣ жъ ты былъ? Какой судьбой
Ты опять въ странѣ родной?»
— Близъ Наревы домъ мой тѣсный.
Только мѣсяцъ поднебесный
Надъ долиною взойдетъ,
Лишь полночный часъ пробьетъ —
Мы коней своихъ сѣдлаемъ,
Темны кельи покидаемъ.
Поздно я пустился въ путь.
Ты моя; моею будь....
Чу! совы пустынной крики!
Слышишь? Пѣнье, брачны лики.
Слышишь? Борзый конь заржалъ.
— Ѣдемъ, ѣдемъ, часъ насталъ. —
Мчатся всадникъ и Людмила.
Робко дѣва обхватила
Друга нѣжною рукой,
Прислонясь къ нему главой.
Скокомъ, летомъ по долинамъ,
По буграмъ и по равнинамъ;
Пышитъ конь, земля дрожитъ;
Брызжутъ искры отъ копытъ;
Пыль катится вслѣдъ клубами;
Скачутъ мимо нихъ рядами
Рвы, поля, бугры, кусты;

Съ громомъ зыблются мосты.
Слышатъ шорохъ тихихъ тѣней:
Въ часъ полуночныхъ видѣній,
Въ дымѣ облака, толпой,
Прахъ оставя гробовой
Съ позднимъ мѣсяца восходомъ,
Легкимъ, свѣтлымъ хороводомъ
Въ цѣпь воздушную свились;
Вотъ за ними понеслись;
Вотъ поютъ воздушны лики:
Будто въ листьяхъ повилики
Вьется легкій вѣтерокъ,
Будто плещетъ ручеёкъ.

Эти стихи драгоцѣнны намъ и тѣмъ, что ими начался нашъ новый, стихотворный слогъ, свѣжій, чистый, гармоническій! Прошло тридцать лѣтъ; прозвучалъ у насъ и Пушкинъ, а стихи Жуковскаго все еще свѣжи и прекрасны, и услаждаютъ нашъ слухъ, наше сердце.

Еще ближе, еще пріятнѣе и восхитительнѣе была для насъ *Свѣтлана*, въ которой поэтъ воспользовался повѣрьями и обычаями своей родины. Приводить ли мѣста изъ нея? Ее всѣ знаютъ наизустъ, всѣ читаютъ ее и перечитываютъ.

Теперь слѣдовало бы упомянуть о русскихъ поэмахъ комическихъ: сдѣлаемъ это какъ можно легче. Встарину славились у насъ поэмы Майкова: ***Елисей***, или ***Раздраженный Вакхъ***, и ***Игрокъ Лом-***

бера. Нынѣ онѣ преданы забвенію, и по заслугамъ. Грязныя картины, площадныя и неблагопристойныя шутки, тяжелый слогъ и варварскіе стихи ихъ не достойны ни какого вниманія. Говорятъ: онѣ смѣшны. Можетъ быть, разсмѣешься, а потомъ самому стыдно станетъ. *Расхищенныя Шубы* Князя Шаховскаго были забавны намѣками на нѣкоторые современные имъ случаи и лица въ нашей литературѣ, а въ прочемъ незанимательны и холодны — совсѣмъ не шубы. Авторъ ихъ хотѣлъ представить въ смѣшномъ видѣ бытъ петербургскихъ нѣмецкихъ ремесленниковъ, вовсе его не зная и не понимая, смотрѣлъ на него издали и свысока, и выпустилъ изъ виду многія истинно комическія черты этого оригинальнаго класса людей. Нѣсколько счастливыхъ стиховъ не искупаютъ недостатка вымысла, характеровъ и близости къ оригиналамъ.

Народныя сказки русскія нашли многихъ подражателей, но мало удачныхъ. Забавны сказки Пушкина, но онѣ не русскія: въ нихъ много чужаго, привитаго, и тонъ ихъ не сказочный. Подражанія Луганскаго состоятъ изъ набора поговорокъ: нѣкоторыя изъ нихъ умны, остры, забавны, но излишество ихъ вредитъ дѣйствію цѣлаго, и оно теряется въ подробностяхъ. Впрочемъ всѣ эти опыты, отъ самаго Ильи-Муромца, Карамзина, показываютъ, что въ народныхъ преданіяхъ и повѣрьяхъ нашихъ заключаются богатыя приманки для поэтическаго духа. Но эти преданія и россказни должны быть собраны рачительно, очи-

щены отъ чуждой и новой примѣси; они должны найти понятливый и родной слухъ въ поэтѣ самородномъ, должны затрогать въ его сердцѣ русскія струны, и у насъ родится народная, истинно русская эпическая поэзія.

ДВѢНАДЦАТОЕ ЧТЕНІЕ.

(8-го Марта.)

I.

Намъ предлежитъ теперь разсмотрѣть, какимъ образомъ выражаются, въ предложеніи, обстоятельства качества, количества, времени и мѣста предметовъ и дѣйствій.

Качество выражается, во-первыхъ, присовокупленіемъ имени прилагательнаго къ существительному, нарѣчія къ глаголу, и это средство относится къ согласованію словъ; во-вторыхъ, опредѣленіемъ одного существительнаго посредствомъ другаго.

При опредѣленіи качества или принадлежности предмета другимъ предметомъ, состоящимъ съ нимъ въ близкомъ, непосредственномъ, спокойномъ отношеніи, имя послѣдняго полагается въ родительномъ падежѣ; напримѣръ: «человѣкъ *строгой честности*; домъ *отличной архитектуры*; честь

воина; ограда *церкви,*» и въ семъ случаѣ падежъ родительный можетъ назваться *опредѣлительнымъ.* Когда же отношеніе сіе не есть непосредственное, когда имъ означается только совмѣстное пребываніе, случайное, временное сближеніе, оно выражается косвеннымъ падежемъ съ приличнымъ предлогомъ; напримѣръ: «человѣкъ *въ изступленіи; листья на деревѣ;* домъ *съ садомъ.*» Другое средство выраженія отношеній принадлежности и качества состоитъ въ образованіи сложнаго слова; напримѣръ: *любовь къ славѣ, славолюбіе; водецъ полка, полководецъ; дѣлатель блага, благодѣтель.* Третій способъ въ превращеніи опредѣляющаго имени въ притяжательное: «Царь *Россіи,* Царь *Россійскій;* домъ *отца,* домъ *отцовскій;* письмо *пріятеля,* письмо *пріятелево,* письмо *пріятельское.*» Этотъ способъ особенно употребляется тамъ, гдѣ должно избѣгать стеченія родительныхъ падежей; вмѣсто: «онъ рано выѣхалъ *изъ дома отца;*» говорятъ: «онъ рано выѣхалъ *изъ отцовскаго дома.*»

Опредѣлительный родительный падежъ замѣняется дательнымъ, когда опредѣляемое существительное означаетъ предметъ, находящійся съ другимъ въ отношеніи родства, дружбы, обладанія, пріязни, непріязни, причины; напримѣръ: «другъ *брату;* слуга *человѣку;* онъ *мнѣ* зять; хвала *богамъ.* Я не виноватъ *твоей бѣдѣ.*» Но это употребляется тогда только, когда опредѣляемое имя употреблено въ падежѣ именительномъ; при косвенныхъ же падежахъ оставляется родительный падежъ: «онъ увидѣлъ *друга своего брата;* коня

называютъ *слугою человѣка.*» Дательный падежъ употребляется и въ означеніи отношенія части къ цѣлому: «роспись *книгамъ;* счетъ *людямъ;* цѣна *мѣстамъ;*» здѣсь подразумѣвается: *сдѣланный, данный.*

Имена прилагательныя въ сравнительной степени требуютъ падежа родительнаго: «снѣгъ бѣлѣе *бумаги;* сокровища драгоцѣннѣйшія *золота.*» Когда слѣдующее слово не есть имя существительное, за сими прилагательными полагаются союзы: *нежели* и *чѣмъ: онъ болѣе нежели глупъ; она болѣе любитъ дочь нежели сына; чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше; молчать труднѣе чѣмъ говорить.* Въ этомъ случаѣ употребляется иногда и союзъ *какъ;* напримѣръ: *онъ спитъ болѣе какъ должно;* но этотъ оборотъ взятъ изъ Французскаго языка, и не совершенно свойственъ Русскому.

Количество и число предметовъ выражаются именами существительными, означающими мѣру, вѣсъ, именами числительными количественными и нарѣчіями числа и количества.

Общее правило здѣсь то, что имена существительныя и числительныя, означающія количество и вѣсъ, также нарѣчія количества и числа, требуютъ имени опредѣлительнаго въ падежѣ родительномъ: «аршинъ *сукна;* пудъ *сѣна;* стаканъ *воды;* два *стола;* много *денегъ;* мало *хлѣба.*» Но въ разныхъ обстоятельствахъ именъ встрѣчаются и различныя уклоненія. Исчислимъ важнѣйшія.

Имена числительныя: *два, оба, три, четыре* (и сложныя съ ними: *двадцать два, сорокъ три, сто четыре*), *полтора, полтретья,* требуютъ въ имени

существительномъ родительнаго падежа въ числѣ единственномъ: «два *года*; оба *брата*; четыре *дома*; двадцать три *рубля*;» всѣ же прочія во множественномъ: «пять *рублей*; шесть *лошадей*; семь *дней*; двадцать *книгъ*; сто *картинъ*; тысяча *душъ*; милліонъ *ефимковъ*.» Имя *одинъ* (и сложныя съ нимъ: *двадцать одинъ*, *сто одинъ*, *тысяча одинъ*) согласуется въ родѣ, числѣ и падежѣ съ существительнымъ: *двадцать одинъ день*, *сто одинъ выстрѣлъ*, *тысяча одна ночь*.

Въ косвенныхъ падежахъ, управляемое имя употребляется всегда во множественномъ числѣ, но сочетаніе его бываетъ различное. Если имя числительное имѣетъ родъ (*пятокъ*, *сто*, *тысяча*, *милліонъ*), то опредѣлительное существительное полагается послѣ него въ родительномъ падежѣ: «съ пяткомъ *яблокъ*; ко сту *яицъ*; при тысячѣ *червонцевъ* съ милліономъ *рублей*; по сту *имперіяловъ*; во стѣ *душъ*.» Если же имя числительное есть безродное (*три*, *четыре*, *пять*, *десять*, *тридцать*) или если оно измѣняется по родамъ (*два*, *оба*), то существительныя согласуются съ нимъ въ падежѣ: «къ тремъ *книгамъ*; въ пяти *комнатахъ*; при четырехъ *рубляхъ*; съ двумя *грушами*.» При сложныхъ числительныхъ, падежъ опредѣляется послѣднимъ: если въ концѣ стоитъ безродное числительное, падежъ существительнаго съ нимъ согласуется: «въ тысячѣ пяти *рубляхъ*, съ двумя стами двадцатью *душами*;» если послѣднее имѣетъ родъ, употребляется падежъ родительный: «въ трехъ стахъ *душъ*; съ четырьмя тысячами *воиновъ*.»

Имя прилагательное, при числительныхъ: *два, оба, три, четыре,* употребленныхъ въ именительномъ падежѣ, согласуется въ числѣ и падежѣ съ ними, а въ родѣ съ управляемымъ существительнымъ, т. е. полагается въ именительномъ падежѣ множественнаго числа того рода, къ которому относится существительное; например: «два *черные* ворона; три *пуховыя* шляпы; четыре *новыя* книги.» Не должно говорить: *два черныхъ ворона; три пуховыхъ шляпы; четыре новыхъ книги.* Что тутъ долженъ быть падежъ именительный, явствуетъ, когда прибавимъ мѣстоименія прилагательныя: «*эти* два черные ворона; *мои* три пуховыя шляпы; *которыя* четыре новыя книги.» Въ косвенныхъ падежахъ всѣ прилагательныя согласуются во всемъ съ существительными: «*безъ этихъ двухъ новыхъ* книгъ; *къ моимъ тремъ добрымъ* сосѣдамъ; *съ вашими четырьмя вороными* лошадьми; *въ этихъ двухъ большихъ* домахъ.» — При именахъ числительныхъ: *пять, шесть, десять, сто, тысяча,* прилагательныя согласуются, смотря по смыслу, съ числительнымъ или съ существительнымъ: «*эти пять вороныхъ* лошадей, и *пять этихъ вороныхъ* лошадей; *моя тысяча* рублей, и *тысяча моихъ* рублей.»

Нужно ли исчислять всѣ обстоятельства, въ какихъ употребляется тотъ или другой падежъ, для означенія числа и количества? Это будетъ лишнее. Ограничусь только тѣми случаями, въ которыхъ можетъ быть обоюдность или недоумѣніе.

Опредѣленное, равное число частей въ раз-

ныхъ предметахъ, выражается дательнымъ падежемъ съ предлогомъ *по: въ двухъ комнатахъ, по четыре окна въ каждой; у человѣка на каждой рукѣ и ногѣ по пяти пальцевъ.* Достойно замѣчанія, что предъ числительными: *два, три, четыре,* предлогъ *по,* въ этомъ случаѣ, принимаетъ за собою падежъ именительный; напримѣръ: «въ каждомъ домѣ было *по два хозяина,* и *по три дворника;* въ каретахъ было *по четыре гостя.»* — Неопредѣленность, приблизительность числа выражается перестановкою словъ: *сто рублей; рублей сто; чрезъ два часа; часа чрезъ два.*

При выраженіи обстоятельствъ мѣста, принимается въ разсужденіе спокойное пребываніе предмета на какомъ либо мѣстѣ (*сижу въ комнатѣ*), или же движеніе, невыходящее за предѣлы извѣстнаго пространства (*хожу по комнатѣ*), и движеніе изъ одного мѣста въ другое: *иду изъ комнаты; вхожу въ комнату.* Въ послѣднемъ случаѣ принимается въ уваженіе мѣсто, изъ котораго движеніе исходитъ, то мѣсто, куда оно направляется, и путь, которымъ оно идетъ.

Спокойное пребываніе предмета въ какомъ либо мѣстѣ, выражается родительнымъ, творительнымъ или предложнымъ падежемъ съ предлогомъ. Въ срединѣ другаго предмета, съ предлогомъ *въ:* «хозяинъ *въ домѣ;* звѣри *въ лѣсу.»* На поверхности, съ предлогомъ *на:* «крыша *на домѣ,* птица *на деревѣ.»* Пребываніе подлѣ другаго предмета, съ предлогами *у* (живу *у моста*) и *при:* «дерево *при рѣкѣ.»* При именахъ городовъ употребляютъ

предлогъ *подъ*: «село *подъ Москвою.*» Пребываніе предмета близъ другаго по сю сторону, выражается творительнымъ падежемъ съ предлогомъ *предъ* (*предъ домомъ*), по ту сторону, съ предлогомъ *за*: *за домомъ*. Поверхъ другаго предмета, съ предлогомъ *надъ* (надпись *надъ воротами*); внизу другаго предмета, съ предлогомъ *подъ* (фундаментъ *подъ домомъ*); смежность, винительнымъ съ предлогомъ *объ*: «живу съ нимъ *объ стѣну.*»

Движеніе означается слѣдующими способами. Изъ внутренности предмета, родительнымъ падежемъ съ предлогомъ *изъ*: «ѣду *изъ Москвы*;» съ поверхности предмета, предлогомъ *съ*: «съѣхалъ *съ горы.*» Въ одномъ новомъ журналѣ напечатано было: письмо *изъ* Парнасса; по этому пишущій былъ во внутренности горы. Движеніе, происходящее съ противоположной намъ стороны предмета, съ предлогами *изъ-за*: вышелъ «*изъ-за куста.*» Дѣйствіе снизу предмета съ предлогами *изъ-подъ*: *изъ-подъ камня*.

Мѣсто, въ которое движеніе обращено, означается падежами родительнымъ, дательнымъ, винительнымъ и творительнымъ съ предлогами.—Движеніе во внутренность съ предлогомъ *въ*: «поѣхалъ *въ городъ*; влилъ *въ стаканъ.*» На поверхность другаго предмета, съ предлогомъ *на*: «сѣлъ *на стулъ*; положилъ *на столъ.*» Движеніе предмета, въ извѣстномъ направленіи къ другому, съ предлогомъ *къ*:» поѣхалъ *къ сосѣду*; послалъ *къ лекарю.*» Предлогъ *къ* означаетъ направленіе и не одного физическаго движенія: «написалъ письмо *къ брату*; обратился съ просьбою

къ начальнику.» Вообще, когда выражается отношеніе посланіемъ, письмомъ, употребляется предлогъ *къ*. Напримѣръ: «стихи *друзьямъ*, мадригалъ *Элизѣ*;» тутъ дательный падежъ, какъ обращеніе къ предмету личному, въ пользу или во вредъ ему; но: «письмо *къ другу*; посланіе *къ слугамъ моимъ*; отношеніе *къ судьѣ*.» Значенія другихъ предлоговъ (*забросилъ за плеча; пошелъ за деньгами; сѣлъ подъ дерево; ударился объ стѣну; сидитъ въ водѣ по горло*) явствуютъ сами собою. Достойно замѣчанія, что предлогъ *надъ* употребляется одинаково и въ означеніи спокойнаго положенія, и въ выраженіи движенія: «туча стоитъ *надъ горою*, и туча стала *надъ горою*; шляпа виситъ *надъ окномъ*, и я повѣсилъ шляпу *надъ окномъ*.» Въ предлогѣ *предъ* наблюдается различіе: «стоитъ *предъ судьею*, и сталъ *предъ судью*.»

Мѣсто или путь движенія выражается падежемъ творительнымъ: «идемъ *путемъ дорогою*;» дательнымъ падежемъ съ предлогомъ *по*, означая движеніе на поверхности: «катается *по льду*;» винительнымъ падежемъ съ предлогомъ *чрезъ*, показывая движеніе поверхъ предмета: «перешелъ *чрезъ рѣку*; перелетѣлъ *чрезъ заборъ*;» съ предлогомъ *сквозь*, выражая, что движеніе простирается по внутренности предмета, или между множествомъ однородныхъ предметовъ, составляющихъ одно цѣлое: «пройдемъ *сквозь огнь и воду*; продрался *сквозь толпу*.»

Предлоги *въ* и *на* смѣшиваются иногда въ употребленіи, когда дѣйствіе обращается не именно

во внутренность, и не именно на поверхность предмета: *на морѣ*, и *въ морѣ; въ Милліонной*, и *на Литейной; въ кухнѣ*, и *на кухнѣ*. Въ этомъ случаѣ можно положить слѣдующія правила: Когда дѣйствіе обращается на предметъ, состоящій изъ большой, открытой плоскости, представляющейся какъ бы одною своею поверхностью, преимуществуетъ предлогъ *на: на острову, на площади, на рынкѣ, на дворѣ, на Выборгской Сторонѣ, на Пескахъ;* въ названіяхъ улицъ слѣдуютъ употребленію: *въ Милліонной, въ Морской, въ Грязной, въ Гороховой*, и *на Невскомъ Проспектѣ, на Литейной, на Моховой, на Фурштатской.* Въ Москвѣ преимуществуетъ *на: на Тверской, на Дмитровкѣ.* При названіи преулковъ, употребляется предлогъ *въ: въ Глухомъ Переулкѣ.* Предлогъ *въ* означаетъ дѣйствительное, точное движеніе предмета въ опредѣлённое мѣсто, во внутренность другаго; *на*, движеніе приблизительное, не точное: «поваръ *въ кухнѣ;* собака *на кухнѣ;* лошади *въ конюшнѣ;* козелъ *на конюшнѣ.* Корабль плаваетъ *въ морѣ. На морѣ* бываетъ страшно.»

При выраженіи обстоятельствъ времени, принимается въ уваженіе, продолжается ли дѣйствіе нѣсколько времени, или ограничивается одною извѣстною точкою. Въ первомъ случаѣ отношеніе времени, какъ бы протекая нѣкоторое пространство, сходствуетъ съ движеніемъ, въ послѣднемъ случаѣ подобно оно спокойному пребыванію на одномъ мѣстѣ.

Продолженіе дѣйствія въ извѣстное время вы-

ражается (какъ движеніе) винительнымъ падежемъ съ предлогомъ *въ*: *въ теченіе одного дня*, *въ продолженіе двухъ недѣль*; *въ два года*; *во весь годъ*, *во всю зиму*; *во время чумы*; онъ спалъ *во все засѣданіе*. Замѣтьте, что не должно говорить и писать: *въ продолженіи года*, *въ теченіи зимы*. Если бъ это было правильно, слѣдовало бы говорить: *во времени службы*, вм. *во время службы*. — Продолженіе дѣйствія во все извѣстное время выражается падежемъ винительнымъ безъ предлога: «спалъ *всю ночь*; жилъ *три года*; жилъ *минуту*;» съ отрицаніемъ, въ падежѣ родительномъ: «не спалъ *ночи*; не жилъ *ни минуты*.» Одна извѣстная точка времени выражается падежемъ предложнымъ: «онъ умеръ *въ ночи* на пятницу; *въ прошломъ году*, *въ 1812 году*.» Правильно ли говорятъ: «онъ родился *въ ночь* на Новый Годъ?» Нѣтъ: «*въ ночи* на Новый Годъ.» *Въ ночь* означаетъ не одну точку въ ночи, а всю ночь, напримѣръ: «я прочиталъ эту книгу *въ ночь*;» это значитъ: съ вечера до утра, въ продолженіе всей ночи. Но если при существительномъ есть опредѣлительное прилагательное, употребляется винительный падежъ: «*въ нынѣшнюю ночь* приснился мнѣ страшный сонъ.» — Предлогъ *на*, и въ этомъ случаѣ, означаетъ обстоятельство времени приблизительно: «*на* пятомъ году; *на* зарѣ жизни.»

Годы, мѣсяцы и числа полагаются въ родительномъ падежѣ, напримѣръ: *пятнадцатаго января тысяча восемьсотъ двадцать третьяго года* Мнѣ случалось видѣть въ нѣкоторыхъ актахъ, и хо-

рошо написанныхъ, употребленіе въ этомъ случаѣ падежа именительнаго: *въ Санктпетербургѣ, второе октября такого-то года.* Не думаю, чтобъ это было правильно.

Дни недѣльные и праздничные полагаются въ падежѣ винительномъ съ предлогомъ *въ*; напримѣръ: *въ субботу, въ Свѣтлый Праздникъ, въ Троицынъ День, въ Новый Годъ.*

Часы, когда означается продолженіе ихъ, полагаются въ падежѣ предложномъ съ предлогомъ *въ*: *въ осьмомъ часу.* Когда же означается точка времени, предѣлъ, съ тѣмъ же предлогомъ въ падежѣ винительномъ: *въ часъ, въ полночь.* По прихоти употребленія, *половина* относится къ первому правилу, *четверть* къ послѣднему: *въ половинѣ пятаго часа,* и *въ четверть пятаго*; *въ три четверти пятаго.*

Предложу вамъ теперь нѣсколько замѣчаній о частныхъ случаяхъ Словосочиненія, иногда затрудняющихъ пишущаго.

При употребленіи именъ существительныхъ, должно обращать вниманіе на отличительное свойство отглагольныхъ или отвлеченныхъ именъ, и не приписывать дѣйствія, причины и т. п. именамъ, означающимъ предметы вещественные. Напримѣръ: *стихи на случай покоренной крѣпости.* Не крѣпость, а покореніе было случаемъ; слѣдственно должно сказать: *на случай покоренія крѣпости.*

Всячески надлежитъ избѣгать стеченія равныхъ или подобныхъ падежей; напримѣръ: *солнце поле освѣщаетъ*; *листья дубы украшаютъ*; *писатель на-*

зываемый плохимъ всѣмъ свѣтомъ; *начальникъ сына сосѣда моего друга*; *я любовался страною, освѣщенною луною*. Этого можно избѣжать измѣненіемъ падежей; *поле освѣщается луною*; *дубы украшаются листьями*; *писатель, котораго весь свѣтъ называетъ плохимъ*. Не хорошо, когда сойдутся два прилагательныя безъ существительнаго: *бѣдный слѣпой*; *свирѣпый дикій*; послѣднее должно превратить въ существительное: *бѣдный слѣпецъ*; *свирѣпый дикарь*.

Полное окончаніе сравнительной степени иногда употребляется для выраженія превосходной: *должайшій день бываетъ въ іюнѣ, а кратчайшій въ декабрѣ мѣсяцѣ*. Этотъ оборотъ короче, слѣдственно пріятнѣе слуху, нежели употребленіе собственной превосходной степени: *самый долгій*, но послѣднее выраженіе яснѣе и опредѣлительнѣе. Предъ сравнительною степенью употреблять слово *самый* не позволительно; напримѣръ, нельзя говорить: *самый сладчайшій*. Злоупотребленіе позволяетъ однако говорить: *самый лучшій*. — Замѣтимъ при семъ случаѣ странное употребленіе одного часто употребляемаго слова, *прекрасный*. Дѣйствительная, положительная степень его есть *красный* (*красная дѣвица, красное лѣто*). *Прекрасный* есть уже степень увеличительная, то же, что *очень красный*. У насъ же употребляютъ эту увеличительную степень, какъ обыкновенную, въ значеніи французскаго слова beau, и нѣмецкаго schön, и составляютъ изъ нея сравнительную степень: *прекраснѣе, прекраснѣйшій*. Это вошло въ употребленіе, но

это неправильно. Можно ли сказать: *пребольше, прелучше?* Несвойственность этого употребленія явствуетъ и изъ того, что по-русски нельзя сказать: *очень прекрасно.* — Гораздо лучше было бы, если бъ, вмѣсто *прекрасный*, у насъ приняли слова: *лѣпый, изящный,* но употребленіе утвердило этотъ законъ, и мы ему повинуемся.

Имена числительныя: *пять, шесть, семь, восемь, девять, двадцать,* полагаются въ винительномъ падежѣ, сходномъ съ именительнымъ, и при означеніи одушевленныхъ предметовъ: «онъ купилъ *пять лошадей;* онъ имѣетъ *двадцать учениковъ,*» но когда эти предметы личные, т. е. означаютъ людей, лучше употреблять числительныя имена собирательныя (*двое, трое, пятеро*) и говорить: «онъ имѣетъ *пятерыхъ дѣтей;* она оставила *четверыхъ сиротъ,*» вмѣсто: «онъ имѣетъ *пять дѣтей;* она оставила *четыре сироты.*»

У насъ, лѣтъ за пять предъ симъ, воздвиглось гоненіе на невинныя слова *сей* и *оный.* Одинъ журналистъ объявилъ, что всѣ тѣ, которые употребляютъ эти слова, отстали отъ своего вѣка, пишутъ подьяческимъ слогомъ, и немилосердо терзалъ книги, въ которыхъ встрѣчалъ опальныхъ странниковъ. Неопытные и нетвердые въ слогѣ и языкѣ испугались, стали не только избѣгать этихъ словъ, но и старались повторять какъ можно чаще: *тотъ, этотъ, этимъ, тѣмъ,* въ угожденіе строгому аристарху, который конечно самъ смѣялся надъ своими поклонниками. Сія зараза простерлась до того, что и изъ дѣловыхъ бумагъ

изгнали старинныя формы, и вмѣсто: *къ сему прошенію руку приложилъ*, стали писать: *къ этому прошенію руку приложилъ*. Года за два предъ симъ раздалось нѣсколько голосовъ въ защиту смысла и правды. Доказали нововводителю, что слова *сей* и *оный* отнюдь не смѣшныя, не дикія и не лишнія, что они не противорѣчатъ ни логикѣ, ни эстетикѣ, что самые изящные писатели наши, Карамзинъ, Жуковскій, Пушкинъ, ихъ употребляли. Кажется, теперь пообразумились. По крайней мѣрѣ, въ Библіотекѣ для Чтенія перестали нападать на эти слова. — Въ самомъ дѣлѣ, между словами *сей* и *этотъ* есть чувствительная разность: *сей* просто означаетъ указаніе на предстоящій предметъ или опредѣляетъ его: *сія книга издана въ прошломъ году*. *Этотъ* есть указаніе, которымъ предметъ отличается отъ другаго: *эта книга хороша, а та никуда не годится*. Сверхъ того, слово *этотъ* употребляется преимущественно въ изустной, простой рѣчи, въ слогѣ разговорномъ, а *сей* въ дѣловомъ, въ письмахъ, въ дидактическихъ сочиненіяхъ. *Сей* пріятнѣе слуху, нежели *этотъ*; *сей* короче, и лучше улегается въ стихѣ. — *Оный* употребляется рѣже: этимъ мѣстоименіемъ выражается предметъ вещественный третьяго лица, для отличенія его отъ личнаго. Напримѣръ: «*хвалю намѣреніе вашего брата; я давно предвидѣлъ оное*.» Поставьте *предвидѣлъ его*, выйдетъ двусмысліе: къ чему относится *его*, къ брату, или къ намѣренію? Зачѣмъ бросать намъ обороты и выраженія полезные и необходимые?

Чѣмъ короче слово вспомогательное, или служебное, тѣмъ лучше. У насъ есть неуклюжее слово *который*, растягивающееся иногда до четырехъ слоговъ (*которыми*). Его старались замѣнить словомъ *кой* въ косвенныхъ падежахъ: *коего, коимъ, коими,* но безуспѣшно, а было бы не худо.

Мы упоминали, что при означеніи превосходства какого нибудь предмета надъ другимъ сравнительною степенью, названіе сего послѣдняго полагаютъ въ родительномъ падежѣ: «Кіевъ древнѣе *Москвы*. Солнце больше *луны*.» Это же наблюдается, когда сравниваются не предметы, а дѣйствія ихъ; «Андрей пишетъ лучше *Петра*. Заяцъ бѣгаетъ прытче *собакъ*.» Когда же предметы, коихъ дѣйствія сравниваются, выражены мѣстоименіями, можно, при означеніи родительнаго падежа, употребить, вмѣсто личнаго мѣстоименія притяжательное; напримѣръ: «Онъ пишетъ не хуже *вашего*. Петръ трудится не меньше *твоего*.» Это случается и въ замѣнѣ нарѣчія именемъ прилагательнымъ; напримѣръ: «не свѣтить солнцу жарче *лѣтняго* (т. е. жарче нежели лѣтомъ); не любитъ другу больше *прежняго*, т. е. больше нежели прежде.»

Времена глаголовъ въ Русскомъ Языкѣ употребляются, сообразно съ ихъ опредѣленіемъ: настоящее время означаетъ, что дѣйствіе совершается предметомъ, или что качество принадлежитъ предмету нынѣ, т. е. въ то самое время, когда о томъ говорятъ; прошедшимъ временемъ выражается, что качество или дѣйствіе относилось къ нему прежде, а будущимъ, что будетъ происходить или

или принадлежать впредь. Но, для приданія живости разсказу, время настоящее иногда употребляется вмѣсто прошедшаго, и дѣйствіе минувшее представляется происходящимъ предъ глазами слушателей: *Является Пожарскій, и всѣ сердца летятъ къ нему навстрѣчу. Суворовъ поражаетъ, преслѣдуетъ, истребляетъ враговъ.* Настоящее употребляется иногда и вмѣсто будущаго: *Я завтра ѣду въ Москву.*

Недостатокъ временъ давнопрошедшихъ замѣняется у насъ употребленіемъ нарѣчія *бывало*, сопрягаемаго со всѣми временами, по требованію смысла: *Я бывало гулялъ по этой рощѣ. Что бывало утѣшало, о томъ плачу теперь. Войдетъ бывало и не поклонится.*

Нарѣчіе *было*, присовокупляясь къ временамъ прошедшимъ, означаетъ, что дѣйствіе не кончено, прервано, по крайней мѣрѣ, не имѣло успѣха: *хотѣлъ было ѣхать, да раздумалъ; написалъ было, да толку мало.*

У насъ нѣтъ временъ условныхъ и сослагательныхъ. Они выражаются присовокупленіемъ союза *бы* къ прошедшимъ временамъ и къ неокончательнымъ наклоненіямъ: «*хотѣлось бы* погулять; *попросилъ бы* васъ къ себѣ; *побывать бы* вамъ у меня.» Но этотъ союзъ никогда не употребляется при временахъ настоящемъ и будущемъ. По сей причинѣ, при этомъ союзѣ, послѣ нарѣчій *можно, должно, надобно, желательно*, замѣняющихъ глаголы, всегда должно выражать прошедшее время

глаголомъ самостоятельнымъ, напримѣръ, вмѣсто: *намъ можно бы ѣхать; желательно бы увидѣться съ вами; надобно бы написать письмо*, должно говорить: *намъ можно было бъ ѣхать; желательно было бы увидѣться; надобно было бы написать письмо.*

Послѣ отрицанія *не* приличнѣе употреблять глаголы прошедшихъ временъ въ видахъ неопредѣленномъ, несовершенномъ и многократномъ, а не въ опредѣленномъ, однократномъ и совершенномъ, Напримѣръ, вмѣсто: *я не видѣлъ его; ты не захотѣлъ ѣхать; никто мнѣ такъ не обрадовался; курьера не отправить*, должно говорить: *я не видалъ его; ты не хотѣлъ ѣхать; никто мнѣ такъ не радовалоя; курьера не отправлять.* Употребленіе совершеннаго и однократнаго вида съ нарѣчіемъ *не*, позволительно, когда присовокупленіемъ другихъ словъ выражено, что отрицаніе относится прямо къ однократному или совершенному дѣйствію: *я ни разу не выстрѣлилъ; онъ вчера не проигралъ ничего;* или когда отрицаемое или несовершенное дѣйствіе противополагается другому такому же, утверждаемому: *онъ не упалъ, а ушибся; ось не лопнула, а разсохлась.* — Если при глаголѣ находится отрицаніе, то и нарѣчіе, къ нему принадлежащее, должно быть отрицательное. Должно писать, напримѣръ: *Я никогда не ходилъ за городъ. Онъ отнюдь не хочетъ исправиться. Смерть ни мало не страшна.* Можно ли писать: *онъ совершенно не золъ; смерть очень не страшна?* Правиленъ ли, напримѣръ, еще слѣдующій оборотъ: *Я не люблю ихъ обоихъ?* Слѣдственно, вы, можетъ

быть, любите одного изъ нихъ? Скажите: *не люблю ни одного* — такъ.

Времена причастій должны быть приведены въ согласіе съ обстоятельствами; напримѣръ, нельзя написать: «пища, *употребляемая* Спартанцами, была очень проста,» а должно: «пища, *употреблявшаяся* Спартанцами, была очень проста.» Можно ли сказать: «Я живу въ Римѣ, *нѣкогда цвѣтущемъ?*» Нѣтъ: «въ Римѣ, *нѣкогда процвѣтавшемъ.*»

Времена дѣепричастій сообразуются съ тѣмъ, *когда* выражаемое или постороннее дѣйствіе происходило, прежде ли главнаго, въ одно ли съ нимъ время, или послѣ: *занимаясь дѣломъ, не чувствую скуки; занявшись дѣломъ, забылъ о своемъ горѣ; занявшись дѣломъ, забуду обо всемъ прочемъ.*

Иногда случается, что мы, для сильнѣйшаго и яснѣйшаго выраженія нашей мысли, употребляемъ фигуру тождесловія, т. е. повтореніе слова, впрочемъ лишняго; напримѣръ: «я видѣлъ это *собственными своими глазами; руками* взялъ, *руками* и отдай; *они* прошли, *дни счастія.*» Эта фигура выходитъ изъ своихъ предѣловъ, становится плеоиасмомъ, когда въ ней повторяются отношенія, не служащія къ ближайшему выраженію мысли; напримѣръ: *ученіе долго продолжалось; онъ возвращается назадъ; иностранныя земли; великое множество; богатыя сокровища; юный отрокъ.*

Я исчислилъ здѣсь ошибки и злоупотребленія, часто встрѣчающіяся въ письмѣ и печати. Вы спросите у меня: неужели нельзя такъ писать, какъ писали донынѣ, какъ пишутъ многіе? Мало

ли что можно, да не должно. И эти многіе, конечно, люди не самые грамотные и ученые. Лучше остановиться, призадуматься надъ словомъ или оборотомъ, и справиться у знающаго или въ хорошей книгѣ, нежели написать наобумъ. Впрочемъ правила грамматическія охотно уступаютъ первенство велѣніямъ и уставамъ мысли. Мысль есть душа, а слово, подобно тѣлу, повинуется, служитъ ей. Такъ, напримѣръ, слово *дитя* средняго рода, но многіе хорошіе писатели (Батюшковъ, Пушкинъ) употребляютъ его въ мужескомъ; напримѣръ: *счастливый дитя*, *балованный дитя свободы:* вы услышите это въ примѣрахъ, которые я прочту сегодня. Тутъ законъ Логики не нарушается, ибо подъ словомъ *дитя* разумѣется ребенокъ, младенецъ мужескаго пола, и Грамматика преклоняетъ предъ нею колѣни.

II.

Нѣсколько разъ, въ продолженіе Чтеній нашихъ, замѣчали мы, что между всѣми родами поэзіи существуетъ неразрывная цѣпь, что стихотворенія, по-видимому, совершенно противоположныя одно другому, соединяются между собою посредствомъ другихъ, нечувствительно переходятъ въ новый родъ, измѣняютъ свое наименованіе и характеръ, но подъ всѣми видами служатъ зеркаломъ и выраженіемъ поэтическихъ помысловъ и созданій.

Лирическая поэзія есть изліяніе чувствъ и мыслей поэта, первое проявленіе поэтическаго духа въ человѣкѣ, еще необразованномъ, даже негра-

мотномъ, но одаренномъ душею пылкою и воображеніемъ блестящимъ. Когда раждается посреди людей образованіе когда утверждается грамота, — пѣсни народныя становятся искусственными одами, и безотчетное выраженіе искреннихъ чувствъ превращается въ пѣніе художественное, основанное на правилахъ. Съ другой стороны, умъ, опытъ, теорія, проявляющіяся прозою, ищутъ себѣ поэтическаго выраженія, и оттого раждается поэзія дидактическая, или поучительная. Въ младенчествѣ народовъ всѣ истины, умозрительныя, отвлеченныя и практическія, выражаемы были въ стихахъ. Орфей и Линъ въ глубочайшей древности, потомъ Гезіодъ, сообщали потомству свои уроки, наблюденія и опыты въ поэтической формѣ. Въ половинѣ VI вѣка до Рождества Христова, Греки перестали писать въ этомъ родѣ, и онъ, по принадлежности, перешелъ къ прозѣ. Римляне оставили намъ прекрасные образцы поэзіи дидактической въ твореніяхъ Лукреція, Виргилія и Овидія. Съ III вѣка многіе христіанскіе поэты, воспѣвали догматы и нравоученія религіи. Нѣмцы и Англичане, въ новое время, представили намъ нѣсколько образцевъ поэмъ дидактическихъ. У Французовъ знаменито Искусство поэзіи, твореніе Буало. Поэмы Делиля относятся вообще къ поэзіи описательной.

Въ числѣ поэмъ дидактическихъ, должно отличать посланіе и сатиру. Какъ ода есть облагороженіе, возвышеніе пѣсни, такъ посланіе есть облагороженіе, возвышеніе письма. Какъ ода, и

въ наружной формѣ и во внутреннемъ содержаніи, сохраняетъ лирисмъ естественный, безъискусственный, такъ и посланіе вообще сходствуетъ съ письмомъ простотою изложенія, разнообразіемъ содержанія, и выраженіемъ собственныхъ чувствъ и мыслей пишущаго.

Посланіе всегда обращается къ какому либо извѣстному лицу, и сообразуется съ его характеромъ и положеніемъ въ свѣтѣ. Такъ Жуковскій, описывая подвиги Отечественной Войны и славнаго ея окончанія, обращается къ Императору Александру Павловичу; Батюшковъ, въ Посланіи къ друзьямъ своимъ, Жуковскому и Вяземскому, изображаетъ счастіе беззаботной жизни поэта: отъ этого слогъ и тонъ перваго посланія величественны и важны; послѣдняго просты и шутливы. Въ посланіи допускается изложеніе всѣхъ возможныхъ предметовъ нашей жизни, ума и сердца; все, что можетъ занимать и забавлять человѣка, отъ предметовъ великихъ и величественныхъ до самыхъ мелкихъ и ничтожныхъ, и цвѣты воображенія, и сухіе выводы науки.

Греки не оставили намъ посланій поэтическихъ. Первый писалъ въ этомъ родѣ Горацій, и остался единственнымъ въ древности. Его посланія дышатъ нравственностію и философіею, и написаны мастерски, измѣняясь по свойству и характеру лицъ, къ которымъ обращаются. Важнѣйшее изъ нихъ есть Посланіе къ Пизонамъ объ искусствѣ поэта. Изъ новыхъ отличались у Французовъ посланіями своими Буало и Вольтеръ; у Англи-

чанъ Попъ, оставившій образцовое произведеніе въ Посланіи Элоизы къ Абелару. Впрочемъ этотъ родъ посланій относится къ героидамъ, или посланіямъ, написаннымъ отъ имени какого-либо знаменитаго лица, и въ этомъ видѣ имѣлъ образецъ въ Овидіи.

У насъ многіе поэты избирали форму посланія для выраженія своихъ мыслей и чувствованій. Ломоносовъ написалъ *Посланіе къ И. И. Шувалову о пользѣ стекла*. Вотъ какъ онъ начинаетъ:

Не право о вещахъ тѣ думаютъ, Шуваловъ,
Которые стекло чтутъ ниже минераловъ,
Приманчивымъ лучемъ блистающихъ въ глаза:
Не меньше польза въ немъ, не меньше въ немъ краса.
Не рѣдко я для той съ парнасскихъ горъ спускаюсь,
И нынѣ отъ нея на верхъ ихъ возвращаюсь,
Пою передъ тобой въ восторгѣ похвалу
Не камнямъ дорогимъ, не злату, но стеклу.
И какъ я оное хваля воспоминаю,
Не ломкость лживаго я счастья представляю.
Не должно тлѣнности примѣромъ тое быть,
Чего и сильный огнь не можетъ разрушить,
Другихъ вещей земныхъ конечный раздѣлитель;
Стекло имъ рождено; огнь его родитель.
Съ натурой нѣкогда онъ произвесть хотя
Достойное себя и оныя дитя,
Во мрачной глубинѣ, подъ тягостью земною,
Гдѣ вѣчно онъ живетъ и борется съ водою,
Всѣ силы собралъ вдругъ, и хляби затворилъ,
Въ которы Океанъ на брань къ нему входилъ.
Напрягся мышцами и рамена подвигнулъ,
И тяготу земли превыше облакъ вскинулъ.

Внезапно черный дымъ навелъ густую тѣнь,
И въ ночь ужасную перемѣнился день.
Не баснотворнаго здѣсь ради Геркулеса
Двѣ ночи сложены въ едину отъ Зевеса;
Но Этна правдѣ сей свидѣтель вѣчный намъ,
Которая дала путь чуднымъ симъ родамъ.
Изъ ней разженная рѣка текла въ пучину,
И свѣтъ отчаясь мнилъ, что зритъ свою судьбину!
Но ужасу тому послѣдовалъ конецъ:
Довольна чадомъ мать, доволенъ имъ отецъ,
Прогнали долгу ночь и жаръ свой погасили,
И солнцу ясному рожденіе открыли.
Но что жъ отъ жаръ земныхъ родясь произошло?
Любезное дитя, прекрасное стекло.

Потомъ исчисляетъ онъ пользу стекла въ аптекарскихъ склянкахъ, въ живописи на финифти и въ мозаикѣ, въ оконныхъ стеклахъ, въ бусахъ, въ очкахъ, въ телескопахъ, въ микроскопахъ, въ барометрахъ, въ электрическихъ машинахъ, и наконецъ въ изобрѣтенныхъ тогда громовыхъ отводахъ, и обращается къ своему меценату съ просьбою быть предстателемъ его у трона.

Многіе изъ новѣйшихъ писателей нашихъ сочиняли посланія, или облекали въ нихъ форму лирическія свои изліянія. Карамзинъ, поэтъ ума и тихаго чувства, оставилъ нѣсколько удачныхъ стихотвореній въ этомъ родѣ. Вотъ стихи изъ его *Посланія къ Дмитріеву*: . . . .

Но что же намъ о другъ любезный!
Осталось дѣлать въ жизни сей,

Когда не можемъ быть полезны,
Не можемъ премѣнить людей?
Оплакать бѣдныхъ смертныхъ долю,
И мрачный свѣтъ предать на волю
Судьбы и рока: пусть они,
Симъ міромъ правя искони,
И впредь творятъ, что имъ угодно!
А мы, любя дышать свободно,
Себѣ построимъ тихій кровъ
За мрачной сѣнію лѣсовъ,
Куда бы злые и невѣжды
Вовѣкъ дороги не нашли,
И гдѣ бъ безъ страха и надежды,
Мы въ мирѣ жить съ собой могли,
Гнушаться издали порокомъ,
И яснымъ, терпѣливымъ окомъ
Взирать на тучи, вихрь суетъ,
Отъ грома, бури укрываясь,
И въ чистомъ сердцѣ наслаждаясь
Мерцаніемъ вечернихъ лѣтъ,
Остаткомъ теплыхъ дней осеннихъ.
Хотя ужъ нѣтъ цвѣтовъ весеннихъ
У насъ на лицахъ, на устахъ,
И юный огнь погасъ въ глазахъ;
Хотя красавицы престали
Меня любезнымъ называть —
Зефиры съ нами отыграли,
Но намъ не должно унывать:
Живемъ по общему закону!...
. . . .
Найдемъ подругу для себя,
Подругу съ милою душею.
Она пріятностью своею

Украситъ западъ нашихъ дней.
Бесѣда опытныхъ людей,
Ихъ басни, повѣсти и были
(Насъ лѣта сказкамъ научили)!
Ея вниманіе займутъ,
Ея любовь пріобрѣтутъ.
Любовь и дружба — вотъ чѣмъ можно
Себя подъ солнцемъ утѣшать:
Искать блаженства намъ не должно,
Но должно — менѣе страдать;
И кто любилъ, кто былъ любимымъ,
Былъ другомъ нѣжнымъ, другомъ чтимымъ,
Тотъ въ мірѣ семъ не даромъ жилъ,
Не даромъ землю бременилъ.
Пусть громы небо потрясаютъ,
Злодѣи слабыхъ угнетаютъ,
Безумцы хвалятъ разумъ свой!
Мой другъ! не мы тому виной.
Мы слабыхъ здѣсь не угнетали,
И всѣмъ ума, добра желали:
У насъ не черныя сердца!
И такъ безъ трепета и страха
Намъ можно ожидать конца
И лечь во гробъ, жилище праха.
Завѣса вѣчности страшна
Убійцамъ, кровью обагреннымъ,
Слезами бѣдныхъ орошеннымъ.
Въ комъ духъ и совѣсть безъ пятна,
Тотъ съ тихимъ чувствіемъ встрѣчаетъ
Златую Фебову стрѣлу,
И ангелъ мира освѣщаетъ
Предъ нимъ густую смерти мглу,
Тамъ, тамъ, за синимъ океаномъ,

Вдали, въ мерцаніи багряномъ,
Онъ зритъ.... но мы еще не зримъ.

У насъ отрицаютъ права Карамзина на званіе поэта. Это можетъ быть справедливо въ отношеніи къ тѣмъ родамъ поэзіи, гдѣ требуются пареніе, восторгъ, богатыя картины и чары воображенія. Но въ посланіяхъ, въ произведеніяхъ свѣтлаго ума и искренняго чувства, мы съ удовольствіемъ читаемъ и перечитываемъ его стихи, изобилующіе мыслями и правилами, которыя никогда не состарѣются.

Прекрасны посланія Дмитріева. Изберемъ самое краткое.

Къ друзьямъ, по случаю перваго свиданія послѣ отставки.

Въ Москвѣ ль я, наконецъ? со мною ли друзья?
О радость и печаль! различныхъ чувствъ смѣшенье!
И такъ еще имѣлъ я въ жизни утѣшенье
Внимать журчанію домашняго ручья,
Вкусить покойный сонъ подъ кровомъ, гдѣ родился,
И быть въ объятіяхъ родителей моихъ!
Но сонъ ли былъ и то? Увидѣлъ и простился,
И можетъ быть, уже ъ послѣдній видѣлъ ихъ!
Но полно, этотъ день не помрачимъ тоскою.
Гдѣ вы, мои друзья? сберитесь предо мною;
Дай каждый мнѣ себя сто разъ поцѣловать!
Прочь, посохъ! не хочу васъ болѣ покидать,
И вотъ моя рука, что буду вашъ отнынѣ.
Сколь часто я въ шуму веселій воздыхалъ,
И вздохи бѣднаго терялись какъ въ пустынѣ,
И тайной грусти въ немъ никто не замѣчалъ!

Но ежели вашъ другъ, во дни разлуки слезной,
Хотя однажды могъ совѣтъ подать полезной,
Спокойствіе души вдовицъ возвратить,
Наслѣдье сироты отъ хищныхъ защитить,
Спасти невиннаго, то все позабываетъ —
Довольно: другъ вашъ здѣсь, и васъ онъ обнимаетъ.
Но буду ли, друзья, по прежнему, вамъ милъ?
Увы! уже во мнѣ жаръ къ пѣнію простылъ,
Ужъ въ мысляхъ нѣтъ игры, исчезла прежня живость!
Простите ль иногда мою вы молчаливость,
Мое уныніе? — Терпите, о друзья,
Терпите хоть за то, что къ вамъ привязанъ *я*;
Что сердце приношу чувствительно, незлобно,
И болѣе еще ко дружеству способно.
Теперь его ничто не отвлечетъ отъ васъ,
Ни честолюбіе, ни блескъ прелестныхъ глазъ....
И самая любовь навѣки отлетѣла!
И такъ, владѣйте впредь вы мною безъ раздѣла,
Питайте страсть во мнѣ къ изящному всему,
И дайте вновь полетъ таланту моему.
Означимъ остальной нашъ путь еще цвѣтами!
Гдѣ нѣтъ коварныхъ ласкъ съ притворными словами,
Гдѣ сердце на рукѣ, гдѣ разумъ не язвитъ,
Тамъ другъ вашъ и поднесь веселья не бѣжитъ.
Такъ, братья, данные природой мнѣ и Фебомъ!
Я съ вами радъ еще въ саду, подъ ясньмъ небомъ,
На зелени въ кустахъ душистыхъ пировать;
Вы станете своихъ любезныхъ воспѣвать,
А я.... хоть вашими дарами восхищаться.
О други! я впередъ ужъ веселъ! Можетъ статься,
Примѣръ вашъ воскреситъ и мой погибшій даръ.
О если бъ воспылалъ во мнѣ пермесскій жаръ!
Съ какою бъ радостью схватилъ мою я лиру,

И благъ моихъ творца всему повѣдалъ міру!
Да будетъ счатіе и слава вмѣстѣ съ нимъ!
Ему я одолженъ пристанищемъ моимъ,
Гдѣ солнце дней моихъ въ безмолвьѣ закатится,
И мой послѣдній взоръ на друга устремится.

Мы говорили уже о прекрасныхъ посланіяхъ Жуковскаго на великія событія Отечественной Войны; мы приводили мѣста изъ его *Отчета о лунѣ*, который причисленъ имъ къ посланіямъ. Также было прочитано нами одно прекрасное посланіе Батюшкова. Возьмемъ въ примѣръ еще нѣсколько стиховъ изъ его *Посланія къ Жуковскому и Вяземскому*.

Отечески пенаты,
О пѣстуны мои!
Вы златомъ не богаты,
Но любите свои
Норы и темны кельи,
Гдѣ васъ на новосельѣ,
Смиренно здѣсь и тамъ
Разставилъ по угламъ;
Гдѣ странникъ я бездомный,
Всегда въ желаньяхъ скромный,
Сыскалъ себѣ пріютъ.
О боги! будьте тутъ
Доступны, благосклонны!
Не вина благовонны,
Не тучный ѳиміамъ
Поэтъ приноситъ вамъ,
Но слезы умиленья,
Но сердца тихій жаръ,
И сладки пѣснопѣнья,

Богинь пермесскихъ даръ!
О лары! уживитесь
Въ обители моей,
Поэту улыбнитесь —
И будетъ счастливъ въ ней!...
Въ сей хижинѣ убогой
Стоитъ передъ окномъ
Столъ ветхій и треногой
Съ изорваннымъ сукномъ.
Въ углу, свидѣтель славы
И суеты мірской,
Виситъ полузаржавый
Мечъ прадѣдовъ тупой;
Здѣсь книги выписныя,
Тамъ жесткая постель —
Все утвари простыя,
Все рухлая скудель!
Скудель!... но мнѣ дороже,
Чѣмъ бархатное ложе
И вазы богачей!...
Отеческіе боги!
Да къ хижинѣ моей
Не сыщетъ ввѣкъ дороги
Богатство съ суетой;
Съ наемною душой
Развратные счастливцы,
Придворные друзья
И блѣдны горделивцы,
Надутые князья!
Но ты, о мой убогой
Калѣка и слѣпой,
Идя путемъ-дорогой
Съ смиренною клюкой,

Ты смѣло постучися,
О воинъ, у меня;
Войди и обсушися
У яркаго огня! —
О старецъ, убѣленный
Годами и трудомъ,
Трикраты уязвленный
На приступѣ штыкомъ!
Двуструнной балалайкой
Походы прозвени
Про витязя съ нагайкой,
Кто въ жупелъ и въ огни
Леталъ передъ полками,
Какъ вихорь на поляхъ,
И вкругъ его рядами
Враги ложились въ прахъ!...
....
....
Безъ злата богачей
Доступенъ добрый геній
Поэзіи святой,
И часто, въ мирной сѣни,
Бесѣдуетъ со мной.
Небесно вдохновенье,
Порывъ крылатыхъ думъ,
(Когда страстей волненье
Уснетъ... и свѣтлый умъ,
Летая въ поднебесной,
Плотскихъ свободенъ узъ,
Въ Аоніи прелестной
Срѣтаетъ хоры музъ!)
Небесно вдохновенье!
Зачѣмъ летишь стрѣлой,

И сердца упоенье
Уносишь за собой? —
До розовой денницы,
Въ отрадной тишинѣ,
Парнасскія царицы,
Подруги будьте мнѣ!
Пускай веселы тѣни
Любимыхъ мнѣ пѣвцовъ,
Оставя тайны сѣни
Стигійскихъ береговъ,
Изъ области эѳирной
Воздушною толпой
Слетятъ на голосъ лирной
Бесѣдовать со мной!...
И мертвые съ живыми
Вступили въ хоръ единъ.
Что вижу! ты предъ ними,
Парнасскій исполинъ
Пѣвецъ героевъ, славы,
Вслѣдъ вихрямъ и громамъ
Нашъ лебедь величавый
Плывешь по небесамъ.
Въ толпѣ и музъ и грацій,
То съ лирой, то съ трубой,
Нашъ Пиндаръ, нашъ Горацій
Сливаетъ голосъ свой.
Онъ громокъ, быстръ и силенъ,
Какъ Суна средь степей,
И нѣженъ, тихъ, умиленъ,
Какъ вешній соловей.
Фантазіи небесной
Давно любимый сынъ,
То повѣстью прелестной

Плѣняетъ Карамзинъ;
То мудраго Платона
Описываетъ намъ,
И ужинъ Агатона,
И наслажденья храмъ;
То древню Русь и нравы
Владиміра времянъ
И въ колыбели славы
Рожденіе Славянъ.
За ними сильфъ прекрасной,
Воспитанникъ харитъ,
На цитрѣ сладкогласной
О Душенькѣ брянчитъ;
Мелецкаго съ собою
Улыбкою зоветъ,
И съ нимъ, рука съ рукою
Гимнъ радости поетъ!...
Съ эротами играя
Философъ и піитъ,
Близъ Федра и Пильпая
Тамъ Дмитріевъ сидитъ;
Бесѣдуя съ звѣрями
Какъ счастливый дитя,
Парнасскими цвѣтами
Скрылъ истину шутя.
За нимъ въ часы свободы
Поютъ среди пѣвцовъ
Два баловня природы,
Хемницеръ и Крыловъ.
Наставники-піиты,
О Фебовы жрецы!
Вамъ, вамъ плетутъ хариты
Безсмертные вѣнцы!

Я вами здѣсь вкушаю
Восторги піеридъ,
И въ радости взываю:
О музы, я піитъ!

Теперь приведемъ одно изъ блистательныхъ посланій Пушкина.

Прости, счастливый сынъ пировъ,
Балованный дитя свободы,
Любимецъ музъ, поклонникъ моды
И Терпсихоры и стиховъ!
Ты въ жизни любишь перемѣну:
Ты скачешь въ мирную Москву,
Гдѣ сладко дремлютъ наяву
И наслажденьямъ знаютъ цѣну.
Разнообразной и живой
Москва плѣняетъ пестротой,
Старинной роскошью, пирами,
Невѣстами, колоколами,
Забавной, легкой суетой,
Невинной прозой и стихами.
Ты тамъ на шумныхъ вечерахъ
Увидишь важное бездѣлье,
Жеманство въ тонкихъ кружевахъ,
И глупость въ золотыхъ очкахъ
И тяжкой знатности веселье,
И скуку съ картами въ рукахъ.
Всего минутный наблюдатель,
Ты посмѣешься подъ рукой;
Но вскорѣ, вѣрный обожатель
Забавъ и лѣни золотой,
Держася моего совѣта
И волю всей душой любя,
Оставишь кругъ большаго свѣта

И жить рѣшишься для себя.
Уже въ пріютѣ отдаленномъ
Я вижу мысленно тебя:
Кипитъ въ бокалѣ опѣненномъ
Аи холодная струя;
Въ густомъ дыму лѣнивыхъ трубокъ,
Въ халатахъ, новые друзья
Шумятъ и пьютъ; задорный кубокъ
Обходитъ ихъ безумный кругъ,
И мчится въ радостяхъ досугъ;
А тамъ египетскія дѣвы
Летаютъ, вьются предъ тобой;
Я слышу звонкіе напѣвы,
Стонъ нѣги, вопли, дикій вой,
Ихъ изступленныя движенья
Огонь неистовыхъ очей —
И все, мой другъ, въ душѣ твоей
Рождаетъ трепетъ упоенья....

Посланіе фонъ-Визина, — но это уже относится къ сатирѣ.

Мы говорили доселѣ о посланіяхъ, въ которыхъ цѣль неопредѣленная зависитъ отъ расположенія, образа мыслей и намѣреній пишущаго, которыя могутъ просто назваться письмами въ стихахъ. Но есть особый родъ посланій съ опредѣленною, неизмѣнною цѣлію: это сатиры, посланія, отличающіяся отъ прочихъ важностью своего предмета, изяществомъ изложенія и нравственнымъ направленіемъ. Не думайте, чтобъ слово сатира произошло отъ наименованія тѣхъ грязныхъ и отвратительныхъ полускотовъ, которыми древнее баснословіе населяло лѣса, которые пѣли и пля-

сали на пиршествахъ Вакха. Слово сатира происходитъ отъ латинскаго satura, означавшаго корзину, или кошницу, наполненную плодами, какіе ежегодно подносимы были богамъ. Сатира вначалѣ означала стихотвореніе о разныхъ предметахъ, написанное разнороднымъ размѣромъ. Этотъ родъ поэзіи, предполагающій уже большую образованность и утонченіе нравовъ, сопутствуемое развратомъ, не былъ извѣстенъ Грекамъ. Первымъ писателемъ сатиры былъ въ Римѣ Луцилій, но прославились въ этомъ родѣ Горацій, Ювеналъ и Персій. Въ ихъ творческихъ рукахъ сатира сдѣлалась стихотвореніемъ, въ которомъ поэтъ изображаетъ и караетъ пороки и странности людей. Дѣло великое и достойное вдохновенныхъ любимцевъ божественной музы! Нравоучитель-философъ убѣждаетъ людей свидѣтельствами опыта и доводами умствованія. Нравоучитель-сатирикъ, уличая преступныхъ, обнажая нравственное безобразіе, заставляетъ насъ гнушаться порока, и любить добродѣтель. — Имѣя цѣлію изобличать странности или карать порокъ людей, сатирикъ соображаетъ съ сими двумя требованіями своего долга тонъ и выраженіе своего творенія. Странности преслѣдуетъ онъ легкими, колкими насмѣшками; порокъ гонитъ съ жаромъ и негодованіемъ. Предметомъ стихотвореній своихъ избираетъ онъ тѣ свойства и заблужденія, которыя имѣютъ вліяніе обширное, преимущественно господствуютъ въ данное время, у извѣстнаго народа, и не тратитъ своего таланта въ борьбѣ съ частными ошибками и ду-

рачествами людей, составляющими исключеніе. Онъ долженъ избѣгать, въ своихъ твореніяхъ, двухъ крайностей: во-первыхъ, изображенія картинъ, которыя гнусностію и безобразіемъ возмущаютъ чувство; во-вторыхъ личностей, т. е. изображенія порока или слабости, свойственныхъ одному лицу, которое онъ ненавидитъ. Отъ двойственности предметовъ, изображаемыхъ сатирикомъ, происходитъ и раздѣленіе сатиръ на важныя и шутливыя: въ первыхъ господствуетъ негодованіе, въ послѣднихъ насмѣшка. Все это говоримъ мы о сатирахъ прямыхъ, о тѣхъ стихотвореніяхъ, которыя написаны именно съ цѣлію сатирическою, по общепринятой формѣ. Но духъ сатиры облекается во всякую одежду: есть оды сатирическія (такова ода Державина *Вельможа*), есть повѣсти сатирическія; басни служатъ по превосходству орудіемъ сатиръ; комедія есть не иное что, какъ сатира въ лицахъ. Собственная сатира имѣетъ форму посланія, иногда описанія, случается и разговора.

Изъ римскихъ сатириковъ преимущественно отличаются Горацій и Ювеналъ. Первый изъ нихъ является зоркимъ, остроумнымъ наблюдателемъ и искуснымъ живописцемъ слабостей людскихъ и недостатковъ. Онъ снисходителенъ къ нимъ, не караетъ ихъ, а только издѣвается надъ ними, не требуетъ отъ людей совершенства, и нерѣдко смѣется надъ самимъ собою. Описанія его близкія и живыя; слогъ теплый и увлекательный. Ювеналъ представляется намъ въ иномъ видѣ, карателемъ порока и порочныхъ: онъ былъ

человѣкъ строгихъ правилъ, и оскорбленный тогдашнимъ развратомъ (онъ жилъ въ царствованія Калигулы, Нерона и Домиціана), питалъ въ себѣ ненависть къ роду человѣческому. Горацій изображаетъ намъ слабости и пороки человѣчества, являющіяся вездѣ и во всѣ времена. Ювеналъ представляетъ картину тогдашняго Рима, и въ этомъ отношеніи его творенія неоцѣненны потомству: онъ дополнилъ Тацита и Светонія. Сатиры Персія, противополагавшаго правила стоической философіи разврату тогдашняго Рима, намъ менѣе доступны: онѣ написаны сжатымъ, темнымъ слогомъ, и заключаютъ въ себѣ намѣки на тогдашнія лица и случаи, намъ теперь непонятные.

Сатиры были первымъ по времени произведеніемъ нашей свѣтской литературы. Князь Кантемиръ, какъ мы уже сказали, оставилъ намъ въ нихъ памятники своего ума и дарованій. Онъ былъ не природный Россіянинъ, и это способствовало ему въ наблюденіи нашихъ нравовъ, слабостей и странностей. Никто не можетъ быть судьею въ собственномъ своемъ дѣлѣ. Надлежитъ имѣть даръ и силу духа необыкновенные, чтобъ отдѣлиться отъ своего времени, отъ своихъ земляковъ, для того, чтобъ писать ихъ портреты безпристрастно и истинно. Иностранцу это гораздо легче: онъ съ перваго взгляда подмѣчаетъ странное, смѣшное, нелѣпое, котораго не видятъ люди, обжившіеся съ этими нравами, или въ нихъ возросшіе. Грекъ Кантемиръ, напитанный ученіемъ древнихъ и новыхъ классиковъ, преимущественно

Горація и Буало, нашелъ обширное поле для своихъ наблюденій въ раждавшейся тогда, новой Россіи; видѣлъ бореніе старыхъ предразсудковъ съ новыми нелѣпостями, замѣчалъ первые отпрыски сѣмянъ, брошенныхъ на Русскую Землю геніяльною рукою Петра, и предвидѣлъ, что они великолѣпно и славно разрастутся въ послѣдствіи. Но, какъ мы уже однажды замѣтили, Кантемиръ, стяжавъ право на имя писателя умнаго, образованнаго, скажемъ даже классически-европейскаго, не можетъ назваться первымъ изъ писателей *русскихъ*, хотя жилъ и писалъ прежде другихъ. Языкъ и форма его стихосложенія были чужды Русскому Народу. Его читали, имъ по справедливости восхищались ученые его современники, но только ученые. Его разбирали и оцѣнивали въ потомствѣ умные и безпристрастные критики, но публика, большая публика, которая даетъ истинную оцѣнку талантамъ и награждаетъ ихъ, его не знала. Онъ былъ бы точно такъ же извѣстенъ и славенъ, когда бъ писалъ по-французски или по-латыни. Мы не ставимъ въ вину ему того, что принадлежало его вѣку, что зависѣло отъ личнаго его положенія въ свѣтѣ. Скажемъ только, что народность есть необходимое условіе извѣстности, славы, безсмертія поэтовъ. Семь стиховъ Пушкина:

Я воспою тотъ славный часъ,
Когда, почуя бой кровавый,
На негодующій Кавказъ
Поднялся нашъ орелъ двуглавый;

Когда на Терекѣ сѣдомъ
Впервые грянулъ битвы громъ
И грохотъ русскихъ барабановъ!

болѣе произвели дѣйствія въ русской публикѣ всѣхъ разборовъ, нежели самые выспренніе вымыслы греческой и римской поэзіи. Впрочемъ, мы говоримъ это о Кантемирѣ отнюдь не для того, чтобъ унизить его талантъ или помрачить славу, но для объясненія, почему его у насъ не знали и не знаютъ. Совѣтуемъ любителямъ словесности прочитать въ сочиненіяхъ Шишкова и Жуковскаго разборы сатиръ Кантемира, и насладиться ими вполнѣ. Мы вообще полагаемъ, что гласное чтеніе отрывковъ изъ нихъ будетъ для слушателей нашихъ утомительно, а можетъ быть и не совершенно понятно, но считаемъ обязанностію привести хотя одно мѣсто. Кантемиръ написалъ восемь сатиръ, изъ которыхъ лучшая, по нашему мнѣнію, есть первая: въ ней описываетъ онъ ненависть тогдашнихъ невѣждъ къ новому просвѣщенію.

Сильванъ другую вину наукамъ находитъ.
Ученіе, говоритъ, намъ голодъ наводитъ;
Живали мы прежъ сего, не зная латынѣ,
Гораздо обильнѣе, чѣмъ живемъ мы нынѣ;
Гораздо въ невѣжествѣ больше хлѣба жали;
Перенявъ чужой языкъ, свой хлѣбъ потеряли.
Буде рѣчь моя слаба, буде въ ней нѣтъ чину,
Ни связи, можно ль о томъ тужить дворянину?
Доводъ, порядокъ въ словахъ, подлыхъ то есть дѣло;
Знатнымъ полно подтверждать иль отрицать смѣло.

Съ ума сошелъ, кто души силу и предѣлы
Испытуетъ, кто въ поту томится дни цѣлы,
Чтобъ строй міра и вещей вывѣдать премѣну,
Иль причину: глупо онъ лѣпитъ горохъ въ стѣну.
Приростетъ ли мнѣ съ того день въ жизни, иль въ ящикъ
Хотя грошъ? Могу ль чрезъ то узнать, что прикащикъ,
Что дворецкой крадетъ въ годъ, какъ прибавить воду
Въ мой прудъ, какъ бочекъ число съ виннаго заводу?
Не умнѣе, кто глаза, полонъ безпокойства,
Коптитъ, печась при огнѣ, чтобъ вызнать рудъ свойства;
Вѣдь не теперь мы твердимъ, что буки, что вѣди;
Можно знать различіе злата, сребра, мѣди.
Травъ, болѣзней знаніе — все то голы враки.
Глава ль болитъ? Тому врачъ ищетъ въ рукѣ знаки.
Всему въ насъ виновна кровь, буде ему вѣру
Нять хощешь: слабѣемъ ли — кровь тихо чрезмѣру
Течетъ; если спѣшно — жаръ въ тѣлѣ, отвѣтъ смѣло
Даетъ, хотя внутрь никто видѣлъ живо тѣло.
А пока въ басняхъ такихъ время онъ проводитъ,
Лучшій сокъ изъ нашего мѣшка въ его входитъ.
Къ чему звѣздъ теченіе числить, и ни къ дѣлу,
Ни кстати за однимъ ночь пятномъ не спать цѣлу?
За любопытствомъ однимъ лишиться покою,
Ища, солнце ль движется, или мы съ землёю?
Въ Часовникѣ можно честь на всякой день года
Число мѣсяца и часъ солнечнаго всхода.
Землю въ четверти дѣлить безъ Эвклида смыслимъ;
Сколько копѣекъ въ рублѣ, безъ алгебры счислимъ.
Сильванъ одно знаніе слично людямъ хвалитъ,
Что учитъ множить доходъ, а расходы малитъ;

Трудиться въ томъ, съ чего вдругъ карманъ не толстѣетъ
Гражданству вреднымъ весьма безумствомъ звать смѣетъ.

Собственная сатира съ того времени у насъ дремала, и просыпалась только изрѣдка, и то слишкомъ часто возбуждаемая личностію. Сатиры Сумарокова содержаніемъ своимъ бѣдны и односторонни; мысли въ нихъ обыкновенныя; стихи варварскіе; напримѣръ:

Взращенъ дитя твое и сталъ уже дѣтина:
Учился, наученъ, учился, сталъ скотина.
Къ чему, что твой сынокъ чужой языкъ постигъ,
Когда себѣ плода не собралъ онъ со книгъ?
Болтать и попугай, сорока, дроздъ умѣютъ,
Но больше ничего они не разумѣютъ.
Французскимъ словомъ онъ въ рѣчь русскую плыветъ,
Солому пальею, обжектомъ видъ зоветъ.
И рѣчи русскія ему лишь тѣ прелестны,
Которы на Руси вралямъ однимъ извѣстны.
Коль должно молвити о чемъ или о комъ:
На основаніи совсѣмъ не на такомъ,
Онъ бредитъ безо сна, и безъ стыда и смѣло:
Не на такой ногѣ я вижу это дѣло.

Самый сатирическій умъ Россіи, во второй половинѣ XVIII вѣка, фонъ-Визинъ, оставилъ одну преумную сатиру: *Посланіе къ слугамъ моимъ, Шумилову, Ванькѣ и Петрушкѣ*. Въ этой сатирѣ онъ выставилъ, какія превратныя мысли гнѣздятся въ умѣ многихъ людей о достоинствѣ жизни человѣческой, о свѣтѣ и обязанностяхъ его. Если

мы станемъ смотрѣть на стихотворенiе Фонъ-Визина съ этой стороны, упрекъ въ томъ, будто онъ насмѣхался надъ судьбами сего мiра, исчезнетъ самъ собою. Нѣтъ! онъ насмѣхался только надъ тѣми, которые, погрязнувъ въ суетахъ мiра, непросвѣщенные свыше, толкуютъ о его цѣли по своему темному понятiю.

Получивъ въ отвѣтъ отъ дядьки своего, Шумилова, что онъ не вѣдаетъ, на что созданъ свѣтъ, фонъ-Визинъ обращается съ тѣмъ же вопросомъ къ лакею Ванькѣ:

Къ тебѣ я обращу теперь мои слова,
Широкiя плеча, большая голова,
Малѣйшаго ума пространная столица!
Во области твоей кони и колесница,
И стало наконецъ угодно небесамъ,
Чтобъ слушался тебя извощикъ мой, и самъ
На свѣтску суету вседневно ты взираешь,
И, стоя назади, Петрополь обтекаешь.
Готовься на вопросъ премудрый дать отвѣтъ:
Вѣщай, великiй мужъ, на что сей созданъ свѣтъ!
Какъ тучи ясный день внезапно помрачаютъ,
Такъ Ванькинъ ясный взоръ слова мои смущаютъ.
Сомнѣнiе его тревожить начало;
Наморщились его и харя и чело.
Вѣщаетъ съ гнѣвомъ мнѣ: «На всѣ твои затѣи
Не могутъ отвѣчать и сами грамотѣи.
И мнѣ ль о томъ судить, когда мои глаза
Не могутъ различить отъ ижицы аза!
Съ утра до вечера держася на каретѣ,
Мнѣ тряско разсуждать о Богѣ и о свѣтѣ;
Неловко помышлять о томъ и во дворцѣ,

Гдѣ часто я стою смиренно на крыльцѣ,
Откуда каждый часъ друзей моихъ гоняютъ,
И палочьемъ гостей къ каретамъ провожаютъ.
Но если на вопросъ мнѣ должно дать отвѣтъ,
Такъ слушайте жъ, каковъ мнѣ кажется сей свѣтъ.
Москва и Петербургъ довольно мнѣ знакомы;
Я знаю въ нихъ почти всѣ улицы и домы.
Шатаясь по свѣту и вдоль и поперегъ,
Что могъ увидѣть я, того не простерегъ.
Видалъ и трусовъ я, видалъ я и нахаловъ,
Видалъ простыхъ господъ, видалъ и генераловъ;
А чтобъ не завести напрасный съ вами споръ,
Такъ знайте, что весь свѣтъ считаю я за вздоръ.
Довольно на вѣку я свой животъ помучилъ,
И ѣздить назади я истинно наскучилъ.
Извощикъ, лошади, карета, хомуты
И все, мнѣ кажется, на свѣтѣ суеты.
Здѣсь вижу мотовство, а тамъ я вижу скупость;
Куда ни обернусь, вездѣ я вижу глупость.
Да сверхъ того еще примѣтилъ я, что свѣтъ
Столь много времени неправдою живетъ,
Что нѣтъ уже такихъ кощеевъ на примѣтѣ,
Которы бъ истину запомнили на свѣтѣ.
Подьячіе хотятъ обманывать народъ,
Слуги дворецкаго, дворецкіе господъ,
Другъ друга господа, а знатные бояра
Нерѣдко обмануть хотятъ и государя.
И всякой, чтобъ набить потуже свой карманъ,
Заблагоразсудилъ приняться за обманъ.
До денегъ лакомы посадскіе, дворяне,
Судьи, подьячіе, солдаты и крестьяне.
Смиренны пастыри душъ нашихъ и сердецъ
Изволятъ собирать оброкъ съ своихъ овецъ.

Но если говорить на свѣтѣ правду можно,
То мнѣніе мое скажу я вамъ нелояшо:
За деньги самого Всевышняго Творца
Готовы обмануть и пастырь, и овца!
Что дуренъ злѣшній свѣтъ, то всякой понимаетъ,
Да для чего онъ есть, того никто не знаетъ.

Говоря о плохихъ лирическихъ поэтахъ XVIII вѣка, мы упомянули о грозномъ бичѣ ихъ, Дмитріевѣ. Вѣроятно, эти жалкіе риѳмоплеты сѣтовали, сердились, жаловались тогда на своего цѣнителя и гонителя, а если бъ воскресли теперь, то конечно почтили бы его хвалою и благодарностью. Произведенія ихъ потонули въ пучинѣ забвенія, а лица ихъ, нравы, обычаи, слабости живы и безсмертны. Вотъ польза хорошей, оригинальной сатиры: она передаетъ потомству близкіе портреты своихъ современниковъ. Ювеналъ и Кантемиръ были вѣрнѣйшими историками своего времени. Дмитріевъ оставилъ намъ сатиру, *Чужой Толкъ*, которая донынѣ остается въ нашей литературѣ единственною и недостигнутою въ своемъ родѣ, изображая особенности и странности не поэтовъ вообще, а именно стихотворцевъ того вѣка, какихъ мы тщетно будетъ искать нынѣ. Теперешніе наши самозванцы-поэты совсѣмъ не таковы: они ждутъ своего историка, чтобъ перейти въ потомство, похоронивъ заживо произведенія своей музы.

Прочитаемъ нѣсколько стиховъ:

Что за диковинка? лѣтъ двадцать ужъ прошло,
Какъ мы, напрягши умъ, наморщивши чело,

Со всеусердіемъ все оды пишемъ, пишемъ,
А ни себѣ, ни имъ похвалъ нигдѣ не слышимъ!
Ужели выдалъ Фебъ свой имянной указъ,
Чтобъ не дерзалъ никто надѣяться изъ насъ
Быть Флакку, Рамлеру и ихъ собратьѣ равнымъ,
И столько жъ, какъ они, во пѣснопѣньѣ славнымъ?
Какъ думаешь?... Вчера случилось мнѣ сличать
И ихъ и нашу пѣснь: въ ихъ... нечего читать!
Листочекъ, много три, а любо: какъ читаешь —
Не знаю, какъ-то самъ какъ будто бы летаешь!
Судя по краткости, увѣренъ, что они
Писали ихъ рѣзвясь, а не четыре дни:
То какъ бы намъ не быть еще и ихъ счастливѣй,
Когда мы во сто разъ прилежнѣй, терпѣливѣй?
Вѣдь нашъ начнетъ писать, то всѣ забавы прочь!
Надъ парою стиховъ просиживаетъ ночь,
Потѣетъ, думаетъ, чертитъ и жжетъ бумагу;
А иногда беретъ такую онъ отвагу,
Что цѣлый годъ сидитъ надъ одою одной!
И подлинно ужъ весь приложитъ разумъ свой?
Ужъ прямо самая торжественная ода!
Я не могу сказать, какого это рода;
Но очень полная, иная въ двѣсти строфъ!
Судите жъ, сколько тутъ хорошихъ есть стишковъ!
Къ тому жъ, и въ правилахъ: сперва прочтешь всту-
пленье,
Тутъ предложеніе, а тамъ и заключенье —
Точь въ точь, какъ говорятъ учены по церквамъ!
Со всѣмъ тѣмъ нѣтъ читать охоты, вижу самъ.
Возьму ли, напримѣръ, я оды на побѣды,
Какъ покорили Крымъ, какъ въ морѣ гибли Шведы:
Всѣ тутъ подробности сраженья нахожу,
Гдѣ было, какъ, когда, — короче я скажу:

Въ стихахъ реляція! прекрасно!... а зѣваю!
Я, бросивши ее, другую раскрываю,
На праздникъ, иль на что подобное тому:
Тутъ найдешь то, чего бъ нехитрому уму
Не выдумать и ввѣкъ: *зари багряны персты.*
И *райскій кринъ*, и *Фебъ*, и *небеса отверзты!*
Такъ громко, высоко!... а нѣтъ, не веселитъ,
И сердца такъ сказать, ни чуть не шевелитъ!»
. . . .
. . . . . . Здѣсь, въ Москвѣ, толкался я бывало
Межъ нашихъ Пиндаровъ, и всѣхъ ихъ замѣчалъ:
Большая часть изъ нихъ — лейбгвардіи капралъ,
Ассессоръ, офицеръ, какой нибудь подьячій,
Иль изъ кунсткамеры антикъ, въ пыли ходячій,
Уродовъ стражъ — народъ все нужный, должностной;
Такъ, часто я видалъ, что истинно иной
Въ два, въ три дни риѳму лишь прибрать едва успѣетъ,
Затѣмъ что въ хлопотахъ досуга не имѣетъ.
Лишь только мысль къ нему счастливая прійдетъ,
Вдругъ било шесть часовъ: уже карета ждетъ;
Пора въ театръ, а тамъ на балъ, а тамъ къ Ліону,
А тутъ и ночь.... Когда жъ заѣхать къ Аполлону?
На завтра лишь глаза откроетъ — ужъ билетъ:
На пробу въ пять часовъ... Куда же? Въ модный свѣтъ,
Гдѣ лирикъ нашъ и самъ взялъ арлекина ролю.
До оды ль тутъ? Тверди, скачи два раза къ Кролю;
Потомъ опять домой: здѣсь холься да рядись,
А тамъ въ спектакль, и такъ со днемъ опять простись!
Къ тому-жъ, у древнихъ цѣль была, у насъ другая!
Горацій, напримѣръ, восторгомъ грудь питая,
Чего желалъ? О! онъ — онъ бралъ не свысока,
Въ вѣкахъ безсмертія, а въ Римѣ лишь вѣнка
Изъ лавровъ иль изъ миртъ, чтобъ Делія сказала:

Онъ славенъ, чрезъ него и я безсмертна стала!
А нашихъ многихъ цѣль — награда перстенькомъ,
Не рѣдко сто рублей, иль дружество съ князькомъ,
Который отъ роду не читывалъ другаго,
Кромѣ придворнаго подчасъ мѣсяцослова;
Иль похвала своихъ пріятелей, а имъ
Печатный всякій листъ быть кажется святымъ!

Воейковъ написалъ сатиру *Объ истинномъ благородствѣ*, въ которой мысли не новы, нѣтъ одушевленія и ровности въ тонѣ, но есть нѣсколько счастливыхъ стиховъ; лучшій изъ нихъ о Державинѣ:

Онъ нѣженъ какъ любовь, и звученъ какъ перуны.

Въ числѣ поэтовъ, писавшихъ сатиры, должны мы назвать человѣка съ большими дарованіями, Милонова, который, не доживъ до тридцати лѣтъ, оставилъ намъ много прекрасныхъ опытовъ своего дарованія, и еще болѣе сожалѣнія, что обстоятельства и судьба не позволили ему довершить начатое имъ съ блескомъ и успѣхомъ. Онъ былъ одаренъ пламеннымъ, богатымъ воображеніемъ, счастливою памятью, образованъ науками и чтеніемъ классиковъ, зналъ основательно Языкъ Русскій, и владѣлъ имъ свободно, имѣлъ душу благородную; чуждый своекорыстія, любилъ правду, гнушался лестью; словомъ, обладалъ всѣми качествами и условіями, потребными поэту-нравоописателю.

Прочитаемъ отрывки изъ *Посланія къ Луказію*, написаннаго лѣтъ за тридцать предъ симъ, слѣдственно теперь ни для кого не обиднаго. Если въ немъ, можетъ статься, и были какіе либо частные пор-

треты, оригиналы ихъ давно сошли со сцены: они порадовались бы теперь сами, узнавъ, что еще существуютъ въ литературѣ.

Луказій! рѣшено: ты хочешь быть поэтомъ —
И требуешь, чтобъ я снабдилъ тебя совѣтомъ,
Какъ славы достигать и имени пѣвца.
Что легче, какъ найти невѣжду и льстеца?
Ищи ихъ и пиши: все будетъ совершенно!
Писателемъ прослыть весьма обыкновенно,
Стихи свои хвалой наполни гнусныхъ дѣлъ,
Будь дерзокъ, подлъ и льстецъ — и слава твой удѣлъ!
Рубеллію тверди, что онъ рожденъ вельможей,
Женѣ его шепни, что всѣхъ она пригожѣй,
А Балдусу, вралю, что первый онъ поэтъ —
И одами зови его высокій бредъ.
Утѣшь его, скажи, что добрый часъ настанетъ
И свѣтъ стихи его порочить перестанетъ,
Что рано ль, поздно ли, насмѣшники помрутъ —
И томы пыльные читателей найдутъ.
Къ Вралеву забѣги съ пренизкимъ ты поклономъ:
Ему не въ первый разъ вступаться Цицерономъ
За скаредныхъ пѣвцовъ, уродство ихъ хвалить,
Дерзни его хоть разъ съ Гораціемъ сравнить —
И онъ, не устрашась, провозгласитъ предъ свѣтомъ
Тебя и Пиндаромъ и классикомъ - поэтомъ!
Тамъ къ Бавію иди: сей ждетъ тебя бѣднякъ,
Отецъ помѣсячныхъ нелѣпостей и вракъ.
Дай что нибудь ему! онъ скоро разорится —
И жизнь твоя какъ разъ въ журналъ его вклеится!
Съ огромною своей поэмою спѣши
Въ домъ Клита, и ему усердно припиши:
Онъ знатный господинъ, талантовъ покровитель,
И просвѣщенія въ отечествѣ ревнитель.

Страницей лести лишь пожертвуй — и твой трудъ
На счетъ его казны тисненью предадутъ!
Лишь книга добрая явиться въ свѣтъ не смѣетъ,
А вздорная вездѣ заступниковъ имѣетъ.
Нѣтъ нужды, что о ней забудутъ черезъ день!
Тѣмъ лучше, сочинять Луказію не лѣнь.
Комедіи своей желаешь ли успѣха?
Зови друзей въ театръ для хлопанья и смѣха —
И слава о тебѣ промчится *въ шумный рай!*
Въ обширныхъ замыслахъ своихъ не унывай:
Быть можетъ, за игру актрисы превосходной,
Похвалятъ и стихи въ трагедіи негодной.
Тогда тебя ведутъ къ Лукуллу въ пышный домъ,
Гдѣ онъ, обсаженный невѣждами кругомъ,
За каждую строку твоей подлѣйшей лести,
Сторицею воздастъ хвалы тебѣ и чести!
Въ ученыхъ обществахъ ты станешь засѣдать,
Куда стекаются не слушать — а зѣвать;
Гдѣ Мидасъ, мстя женамъ, въ безсмысліи суровомъ,
Недавно ихъ морилъ своимъ похвальнымъ словомъ.
Но только ли еще? — О геніи твоемъ
И Клузій возвѣститъ въ изданіи своемъ,
И Глазуновъ, сей мужъ, толико благодарной,
Распишетъ о тебѣ хвалой высокопарной,
И книжнаго ума брадатый продавецъ,
Всѣхъ будетъ увѣрять, что первый ты пѣвецъ!
У насъ, кто захотѣлъ, въ поэты записался,
Хоть новый рекрутъ сей съ грамматикой не знался,
Нѣтъ нужды до того: отвага, дерзость, лесть
Невѣждъ и подлецовъ нерѣдко вводятъ въ честь!
Ахъ! сколько есть такихъ, которые съ рожденья
Не могши написать двухъ строкъ безъ погрѣшенья,
Взялись о правилахъ и вкусѣ говорить:

Невѣжда болѣ всѣхъ имѣетъ страсть учить.
И ты, хоть не богатъ своимъ природнымъ даромъ,
Старайся замѣнить его отвагой, жаромъ.
Найдутся многіе, которые простятъ
Безсмыслицѣ твоей, за то, что въ ней узрятъ
И цѣль полезную, и рвеніе благое,
Которы облечешь ты въ рубище худое!
Что добрый гражданинъ, что въ службѣ ты давно:
Какъ будто гражданинъ и авторъ все равно!
Какъ будто стыдъ тому, кто всѣхъ изъ насъ честнѣе,
Быть въ мысляхъ правильнѣй, и въ связи ихъ яснѣе!
Пусть Фабій нѣжный другъ, пусть добрый онъ отецъ,
Пусть мужа вѣрнаго онъ будетъ образецъ,
Всѣ качества сіи достойно уважаю,
Но слушая его трагедіи — зѣваю —
И если бъ кто дерзнулъ, въ присутствіи моемъ,
Сказать, что онъ рожденъ трагическимъ пѣвцомъ —
И мнѣ бы отвѣчать на то не можно было,
Молчаніе мое льстеца бы обличило.
. . . .
Но главный мой совѣтъ: будь твердъ въ своемъ ты мнѣньѣ
И бранью защищай нелѣпое творенье;
На все за дѣтище любезное дерзай,
И умнымъ и глупцамъ ни въ чемъ не уступай.
Быть можетъ, иногда ты встрѣтишь, хоть ихъ мало,
Людей, которые острятъ на глупость жало,
Тогда разсвирѣпѣвъ, и взявши грозный видъ,
Брани ихъ наповалъ, забывъ и честь и стыдъ.
Безбожникъ! закричи: злодѣй и извергъ свѣта!
Кто смѣетъ не почтить въ Луказіи поэта!
Ступай, Луказій, мой, храня въ душѣ отвагу.
Смѣлѣй переводи чернила и бумагу.

Такое ремесло ни мало не во вредъ!
Но вижу, что тебя смущаетъ мой совѣтъ.
Такими ль, говоришь, такими ли путями,
Державинъ, Дмитріевъ прославились межъ нами?
Не всѣ подъ счастливой планетой рождены,
Луказій! чтобъ дерзать за славой какъ они,
Чтобы стяжать вѣнцы, которы ихъ покрыли,
Имъ равныя, скажи, имѣешь ли ты силы?
Питаешь ли въ груди божественный сей жаръ,
Который отъ небесъ не многимъ посланъ въ даръ,
Сію высокость чувствъ и духа благородство,
Достоинство людей, поэтовъ превосходство!
Для славы истинной отважишься ль на все,
Найдешь ли ты въ себѣ возмездіе свое?
Луказій! не мечтай: мнѣ цѣль твоя извѣстна!
Съ прямымъ талантомъ лесть и низость не совмѣстна.
Для тѣхъ особый путь назначенъ былъ судьбой.
Тебѣ ли, какъ они, прославиться собой,
Одну лишь страсть къ стихамъ несчастную имѣя?
Что подвигъ Геркула для слабаго пигмея?
Совѣтъ же мой легокъ — и къ славѣ путь прямой —
Рѣшился: въ добрый часъ! пиши — и Богъ съ тобой!

Можно вообразить себѣ, что поэтъ, такъ смѣло и рѣшительно возстававшій на современные пороки и слабости, хотя бъ литературные, возбудилъ противъ себя цѣлый легіонъ противниковъ. Критики, эпиграммы, сатиры посыпались на Милонова. Онъ сносилъ ихъ терпѣливо, и отвѣчалъ новыми прекрасными стихами, какъ будто раскаиваясь въ своей откровенности:

Смирись, разсудокъ мой, къ чему такое рвенье?
Сатира для людей худое наставленье!

Съ симъ страшнымъ ремесломъ ты будь всегда готовъ
Пріязни рушить связь, нажить себѣ враговъ.
Всѣ скажутъ о тебѣ: насмѣшникъ сей несчастный
Есть язва общества, умъ вредный и опасный.
Бѣги его, страшись! для остраго словца
Готовъ онъ уязвить и матерь и отца!
И тѣ, которые слывутъ тебѣ друзьями
И смѣлыми подъ часъ плѣняются стихами,
Въ обиженномъ лицѣ портретъ увидя свой,
Смѣяся вслухъ надъ нимъ, а тайно надъ тобой,
Къ толпѣ твоихъ враговъ тотчасъ передадутся
И дружества съ тобой подъ клятвой отрекутся.

Въ самомъ дѣлѣ трудно человѣку, и съ самыми добрыми намѣреніями, дѣйствующему на всенародномъ поприщѣ, во услышаніе всѣмъ, освободиться отъ толковъ и пересудовъ. Вы помните, почтенные мои слушатели, что̀ я въ моихъ Чтеніяхъ говорилъ о Пушкинѣ; съ какимъ удовольствіемъ, могу даже сказать, съ какимъ восторгомъ отдавалъ справедливость его великимъ дарованіямъ и прекраснымъ трудамъ, доказывая искренность моихъ сужденій тѣмъ, что свободно выражался о тѣхъ его произведеніяхъ, въ которыхъ онъ уступаетъ, но только самому себѣ. Нашлись добрые люди, которые, услыхавъ отъ другихъ, что я говорилъ о Пушкинѣ, утверждаютъ теперь, что я его разбранилъ, уничтожилъ! Ссылаюсь въ противномъ на всѣхъ, кто слышалъ мои о немъ слова. Теперь, болѣе нежели когда нибудь, радуюсь я, что не говорю наизустъ, а читаю свои бесѣды. Онѣ будутъ напечатаны точно

такъ, какъ написаны, и тогда публика рѣшитъ, какими правилами руководствовался я въ моихъ сужденіяхъ. Я принадлежу къ самымъ искреннимъ и гласнымъ чтителямъ великихъ талантовъ Пушкина, но не обязанъ и не дерзаю превозносить его безусловно и исключительно. Эти безотчетные восторги и колѣнопреклоненія изступленныхъ сеидовъ, во-первыхъ, при жизни не могутъ быть пріятны благородному писателю, увѣренному, что въ мірѣ нѣтъ совершенства; во-вторыхъ, приносятъ ему существенный вредъ, когда онъ сойдетъ со сцены: они легко превращаются въ столь же безусловное порицаніе, и нерѣдко въ устахъ тѣхъ самыхъ, которые, изъ личныхъ расчетовъ, по духу партіи или просто, по слабоумію, выхваляли въ немъ безошибочнаго папу или Далай-Ламу, боялись коснуться его славы, будто бы она была вылѣплена изъ ломкаго фарфору. Подождемъ нѣсколько лѣтъ, и послушаемъ, что тогда будутъ говорить его нынѣшніе поборники. Я всегда восхищался дарованіями Пушкина, говорилъ ему это въ глаза; въ глаза же выражалъ ему мнѣнія свои о тѣхъ сочиненіяхъ его, которыя мнѣ казались несовершенными и неудачными. Онъ слушалъ меня охотно, и не сердился. Иногда легкія облачка, нагоняемыя усердіемъ и благонамѣренностію литературныхъ маклеровъ, затмѣвали наше дружеское расположеніе, но они исчезали при первомъ свиданіи. Сперва коротенькое объясненіе, потомъ съ каждой стороны по двѣ, по три эпиграммы, а тамъ дру-

жескій громкій хохотъ, пожатіе руки, и все кончено. Вѣкъ не забуду я того, что Пушкинъ, на одрѣ страданій, въ предсмертныхъ мукахъ, вспомнилъ о несчастіи, которое меня тогда постигло, и послалъ ко мнѣ вздохъ искренняго сожалѣнія. И я стану помрачать память его нелѣпою, оскорбительною лестью, унижать его талантъ мыслію, будто здравое, справедливое, строгое сужденіе о его твореніяхъ можетъ затмить его славу! Нѣтъ, почту въ немъ великаго поэта самымъ пріятнымъ приношеніемъ — правдою, высказанною изъ глубины души, и заключу выраженіемъ общей горести всѣхъ Русскихъ, что отечество лишилось его такъ рано!

ТРИНАДЦАТОЕ ЧТЕНІЕ.

(15-го Марта.)

I.

Доселѣ разсматривали мы соединеніе словъ, для составленія предложенія простаго или отдѣльнаго. Теперь изложимъ правила, по которымъ предложенія простыя соединяются между собою, для составленія *предложеній сложныхъ* и *періодовъ*.

Мы говорили уже, что простое предложеніе состоитъ изъ одного совокупленія подлежащаго со сказуемымъ; напримѣръ: *Это сукно полиняло. Это новое черное сукно уже полиняло отъ дѣйствія солнечныхъ лучей.* Сложное предложеніе происходитъ отъ присовокупленія одного предложенія къ другому, слѣдственно есть совокупленіе двухъ или болѣе предложеній простыхъ. *Это сукно, которое я купилъ на прошлой недѣлѣ, уже полиняло оттого, что лежало на солнцѣ.* Здѣсь три предло-

женія: *это сукно полиняло; я купилъ сукно на прошлой недѣлѣ; сукно лежало на солнцѣ.* Число сложныхъ предложеній узнается по числу глаголовъ (въ изъявительномъ и повелительномъ наклоненіи), причастій и дѣепричастій. Число предложеній не уменьшится, когда они выражены причастіемъ или дѣепричастіемъ, а не глаголомъ; напримѣръ: *купленное мною на прошлой недѣлѣ сукно полиняло, полежавъ на солнцѣ.* Здѣсь тоже три предложенія.

Соединеніе предложеній бываетъ двоякое: во-первыхъ, составляются они для пополненія, объясненія, развитія которой либо части простаго предложенія; во-вторыхъ, для выраженія связи или соотношенія между мыслями и сужденіями, заключающимися въ двухъ или болѣе простыхъ предложеніяхъ. Первое составленіе называется *грамматическимъ,* послѣднее *логическимъ.* Примѣръ грамматическаго составленія: *Сукно, которое я купилъ вчера, сегодня отдано въ работу.* Здѣсь предложеніе: *которое я купилъ,* служитъ поясненіемъ, опредѣленіемъ слова *сукно.* Логическаго: *вчера я купилъ сукно, а сегодня отдалъ въ работу.* Здѣсь не объясняется одно предложеніе другимъ, а представляются два дѣйствія въ противоположность одно другому.

Въ грамматическомъ отношеніи, предложенія бываютъ *главныя, придаточныя* и *вводныя.* Главное предложеніе есть независимое отъ другаго выраженіе мысли: *Мой сосѣдъ получилъ извѣстіе.* Придаточное предложеніе служитъ поясненіемъ, дополненіемъ, развитіемъ которой либо части глав-

наго предложенія. *Мой сосѣдъ, котораго вы знаете, возвратившись вчера изъ города, получилъ извѣстіе, что у него сгорѣлъ домъ.* Здѣсь главное предложеніе: *мой сосѣдъ получилъ извѣстіе;* придаточныя: *котораго вы знаете, возвратившись вчера изъ города, что у него сгорѣлъ домъ.* Вводное предложеніе есть совершенно постороннее предложеніе, не имѣющее ни какой грамматической связи съ главнымъ: «Сдѣлайте одолженіе, *сказалъ мой братъ,* приходите ко мнѣ.»

Придаточными предложеніями могутъ быть замѣнены въ главномъ предложеніи существительное, прилагательное и нарѣчіе. По этому и предложенія сіи бываютъ трехъ родовъ: существительныя, замѣняющія имя существительное; напримѣръ, предложеніе: *что домъ его сгорѣлъ,* замѣняетъ существительное: *о сгорѣніи.* Прилагательныя замѣняютъ имя прилагательное: *котораго вы знаете,* вмѣсто *знаемый.* Обстоятельственныя замѣняютъ нарѣчіе всякаго разряда: *возвратившись изъ города,* вмѣсто: *по возвращеніи,* или просто *возвратившись.*

При составленіи сложнаго предложенія, простыя предложенія сочиняются между собою, или подчиняются одно другому. Предложеніе сочиняется съ другимъ, когда имѣетъ равную съ онымъ грамматическую важность, и не замѣняетъ которой либо его части; подчиняется же оно, когда замѣняетъ которую либо часть другаго предложенія, и уступаетъ ему въ грамматической важности. Первое изъ сихъ предложеній именуется *подчиняемымъ,* послѣднее *подчиняющимъ.* При сочетаніи пред-

ложеній, наблюдаются слѣдующія главныя правила: 1. Главное предложеніе съ другимъ главнымъ предложеніемъ сочиняется, а не подчиняется ему; напримѣръ: *Я пишу письмо, а ты читаешь книгу.* 2. Придаточное предложеніе подчиняется главному: послѣднее есть подчиняющее, а первое подчиняемое; напримѣръ: *Я знаю, что онъ хорошо учится.* Здѣсь придаточное предложеніе: *онъ хорошо учится,* подчинено главному: *я знаю.* Союзъ *что* есть средство сего подчиненія. 3. Придаточное предложеніе съ другимъ придаточнымъ предложеніемъ сочиняется или подчиняется ему. Въ первомъ случаѣ оба придаточныя предложенія подчинены одному главному, и оно мысленно повторяется при второмъ придаточномъ предложеніи; напримѣръ: *Онъ гуляетъ въ саду, чтобъ отдохнуть отъ дороги, и (чтобъ) собраться съ мыслями. Вотъ человѣкъ, который не только хорошо говоритъ, но (который) и хорошо поступаетъ.* Въ другомъ случаѣ, второе придаточное предложеніе служитъ къ ближайшему опредѣленію перваго, замѣняя которую либо часть его, напримѣръ: *Есть люди, которые, гоняясь за богатствомъ, лишаются спокойствія.* Здѣсь главное предложеніе: *есть люди*; придаточное первое, подчиненное главному: *которые лишаются спокойствія;* придаточное второе, подчиненное первому: *гоняясь за богатствомъ.* 4) Вводное предложеніе не сочиняется съ прочими, и не подчиняется имъ, а просто вставляется въ средину рѣчи. Оно бываетъ, по большей части, существительное сокращенное, т. е. лишенное совокупляю-

щаго союза; напримѣръ: «Въ Крыму, *сказалъ онъ*, такихъ холодовъ не бываетъ.» Это значитъ: *Онъ сказалъ, что въ Крыму такихъ холодовъ не бываетъ.*

Взаимныя отношенія отдѣльныхъ словъ выражаются посредствомъ падежей и предлоговъ. Взаимныя же отношенія предложеній выражаются посредствомъ союзовъ (въ томъ числѣ и нарѣчій, имѣющихъ силу союзовъ), и замѣняющихъ оные частей рѣчи, кои суть: мѣстоименія относительныя, причастія и дѣепричастія.

Союзы, по вышеизложенному двоякому свойству сочетанія простыхъ предложеній, должны вообще дѣлиться на *сочиняющіе* и *подчиняющіе*. Они суть: 1) *Сочиняющіе*, служащіе къ совокупленію предложеній главныхъ или придаточныхъ равностепенныхъ: *и, также, къ тому, сверхъ того; какъ, такъ; не только, но и; не, а; ни, ни; отчасти, отчасти; частію, частію; во-первыхъ, во-вторыхъ* и проч.; *или, но, однако, же; между тѣмъ, напротивъ того, притомъ, при всемъ томъ, не смотря на то, хотя, правда.* 2) *Подчиняющіе*, служащіе къ подчиненію придаточныхъ предложеній главнымъ, или второстепенныхъ придаточныхъ первостепеннымъ, суть: *ли, если, если же; если бы, то; когда, тогда; когда бъ; а какъ, потому что, дабы, чтобы, что; такъ, что.*

Нѣкоторые изъ сихъ союзовъ употребляются повторительно предъ двумя совокупляемыми предложеніями; другіе, вмѣсто повторенія имѣютъ соотвѣтствующіе имъ союзы, а именно: 1) *Повторительные* союзы: *ни, ни; отчасти, отчасти;*

частію, частію; или, или; либо, либо. 2) *Соотвѣтствующіе* между собою: *какъ, такъ; если, то; если бы, то бы; когда, тогда; когда бы, тогда бы; слишкомъ, чтобъ; столь, что; столь, сколь; чѣмъ, тѣмъ.*

Мѣстоименія относительныя, имѣющія силу союзовъ, употребляются для выраженія подчиненности придаточныхъ предложеній: *кто, что, который, кой, какой, каковой, чей.*

Причастія дѣйствительныя и страдательныя, въ отношеніи синтактическомъ, суть сокращенія, или совокупленія глаголовъ съ мѣстоименіемъ относительнымъ, которое сообщаетъ имъ силу выражать подчиненіе придаточнаго прилагательнаго предложенія: *солнце, освѣщающее землю,* вм. *солнце, которое освѣщаетъ землю.*

Дѣепричастія, въ отношеніи синтактическомъ, суть сокращенія или совокупленія глаголовъ съ союзомъ подчиняющимъ, который сообщаетъ имъ силу выражать подчиненіе придаточнаго обстоятельственнаго предложенія; напримѣръ: *мой братъ обрадовался, увидѣвъ своего друга;* вмѣсто: *мой братъ обрадовался, когда увидѣлъ своего друга.*

Теперь изложимъ способъ сочетанія предложеній.

Сочиненіе и подчиненіе предложеній выражаются въ языкѣ слѣдующими средствами.

Сочиненіе предложеній, какъ главныхъ, такъ и придаточныхъ, выражается союзами сочиняющими,

напримѣръ: «Солнце освѣщаетъ землю, *а* земля отражаетъ лучи его. Россія занимаетъ великое пространство земли: Англійская Монархія *также* довольно обширна. Петръ завоевалъ у Шведовъ Лифляндію; *сверхъ того* принудилъ онъ ихъ къ другимъ уступкамъ. Какъ солнце озаряетъ лучами своими шаръ земной, *такъ* государь милостію живитъ сердца подданныхъ. Великодушный человѣкъ *не только* не мститъ врагамъ своимъ, *но и* старается дѣлать имъ всякое добро. Добрый человѣкъ за зло воздаетъ добромъ, *но* злой платить зломъ за благотворенія. Береги время, *ибо* оно не воротится. Я *отчасти* его не понялъ, *отчасти* не дослышалъ. Спроси у него, хочетъ *ли* онъ ѣхать, *или* вознамѣрился остаться дома.»

Подчиненіе придаточныхъ существительныхъ предложеній выражается союзами: *что*, *будто* и *ли* (въ выраженіи вопросительномъ); напримѣръ: «Я знаю, *что* онъ богатъ. Многіе говорятъ, *будто* онъ уменъ. Ты знаешь, счастливъ *ли* онъ.» Если замѣняемое имя существительное употреблено было въ падежѣ косвенномъ, предъ замѣняюшимъ оное предложеніемъ существительнымъ полагается мѣстоимепіе *то* въ надлежащемъ падежѣ (иногда оно и подразумѣвается); напримѣръ: «я не зналъ *того*, что вы больны; по *тому*, что я теперь боленъ, вы не можете судить о моемъ здоровьѣ вообще; я говорю о *томъ*, что сегодня холодно,» и т. д.

Подчиненіе придаточныхъ прилагательныхъ предложеній выражается: 1. Мѣстоименіями относитель-

ными, напримѣръ: «Купецъ, *котораго* вы знаете, вчера уѣхалъ. Дѣло, *о которомъ* вы заботитесь, еще не рѣшено. Тотъ, *кто* любитъ правду, ненавидимъ порочными. То, *о чемъ* вы говорите, не очень важно. Сдѣлаю все, *что* вамъ угодно. Я купилъ книги, *какихъ* давно не имѣлъ. Не забывай того, *чьимъ* добромъ ты пользовался.» Должно отличать союзъ *что* отъ мѣстоименія *что:* первый служитъ къ подчиненію предложеній придаточныхъ существительныхъ; посредствомъ послѣдняго подчиняются предложенія прилагательныя; первый, не входя въ собственный составъ придаточнаго предложенія, никогда не измѣняется, и предложеніе, утративъ его, не лишается своего значенія (напримѣръ: *я знаю, что вы богаты; я знаю, вы богаты*); послѣднее составляетъ одну изъ существенныхъ частей придаточнаго предложенія, употребляется, по составу рѣчи, въ разныхъ падежахъ, и опущено быть не можетъ; напримѣръ: «я знаю, *что* (т. е. о чемъ) вы говорите; я слушаю все, *что* мнѣ говорятъ;» здѣсь *что* есть сказуемое придаточныхъ предложеній: «я знаю, *что* вамъ нравится; я вижу, *что* васъ безпокоитъ;» здѣсь оно есть подлежащее. Для отличенія мѣстоименія отъ союза, надъ первымъ полагается удареніе: «я вижу *что́* онъ пишетъ; я вижу, *что* онъ пишетъ письмо.» 2. Превращеніемъ относительнаго мѣстоименія и принадлежащаго къ нему глагола въ причастіе дѣйствительное или страдательное; напримѣръ: «Человѣкъ, честно *поступающій* (вмѣсто: человѣкъ, который честно по-

ступаетъ), пріобрѣтаетъ общее уваженіе. Книга, *сочиненная* моимъ пріятелямъ (вмѣсто: которая сочинена моимъ пріятелемъ), уже вышла изъ печати.»

Подчиненіе придаточныхъ обстоятельственныхъ предложеній выражается: 1. Союзами подчиняющими; напримѣръ: «Живи умѣренно, *если* хочешь жить долго. Человѣкъ ѣстъ, *чтобъ* жить, а не живетъ, *чтобы* ѣсть. Человѣкъ не знаетъ, *гдѣ* его ожидаетъ счастіе. Подумай основательно, *прежде нежели* приступишь къ дѣлу. *Чѣмъ* болѣе въ дѣлѣ трудности, *тѣмъ* пріятнѣе его исполненіе. Скажи мнѣ, *гдѣ* ты живешь. Знаешь ли, *куда* онъ пошелъ. Напиши, *зачѣмъ* ты не пріѣхалъ. Знаю, *для чего* ты не пишешь.» 2. Превращеніемъ союза и слѣдующаго за нимъ глагола въ дѣепричастіе; напримѣръ: «Онъ засмѣялся, *увидѣвъ* меня (т. е. когда меня увидѣлъ). *Приступая* къ дѣлу, подумай объ ономъ основательно (вмѣсто: когда приступаешь къ дѣлу),» и т. д.

Главныя и второстепенныя части двухъ или болѣе предложеній могутъ сливаться между собою, когда выражаемые ими предметы, качества и дѣйствія находятся въ одинаковыхъ или равныхъ отношеніяхъ. Сліяніе сіе можетъ быть двоякое: или отъ сліянія сходныхъ частей происходитъ одно предложеніе, или совокуплены два предложенія, въ которыхъ нѣкоторыя части общія; примѣръ перваго: *Остяки и Самоѣды живутъ въ Азіи*; примѣръ послѣдняго: *Остяки живутъ въ Азіи, а Финны въ Европѣ.* Въ первомъ случаѣ сходныя слова дѣйствительно сливаются въ одно; въ послѣднемъ

они упоминаются въ одномъ изъ соединенныхъ предложенiй, а въ другомъ подразумѣваются.

Слiянiя предложенiй могутъ быть слѣдующiя: Общее подлежащее, а прочiя части различныя: *Зданiе высоко и просторно. Аѳины были богаты и славны. Солнце свѣтитъ и грѣетъ.* — При общемъ подлежащемъ сходныя опредѣленiя; прочiя части различныя: *Мой братъ учится и ведетъ себя очень хорошо. Сестра ваша прекрасно пишетъ и переводитъ.* При разныхъ подлежащихъ, общее сказуемое: *Римъ и Карѳагенъ славны. Цицеронъ и Цесарь были современники. Солнце и луна свѣтятъ.* При общемъ сказуемомъ, сходны еще опредѣленiя и дополненiя: *Англiя и Францiя гордятся успѣхами въ наукахъ. Румянцовъ, Суворовъ и Кутузовъ прославились воинскими подвигами.* — Общая связка: *Кiевъ и Владимiръ были велики и славны. Иванъ богатъ, а Ѳедоръ бѣденъ. Москва была сильна, а Казань слаба.* При общей связкѣ, сходныя опредѣленiя и дополненiя: *Москва и Кiевъ не всегда были столицами Россiи.* При всѣхъ общихъ главныхъ частяхъ, разность находится въ какомъ нибудь опредѣленiи или обстоятельствѣ: *Мы купили книги: онъ русскую, а я латинскую. Сосѣдъ мой построилъ каменный заборъ, а я деревянный.*

При слiянiи предложенiй наблюдается, чтобъ сливаемыя въ одно слова, сходствовали между собою въ грамматическомъ отношенiи, то есть чтобъ они были равныя части рѣчи, находились въ одномъ числѣ, падежѣ или времени, и имѣли одинаковую управляющую силу. По сей причинѣ, не-

правильны слѣдующія предложенія: *Онъ напалъ и взялъ городъ.* Здѣсь существительное *городъ* согласовано только съ послѣднимъ глаголомъ (*взялъ*) а при первомъ (*напалъ*) нѣтъ предмета дѣйствія. Надобно сказать: *Онъ напалъ на городъ, и взялъ его. Это не ослабляетъ, и, можетъ быть, усиливаетъ впечатлѣніе.* И это не такъ. Надобно сказать: *Это не ослабляетъ впечатлѣнія, и можетъ быть еще усиливаетъ его.* Нельзя оставлять одного существительнаго, когда одинъ глаголъ требуетъ его въ родительномъ, а другой въ винительномъ падежѣ. Хорошо ли это: *Дѣвица играла на арфѣ, а братъ ея на скрипкѣ,* т. е. *братъ играла? — Бумага продается дорого, а перья дешево.* — Перья не продается, а *продаются.* — Если предъидущій глаголъ употребленъ въ множественномъ числѣ, послѣдующій можетъ быть оставленъ въ единственномъ: онъ какъ бы заключается въ предъидущемъ: *Книги и картины проданы дорого, а статуя дешево.* Различіе лица также можетъ не быть принимаемо въ разсужденіе: *Я говорю о книгахъ, а ты о картинахъ.* Еще должно обращать вниманіе на то, которая часть предложенія слита, и которая отдѣлена. Напримѣръ, можно сказать: *Они не сражались, а рѣзались.* Но можно ли говорить: *Они не сражались мечами, а копьями.* Нѣтъ: *Они сражались не мечами, а копьями.* При сліяніи предложеній, въ которыхъ, при общихъ главныхъ частяхъ, разность находится только въ опредѣленіи или обстоятельствѣ которой либо части, должно замѣтить, что во второмъ предложеніи имя су-

ществительное, можетъ быть опущено, можетъ быть выражено прилагательнымъ, мѣстоименіемъ и т. п., только не въ родительномъ падежѣ. Напримѣръ, можно сказать: *Въ его книгѣ десять листовъ, а въ моей пять*, но позволительно ли: *Въ моей книгѣ десять листовъ, а въ его пять? На одномъ столѣ бутылка пива, а на другомъ вина?* Если же тутъ не родительный падежъ, то сліяніе это позволительно: *На одномъ столѣ бутылка съ пивомъ, а на другомъ съ виномъ.*

Придаточныя предложенія могутъ сокращаться, т. е. переходить въ ту часть рѣчи, которую они замѣняютъ; напримѣръ, въ существительномъ: вмѣсто: «Онъ обѣщалъ мнѣ, *что прійдетъ завтра*,» можно сказать: «Онъ обѣщалъ мнѣ *прійти завтра*.» Прилагательное можетъ превратиться въ приложеніе: «Александръ, *который былъ величайшимъ полководцемъ своего времени*, завоевалъ Персію. Александръ, *величайшій полководецъ своего времени*, завоевалъ Персію.» Прилагательное предложеніе, составленное при помощи мѣстоименія относительнаго *который*, превращается въ причастіе: «Писатель, *который принесъ пользу своимъ ближнимъ*, пользуется общимъ уваженіемъ. — Писатель, *принесшій пользу своимъ ближнимъ*, пользуется общимъ уваженіемъ.» Должно избѣгать стеченія придаточныхъ предложеній, изъ которыхъ одно сокращено, а другое оставлено въ первоначальномъ видѣ; напримѣръ: *Люди, занимающіеся науками, и для которыхъ нѣтъ другаго наслажденія*, или *Книги, сочиненныя моимъ пріятелемъ, и которыхъ онъ*

не продалъ. Должно непремѣнно согласовать оба случая: *Люди, занимающіеся науками, и незнающіе другаго наслажденія. Книги, сочиненныя моимъ пріятелемъ и еще имъ не проданныя.*

Въ обстоятельственныхъ придаточныхъ предложеніяхъ, глаголъ превращается въ дѣепричастіе; напримѣръ: «*Когда я узналъ о вашемъ пріѣздѣ*, поспѣшилъ посѣтить васъ. *Узнавъ о вашемъ пріѣздѣ*, я поспѣшилъ посѣтить васъ. Если *желаете* мнѣ добра, то не слишкомъ много обо мнѣ толкуйте. *Желая* мнѣ добра, не толкуйте обо мнѣ слишкомъ много. *Если желаете пріобрѣсть уваженіе и любовь*, то поступайте честно и благородно. *Желая пріобрѣсть уваженіе и любовь*, поступайте честно и благородно.» При семъ измѣненіи глаголовъ въ дѣепричастія наблюдается одно важное, необходимое правило: подлежащее дѣепричастія и подлежащее глагола, непремѣнно должно быть одно и то же; напримѣръ: *Петръ Великій, желая просвѣтить своихъ подданныхъ, самъ занялся науками.* Здѣсь дѣепричастіе *желая*, и глаголъ *занялся* имѣютъ одно и то же подлежащее, *Петръ*. Въ предложеніи: *Солнце, освѣщая землю, плодотворитъ ее*, дѣепричастіе *освѣщая* и глаголъ *плодотворитъ* имѣютъ одно и то же подлежащее, *солнце*. Но слѣдующія слiянія неправильны: *Странникъ, пустившись въ путь вечеромъ, ночь настигла его на дорогѣ. Лошадь, бросившись въ сторону, собака ее укусила. Стоя на холмѣ, глаза мои наслаждаются прекрасною картиною.* Это значитъ, что глаза мои стоятъ на холмѣ, и наслаждаются пре-

красною картиною. По этой же причинѣ не могутъ быть превращены въ дѣепричастія тѣ изъ придаточныхъ предложеній, которыя присовокуплены къ главнымъ, имѣющимъ при подлежащемъ глаголы или нарѣчія, требующія дательнаго падежа. Нельзя сказать: *Смотря на васъ, мнѣ кажется, что вы нездоровы. Играя въ карты, можно потерять здоровье. Зная грамматику, не позволительно ошибаться. Мнѣ жаль, видя, какъ вы страждете*. Въ этомъ случаѣ должно превращать дательные падежи въ именительные. Но если при глаголѣ находится одно отдѣльное дѣепричастіе безъ дополненія, имѣющее силу нарѣчія, позволительно оставлять его при неокончательномъ наклоненіи, сочетаемомъ съ дательнымъ падежемъ, напримѣръ: *разгорячась, пить опасно*.

II

Если бъ я предположилъ прочитать полный курсъ Словесности, ея теорію съ практическимъ приложеніемъ, то былъ бы обязанъ пройти непремѣнно всѣ роды произведеній литературы въ строгомъ порядкѣ, изложить ихъ правила вообще и въ частности, и потомъ показать, какіе успѣхи въ которомъ родѣ оказаны писателями русскими, и до какой степени они сравнялись съ своими предшественниками и образцами, но, къ счастію моему, и вѣроятно, также къ счастію моихъ слушателей, кругъ Чтеній моихъ съ одной стороны стѣсненъ пятнадцатью бесѣдами, и не позволяетъ мнѣ слишкомъ распространяться; съ другой сто-

роны, я не обязанъ говорить непремѣнно *обо всѣхъ* отрасляхъ словесности: я взялся указать на лучшія произведенія нашей литературы, и оправдать мнѣнія мои объ нихъ доводами и примѣрами. По сей причинѣ оставляю я въ сторонѣ и дидактическія, и описательныя поэмы, и идилліи, и эклоги, и заключаю, въ нынѣшнемъ моемъ Чтеніи, обзоръ произведеній Русской Поэзіи сказками и баснями. Если я, при разсмотрѣніи другихъ отраслей поэзіи, иногда останавливался и призадумывался, не зная, съ чего начать и чѣмъ кончить, не зная, дѣйствительно ли попаду въ настоящую точку, то въ нынѣшнемъ моемъ Чтеніи не чувствую этого опасенія. Въ этихъ родахъ имѣемъ мы творенія, которыя смѣло можемъ противопоставить образцовымъ произведеніямъ всѣхъ литературъ, древнихъ и новыхъ.

Сказка есть отрасль поэзіи эпической. Какъ пѣсня предшествовала одѣ, такъ сказка родилась прежде эпопеи. Здѣсь мы должны сдѣлать различіе между сказаніемъ, или преданіемъ, и собственною сказкою. Преданіе, или сага, есть разсказъ объ истинномъ происшествіи, разцвѣченный отъ времени или по страсти людей къ чудесному и необыкновенному, вымыслами и прибавками. Это разукрашенная, разряженная, нарумяненная Исторія. Сказка же есть чистый вымыселъ, иногда основанный на дѣйствительномъ происшествіи, но не выдающій его за правду, между тѣмъ, какъ сага передаетъ и вымыслы свои за истинныя событія. Нѣтъ сомнѣнія, что сказки изобрѣтены

людьми для того, чтобъ *въ чародѣйствѣ красныхъ вымысловъ* позабыть тревоги и заботы жизни и истины, изъ міра существеннаго, преисполненнаго страданій и лишеній, на короткое время переселиться въ свѣтлую обитель фантазіи и мечтаній. Сказки современны міру, и являются намъ впервые въ Азіи, колыбели рода человѣческаго. Люди не терпятъ лжи, которую выдаютъ имъ за правду, въ намѣреніи нанести имъ вредъ, но вообще любятъ выдумки, которыя похожи на правду, и не имѣютъ ея требованій. Въ глубокой древности сказка сливалась съ баснею, а нынѣ имѣетъ большое сродство съ повѣстью прозаическою. Но басня есть аллегорическое выраженіе какой либо мысли нравоучительной или сатирической. Повѣсть прозаическая есть небольшой романъ, или разсказъ о какомъ нибудь отдѣльномъ происшествіи въ жизни человѣка. Сказка есть вымышленный разсказъ о чемъ угодно: она бываетъ серіозная, комическая, сатирическая; изображаетъ жизнь и дѣйствія фей, духовъ, описываетъ невозможныя существа и несбыточныя происшествія; наставляетъ насъ уроками нравственности, изображая нравы и жизнь людей. Слогъ сказки такъ же разнообразенъ. Сообразуясь съ предметомъ ея и цѣлію, сказку писали и въ прозѣ, и въ стихахъ всякаго размѣра. Знаменитѣйшіе писатели занимались этимъ родомъ, и всѣ націи имѣли своихъ сказочниковъ. Повторяю, что я отдѣляю здѣсь отъ собственныхъ вымышленныхъ сказокъ саги, или преданія историческія, о которыхъ говорилъ въ одиннадцатомъ

чтенiи, излагая исторiю и свойство поэмы эпической.

У Грековъ были сказки милезiйскiя, но онѣ до насъ не дошли. Знаемъ только, что онѣ состояли изъ коротенькихъ, остроумныхъ, не всегда нравоучительныхъ разсказовъ, написанныхъ прекраснымъ слогомъ. Полагаютъ, что эти произведенiя древности истреблены законоучителями Христiанства, водворявшими повсюду благочестiе и строгость нравовъ. Өеагенъ и Хариклея и пастушеская поэма Лонга остались у насъ образцами сказокъ греческихъ. Донынѣ охота къ росказнямъ существуетъ въ Грецiи: всѣ путешественники пишутъ о тамошнихъ сказочницахъ, которыя сказками коротаютъ дневную свою работу. Въ Римѣ сказки не были въ почетѣ: до насъ дошли немногiя сказки латинскiя, да и тѣ почти всѣ миөологическiя. Не въ Грецiи и не въ Римѣ, а на Востокѣ должно искать начала сказки. Древнѣйшiй сказочникъ въ мiрѣ есть Локманъ, родомъ Нубiецъ или Эөiоплянинъ, современникъ Царя Соломона. Въ собранiи басень, приписываемымъ ему Аравитянами, есть нѣсколько сказокъ. Другой сказочникъ, Бидпай, или Пильпай, индѣйскiй браминъ, жилъ, по всей вѣроятности, въ III вѣкѣ, въ царствованiе неизвѣстнаго государя, и прославился своими сказками, которыя были переведены на персидскiй языкъ, въ царствованiе Хозроя, и потомъ на арабскiй, во время Харунъ-Аль-Рашида. На турецкiй языкъ перевели ихъ для Султана Солимана II. Такимъ образомъ распро-

странились сказки по всему Востоку: каждая страна, присвоивая себѣ чужіе разсказы, прибавляла къ нимъ и свои собственные. Въ Европѣ эти сказки извѣстны, въ переводѣ съ арабскаго, подъ именемъ Тысячи одной Ночи. Потомъ перевели Тысячу одинъ День, сказки персидскія. Затѣмъ появились другія сказки, индѣйскія, арабскія и персидскія, Гюлистанъ и Багаристанъ, Саади, повѣсти мудраго Калеба, исторія султанши и сорока визирей, сказки турецкія, сочиненныя шейкомъ Заде, наставникомъ Амурата II. Всѣ эти сказки, особенно Тысяча одна Ночь, имѣютъ то достоинство, что въ точности изображаютъ намъ нравы и обычаи народовъ Востока, и свидѣтельствуютъ о богатствѣ и пылкости ихъ воображенія. И дѣйствительно, нигдѣ сказки не находятся въ такомъ уваженіи, какъ на Востокѣ. Въ Египтѣ, напримѣръ, халифы устроили въ общенародной больницѣ особыя комнаты, въ которыхъ музыканты и сказочники облегчали болѣзнь людей, страдавшихъ задумчивостію и безсонницею. И какъ не дорожить удовольствіемъ, которымъ можете наслаждаться, дѣлая кейфъ на мягкомъ коврѣ, и не выпуская изо рту трубки! Не столько красота наружная возвышаетъ цѣну раба на турецкихъ рынкахъ, какъ умѣнье его сказывать сказки. Въ кофейняхъ, въ баняхъ, въ каравансераяхъ, одинъ изъ присутствующихъ вдругъ начинаетъ повѣсть: всѣ прочіе, въ благоговѣйномъ молчаніи, прикорнувъ вокругъ краснобая, слушаютъ его, едва смѣя пускать дымъ изъ трубокъ. Эти сказки или повто-

ряются съ глубокой древности, или сочиняются вновь. Г. Марсель, бывшій при Бонапартѣ въ египетскомъ походѣ, собралъ и напечаталъ въ переводѣ новыя восточныя сказки каирскаго уроженца, шейка эль-Моди. — Въ Китаѣ существуютъ тысячи и тысячи сказокъ. Французскіе миссіонеры перевели изъ нихъ драгоцѣнныя изображенія тамошнихъ нравовъ, дѣтской любви, вѣрности, благотворительности. Сверхъ того есть въ Китаѣ сказки самыя безнравственныя; онѣ написаны прозою, смѣшанною со стихами.

Охота къ сказкамъ господствуютъ и въ Африкѣ. У нѣкоторыхъ негритянскихъ поколѣній, отецъ выбираетъ въ мужья своей дочери того изъ жениховъ, который лучше другихъ умѣетъ позабавить пирующихъ сказками. Продавцы негровъ утверждаютъ, что эти несчастные легче сносятъ злую свою участь и умираютъ гораздо въ меньшемъ числѣ, когда на кораблѣ случится искусный разскащикъ. — Гуроны, Ирокезы и другіе дикари Сѣверной Америки нерѣдко проводятъ цѣлыя ночи, слушая разсказы о случаяхъ единообразной звѣроловной жизни, вовсе незанимательные для Европейцевъ.

Народы Европы не уступаютъ въ этомъ жителямъ Востока: у всѣхъ существуютъ сказки, сочиненныя ими самими, или заимствованныя у сосѣдей, иногда у народовъ весьма отдаленныхъ. Въ Испаніи уже въ XII вѣкѣ существовало множество сказокъ нравоучительныхъ, забавныхъ, сатирическихъ и безнравственныхъ. Въ Италіи сказ-

ки являлись во множествѣ: въ числѣ ихъ занимаютъ первое мѣсто повѣсти Бокаччія, заимствованныя имъ изъ старинныхъ разсказовъ. Онъ имѣлъ множество послѣдователей и подражателей.

Во Франціи существовали сказки издревле. Вторженіе Мавровъ въ Испанію и Крестовые Походы обогатили Французовъ повѣствованіями и вымыслами Востока. Изъ старинныхъ преданій норманскихъ, изъ разсказовъ объ Англійскомъ Королѣ Артусѣ, и о рыцаряхъ Круглаго Стола родился романъ. Грамота была тогда не въ общемъ употребленіи. Рукописи были рѣдки. Сказки и повѣсти переходили изъ рода въ родъ изустно, и для облегченія памяти, облекались въ размѣръ и риѳмы. Въ теченіе времени число повѣстей и сказокъ всякаго рода расплодилось во Франціи до чрезвычайности: онѣ переходили оттуда и въ другія страны, въ Англію, Германію, и принимали чужія формы. Сказка о Странствующемъ Жидѣ, о Раулѣ Синей Бородѣ извѣстны во всей Европѣ. Мѣсто восточныхъ пери, заняли на Западѣ феи, колдуньи, вѣдьмы и чародѣи, исполины и карлы, вампиры и летучіе змѣи. Въ рыцарскихъ сказкахъ описывались сраженія, осады и турниры; въ другихъ изображались бѣдствія обманутыхъ мужей и невоздержныхъ монаховъ. Сказки Бокаччія, переведенныя на французскій языкъ, имѣли успѣхъ чрезвычайный, и породили множество подражаній. Сестра Короля Франциска I, Маргарита Наваррская, сочинила сказки, въ которыхъ видны волокитство и развратъ всѣхъ сословій тогдашня-

го вѣка. И эти сказки опредѣлили характеръ последовавшихъ французскихъ сказокъ въ стихахъ (contes en vers), отъ которыхъ должно отличать собственно прозаическія повѣсти, (nouvelles), или малые романы. Знаменитѣйшій въ этомъ родѣ писатель во Франціи былъ Лафонтенъ; онъ употребилъ притомъ во зло первостепенный свой талантъ: его сказки отличаются прелестью разсказа, и неблагопристойностью содержанія. — Англичане и Нѣмцы подражали Италіянцамъ и Французамъ, и имѣютъ нѣсколько отличныхъ сказочниковъ, но болѣе въ прозѣ, въ родѣ повѣсти, о которой мы будемъ говорить впредь.

Въ Чтеніи о поэзіи эпической мы говорили о нашихъ народныхъ русскихъ сказкахъ, и о неудачныхъ имъ подражаніяхъ. Въ Россіи были, какъ на Востокѣ, сказки и сказочники. Еще не далеко то время, что Тарасъ Скотининъ и подобные ему не могли заснуть безъ сказокъ, которыя разсказывалъ имъ выборной деревенскій. Но эти сказки у насъ не изданы надлежащимъ образомъ, и мало по малу пропадаютъ. Не имѣя возможности, по недостатку хорошихъ примѣровъ, представить нашимъ читателямъ что либо оригинальное въ этомъ родѣ изъ русской старины, мы должны ограничиться исчисленіемъ новыхъ произведеній, порожденныхъ подражаніемъ образцамъ иностраннымъ. Лучшія, и, можно сказать, единственныя сказки въ стихахъ написаны у насъ Дмитріевымъ. Его *Модная Жена*, *Воздушные Замки*, *Причудница*, не имѣли у насъ ни образцевъ, ни удачныхъ по-

дражаній. Слогъ простой, но пріятный, затѣйливый, игривый, умѣренность въ подробностяхъ, натуральность разговора, умъ, веселость, и наконецъ легкіе, прекрасные стихи — все даетъ сказкамъ Дмитріева право на первое мѣсто въ нашей литературѣ. Въ другихъ родахъ словесности его превзошли: въ этомъ онъ остался единственнымъ. У насъ писалъ сказки одинъ литераторъ умный и даровитый, Панкратій Сумароковъ, но его произведенія не могутъ стать наряду съ сочиненіями Дмитріева. Въ нихъ есть отдѣльныя остроты, забавныя мысли, счастливые стихи, но нѣтъ ни одного цѣлаго разсказа, обработаннаго отчетисто и художественно. Батюшковъ написалъ одну сказку: *Странствователь и домосѣдъ*, въ которой мысли вѣрныя, стихи прекрасные, но нѣтъ той прелести разсказа, которой мы требуемъ отъ сказокъ. Ограничимся чтеніемъ примѣровъ изъ Дмитріева.

Готовясь описывать чудеса волшебства, онъ призываетъ тѣнь лжеца:

О, если бы возсталъ изъ гроба ты въ сей часъ,
Драгунскій витязь мой, о ротмистръ Брамербасъ,
Ты, бывшій столько лѣтъ въ малороссійскомъ краѣ
Игралищемъ злыхъ вѣдьмъ!... Я помню, какъ во снѣ,
Что ты разсказывалъ еще ребенку мнѣ,
Какъ вѣдьма нѣкая въ сараѣ,
Оборотя тебя въ драгунскаго коня,
Гуляла на хребтѣ твоемъ до полуночи,
Доколѣ ты уже не выбился изъ мочи.
Какимъ ты ужасомъ разилъ тогда меня!
Съ какой бывало ты разсказывалъ размашкой,

Въ колетѣ вохряномъ и въ длинныхъ сапогахъ,
За круглымъ столикомъ, дрожащимъ съ чайной чаш-
кой!
Какой огонь тогда пылалъ въ твоихъ глазахъ!
Какъ волосы твои, сѣдые съ желтизною,
Въ природной простотѣ взвѣвали по плечамъ!
Съ какимъ безмолвіемъ ты былъ внимаемъ мною!
Въ подобномъ твоему я страхѣ былъ и самъ,
Стоялъ какъ вкопанный, тебя глазами мѣрилъ,
И что ужъ ты не конь... еще тому не вѣрилъ!
О если бы теперь ты, витязь мой, воскресъ,
Я бъ смѣлый былъ пѣвецъ неслыханныхъ чудесъ!
Не сталъ бы истину я закрывать подъ маску —
Но, ахъ! тебя ужъ нѣтъ, и быль идетъ за сказку.

А эти мечтанія Альнаскара:

Во дни иль самого Могола,
Или наслѣдника его престола,
Не знаю, города какого мѣщанинъ,
У коего дѣтей — одинъ былъ только сынъ,
Жилъ, жилъ, и наконецъ, по постоянной модѣ,
Послѣдній отдалъ долгъ, какъ говорятъ, природѣ,
Оставя сыну домъ,
Да денегъ съ сотню драхмъ, не болѣ.
Сынъ, проводя отца на общее всѣмъ поле,
Поплакалъ, погрустилъ; потомъ
Сталъ думать и о томъ,
Какъ жить своимъ умомъ.
«Дай, говоритъ, куплю посуды я хрустальной
На всю мою казну,
И ею торговать начну.
Сначала въ малый торгъ, а тамъ — авось и въ даль-
ной!»
Сказалъ, и сдѣлалъ такъ; купилъ себѣ лубковъ,

Построилъ лавочку, потомъ купилъ тарелокъ,
Чашъ, чашекъ, чашечекъ, кувшиновъ, пузырьковъ,
Бутылей, мало ли какихъ еще бездѣлокъ —
Все, все изъ хрусталя — Склалъ въ коробъ весь товаръ,
И въ лавкѣ на полу поставилъ,
А самъ хозяинъ, Альнаскаръ,
Ко стѣнкѣ прислонясь, глаза свои уставилъ
На коробъ, и съ собой вслухъ началъ разсуждать:
«Теперь, онъ говоритъ, и Альнаскаръ купчина!
И Альнаскаръ пошелъ на стать!
Надежда, счастіе и будуща судьбина,
Иль лучше, вся моя казна
Здѣсь въ коробѣ погребена.
Вотъ вздоръ какой мелю! Погребена? пустое!
Она плодится въ немъ, и вѣрно черезъ годъ
Прибудетъ съ барышемъ по крайней мѣрѣ вдвое.
Двѣ сотни — хоть куда изрядненькій доходъ!
На нихъ... еще куплю посуды; лучше тише —
И черезъ годъ еще двѣ сотни зашибу,
И также въ коробъ погребу.
И такъ годъ отъ году все выше, выше, выше,
Могу я, наконецъ, ужъ быть и въ десяти,
И болѣе. — Тогда скажу моимъ товарамъ
Съ признательною къ нимъ улыбкою: прости!
И буду... ювелиръ! Боярынямъ, боярамъ
Начну я продавать алмазы, изумрудъ,
Лазурь и яхонты, и... и — всего не вспомню!
Короче: золотомъ наполню
Не только лавку, цѣлый прудъ.
Тогда-то Альнаскаръ весь разумъ свой покажетъ!
Накупитъ лошадей, невольницъ, дачъ, садовъ,
Евнуховъ и домовъ,

И дружбу свяжетъ
Съ знатнѣйшими людьми:
Ихъ дружба лишь на взглядъ спесива.
Нѣтъ! только кланяйся, да хорошо корми,
Такъ и полюбишься — она не прихотлива.
А у меня тогда
Всѣ тропки поростутъ персидскимъ виноградомъ;
Шербетъ польется какъ вода;
Фонтаны брызнутъ лимонадомъ,
И масло розово къ услугамъ всѣхъ гостей.
А о столѣ уже ни слова:
Я только то скажу, что нѣтъ такихъ затѣй,
Нѣтъ въ свѣтѣ кушанья такого,
Какого у меня не будетъ за столомъ;
И мой великолѣпный домъ
Храмъ будетъ роскоши для всѣхъ, кто мнѣ любезенъ,
Иль властію своей полезенъ;
Всѣхъ буду угощать: пашей, наложницъ ихъ,
Плясавицъ, плясуновъ и кадіевъ лихихъ —
Визирскихъ подлипалъ — и такъ умомъ, трудами,
А болѣ съ знатными водяся господами,
Легко могу войти въ чины и въ знатный бракъ...
Прекрасно! точно такъ!
Вдругъ гряну къ визирю, который красотою
Земиры дочери по Азіи гремитъ;
Скажу ему: «вступи въ родство со мною;
Будь тесть мой!» Если онъ хоть чуть зашевелитъ
Противное губами,
Я вспыхну, и тогда прощайся онъ съ усами!
Но, нѣтъ! визирска дочь такъ вѣрно мнѣ жена,
Какъ на небѣ луна.
И я, по свадебномъ обрядѣ,
На утро, въ праздничномъ нарядѣ,

Весь въ камняхъ, въ жемчугѣ и въ златѣ, какъ въ огнѣ,
Поѣду избочась и гордо на конѣ,
Котораго чапракъ съ жемчужной бахрамою
Унизанъ бирюзою,
Въ домъ къ тестю визирю. За мной и предо мною
Потянутся мои евнухи по два въ рядъ.
Визирь, еще вдали завидя мой нарядъ,
Ужъ на крыльцѣ меня встрѣчаетъ,
И, въ комнаты введя, сажаетъ
По праву руку на диванъ
Среди куреній благовонныхъ.
Я сѣвши, важно, какъ султанъ
Скажу ему: «Визирь! вотъ тысяча червонныхъ!»
И на конѣ стрѣлой къ Земирѣ полечу.
День этотъ будетъ днемъ любви и ликованій,
А завтра.... о восторгъ! о верхъ моихъ желаній!
Лишь солнце выпрыгнетъ изъ водъ,
Вдругъ пробуждаюсь я отъ радостнаго клика,
И слышу: весь народъ,
Отъ мала до велика,
Толпами приваля на дворъ,
Кричитъ, составя хоръ:
«Да здравствуетъ супругъ Земиры!»
А въ залѣ знатность: сераскиры,
Паши и прочіе стоятъ,
И ждутъ, когда войти съ поклономъ имъ велятъ.
Я всѣхъ ихъ допустить къ себѣ повелѣваю,
И тутъ-то важну роль вельможи начинаю:
У одного я руку жму,
Съ другимъ вступаю въ разговоры;
На третьяго взгляну, да и спиной къ нему.
А на тебя, Абдулъ, бросаю звѣрски взоры!

Раскаешься тогда, сѣдой прелюбодѣй,
Что разлучилъ меня съ Фатимою моей,
  Съ которой около трехъ дней
  Я жилъ душею въ душу!
  О! я уже тебя не трушу.
  А! ты передо мной дрожишь,
Блѣднѣешь, падаешь, прахъ ногъ моихъ цѣлуешь —
Помилуй, позабудь прошедшее! жужжишь...
Но нѣтъ прощенія! лишь пуще кровь взволнуешь;
И я, уже владѣть не въ силахъ ставъ собой,
Ну по щекамъ тебя, по правой, по другой!
Пинками!»... И въ жару восторга нашъ мечтатель,
Визирскій гордый зять, Земиры обладатель,
Ногою въ коробъ толкъ: тотъ на бокъ, а хрусталь
Запрыгалъ, зазвенѣлъ и — въ дребезги разбился! —
И такъ, мои друзья, хоть жаль, хотя не жаль,
Но бѣдный Альнаскаръ — что дѣлать! — разженился.

Перейдемъ къ Баснѣ.

Латинское слово fabula, отъ слова fari говорить, fabulari, разсказывать, русское *басня,* отъ глагола *баять,* есть вымышленный разсказъ, или цѣпь такихъ разсказовъ. Въ этомъ значеніи, какъ мы уже говорили, сказка и басня принадлежатъ глубочайшей древности. Сначала всѣ роды повѣствованія смѣшивались въ одномъ: потомъ они раздѣлились на сказку, или сагу историческую или миѳологическую, на сказку, вымышленную для забавы воображенія, и на собственную басню, апологъ или притчу, небольшой разсказъ, имѣющій цѣлію изложеніе какой либо истины или урока.

Правила басни составлены были Аристотелемъ. Онъ утверждалъ, что въ баснѣ должны дѣйствовать только животныя, а не люди, не безжизненныя существа. Позднѣйшіе писатели отринули это правило, и не безъ основанія. Если говоритъ левъ, сова, лягушка; почему не говорить рѣкѣ, горѣ, дереву? Главное правило всѣхъ теоретиковъ состоитъ въ томъ, что басня должна заключать въ себѣ урокъ, нравоученіе: она существенно поэма символическая. Эпическая поэма, трагедія, комедія могутъ имѣть цѣль поучительную, но она въ нихъ не необходима. Басня же безъ нравоученія не басня. Сказываютъ, что одинъ великій математикъ, прочитавъ хваленый сонетъ, спросилъ: а что этимъ доказывается? — Если бъ онъ то же спросилъ о баснѣ, то былъ бы совершенно правъ. На волю баснописца предоставляется или высказать этотъ урокъ въ началѣ, въ концѣ и даже въ срединѣ басни, или предоставить выводъ его собственному размышленію читателя. Въ баснѣ различаютъ содержаніе и разсказъ. Содержаніе, заключающее въ себѣ дѣйствіе и нравоученіе басни, или вымышляется самимъ авторомъ, или заимствуется имъ у другаго. Въ немъ должны быть единство, и натуральное послѣдствіе нравоученія изъ дѣйствія. Сверхъ того басня должна быть правдоподобна. Животныя и другія дѣйствующія въ ней лица должны сохранять свои нравы, привычки, принадлежащія имъ страсти, дѣйствительно или условно: левъ великодушенъ, оселъ глупъ, лисица хитра, волкъ жаденъ и золъ, собака вѣрна. Одинъ изъ нашихъ

баснописцевъ вывелъ на сцену добродушнаго тигра! Самъ Лафонтенъ впалъ въ большую ошибку, заставивъ льва влюбиться не въ львицу, а въ молоденькую дѣвушку. Звѣри и другія лица басни, не люди, смѣютъ только говорить, но дѣйствуютъ по своей природѣ: они не смѣютъ ни улыбаться, ни хохотать, ни одѣваться, ни читать, ни писать. Объемъ басни предоставляется на волю поэта: есть басни, состоящія изъ четверостишія; другія занимаютъ нѣсколько страницъ. Басни пишутся иногда прозою, но преимущественно стихами, обыкновенно вольными, то есть такими, въ которыхъ стихи состоятъ изъ неравнаго числа стопъ. Все это свойства и примѣты наружныя, преходящія, не существенныя. Главное въ баснѣ разсказъ. Содержаніе ея, какъ сказано, можетъ быть заимствовано у другаго писателя, но разсказъ долженъ быть созданъ поэтомъ; онъ составляетъ его характеръ, силу и славу. Разсказъ въ баснѣ, какъ слогъ въ прозѣ, есть вещь неуловимая, неопредѣлимая, дѣйствіе способности, дара, силы душевной, которой нельзя ни дать, ни взять.

Первыя басни родились на Востокѣ. Истина не дерзала являться предъ владыками древности во всей наготѣ своей: она одѣлась покровомъ притчи: пламенное воображеніе соткало этотъ покровъ изъ цвѣтовъ радужныхъ. Мы упоминали о восточныхъ сказочникахъ, Локманѣ и Пильпаѣ. Притчи послѣдняго считаются въ Индіи современными брахманской миѳологіи. Народъ іудейскій, съ своей стороны, первенствуетъ притчами въ своихъ священ-

ныхъ книгахъ. Какъ разительна и трогательна притча о убогомъ и его агницѣ, разсказанная Пророкомъ Наѳаномъ Царю Давиду, отнявшему жену и жизнь Уріи. «У богатаго были стада и многіе буйволы. У убогаго не было ничего, только одна бѣдная агница, которую онъ купилъ и воспиталъ и выростилъ съ дѣтьми своими; она ѣла отъ хлѣба его, пила изъ чаши его, спала на лонѣ его, была ему дочерью. И пришелъ нѣкто съ пути къ мужу богатому; богачъ не хотѣлъ взять на обѣдъ путнику отъ стадъ и отъ буйволицъ своихъ, а взялъ агницу убогаго, и уготовалъ ее на обѣдъ пришедшему.» Сильный урокъ сразилъ Давида: наказаніе Божіе постигло его.

У Грековъ былъ одинъ баснописецъ, Эзопъ, лице едва ли не баснословное, которому приписываютъ разныя дѣянія и приключенія, принадлежавшія, вѣроятно, многимъ, а можетъ быть и совершенно вымышленныя. Какъ въ поэмахъ Гомера осталось намъ олицетвореніе Греціи геройской, такъ въ притчахъ Эзопа видимъ Грецію нравоучительную и философскую. Притчи Эзоповы, сочиненныя въ прозѣ, ходили въ Греціи, какъ пословицы, изъ устъ въ уста, и перешли къ дальнѣйшему потомству. Онѣ послужили образцемъ всѣмъ послѣдовавшимъ баснописцамъ своею краткостью и простотою, отличительными чертами басни. Изъ римскихъ баснописцевъ знаменитъ Федръ, уроженецъ ѳракійскій, рабъ Августа, освобожденный императоромъ. Онъ сочинилъ пять книгъ басень въ стихахъ, слогомъ чистымъ и изящнымъ;

въ нѣкоторыхъ подражалъ Эзопу, другія вымыслилъ самъ. Басни Федра отысканы были не прежде конца XVI вѣка, и потому нѣкоторые критики сомнѣваются, точно ли онъ писалъ ихъ, и полагаютъ, что онѣ сочинены гораздо позже.

Замѣчено, и очень справедливо, что характеръ вѣка и народа отсвѣчивается въ басняхъ Эзопа и Федра. У Грека Эзопа главною чертою его времени и мѣста рожденія является хитрость. Первое лице у него лисица. Федръ жилъ во время Тиберія и другихъ, подобныхъ ему, когда корыстолюбіе сдѣлалось господствующею страстью въ Римѣ, и онъ чаще всего намѣкаетъ на эту особенность вѣка.

Первый баснописецъ новыхъ временъ есть Французъ Жанъ де Лафонтенъ, умершій въ 1695 году, на семьдесятъ четвертомъ году отъ роду, за кротость души своей прозванный добрякомъ, le bon homme, а за обиліе прекрасныхъ плодовъ его генія, получившій наименованіе *басенника*, fablier, т. е. дерева, приносящаго басни, какъ яблонь, pommier, вишня cerisier. Онъ писалъ басни, по природному внушенію своего таланта, какъ дерево приноситъ плоды, самъ того не зная, и не имѣлъ во Франціи побѣдителей. Достоинство и превосходство Лафонтена признаны всѣмъ свѣтомъ. Произведенія Корнеля, Расина, Моліера, Буало подвергаются критикѣ иностранцевъ, оспоривающихъ у нихъ права на оригинальность и поэтическое достоинство, но о Лафонтенѣ нѣтъ спору. Его читаютъ, учатъ наи-

зустъ, переводятъ, толкуютъ, имъ восхищаются донынѣ и писатели и читатели всѣхъ народовъ. Счастливыми его послѣдователями были Оберъ и Флоріанъ, въ новѣйшее время Арно. — Испанія и Италія не имѣютъ знаменитыхъ баснописцевъ. У Англичанъ славится Ге, котораго упрекаютъ въ неестественности и невѣроятности; изъ Нѣмцевъ Геллертъ, Лессингъ и Пфеффель, но они не имѣютъ легкости и непринужденности Лафонтена.

У насъ, въ Россіи, поле басни воздѣлывается издавна, и очень счастливо. Въ этомъ родѣ поэзіи мы можемъ поспорить съ другими націями, и едва ли рѣшимся уступить даже Французамъ.

Первый началъ писать у насъ басни Сумароковъ, и, должно сказать, съ удивительнымъ по тому времени успѣхомъ. Тогда была въ модѣ высокопарность, напыщенность слога: онъ старался быть краткимъ и естественнымъ. Нѣкоторые критики наши ставили его не только наравнѣ съ Лафонтеномъ, но и гораздо выше, укоряя публику, что она забываетъ Сумарокова, между тѣмъ, какъ Лафонтенъ все въ чести у Французовъ. Это несправедливо. Въ произведеніяхъ поэзіи слогъ дѣло великое, если не главное, и этимъ неподражаемымъ достоинствомъ держатся басни Лафонтена. Слогъ Сумарокова не могъ удержаться въ публикѣ. Мы читали, учили, его басни за неимѣніемъ лучшихъ, потомъ стали къ нимъ охладѣвать, и наконецъ, когда явились новые, лучшіе баснописцы, совершенно ихъ забыли. Къ тому должно прибавить безвкусіе Сумарокова, низость и

даже неблагопристойность его прибауток. Публика рѣдко бываетъ несправедлива къ писателямъ; потомство же почти всегда къ нимъ правосудно. Видя славившагося въ свое время писателя, погруженнымъ въ забвеніе, мы не должны винить нынѣшнихъ читателей: должно отыскать тому причины, и онѣ почти всегда достаточны. Мы не въ правѣ обременять память его укоризнами и насмѣшками, ибо онъ дѣлалъ *что* могъ и *какъ* могъ, но и не смѣемъ называть его изящнымъ и образцовымъ, вопреки убѣжденію, истинѣ и приговору неумолимаго потомства. Вымысла у Сумарокова не было: онъ большую часть басень перевелъ изъ Лафонтена и Эзопа; слѣдственно оставался на его долю одинъ разсказъ. Судите о томъ по одной изъ лучшихъ его басень.

Яйцо.

Когда снѣга не таютъ,
Ребята изъ него шары катаютъ,
Сертятъ,
И шаръ вертятъ.
Шаръ больше становится:
Шарочекъ ихъ шарищемъ появится.
Да кто жъ
На шаръ похожъ?
Ложь.
Что больше бродитъ,
То больше въ цѣну входитъ:
Снѣжной шаришка будетъ шаръ,
А изо лжи, товаришка товаръ.
Ахъ, ахъ, жена! меня околдовали!

Кричитъ мужъ лежачи женѣ,
Я снесъ яйцо. — «Никакъ ты видѣлъ то во снѣ;
Такія чудеса на свѣтѣ не бывали.» —
Я снесъ яйцо, ахъ жонушка моя!
Ужъ я
Не мужъ твой, курица твоя.
Не молви этого съ сосѣдкой;
Ты знаешь, назовутъ меня еще насѣдкой. —
«Противно то уму,
Чтобъ я сказала то кому!»
Однако скажетъ:
Болтливой бабѣ чортъ языка не привяжетъ.
Сказала ей,
А та сосѣдушкѣ своей.
Ложь ходитъ завсегда съ прибавкой въ мірѣ:
Яйцо, два, три, четыре,
И стало подъ вечеръ пятьсотъ яицъ.
Назавтра множество къ уроду
Сбирается народу,
И незнакомыхъ лицъ.
За чѣмъ валитъ народъ? Валитъ купить яицъ.

Это переводъ изъ Лафонтена, но слишкомъ вольный. Начала, о снѣжномъ шарѣ, нѣтъ въ подлинникѣ: тамъ дѣло идетъ не о лжи собственно, а о болтливости женской. Этимъ нарушается единство, необходимое во всякомъ художественномъ произведеніи. У Лафонтена мужъ хочетъ испытать скромность своей жены. У Сумарокова выдумываетъ онъ ложь безъ всякой причины.

Сумароковъ долгое время считался баснописцемъ оригинальнымъ и единственнымъ. Другіе писатели едва смѣли съ нимъ тягаться. Богдановичъ

написалъ нѣсколько басенъ хорошими стихами, напримѣръ:

Комаръ и Журавли.

Въ пути подъ небесами
Летѣли журавли.
Внизу, вблизи земли,
Своимъ путемъ летѣлъ комаръ надъ муравами.
Комаръ, комаръ летитъ,
Комаръ комаръ жужжитъ,
Какъ будто ровенъ съ нами!
Вскричали журавли.
Но что комаръ въ отвѣтъ жужжитъ надъ муравами?
Мой путь вблизи земли,
Вашъ путь подъ облаками;
Летаю и жужжу не для досады вамъ.
Не трогайте меня своими вы носами,
А мой комарій носъ не вреденъ журавлямъ.

Этотъ слогъ уже гораздо чище, легче, пріятнѣе сумароковскаго; но Александръ Петровичъ все еще оставался русскимъ Лафонтеномъ: за неимѣніемъ гербовой, пишутъ на простой.

Въ то время, когда Державинъ громкими одами побѣждалъ Ломоносова, когда Богдановичъ игралъ съ купидонами, когда острился фонъ-Визинъ, когда Херасковъ созидалъ Россіяду — русская басня родилась подъ перомъ молодаго человѣка, родомъ изъ Нѣмцевъ, скромнаго, тихаго, простодушнаго, который былъ смолода ученикомъ въ лекарской школѣ, потомъ служилъ въ турецкихъ походахъ, и имѣлъ случай путешествовать по Европѣ. Это былъ Хемницеръ. Въ 1778 году

вышла въ свѣтъ первая книжка его басень, безъ имени автора, и не обратила на себя вниманія публики. Журналовъ тогда не было, или, по крайней мѣрѣ, они не занимались критикою. Чрезъ три года выдалъ онъ басни свои вторично, съ прибавленіемъ второй части. То же молчаніе въ публикѣ. Ученые и литераторы чтили Хемницера, хотя и не понимали его достоинства вполнѣ. Россійская Академія приняла его въ свои члены при самомъ своемъ учрежденіи. Въ 1782 году опредѣленъ онъ былъ генеральнымъ консуломъ въ Смирну. Разлука съ отечествомъ и друзьями томила его подъ пламеннымъ небомъ Леванта: онъ зачахъ, и чрезъ полтора года умеръ, сорока лѣтъ отъ рожденія. Россія и не знала, кого въ немъ лишилась. Въ то время нужно было покровительство, и сильное покровительство, чтобъ сдѣлаться чѣмъ нибудь. Тогда были не начальники, а милостивцы, не подчиненные, а всенижайшіе слуги. Хемницеръ и въ службѣ не могъ оставаться, когда вышелъ въ отставку одинъ изъ его благодѣтелей: какъ же можно было, безъ протекціи, добиться литературной славы? И Ломоносовъ, и Петровъ, и Сумароковъ, и фонъ-Визинъ жили не извѣстностью въ публикѣ, а милостью знатныхъ и вельможъ. Хемницеръ не умѣлъ того добиться:

Жилъ честно, цѣлый вѣкъ трудился,
И умеръ голъ, какъ голъ родился.

Чрезъ семнадцать лѣтъ послѣ его смерти, въ 1801 году, были изданы его басни стараніями просвѣщенныхъ любителей словесности, именно А.

Н. Оленина, и публика оцѣнила ихъ по достоинству, не смотря на то, что тогда въ Русской Литературѣ существовали опасныя имъ совмѣстницы, басни Дмитріева. — Хемницеръ началъ подражаніемъ Лафонтену и Геллерту, и кончилъ баснями собственнаго изобрѣтенія. Въ тѣхъ и другихъ видны его наблюдательный умъ, острота, соединенная съ какимъ-то милымъ простодушіемъ, и наконецъ разсказъ народный, совершенно русскій, понятный у насъ всякому уму, доступный всякому слуху. Стихи его легки и довольно гладки, но единообразны и нѣсколько вялы оттого, что почти всѣ риѳмы состоятъ изъ глаголовъ, но этотъ недостатокъ исчезаетъ при великихъ его достоинствахъ. Хемницеръ занимаетъ почетное мѣсто въ кругу русскихъ баснописцевъ: для Крылова онъ посторонился, но не вышелъ изъ ряду. Вотъ, напримѣръ, басня, изъ которой точно, по русской поговоркѣ, слова не выкинешь:

Лѣнивые и ретивые кони.

Въ однихъ повозкахъ шли ретивые Кони,
Въ другихъ лѣнивые. Пришедъ къ горѣ, они,
 Лѣнивые, ни съ мѣста — стали!
 А вѣдь въ дорогѣ не стоять!
 «Ну! ну!» и погонять.
Ни съ мѣста! — Способа другаго не сыскали,
Какъ изъ возовъ Коней лѣнивыхъ выпрягать,
А нелѣнивыхъ впрячь. Впрягли Коней ретивыхъ,
Чтобъ вывезть на гору повозки за лѣнивыхъ:
 Лишь только что одну взвезутъ,
 Въ другую ихъ перепрягутъ.

Когда-жъ кормить обозъ остановили,
Всѣхъ на одну траву, на тотъ же лугъ пустили.
Случившися я тутъ,
Подумалъ: Вотъ житье какое!
Ретивому коню всегда работы вдвое,
А тотъ же кормъ даютъ!

Прочитаемъ другую, которая не старѣется, а только ежегодно перемѣняетъ листья.

Метафизикъ.

Отецъ одинъ слыхалъ,
Что за море дѣтей учиться посылаютъ,
И что того, кто за моремъ бывалъ,
Отъ небывалаго и съ вида отличаютъ.
Такъ чтобъ отъ прочихъ не отстать,
Отецъ немедленно рѣшился
Дѣтину за море послать,
Чтобъ доброму онъ тамъ понаучился.
Но сынъ глупѣе воротился:
Попался на руки онъ школьнымъ тѣмъ вралямъ,
Которые съ ума не разъ людей сводили,
Неистолкуемымъ давая толкъ вещамъ;
И малаго не научили,
А навѣкъ дуракомъ пустили.
Бывало съ глупости онъ попросту болталъ;
Теперь все свысока безъ толку толковалъ.
Бывало глупые его не понимали,
А нынѣ разумѣть и умные не стали.
Домъ, городъ и весь свѣтъ враньемъ его скучалъ.—
Въ метафизическомъ бѣснуясь размышленьѣ,
О заданномъ одномъ старинномъ предложеньѣ:
«Сыскать начало всѣхъ началъ,» —
Когда за облака онъ думой возносился,

Дорогой шедши — оступился,
И въ ровъ попалъ.
Отецъ, который съ нимъ случился,
Скорѣе бросился веревку принести —
Премудрость изо рва на свѣтъ произвести.
А умный между тѣмъ дѣтина,
Въ той ямѣ сидя, разсуждалъ:
«Какая быть тому могла причина,
Что оступился я и въ этотъ ровъ попалъ?
Причина, кажется, тому землетрясенье;
А въ яму скорое стремленье —
Центральное влеченье,
Воздушное давленье....»
Отецъ съ веревкой прибѣжалъ.
«Вотъ, говоритъ: тебѣ веревка! ухватися.
Я потащу тебя, держися!» —
«Нѣтъ, погоди тащить: скажи мнѣ напередъ,
Понесъ студентъ обычный бредъ:
Веревка вещь какая?» —
Отецъ его былъ не ученъ,
Но разсудителенъ, уменъ;
Вопросъ ученый оставляя,
«Веревка вещь, ему отвѣтствовалъ: такая,
Чтобъ ею вытащить, кто въ яму попадетъ.» —
«На это бъ выдумать орудіе другое!
Ученый все свое несетъ:
А это что такое...
Веревка! — вервіе простое!» —
«До время надобно! отецъ ему на то:
А это хоть не ново,
Да благо ужъ готово.» —
«Да время что?» —
«А время вещь такая,

Которую съ глупцомъ не стану я терять.
Сиди, сказалъ отецъ: пока прійду опять!»
Что, если бы вралей и остальныхъ собрать,
И въ яму къ этому въ товарищи послать?..
Да яма надобна большая!

Вотъ одна басня, написанная имъ, вѣроятно, въ Смирнѣ.

Привилегія.

Когда то Левъ велѣлъ указъ публиковать,
Что звѣри могутъ всѣ впередъ, безъ опасенья,
Кто только смогъ кого, душить и обдирать.
Что лучше быть могло такого позволенья
Для тѣхъ, которые дерутъ и безъ того?
Указа этого нигдѣ не толковали:
Всю силу тотчасъ понимали.
Ужъ то-то было пиршество!
И кожу, кто лишь могъ съ кого,
Похваливають знай указъ, да обдирають.
Душъ, душъ погибло тутъ!
Что и считаютъ,
Не сочтутъ!
Лисицѣ мудрено однако показалось,
Что дозволеніе такое состоялось
Звѣрямъ свободу дать
Другъ съ друга кожу драть!
Весьма сомнительнымъ Лисица находила,
И для себя самой, и для другихъ скотовъ.
«Повывѣдать бы Льва!» Лисица говорила,
И львиное его величество спросила,
Не такъ чтобъ прямо, нѣтъ! какъ спрашиваютъ львовъ,
По-лисьи, на вѣсы кладя значенье словъ,

Все хитростью, обиняками,
Придворно-гладкими словами:
«Не будетъ ли его величеству во вредъ,
Что хищны звѣри власть такую получили?»
Но сколько хитрости ея ни тонки были,
Ей Левъ на то въ отвѣтъ
Ни да, ни нѣтъ.
Когда жъ, по львову расчисленью,
Указъ ужъ дѣйствіе свое довольно взялъ,
По высочайшему тогда соизволенью,
Левъ всѣмъ звѣрямъ къ себѣ явиться приказалъ.
Тутъ тѣ, которые дородствомъ отличились,
Домой не воротились.
«Вотъ я чего хотѣлъ, Лисицѣ Левъ сказалъ:
«Когда указъ вамъ далъ.
Чѣмъ по клочкамъ мнѣ, жиръ сбирая, суетиться,
Я лучше далъ ему скопиться,
Чтобъ облегчить мой трудъ.»
Хотѣла было тутъ
Лисица, въ возраженье
Сказать свое объ этомъ мнѣнье,
И изъясниться Льву о дѣйствіи худомъ;
Да вобразила то, что говоритъ со Львомъ....
И я бы за нашей отнюдь не заступился,
Зажалъ бы, какъ лисица, ротъ,
Когда бы въ Турціи родился,
Гдѣ иногда султанъ со льва примѣръ беретъ.

Чрезъ нѣсколько лѣтъ по кончинѣ Хемницера, но задолго до распространенія его басень въ публикѣ, явился Дмитріевъ, поэтъ ума, замысловатости, остроты, свѣтскости, изящный, правильный, пріятный. Его басни, печатавшіяся въ Мо-

сковскомъ Журналѣ, и изданныя имъ потомъ особо, въ книжкѣ, подъ заглавіемъ: *И мои бездѣлки*, возбудили общее къ нему вниманіе, приняты были съ удовольствіемъ и признательностію. Онѣ не оригинальныя, и почти всѣ переведены изъ Лафонтена и Флоріана, но какъ переведены! Самымъ чистымъ, пріятнымъ, прелестнымъ слогомъ. Онѣ сдѣлались любимымъ чтеніемъ нашей публики, и были единственными, доколѣ не явилась наша національная русская басня, національная и по разсказу и по вымыслу. Достойно замѣчанія, что у другихъ баснописцевъ достоинство басни заключается, между прочимъ, въ ея краткости. У Дмитріева иное: лучшія его басни тѣ, которыя длиннѣе прочихъ (*Воспитаніе Льва, Два Голубя, Жаворонокъ и Земледѣлецъ*), въ которыхъ болѣе картинъ и отступленій.

Возьмемъ въ примѣръ одну изъ короткихъ, слѣдственно не лучшихъ, но прекрасную по легкости и естественности діалога.

Пчела и Муха.

«Здорово, душенька! влетя въ окно Пчела,
Такъ Мухѣ говорила:
Сказать ли вѣсточку? какой я сотъ слѣпила!
Мой медъ прозрачнѣе стекла,
И какъ душистъ, какъ сладокъ, вкусенъ!»
Повѣрю, Муха ей отвѣтствуетъ: вашъ родъ
Природно въ томъ искусенъ;
А я хотѣла бъ знать, каковъ то будетъ плодъ.
Продлятся ли жары? — «Да! что-то будетъ съ медомъ?» —

Ахъ! этотъ медъ, да медъ, твоимъ всегдашнимъ бре-
домъ!
«Да для того что медъ...» — Опять? нѣтъ силъ терпѣть,
Какое малодушье!
Я право, получу отъ словъ твоихъ удушье. —
«Удушье? ничего? съѣсть меду, да вспотѣть
И все пройдетъ; мой медъ...» — Чтобъ быть тебѣ
безъ жала!
Съ досадой Муха ей сказала:
Сокройся въ улій свой, вралиха, иль молчи!
О эгоисты-рифмачи!

Примѣръ Дмитріева, необычайный успѣхъ его басенъ, мнимая ихъ простота и легкость породили множество ему подражателей и соперниковъ; нынѣ они всѣ потонули въ рѣкѣ забвенія, и едва ли еще кому памятны. Остались въ публикѣ и дожили до шестаго изданія басни и сказки Измайлова. Нѣкоторыя изъ нихъ, особенно переведенныя съ французскаго, достойны вниманія легкостью и простотою разсказа, но не всегда могутъ хвалиться чистотою и нѣжностью вкуса. Возьмемъ примѣръ:

Собака на сѣнѣ.

Собака на сѣнѣ лежитъ
И къ сѣну не пускаетъ,
Отъ злости вся дрожитъ
И лаетъ:
Не дамъ, не дамъ,
Не дамъ я вамъ, ворамъ.
Не дамъ не дамъ!
Къ Собакѣ злой, проклятой
Ни добрый Конь, ни Волъ рогатой,

Не только что смиренная Овца,
Не смѣютъ подойти рвануть клочокъ сѣнца,
А между тѣмъ Козелъ смердящій, бородатый,
Съ надмѣнной важностью стоитъ,
Съ двумя Козами
Передъ ея глазами,
Блеютъ, кряхтятъ
И сѣно взапуски ѣдятъ.
Да что жъ Собака-то? Ужли она не видитъ!
Нѣтъ, видитъ, но Козла съ Козами не обидитъ;
Они хоть сѣно и ѣдятъ,
Да говорятъ:
Вотъ песъ, какого не бывало!
Какъ много лаетъ! какъ спитъ мало!
Собакамъ всѣмъ честь и краса!
Ахъ! надобно ему дать золотой ошейникъ!»
Нѣтъ, это песъ мошенникъ!
Дубиной бы такого пса
Или каменьемъ для примѣра,
Какъ шельму лицемѣра.
А объ Козла, объ Козъ
Не худо бъ изломать пука три добрыхъ лозъ.

Нѣкоторыя выраженія этой басни, не принятыя хорошимъ вкусомъ и тономъ, не считались у автора низкими и неумѣстными. Онъ полагалъ, что въ нихъ заключается естественность и близость къ природѣ. Вообще этотъ писатель представляетъ собою достойный вниманія примѣръ того, что очень часто сочинитель вовсе не походитъ на свои сочиненія. Онъ былъ человѣкъ самыхъ честныхъ и благородныхъ правилъ, добрый семьянинъ, кроткій, благонравный, добродушный, —

а находилъ удовольствіе въ изображеніи картинъ самыхъ низкихъ, даже отвратительныхъ. Вездѣ у него мошенники, пьяницы, будочники, драки, сцены кабацкія, а онъ, я думаю, и бывши вице-губернаторомъ, въ питейный домъ не заглядывалъ. Но если бъ изъ этихъ тенирсовскихъ картинъ можно было составить особый родъ низко-комическій, его карикатуры особъ пятнадцатаго класса заняли бы въ немъ первое мѣсто. Не позволите ли, сударыни, прочесть одинъ изъ этихъ разсказовъ?

Пьяница.

Пьянюшкинъ, отставной квартальный,
Совѣтникъ титулярный,
Исправно насандаливъ носъ,
Въ худой шинелишкѣ, зимой, въ большой морозъ
По улицѣ шелъ утромъ и шатался.
Навстрѣчу кумъ ему, маіоръ Петровъ, попался.
«Мое почтеніе!» — А! здравствуй, Емельянъ
Архиповичъ! да ты, братъ, видно
Уже позавтракалъ! Ну, какъ тебѣ не стыдно!
Еще обѣденъ нѣтъ, а ты какъ стелька пьянъ!
«Ахъ! виноватъ, мой благодѣтель!
Вѣдь съ горя, мой отецъ!» — Такъ съ горя то и пить? —
«Да какъ же быть!
Вотъ Богъ вамъ, Алексѣй Ивановичъ, свидѣтель:
Ѣсть нечего; всѣ дѣти босикомъ;
Жену оставилъ я съ однимъ лишь пятакомъ.
Гдѣ взять? давно уже безъ мѣста я, несчастный.
Сгубилъ мнѣ разбойникъ приставъ частный!
Я до отставки не пивалъ:
Спросите, скажетъ весь кварталъ.

Теперь же съ горя какъ напьюся,
То будто бы развеселюся.»
Не пей, такъ я тебѣ охотно помогу.
«Въ ротъ не возьму, ей Богу, не солгу;
Господь порукою!..» — Ну, полно, не божися,
Вотъ крестникамъ снеси полсотенки рублей. —
«Отецъ!... дай ручку!» — Ну, поди домой, проспися,
Да чуръ смотри впередъ не пей. —
Летитъ Пьянюшкинъ нашъ, отколь взялися ноги,
И чуть чуть не упалъ разъ пять среди дороги!
Летитъ... домой? — О нѣтъ! — Неужели въ кабакъ?
Да, какъ бы вамъ не такъ!
Въ трактиръ, а не въ кабакъ зашелъ, чтобы промѣна
Съ бумажки бѣленькой напрасно не платить;
Спросилъ ветчинки тамъ и хрѣна
Немножко такъ перехватить,
Да рюмку водочки, потомъ бутылку пива,
А послѣ пуншику стаканъ,
Другой... и наконецъ, о диво!
Пьянюшкинъ напился уже мертвецки пьянъ.
Къ несчастію, еще въ трактирѣ онъ подрался,
А съ кѣмъ, за что, и самъ того не зналъ,
На лѣсницѣ споткнулся и упалъ,
И весь, какъ чортъ, въ грязи, въ крови перемарался.
Вотъ вечеромъ его по улицѣ ведутъ
Два воина осанки важной,
Съ сѣкирами, въ бронѣ сермяжной.
Толпа кругомъ. И кумъ, гдѣ ни возьмися, тутъ.
Увидѣлъ, изумился,
Пожалъ плечами и спросилъ:
Что? вѣрно съ горя ты, бѣднякъ, опять напился? —
«За здравіе твое отъ радости я пилъ!»

У пьяницы всегда есть радость или горе,
Всегда есть случай пьянымъ быть;
Закается лишь только пить,
Да и напьется вскорѣ.
Однако надобно, чтобъ больше пилъ народъ:
Хоть людямъ вредъ, за то откупщикамъ доходъ,

Теперь, чтобъ показать вамъ умѣнье добраго Измайлова писать и *для дамъ*, приведу, одну его притчу, скромную и благонравную.

Дѣвушка и Чижъ.

«Что за житье! терпѣнья, право, нѣтъ!»
(Такъ Лиза, дѣвушка четырнадцати лѣтъ,
Сама съ собою говорила)
«Все хочетъ маменька, чтобъ я училась, шила;
Не дастъ почти и погулять.
Едва ль три раза въ годъ бываю я на балѣ,
А то вертись себѣ безъ кавалера въ залѣ.
Куда какъ весело одной вальсировать!»
Тутъ Лиза тяжело вздохнула,
Отерла слезку и взглянула
Нечаянно на верхъ окна,
И что жъ увидѣла она?
Любимый чижъ ея, въ рѣшетчатой темницѣ,
Конечно вспомнивъ про лѣсокъ,
Сидѣлъ на жердочкѣ, повѣсивши носокъ.
«Ахъ вольность дорога и птицѣ!»
Сказала Лизанька: «я по себѣ скажу.
О бѣдный Пипинька! ужъ болѣ
Тебя не удержу;
Ступай, лети, мой другъ, и веселись на волѣ.»
Съ симъ словомъ отперла она у клѣтки дверь
Встряхнулся Пипинька, летитъ въ окно, кружится.

На крышку ближнюю садится,
Запѣлъ... «Какъ счастливъ онъ теперь!»
Мечтаетъ Лизанька, и видитъ изъ окошка,
Что къ Пипинькѣ подкралась кошка,
Прыгнула на него, и при ея глазахъ
Бѣдняжку растерзала.

Въ раскаяньѣ, въ слезахъ,
Вотъ Лиза что сказала:
»Какъ смѣла я на маменьку роптать!
Теперь я вижу очень ясно,
Что волю тѣмъ имѣть опасно,
Кто слабъ и самъ себя не можетъ охранять.»

За тридцать лѣтъ съ небольшимъ явился у насъ баснописецъ, какого, можетъ быть за исключеніемъ Лафонтена, нѣтъ ни у одного народа — это Крыловъ. Онъ затмилъ собою всѣхъ своихъ предшественниковъ и сверстниковъ, и донынѣ не имѣлъ даже счастливыхъ подражателей. Началъ онъ писать басни уже въ зрѣломъ возрастѣ, но, какъ человѣкъ съ истиннымъ дарованіемъ, не довѣряя своимъ силамъ, сообщилъ свои опыты Дмитріеву съ просьбою дать о нихъ свое мнѣніе. Дмитріевъ похвалилъ басни, и отдалъ для напечатанія въ одинъ московскій журналъ. Издатель помѣстилъ ихъ съ отмѣткою, что басни эти получены отъ И. И. Дмитріева. Публика отличила ихъ въ толпѣ многихъ другихъ басень того времени, и Крыловъ пошелъ далѣе: сталъ печатать ихъ въ петербургскихъ журналахъ (сначала въ Драматическомъ Вѣстникѣ, издававшемся въ 1808

году), сталъ читать въ Бесѣдѣ Любителей Русскаго Слова, и въ короткое время сдѣлался любимцемъ всей русской публики. Онъ началъ, какъ и всѣ прочіе, подражаніемъ иностранцамъ, и кончилъ оригинальными твореніями, которыя прославили не только его самого, но и отечество. Басни его переведены на французскій языкъ первыми литераторами нашего времени, напечатаны въ Парижѣ великолѣпнымъ изданіемъ съ русскимъ подлинникомъ. Но иностранцы не могутъ ни перевести, ни даже почувствовать красотъ его: онѣ неподѣльно русскія и смысломъ и выраженіемъ, и въ этомъ заключается главнѣйшее достоинство Крылова: онъ постигъ духъ Русскаго Народа, сгибъ его ума, складъ его рѣчи, сдѣлался понятенъ и вельможѣ и крестьянину, и знатной барынѣ и подьячему. У Дмитріева мы восхищаемся живописью, у Крылова прельщаемся разсказомъ. Первый долженъ быть подробнѣе; послѣдній не можетъ быть короче. Первый искусно переводитъ на свой холстъ изящную картину; послѣдній уголькомъ на стѣнкѣ чертитъ фигуры, по которымъ Рафаэль узнаетъ Микель-Анджела. Позже всѣхъ оцѣнили его записные литераторы. Мы помнимъ злыя на него критики нѣкоторыхъ журналовъ, порожденныя тѣмъ, что одинъ журналистъ вообразилъ, будто Крыловъ представилъ его въ свиньѣ, роющейся на заднемъ дворѣ; помнимъ стихотвореніе, въ которомъ очень остроумно замѣчено было, что въ литературѣ три великіе баснописца и всѣ три Ивана: Иванъ Лафонтенъ, Иванъ Хемницеръ

и Иванъ Дмитріевъ. А четвертаго Ивана, Ивана Крылова, и не видали: онъ показался имъ пятою спицею.

Ну, братецъ, виноватъ,
Слона-то я и не примѣтилъ!

Русская публика въ этомъ случаѣ показала свое здравомысліе, вкусъ и безпристрастіе: она поставила Крылова, при жизни его, на припадлежащее ему мѣсто. Вотъ экземпляръ изъ тридцать третьей тысячи напечатанныхъ его басень. Имѣю ли надобность прибавлять къ тому, что первымъ въ признаніи его заслугъ былъ Тотъ, Кто у насъ первый во всемъ!

Приступая къ выбору примѣровъ изъ Крылова, нахожусь въ большомъ затрудненіи, не знаю что̀ прочесть изъ него. Все хорошо, прекрасно, оригинально, и все извѣстно, все затвержено, въ публикѣ. Кто не знаетъ, не повторяетъ его афоризмовъ:

Хотя услуга намъ при нуждѣ дорога,
Но за нее не всякъ умѣетъ взяться.
Не дай Богъ съ дуракомъ связаться:
Услужливый дуракъ опаснѣе врага.

По мнѣ такъ лучше пей,
Да дѣло разумѣй.

А ларчикъ просто отворялся.

Я слышалъ — правда ль, будто встарь
Судей такихъ видали,

Которые весьма умны бывали,
Пока у нихъ былъ умный секретарь.

⁂

А вы, друзья, какъ ни садитесь,
Все въ музыканты не годитесь.

⁂

Все кажется въ другомъ ошибкой намъ,
А примешься за дѣло самъ,
Такъ напроказишь вдвое хуже.

⁂

Про нынѣшнихъ друзей льзя молвить не грѣша,
Что въ дружбѣ всѣ они ѐдва ль не одинаки.
Послушать, кажется, одна у нихъ душа,
А только кинь имъ кость, такъ что твои собаки!

⁂

Въ комъ ёсть и совѣсть и законъ,
Тотъ не украдетъ, не обманетъ,
Въ какой бы нуждѣ ни былъ онъ.
А вору дай хоть милліонъ,
Онъ воровать не перестанетъ.

⁂

Одни поддѣльные цвѣты
Дождя боятся.

⁂

Ай моська, знать она сильна,
Что лаетъ на слона!

⁂

А философъ
Безъ огурцовъ.

⁂

Про взятки Климычу читаютъ,
А онъ украдкою киваетъ на Петра.

⁂

Неправъ и тотъ,
Кто поручилъ ослу стеречь свой огородъ.

Но можемъ ли разстаться съ Крыловымъ, не прочитавъ двухъ, трехъ его басень?

Мѣшокъ.

Въ прихожей на полу,
Въ углу
Пустой Мѣшокъ валялся.
У самыхъ низкихъ слугъ
Онъ на обтирку ногъ нерѣдко помыкался;
Какъ вдругъ
Мѣшокъ нашъ въ честь попался,
И весь червонцами набитъ,
Въ окованномъ ларцѣ въ сохранности лежитъ.
Хозяинъ самъ его лелѣетъ,
И бережетъ Мѣшокъ онъ такъ,
Что на него никакъ
Ни вѣтеръ не пахнетъ, ни муха сѣсть не смѣетъ;
А сверхъ того съ Мѣшкомъ
Весь городъ сталъ знакомъ.
Пріятель ли къ хозяину приходитъ,
Охотно о мѣшкѣ рѣчь ласково заводитъ;
А ежели мѣшокъ открытъ,
То всякой на него умильно такъ глядитъ;
Когда же кто къ нему подсядетъ,
То вѣрно ужъ его потреплетъ иль погладитъ.
Увидя, что у всѣхъ онъ сталъ въ такой чести,
Мѣшокъ завеличался,
Заумничалъ, зазнался,

Мѣшокъ заговорилъ, и началъ вздоръ нести.
О всемъ и рядитъ онъ и судитъ:
И то не такъ,
И тотъ дуракъ,
И изъ того то худо будетъ.
Всѣ только слушаютъ его, разинувъ ротъ;
Хоть онъ такую дичь несетъ,
Что уши вянутъ:
Но у людей, къ несчастью, тотъ порокъ,
Что имъ съ червонцами Мѣшокъ
Что ни скажи, всѣму дивиться станутъ.
Но долго ль былъ Мѣшокъ въ чести и слылъ съ умомъ,
И долго ли его ласкали?
Пока всѣ изъ него червонцы потаскали,
А тамъ онъ выброшенъ, и слуху нѣтъ о немъ.

Мы басней никого обидѣть не хотѣли,
Но сколько есть такихъ мѣшковъ
Между откупщиковъ,
Которы нѣкогда въ подносчикахъ сидѣли,
Иль между игроковъ,
Которы у себя за рѣдкость рубль видали,
А нынѣ пополамъ съ грѣхомъ богаты стали;
Съ которыми теперь и графы и князья
Друзья;
Которые теперь съ вельможей,
У коего они не смѣли сѣсть въ прихожей,
Играютъ запросто въ бостонъ?
Велико дѣло — милліонъ!
Однако же, друзья, вы столько не гордитесь.
Сказать ли правду вамъ тишкомъ?
Не дай Богъ, если разоритесь:
И съ вами точно такъ поступятъ какъ съ мѣшкомъ.

Тѣнь и Человѣкъ.

Шалунъ какой-то тѣнь свою хотѣлъ поймать:
Онъ къ ней, она впередъ; онъ шагу прибавляетъ,
Она туда жъ; онъ наконецъ бѣжать;
Но чѣмъ онъ прытче, тѣмъ и тѣнь скорѣй бѣжала,
Все не даваясь, будто кладъ.
Вотъ мой чудакъ пустился вдругъ назадъ;
Оглянется, а тѣнь за нимъ ужъ гнаться стала.

Красавицы! видалъ я много разъ —
Вы думаете что? Нѣтъ, право, не про васъ,
А что бываетъ то жъ съ фортуною у насъ:
Иной лишь трудъ и время губитъ,
Стараяся настичь ее изъ силы всей;
Другой, какъ кажется, бѣжитъ совсѣмъ отъ ней:
Такъ нѣтъ, за тѣмъ она сама гоняться любитъ.

Бритвы.

Съ знакомцемъ съѣхавшись однажды я въ дорогѣ
Съ нимъ вмѣстѣ на одномъ ночлегѣ почевалъ.
Поутру, чуть лишь я глаза продралъ,
И что же узнаю? Пріятель мой въ тревогѣ;
Вчера заснули мы межъ шутокъ, безъ заботъ;
Теперь я слушаю — пріятель сталъ не тотъ:
То вскрикнетъ онъ, то охнетъ, то вздохнетъ.
«Что сдѣлалась съ тобой, мой милый?... Я надѣюсь,
Не боленъ ты.» — Охъ! ничего: я брѣюсь. —
«Какъ! только?» Тутъ я всталъ; гляжу: проказникъ мой
У зеркала сквозь слезъ такъ кисло морщитъ рожу,
Какъ будто бы съ него содрать сбирались кожу.
Узнавши наконецъ вину бѣды такой,

«Что диво!» я сказалъ: «ты самъ себя тиранишь!
Пожалуй посмотри,
Вѣдь у тебя не Бритвы — косари,
Не бриться, мучиться ты только съ ними станешь.»
Охъ, братецъ, признаюсь,
Что Бритвы очень тупы!
Какъ этого не знать? Вѣдь мы не такъ ужъ глупы;
Да острыми то я порѣзаться боюсь. —
«А я, мой другъ, тебя увѣрить смѣю,
Что Бритвою тупой изрѣжешься скорѣй,
А острою обрѣешься вѣрнѣй:
Умѣй владѣть лишь ею.»
Вамъ пояснить разсказъ мой я готовъ:
Не такъ ли многіе, хоть стыдно имъ признаться,
Съ умомъ людей боятся,
И терпятъ при себѣ охотнѣй дураковъ?

Прихожанинъ.

Есть люди: будь лишь имъ пріятель,
То первый ты у нихъ и геній и писатель.
За то уже другой,
Какъ хочешь сладко пой,
Не только, чтобъ отъ нихъ похвалъ себѣ дождаться,
Въ немъ красоты они и чувствовать боятся.
Хоть, можетъ быть, я тѣмъ немного досажу,
Но вмѣсто басни, быль на это имъ скажу.
Во храмѣ проповѣдникъ
(Онъ въ краснорѣчіи Платона былъ наслѣдникъ)
Прихожанъ поучалъ на добрыя дѣла.
Рѣчь сладкая, какъ медъ, изъ устъ его текла.
Въ ней правда чистая, казалось безъ искусства,
Какъ цѣпью золотой,

Возъемля къ небесамъ всѣ помыслы и чувства,
Сей обличала міръ, исполненный тщетой.
Душъ пастырь кончилъ поученье:
Но всякъ ему еще внималъ, и, до небесъ
Восхищенный, въ сердечномъ умиленьѣ
Не чувствовалъ своихъ текущихъ слезъ.
Когда жъ изъ божьяго міряне вышли дому,
«Какой пріятный даръ!»
Изъ слушателей тутъ сказалъ одинъ другому.
«Какая сладость, жаръ!
Какъ сильно онъ влечетъ къ добру сердца народа!
А у тебя, сосѣдъ, знать черствая природа,
Что на тебѣ слезинки не видать?
Иль ты не понималъ?» — Ну, какъ не понимать!
Да плакать мнѣ какая стать:
Вѣдь я не здѣшняго прихода.

А мы всѣ его прихода. Онъ у насъ не приходскій попъ, а патріархъ, глава, честь и слава нашей Словесности. За два года предъ симъ Русская Литература отпраздновала единственный доселѣ у насъ пятидесятилѣтній юбилей великаго писателя. Судьба, строгая къ другимъ, справедлива и милостива къ умному толкователю ея велѣній. Крыловъ наслаждается свѣжею, здоровою, умною старостью. Россія ждетъ отъ него новыхъ присказокъ и прибаутокъ, и при каждой восклицаетъ единогласно: многія лѣта Ивану Андреевичу!

ЧЕТЫРНАДЦАТОЕ ЧТЕНІЕ.

(22-го Марта.)

I.

Въ предъидущемъ Чтеніи говорили мы о сочетаніи предложеній грамматическихъ: теперь разсмотримъ связь ихъ, какъ отдѣльныхъ выраженій мысли, т. е. въ отношеніи *логическомъ*.

Въ этомъ отношеніи предложенія бываютъ *независимыя* и *зависимыя*. Независимое логическое предложеніе выражаетъ мысль самостоятельную, не служащую къ объясненію или дополненію другой мысли. Зависимое логическое предложеніе заключаетъ въ себѣ мысль относительную, служащую къ дополненію или объясненію мысли, содержащейся въ предложеніи независимомъ. Напримѣръ: *Лѣтомъ бываетъ тепло*, есть предложеніе независимое. Въ сложномъ же предложеніи: *Лѣтомъ бы-*

ваетъ тепло, когда не дуетъ сѣверный вѣтеръ, второе *(когда не дуетъ сѣверный вѣтеръ)* есть зависимое, потому что имъ опредѣляется, ограничивается первое.

Логическія предложенія являются въ различныхъ видахъ. Они суть: *независимыя:* соединительныя просто, при которыхъ не выражено посторонняго свойства сего соединенія: *Иванъ ходитъ пѣшкомъ, Петръ ѣздитъ въ саняхъ.* Соединительныя съ присовокупленіемъ посторонняго значенія: *Не только люди, но и животныя подвергаются чумной заразѣ. Сначала шелъ дождь, потомъ загремѣлъ громъ, а наконецъ стихло.* Противительныя: *Ты здоровъ, а онъ боленъ. Ученіе горько, но плоды его сладки.* — *Зависимыя* предложенія являются еще въ большемъ числѣ видовъ: Опредѣляя подлежащее: *книга, содержащая въ себѣ полезныя истины, достойна вниманія.* Исчисляя части: *Животныя, какъ-то лошади, волы, овцы, созданы на пользу человѣка.* Сравнивая: *Франція не такъ богата, какъ Англія. Чѣмъ длиннѣе лѣто, тѣмъ короче осень.* Означая обстоятельства времени и мѣста: *Отдай ему деньги, когда съ нимъ увидишься. Не забуду тебя, гдѣ бы я ни былъ.* Выражая отношеніе причины къ дѣйствію: *На дворѣ холодно, оттого что дуетъ сѣверный вѣтеръ. Рѣка стала, слѣдственно холодно. Онъ купилъ домъ для того, чтобы жить въ немъ.* Условіе: *Если хочешь, я возьму тебя съ собою. Если бъ ты хотѣлъ, я взялъ бы тебя съ собою.* Уступленіе: *Хотя ты молодъ, но я тебя послушаюсь.*

Взаимныя отношенія между предложеніями выражаются или союзами, или подчиненіемъ зависимыхъ независимымъ грамматическими средствами, о которыхъ мы упоминали. Слишкомъ утомительно было бы исчислять всѣ союзы и всѣ случаи, въ которыхъ они употребляются. Ограничимся нѣкоторыми замѣчаніями.

У насъ пишутъ: *Не только люди, но животныя чувствуютъ и выражаютъ благодарность.* Должно говорить: «*но и* животныя.» *Но* означаетъ противоположность; напримѣръ: *Животныя чувствуютъ благодарность, но не всегда умѣютъ ее выразить.*

Послѣ предъидущаго союза *не*, лучше употреблять *а*, а не *но*. Напримѣръ: «*Не* красота, *а* добродѣтель составляетъ славу человѣка.» Нельзя сказать: *но* добродѣтель. *Но* выражаетъ противорѣчіе, которымъ предъидущій членъ не исключается, а только ограничивается; напримѣръ: *Онъ сына любитъ, но не балуетъ.* Если же скажемъ: *Онъ сына не любитъ, но балуетъ*, выйдетъ не то: тутъ должно сказать: *а балуетъ.*

Однако означаетъ еще менѣе противоположности, болѣе уступчивости нежели *но;* за нимъ слѣдуетъ не противорѣчіе предъидущему, а нѣчто песходное: *Хотя вы на меня сердитесь, однако я потолкую съ вами.*

Однако же и *и однако* усиливаютъ противоположность: *Онъ былъ очень боленъ, однако же не умеръ. Онъ былъ всячески тѣснимъ и обижаемъ, и однако не жаловался.* — *Но* не сливается съ *однако.* У насъ пишутъ: *Ты меня обидѣлъ; но я тебя*

однако не преслѣдую. Это не правильно: или *но* или *однако*, что нибудь одно.

Какъ должно писать распредѣлительный союзъ: *въ заключеніе* или *въ заключеніи?* Между сими двумя выраженіями такая же разница, какъ между *наконецъ* и *на концѣ*. *Въ заключеніи* означаетъ мѣсто: *Въ заключеніи о моемъ дѣлѣ ты ошибся.* *Въ заключеніе* есть союзъ, означающій именно послѣднее, окончательное изъ нѣсколькихъ дѣйствій: «*Въ заключеніе* урока онъ повторилъ сказанное прежде.»

У насъ смѣшиваютъ союзы *когда* и *если*, употребляя послѣ каждаго изъ нихъ союзъ *то*. *Когда*, относится болѣе къ времени; *если*, означаетъ условіе. Союзу *когда* соотвѣтствуетъ *тогда*, а не *то*. *Когда ты выучишься, тогда тебя выпустятъ изъ училища.* Впрочемъ можно послѣ *когда*, употреблять и *то*.

Союзы винословные, или причинные, суть у насъ: *поелику, потому что, ибо.* *Ибо* предшествуетъ истинѣ нравственной или умозрительной, доказывая предъидущее предложеніе во всемъ его объемѣ. *Петръ Первый безсмертенъ, ибо великіе люди не умираютъ въ Исторіи. Это мнѣніе было тогда въ модѣ, ибо и на мнѣнія есть мода.* Нельзя сказать: «Этотъ человѣкъ не являлся, *ибо* онъ боленъ.» Должно сказать: «Этотъ человѣкъ не являлся, *потому что* онъ боленъ.» Слово *поелику* употребляется нынѣ только въ приказномъ слогѣ. *Понеже* и тамъ уже обветшало.

Какая разница между союзами: *слѣдственно* и *и такъ? Слѣдственно* означаетъ непосредственное происхожденіе послѣдующаго изъ предъидущаго, дѣйствія отъ причины: *«Ты человѣкъ, слѣдственно смертенъ.» И такъ* выражаетъ послѣдованіе не непосредственное, иногда послѣдованіе за дѣйствіемъ, невыраженнымъ словами. По этому оно можетъ находиться и въ самомъ началѣ рѣчи, произносимой за какимъ нибудь дѣйствіемъ: *И такъ сподобилъ насъ Господь узрѣть Царя нашего вѣнчанна и превознесенна.*

Чтобы и *дабы* имѣютъ равное значеніе; только послѣднее слово не употребительно въ изустной рѣчи. На письмѣ употребляется оно для избѣжанія повторенія слова *что.*

Союзы *слишкомъ, чтобъ*, не могутъ быть употреблены въ хорошемъ, правильномъ слогѣ. Напримѣръ: *Онъ слишкомъ благоразуменъ, чтобъ согласиться на ваше предложеніе.* Это оборотъ французскій: Il est trop prudent pour accepter votre proposition. По-русски можно выразить это такъ: *Онъ такъ благоразуменъ, что не согласится на ваше предложеніе.*

Сдѣлаемъ общее заключеніе объ употребленіи союзовъ. Эта часть рѣчи ветшаетъ и выходитъ изъ употребленія скорѣе всякихъ другихъ словъ. Во всѣхъ извѣстныхъ намъ языкахъ встрѣчаются союзы, вышедшіе изъ употребленія, или попадающіеся только въ слогѣ дѣловомъ и приказномъ, придерживающемся принятыхъ формъ. Это видимъ мы и у насъ. *Понеже, поелику, дабы* обветшали

и вышли въ отставку. Нѣкоторые писатели хотѣли изгнать и *ибо*, но смыслъ и чувство русское требуютъ его помощи. Союзы необходимы тамъ, гдѣ рѣчь состоитъ изъ длинныхъ, размѣренныхъ періодовъ, заключающихъ въ себѣ нѣсколько отдѣльныхъ разнородныхъ частей; напримѣръ: *Великіе люди и великіе народы подвержены ударамъ рока, но и въ самомъ несчастіи являютъ свое величіе: такъ Россія, терзаемая лютымъ врагомъ, гибла со славою: цѣлые города предпочитали вѣрное истребленіе стыду рабства.* При соединеніи же небольшихъ предложеній, очень можно, иногда и должно, опускать союзы: *Если согласишься, то скажи.* Зачѣмъ тутъ *то? Если согласишься, скажи*, и довольно. Также не нужно употреблять союзовъ винословныхъ, *потому, а потому*, тамъ, гдѣ связь предложеній явствуетъ изъ самаго содержанія ихъ: *Ты не правъ, а потому не долженъ спорить.* Не лучше ли: *ты не правъ, и не долженъ спорить.* Еще примѣры исключенія союзовъ: *Римляне любили зрѣлища кровавыя, (а) Греки восхищались изящными. Россія успокоилась въ правленіе Михаила, (ибо) и внѣшніе и внутренніе враги ея были усмирены.*

Когда слѣдуетъ употреблять главныя, и когда придаточныя предложенія? Главное предложеніе должно заключать въ себѣ независимую мысль; придаточнымъ же выражается обстоятельство, условіе, мысли второстепенныя, дополнительныя. — Исчислимъ главнѣйшія ошибки противъ сего правила.

1. Главная мысль не должна выражаться предложеніемъ придаточнымъ; напримѣръ: *Онъ получилъ извѣстіе о кончинѣ своего брата, которое его вергло въ жестокую болѣзнь.* Нѣтъ! должно сказать: *Онъ получилъ извѣстіе о кончинѣ своего брата, и впалъ оттого въ жестокую болѣзнь.* Или: *Получивъ извѣстіе о кончинѣ своего брата, онъ впалъ въ жестокую болѣзнь.* Здѣсь главное, что онъ *впалъ въ болѣзнь*, а извѣстіе о кончинѣ брата есть только обстоятельство, причина, поводъ.

2. Второстепенная, посторонняя мысль не должна выражаться предложеніемъ главнымъ: на это есть предложенія придаточныя. Напримѣръ: *Сегодня прекрасная погода, и я такой давно не видалъ.* Надобно сказать: *Сегодня прекрасная погода, какой я давно не видалъ. Братъ мой купилъ книги, и на другой день ихъ продалъ: это мнѣ очень непріятно.* Должно сказать: *Братъ мой продалъ книги, которыя купилъ наканунѣ, и это мнѣ очень непріятно. Онъ отставленъ отъ службы за то, что зналъ государственную тайну, и не умѣлъ хранить ея.* Должно сказать: *Онъ отставленъ отъ службы за то, что не умѣлъ хранить государственную тайну, которую зналъ.*

Равностепенныя сочиняемыя и подчиняемыя предложенія должны находиться между собою въ соотношеніи и по важности ихъ смысла; напримѣръ, можно ли написать: *У меня былъ воинъ, пріобрѣтшій уваженіе своихъ согражданъ, и находящійся въ безсрочномъ отпуску. Городъ Холмогоры из-*

вѣстенъ породою тучныхъ коровъ, и славится какъ мѣсто рожденія Ломоносова.

Если къ сложному предложенію присовокупляется еще одно, простое или сложное, то послѣднее должно относиться къ цѣлому предъидущему, а не къ одной его части, напримѣръ: *Я написалъ книгу, и уѣхалъ за городъ: причиною тому была усталость.* То есть тому, что я написалъ книгу? Должно сказать: *Написавъ книгу, уѣхалъ я за городъ; причиною тому была усталость.*

Не должно безъ мѣры подчинять многихъ предложеній другимъ, напримѣръ: *Полководецъ въѣхалъ въ столицу побѣжденнаго царя, который оставилъ ее наканунѣ, ища спасенія у вѣрныхъ своихъ подданныхъ, употреблявшихъ всѣ свои силы для его обороны, стоившей имъ много труда и крови, которыхъ они не жалѣли въ защитѣ своего отечества, любезнаго и драгоцѣннаго всякому, кто имѣетъ душу и сердце, способныя къ высокимъ помысламъ и чувствованіямъ.* — Здѣсь, въ концѣ рѣчи, не помнишь уже, чѣмъ она началась. Такъ же невсегда позволительна противная крайность, т. е. употребленіе однихъ предложеній главныхъ: *Мы въѣхали въ городъ. Онъ очень красивъ. Улицы широкія. Народу много. Онъ шумитъ и волнуется.* Лучше всего наблюдать надлежащую мѣру, и писать, напримѣръ: *Мы въѣхали въ красивый городъ. На широкихъ улицахъ шумятъ и волнуются народныя толпы.*

Между совокупляемыми предложеніями должно наблюдать соразмѣрность, чтобъ одно предложе-

ніе не было непомѣрно длиннѣе или короче другаго; напримѣръ: *Мой другъ, который пользуется общимъ уваженіемъ, любовію и довѣренностію всѣхъ тѣхъ, кто его знаетъ, боленъ. Человѣкъ, любящій мѣсто своего рожденія, гдѣ все напоминаетъ ему о веселыхъ дняхъ младенчества, гдѣ живутъ его единоплеменники, сходствующіе съ нимъ образомъ мыслей и нравами, гдѣ покоится драгоцѣнный прахъ его предковъ, не рѣшится на переселеніе.*

Грамматическая связь предложеній ограничивается объемомъ одного сложнаго предложенія, періода или точки; логическая же простирается на совокупленіе и расположеніе отдѣльныхъ предложеній, сложныхъ или простыхъ. Они должны быть составлены и расположены такимъ образомъ, чтобъ читатель или слушатель могъ легко обозрѣть общую между ими связь, и нечувствительно и безъ прыжковъ переходилъ отъ одного къ другому. Идущія рядомъ предложенія не должны начинаться однимъ и тѣмъ же словомъ; предложенія должны быть въ рѣчи разнообразны, какъ составомъ, такъ и объемомъ своимъ: это придаетъ рѣчи живость, и облегчаетъ вниманіе и трудъ слушающаго.

Довершеніе правилъ грамматическихъ заключается въ устроеніи *періода*, то есть полнаго выраженія мысли во всѣхъ ея частяхъ, однимъ ли логическимъ предложеніемъ или совокупленіемъ въ одно цѣлое нѣсколькихъ независимыхъ предложеній съ принадлежащими къ нимъ подчиняемыми. Отселѣ Грамматика переходитъ въ область

теоріи слога, т. е. въ собственное искусство выраженія мысли, которому правила грамматическія подчиняются, и служатъ только пособіемъ. Въ слѣдующемъ, послѣднемъ Чтеніи моемъ изложу я правила порядка, или размѣщенія словъ.

II.

Донынѣ разсматривали мы тѣ произведенія Изящной Словесности, которыя, для выраженія своего, принимаютъ форму собственно поэтическую, т. е. которыя преимущественно пишутся стихами. Теперь окинемъ бѣглымъ взглядомъ тѣ созданія поэзіи, которыя не имѣютъ надобности въ размѣрѣ и риѳмахъ, предпочитая имъ свободную, естественную рѣчь человѣка.

Для этого слѣдуетъ намъ начать издалека. Исторія рода человѣческаго дѣлится на двѣ великія эпохи, которыхъ точка соединенія и въ то же время разобщенія, знаменуется рождествомъ и земною жизнію Спасителя. Міръ древній и міръ новый, міръ языческій и міръ христіанскій суть тѣ два великіе отдѣла, въ которыхъ родъ человѣческій является намъ съ двухъ сторонъ, принадлежащихъ одному и тому же цѣлому, но различныхъ и даже противоположныхъ между собою. Средніе Вѣки не составляютъ отдѣльнаго періода: они служатъ переходомъ отъ одного къ другому, какъ сумерки отдѣляютъ двѣ половины сутокъ, принадлежа и къ той и къ другой.

Это различіе въ образѣ мыслей, вѣрованія, жизни и нравовъ двухъ противоположныхъ эпохъ не

могло не выразиться въ произведенiяхъ изящныхъ искуствъ, особенно словесности, самаго близкаго, живаго выраженiя народныхъ свойствъ и бытiй. Такимъ образомъ произошло раздѣленiе литературы на *классическую* и *романтическую*. Классиками назывались въ древнемъ Римѣ граждане, принадлежавшiе къ первому изъ шести классовъ, на которые народъ былъ раздѣленъ Сервiемъ Туллiемъ. По возрожденiи наукъ на Западѣ, стали называть классическими писателей греческихъ и римскихъ вообще, въ противоположность писателямъ временъ новыхъ. Произведенiямъ же временъ новыхъ, получившимъ начало свое отчасти въ Вѣкахъ Среднихъ, дано наименованiе романтическихъ, по романскому языку, образовавшемуся изъ смѣшенiя языка латинскаго съ нарѣчiями кельто-германскими. Вотъ начала и главныя различiя двухъ школъ, долгое время противоборствовавшихъ одна другой, и раздѣлявшихъ литературный мiръ на два враждебные стана! Жизнь, образъ мыслей и вѣрованiя древнихъ Грековъ и Римлянъ существенно отличались отъ дѣйствительнаго быта Вѣковъ Среднихъ. Въ произведенiяхъ ума и воображенiя древнихъ видимъ ясность, спокойствiе, надлежащiй размѣръ. Въ творенiяхъ новыхъ господствуютъ движенiе, таинственность, мечтательность и стремленiе въ мiръ неизвѣстный и безпредѣльный. Греки населяли обители своихъ боговъ человѣческими страстями, и чтили божество въ совершеннѣйшемъ творенiи земномъ, человѣкѣ. Поэты христiанскiе парятъ мыслiю въ недоступныя селенiя небесныя, и ожи-

вляютъ образъ человѣческій искрою божественною, излетѣвшею изъ Источника Свѣта. Древніе видѣли въ женщинѣ существо низшее, слабое, сотворенное для своего владыки. Христіане возвратили женщинамъ принадлежащія имъ права человѣчества, и водворили ихъ кроткія добродѣтели въ дѣлахъ своей жизни, окружили ихъ уваженіемъ, душевною любовію, и въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ возвысили надъ поломъ мужескимъ. — Такимъ образомъ составился романтисмъ, происшедшій отъ смѣшенія міра христіанскаго съ германскимъ, принимавшій въ различныя времена и въ разныхъ странахъ разныя формы, но вообще отличающійся отъ древняго классицисма, который впрочемъ имѣлъ на него сильное вліяніе, и долгое время, ополчаясь оружіемъ изъ древнихъ арсеналовъ греческихъ и римскихъ, удерживалъ пареніе романтисма. Изъ древности перешли къ намъ ода, поэма эпическая, трагедія, комедія, сатира; новая литература присвоила ихъ себѣ, или подражала имъ безусловно, или же прибавляла къ нимъ стихію романтическую. Сама же она создала балладу, или романсъ, и *романъ*, собственно такъ называемый.

Младенчествующій человѣкъ, забавляясь играми и мечтаніями свѣтлыхъ, счастливыхъ дней своихъ, поетъ о небываломъ и несбыточномъ мірѣ, олицетворяетъ силы земныя, творитъ, въ пламенномъ своемъ воображеніи, мечтательныя существа, и вымышляетъ ихъ похожденія. Такъ родятся сказки, поэмы эпическія, баллады и самыя саги, въ которыхъ дѣйствительность подчиняется вы-

мыслу, и воображеніе украшаетъ сокровища памяти. Боги сходятъ на землю; богатыри состязаются съ ними; раждается цѣлый міръ чудесъ и духовъ. Но этотъ младенческій возрастъ мало по малу проходитъ. Человѣкъ мужаетъ умомъ и разсудкомъ: мечтанія и созданія свѣтлыхъ ребяческихъ дней разливаются въ ничто; ихъ мѣсто занимаютъ существенность, дѣйствительность. Мечтательныя божества исчезаютъ; богатыри изводятся. И гармоническій языкъ стихотворства уступаетъ мѣсто спокойной, повѣствующей и разсуждающей прозѣ. Въ это время раждается романъ, новая эпическая поэма, противоположная ей такъ, какъ драма противоположна трагедіи. Главное дѣло романа состоитъ въ изображеніи помышленій и судебъ людскихъ. Въ нихъ не описывается, какъ въ эпопеѣ, какое либо великое происшествіе, имѣвшее міровую значительность, а изображается человѣчество, проявляющееся въ частностяхъ. Романъ представляетъ намъ человѣка съ самаго его рожденія до полнаго развитія, и не довольствуясь повѣствованіемъ, излагаетъ причины и послѣдствія повѣствуемыхъ имъ событій. Гёте говоритъ объ этомъ въ своемъ Вильгельмѣ Мейстерѣ: «Въ романѣ преимущественно изображаются помышленія и происшествія; въ драмѣ характеры и дѣла. Романъ долженъ двигаться медленно, и помышленія лицъ должны, какимъ бы то средствомъ ни было, удерживать приближеніе его къ развязкѣ. Драма же должна поспѣшать: характеръ главнаго лица долженъ устремляться къ концу, и только

на короткое время задерживаться на пути препятствіями. Герой романа долженъ быть лице страдательное, по крайней мѣрѣ, не смѣетъ дѣйствовать сильно и рѣшительно; драматическій герой долженъ проявляться подвигами и дѣлами.» Очень естественно, что романъ, какъ и жизнь человѣческая, пересѣкается многими частными и посторонними происшествіями, что ходъ его прерывается размышленіями и даже нравоученіемъ. Романъ пишется въ прозѣ, слогомъ спокойнымъ, благороднымъ, гибкимъ, сообразующимся съ частными его требованіями. Разумѣется, что всѣ качества хорошаго литературнаго произведенія требуются отъ романа: поэтическій взглядъ на лица и дѣла, единство плана, вѣрность въ изображеніи характеровъ, и т. п. Вообще написать хорошій романъ задача довольно трудная. Не довольно того, чтобъ нанизать нѣсколько страшныхъ случаевъ, для потрясенія слабыхъ нервовъ, какъ въ твореніяхъ знаменитой нѣкогда Радклифъ; расписать вседневныя происшествія слезливымъ слогомъ, какъ у Августа Лафонтена. Эти творенія, по крайней мѣрѣ, не вредятъ нравственности. Но что сказать о тѣхъ романахъ, которыми распаляются страсти неопытнаго юношества, объ отвратительныхъ картинахъ разврата и нечестія, порожденныхъ особенно новою французскою школою, въ которыхъ все священное, великое, благородное попирается ногами; повиновеніе законамъ, благоговѣніе къ религіи и ея уставамъ выставляются предразсудкомъ и слабостью! Не до-

вольно того, что романистъ умѣетъ разительно и близко изображать сердце человѣка, его страсти и помышленія: онъ долженъ быть чтителемъ добродѣтели и благонравія. Что значатъ слава и знаменитость, пріобрѣтенныя въ умахъ хитрыхъ и утонченныхъ, когда люди добродѣтельные и благочестивые отказываютъ намъ въ одобреніи? Что значатъ рукоплесканія толпы, когда мудрецъ, любимый сынъ божества на земли, отвращается отъ нашихъ твореній съ ужасомъ и омерзѣніемъ! Не понимаю, какъ сочинитель книгъ нечестивыхъ и развратныхъ можетъ смотрѣть на собственныхъ своихъ дѣтей! Съ какимъ адскимъ чувствомъ боязни долженъ онъ скрывать отъ неопытнаго юноши, отъ непорочной дѣвицы свои творенія, которыми заражаетъ и губитъ нравственность своихъ ближнихъ!

Романы бываютъ различныхъ родовъ: философскіе, имѣющіе цѣлію объясненіе или доказательство какой либо мысли, чувствительные, юмористическіе, сатирическіе, и наконецъ историческіе. Который родъ лучше другихъ? Всѣ роды хороши въ рукахъ умнаго и геніяльнаго писателя. Въ новѣйшія времена вошли въ моду романы историческіе, дѣйствіе необыкновеннаго таланта Вальтеръ-Скотта, но, по моему мнѣнію, эти романы менѣе всѣхъ прочихъ могутъ назваться романами. Въ нихъ авторъ стѣсненъ рамами исторіи, и исторія искажается вымыслами и причудами поэзіи. Истинныя событія, дѣйствительныя лица представляются въ ложномъ

свѣтѣ; исторія затемняется вымыслами и неправдами. По моему мнѣнію, лучшіе историческіе романы суть тѣ, въ которыхъ авторъ изображаетъ нравы, обычаи, повѣрья данной эпохи, и только слегка касается лицъ и событій того времени, не смѣя ни малѣйшимъ образомъ искажать ихъ. Впрочемъ все это зависитъ отъ дара и особенности писателя. У Карамзина, напримѣръ, Мареа Посадница, является въ повѣсти какою-то странною куклою, за которую говоритъ авторъ языкомъ своего времени, выражаетъ понятія и взгляды нынѣшняго вѣка. Читая его повѣсть, никто не можетъ представить себѣ Мареы Посадницы, русской, новгородской. Но въ Исторіи его она является въ кокошникѣ и фатѣ, какъ была въ самомъ дѣлѣ. Это свидѣтельствуетъ, что Карамзинъ вполнѣ понималъ ее, но, будучи историкомъ болѣе нежели поэтомъ, въ повѣсти исказилъ истину историческую, не замѣнивъ ея поэтическою. Теперь возьмемъ Пушкина, поэта, жреца воображенія по превосходству. Въ Исторіи Пугачевскаго Бунта, онъ даетъ намъ слабый, ничтожный очеркъ характера и лица Пугачева: мы не знаемъ, что заключить изъ всего, что въ ней прочитали. Но тамъ, гдѣ рисуетъ его воображеніе, въ повѣсти Капитанская Дочка, изображаетъ онъ злодѣя съ удивительною вѣрностью.

Къ отдѣлу романовъ принадлежатъ повѣсти (nouvelles): онѣ объемомъ меньше романа, и отличаются отъ него содержаніемъ. Романъ изображаетъ жизнь и характеръ своего героя во всей

подробности. Въ повѣсти описывается какой либо отдѣльный случай изъ цѣлой жизни. Интересъ ея заключается не столько въ обрисовкѣ характеровъ и судебъ героя, какъ въ изображеніи особенныхъ положеній человѣка въ свѣтѣ и жизни. Слогомъ повѣсть не отличается отъ романа. И повѣсти бываютъ историческія, философскія, сатирическія, чувствительныя, и такъ далѣе.

Взглянемъ теперь на исторію романа. Онъ не существовалъ ни у Грековъ, ни у Римлянъ. Нѣкоторые критики утверждаютъ, что историческій романъ родился у Грековъ, и существовалъ у Римлянъ, что Исторія Геродота, Киропедія Ксенофонта, Жизнеописаніе Александрово Квинта-Курція — были романы историческіе, т. е. что дѣйствительная исторія смѣшана въ нихъ была съ вымыслами и прикрасами воображенія. Нѣтъ! это былъ особенный взглядъ на исторію. Авторы сихъ книгъ отнюдь не хотѣли вымышлять: они или сообщали дошедшія до нихъ народныя преданія, или полагали, что иначе нельзя писать исторіи, какъ украшая дѣйствительность вымышленными подробностями. Если называть историческими романами всякую исторію, написанную краснорѣчиво и съ прибавками автора, то едва ли найдется одна истинная исторія, отъ Геродота и Тита-Ливія до Карамзина. Мы называемъ историческимъ романомъ такое твореніе, при составленіи котораго самъ авторъ говоритъ, что онъ пишетъ не исторію, а сказку. Въ противномъ случаѣ одни сухіе временники и газетныя статьи составляли

бы исторію, а все прочее обратилось бы въ романъ.

Первые начатки нынѣшнихъ романовъ находимъ въ старинныхъ французскихъ повѣствованіяхъ Среднихъ Вѣковъ, которыя однако сочиняемы были не въ прозѣ, а въ стихахъ. Въ нихъ воспѣвали исторію Александра Македонскаго, и подвиги Карла Великаго, дѣянія Амадиса Галльскаго и другихъ королей и рыцарей того времени. Эти рыцарскіе романы были временники въ стихахъ, и сочиняемы были, на одинъ и тотъ же предметъ, въ Англіи, во Франціи, въ Германіи и въ Испаніи. — Въ XIII вѣкѣ Французы начали писать и обработывать прежніе свои рыцарскіе романы прозою. Характеръ тогдашняго Французскаго языка заключался въ рыцарской вѣрности, кроткомъ простодушіи, искренней вѣжливости съ примѣсью учености схоластической. Въ немъ еще не было той принужденности, той рабской правильности, которая сообщена ему въ послѣдствіи подражаніемъ слогу древнихъ классиковъ. Рыцарскіе романы возникли съ новою силою въ царствованіе Франциска I, любившаго рыцарскіе нравы, обычаи и потѣхи, но пора ихъ скоро прошла: въ рукахъ ученыхъ педантовъ они лишились своей оригинальности и простоты. Мѣсто рыцарскихъ романовъ заняли историческіе, политическіе и любовные. Въ сатирическомъ романѣ отличился, въ началѣ XVI вѣка, Францискъ Рабеле: онъ представилъ потомству остроумную, вѣрную карикатуру своего времени, написалъ

ее языкомъ свободнымъ, даже своевольнымъ, но чрезвычайно оригинальнымъ и выразительнымъ. — Въ XVII вѣкѣ, когда искусственная правильность и холодное педантство начали изгонять изъ французскаго языка естественность, простодушіе и свободу, родились историческіе романы Кальпренеда, въ которыхъ, подъ именами лицъ греческихъ и римскихъ, изображались происшествія и люди временъ новыхъ. Благородный, важный историческій романъ родился подъ перомъ добродѣтельнаго Фенелона. Комическій нашелъ остроумнаго писателя въ Скарронѣ. Лесажъ представилъ образцы романовъ нравоописательныхъ, въ которыхъ онъ, въ изображеніи характеровъ и склонностей людскихъ, уступаетъ развѣ одному Моліеру. Въ XVIII вѣкѣ французскіе романы сообразовались съ вѣкомъ развратнымъ, сентиментальнымъ и философскимъ. Жанъ-Жакъ Руссо, въ Новой Элоизѣ, представилъ пламенную, но, можетъ быть, преувеличенную картину страстей и волненій души изступленной, и прикрылъ движенія и дѣйствія порока цвѣтами своего краснорѣчія. Флоріанъ и Мармонтель издали образцы въ другомъ родѣ, имѣвшіе вліяніе и на Русскую Литературу въ хорошихъ переводахъ. Мармонтелевы Повѣсти прекрасно переведены Карамзинымъ. Выше всѣхъ французскихъ романистовъ XVIII вѣка должно поставить Бернарденъ-де-Сенъ-Піерра, автора Павла и Виргиніи, и Индѣйской Хижины, благороднаго, добродѣтельнаго чтителя

Бога и природы, достойнаго предшественника Шатобріанова.

Въ Испаніи рыцарскіе романы родились въ одно время съ французскими, и наводнили всю литературу. Сервантъ, въ своемъ Донъ-Кихотѣ, нанесъ имъ смертельный ударъ, и самъ представилъ образецъ творенія удивительнаго и неподражаемаго. Мендоса и Кеведо подали примѣръ и поводъ къ сочиненію такъ называемыхъ мошенническихъ и нищенскихъ романовъ, имѣвшихъ вліяніе на сочиненія Скаррона и Лесажа.

Въ Англіи XVIII вѣкъ ознаменовался классическими произведеніями въ этомъ родѣ, имѣвшими вліяніе на всѣ современныя литературы. Ричардсонъ сочинилъ Памелу, Клариссу и Грандиссона, въ которыхъ онъ изображалъ не людей, а олицетворенные добродѣтели и пороки. Эти романы, длинные, скучные, утомительные въ подробностяхъ, имѣли въ свое время успѣхъ необычайный. Въ то же время явились вѣрныя картины жизни человѣческой въ романахъ Фильдинга. Стернъ представилъ свѣту образцы юмористическаго романа въ Тристрамѣ Шанди, а Голдсмитъ заключилъ этотъ кругъ прекраснѣйшимъ въ своемъ родѣ твореніемъ: Вакефильдскій Священникъ, которое послужило образцемъ и правиломъ въ составленіи такъ называемыхъ романовъ фамильныхъ. Послѣ этого, поле англійскаго романа опустѣло до появленія Вальтеръ-Скотта.

Германія до половины XVIII вѣка пробавлялась романами рыцарскими и любовными, большею ча-

стію заимствованными у сосѣдей. Фамильные романы Англійскіе нашли созвучіе въ душахъ Нѣмцевъ и особенно Нѣмокъ, домовитыхъ и чувствительныхъ, скромныхъ на словахъ, и снисходительныхъ къ слабостямъ ближняго, когда эти слабости, называются какимъ нибудь сладкимъ именемъ. Романы съ тѣхъ поръ раждались въ Германіи ежегодно тысячами. Ихъ писали и пасторы и офицеры, и женщины и сидѣльцы въ книжныхъ лавкахъ. Каждое пятилѣтіе вводило въ моду новый родъ. Тяжелые романы Виланда, тяжелые и притомъ соблазнительные, плаксивый Зигвартъ, сонныя грезы геніяльнаго Жанъ-Поля, рыцарскія повѣсти Фейтъ-Вебера, великодушные разбойники, Ринальдо Ринальдини и Абеллино, философскіе романы Клингера, семейственныя картины Августа Лафонтена и множество другихъ являлись попеременно на сценѣ, блистали нѣсколько времени, и затемнялись новыми. Гёте и въ этомъ родѣ занимаетъ первое мѣсто. Его Вертеръ останется навсегда образцовымъ и единственнымъ. Жизнь Вильгельма Мейстера и Сродства по выбору пользуются извѣстностью и славою только въ Германіи, но въ другихъ странахъ не принялись. Счастливѣйшій последователь его есть Лудвигъ Тикъ.

Мы говорили доселѣ о произведеніяхъ, появившихся до XIX вѣка. Нашему столѣтію, обильному великими, странными и небывалыми дотолѣ событіями, принадлежитъ слава перерожденія и въ словесности. Литература не могла не отразить въ своемъ зеркалѣ бытій и характера своего времени. Вѣкъ

практическій и промышленый, вѣкъ пароходовъ и паровозовъ, ознаменовался въ произведеніяхъ словесности безпокойнымъ движеніемъ, изыска-ніемъ новыхъ путей, страстью къ минутнымъ на-слажденіямъ, предпочтеніемъ существеннаго иде-альному.

Во Франціи явился геній первостепенный и бли-стательный въ лицѣ Шатобріана, который къ до-стоинствамъ писателя и поэта присоединяетъ прав-ственное величіе благороднаго человѣка и честнаго гражданина. Онъ открылъ глазамъ своихъ совре-менниковъ новыя, блистательныя красоты тамъ, гдѣ дотолѣ господствовали мракъ и недоумѣніе; онъ затрогалъ струны сердца человѣческаго, раз-строенныя, ослабшія въ атмосферѣ слабостей, по-роковъ и преступленій вѣка. Совмѣстницею его, во владычествѣ на парнассѣ французскомъ, была необыкновенная женщина, Госпожа Сталь, пла-менная и чувствительная, умная и великодушная, въ которой соединялись всѣ достоинства писате-ля и писательницы. Въ продолженіе пятнадцати-лѣтняго спокойствія, послѣдовавшаго за возстано-вленіемъ Бурбоновъ, разцвѣли, укрѣпились, про-славились во Франціи многіе писатели съ необыкно-венными дарованіями: къ сожалѣнію, нѣкоторые, лучше сказать, многіе изъ нихъ увлеклись стран-ными понятіями о цѣли и достоинствѣ литературы и поэзіи, и отъ этого родилась такъ называемая неистовая школа, которая, по расторженіи всѣхъ узъ и преградъ въ 1830 году, наводнила и Фран-цію и Европу своими уродливыми произведеніями,

смѣшанными, какъ замѣтилъ одинъ критикъ, изъ грязи и крови. Но цѣленіе зла находится въ самомъ его излишкѣ. Нынѣ произошелъ въ литературѣ Франціи какой-то застой, наступило недоумѣніе, которое, вѣроятно, разрѣшится чѣмъ нибудь новымъ. Дай Богъ, чтобъ это новое было и хорошее! Мы потому особенно обращаемъ вниманіе на литературу Франціи, что она имѣетъ непосредственное вліяніе на русскую, и заблужденія тамошнихъ умныхъ головъ отражаются у насъ въ глупыхъ: можно вообразить себѣ, что оттого происходитъ!

Въ Англіи, въ нынѣшнемъ вѣкѣ, романъ оживился геніемъ Вальтеръ-Скотта. Не имѣю надобности исчислять и характеризировать его сочиненія, извѣстныя всѣмъ моимъ слушателямъ. Скажу только, что они имѣли сильное вліяніе на всю литературную Европу, и благодѣтельное и вредное, благодѣтельное тѣмъ, что представили ей прекрасные, оригинальные образцы въ новомъ родѣ, занимательные и поучительные, пріятные и нравственные; вредное тѣмъ, что породили множество подражаній, бо́льшею частію неудачныхъ: нѣтъ ни одного важнаго историческаго событія, которое не было бы искажено въ какомъ нибудь нѣмецкомъ или французскомъ историческомъ романѣ.

Германія, въ новѣйшее время, кажется, не произвела въ этомъ родѣ ничего такого, что могло бы обратить на себя общее вниманіе. Лучшіе историческіе романы написаны Шпиндлеромъ, Ге-

рингомъ и Фанъ-деръ-Фельдомъ. Юная Германія бредитъ и бѣснуется.

Перейдемъ къ Россіи.

До конца XVIII вѣка у насъ вовсе не было собственныхъ своихъ романовъ. *Кадмъ и Гармонія, Полидоръ* Хераскова были скучные разсказы несбыточныхъ происшествій, написанные слогомъ тяжелымъ и варварскимъ. Ихъ читали изъ одного патріотисма, чтобъ только сказать: я читаю русскія книги. Карамзинъ своими повѣстями началъ новую эру. Его *Бѣдная Лиза, Наталья боярская дочь, Прекрасная Царевна, Островъ Борнгольмъ* написаны первыя чистымъ, русскимъ, понятнымъ языкомъ: онѣ-то ознаменовали преобразованіе въ нашемъ слогѣ; онѣ доказали, что по-русски можно писать благородно, пріятно, понятно для читателей всякаго рода. Онъ началъ было и романъ: *Рыцарь нашего времени*, но остановился на первыхъ главахъ. Первыя его повѣсти несравненно лучше послѣднихъ; его *Марѳа Посадница*, какъ мы уже говорили, не имѣетъ большаго достоинства: она написана съ натяжкою, какимъ-то изысканнымъ, принужденнымъ слогомъ. Въ свое время она пользовалась большою славою. Мы возвращаемся къ Натальѣ боярской дочери.

Примѣръ Карамзина, какъ мы говорили, породилъ множество подражателей, и очень мало удачныхъ. Всѣ эти чувствительныя повѣсти, Бѣдныя Маши, Бѣдныя Дуняши, Жалкія Параши и тому подобныя, потонули въ рѣкѣ забвенія.

Первые собственно русскіе романы вздумали писать у насъ Нарѣжный, человѣкъ съ умомъ и дарованіемъ, но онъ ошибся въ знаменованіи романа, который есть не карикатура, а картина жизни. Притомъ не руководствовался онъ чистымъ вкусомъ, и языкъ его былъ грубый и неправильный. Обстоятельства долгое время препятствовали изданію въ свѣтъ одного его романа, и публика, слыша о томъ, что эта книга не можетъ быть напечатана, вообразила, что въ ней заключается невѣсь что. Обнародованіе нѣкоторыхъ повѣстей Нарѣжнаго ее разочаровало.

Справедливость побуждаетъ меня сказать то, что всѣмъ у насъ давно извѣстно. Первый русскій романъ написанъ и изданъ у насъ Булгаринымъ. Онъ отважился выступить на это скользкое поприще, до него никѣмъ еще не пройденное, и имѣлъ успѣхъ, дотолѣ неслыханный. *Ивана Выжигина* разошлось нѣсколько тысячъ экземпляровъ, къ удовольствію публики, и къ досадѣ книжниковъ и фарисеевъ, которые не успѣвали сбывать собственныхъ своихъ произведеній. Не имѣю надобности, да и не смѣю входить въ подробный разборъ этого автора. Будучи съ нимъ связанъ въ теченіе двадцати лѣтъ самою тѣсною дружбою, я читалъ всѣ его произведенія въ рукописи, и онъ не пренебрегалъ моими совѣтами. Могу ли теперь всенародно порицать то, что хвалилъ наединѣ? А хвалить его при всѣхъ также не ловко. Вообще въ нашей литературѣ есть два писателя, о которыхъ я не могу возгла-

шать моего мнѣнія: это Ѳаддей Венедиктовичъ Булгаринъ и Николай Ивановичъ Гречъ. При этомъ однако жъ всепокорнѣйше прошу не думать, чтобъ я былъ худаго мнѣнія о собственныхъ моихъ твореніяхъ. Отнюдь нѣтъ! Я, какъ и всѣ писатели въ мірѣ, полагаю, что лучше моихъ сочиненій нѣтъ и быть не можетъ. Доказательствомъ же тому служитъ простая истина: если бъ я зналъ, какъ лучше написать, то непремѣнно бы такъ написалъ. Не вѣрьте тому сочинителю, который говоритъ, что не хотѣлъ написать лучше. Нѣтъ, просто не могъ. Одно можетъ быть приведено имъ въ извиненіе: недосужество, недостатокъ времени. Но романъ не экстрактъ изъ апелляціоннаго дѣла, который долженъ поспѣть къ сроку. — Одно могу я еще сказать о Булгаринѣ. Причиною жестокихъ и несправедливыхъ на него нападокъ было то обстоятельство, что онъ журналистъ, критикъ, рецензентъ, правоописатель, что въ этомъ званіи онъ врагъ и гонитель всѣхъ посредственностей, которыя, при появленіи его собственныхъ сочиненій, напали на нихъ со всѣмъ ожесточеніемъ глупой злобы. Они не удовольствовались бранью въ Россіи: отправили эмиссара за границу, который тамъ, при помощи какого-то ренегата, скропалъ цѣлую книгу, чтобъ доказать умъ и таланты своихъ друзей, и унизить Булгарина во всѣхъ отношеніяхъ. Эти люди, какъ собаки въ баснѣ Крылова:

На что ни взглянутъ,
Поднимутъ страшный лай.

А ты, *Өаддей*, своей дорогою ступай:
Полаютъ и отстанутъ!

Вскорѣ послѣ Булгарина выступилъ на это же поприще Загоскинъ, и занялъ, въ числѣ нашихъ романистовъ, почетное мѣсто, которое удержалъ понынѣ. Его *Юрій Милославскій* принятъ былъ съ общимъ одобреніемъ, и заслуживалъ этого. Въ немъ, правда, не совершенно сохраненъ колоритъ начала XVII вѣка, проглядываютъ и новыя мысли и не тогдашніе, не старинные обычаи, но онъ изобилуетъ оригинальными, интересными характерами, прекрасными описаніями, и удивительною естественностію въ драматическихъ сценахъ. Юрій Милославскій разсѣялся по всей Россіи, вездѣ возбуждалъ искреннюю хвалу, вездѣ приносилъ удовольствіе читателямъ и читательницамъ, вездѣ доставлялъ уваженіе и любовь автору. Вотъ истинная, ни съ чѣмъ несравненная и ничѣмъ незамѣнимая награда писателю! Изъ тиши своего кабинета дѣйствовать на отечественную публику, приводить въ сладкій трепетъ и въ умиленіе сердца способныя чувствовать великое и изящное, и въ дальнихъ краяхъ, въ неизвѣстныхъ уголкахъ пріобрѣтать себѣ друзей и чтителей между людьми съ умомъ, сердцемъ и образованіемъ, между людьми, жаждущими родной умственной пищи, и благодарными тому, кто ихъ насыщаетъ! Это сладостное чувство вознаграждаетъ благороднаго литератора за всѣ труды, терзанія и лишенія въ свѣтѣ. — Другой романъ Загоскина, *Рославлевъ, или Русскіе въ 1812 году*, имѣетъ большія достоин-

ства въ исчисленныхъ мною отношеніяхъ, но онъ не имѣлъ успѣха Юрія Милославскаго. Главною тому причиною была близость изображаемой эпохи, свѣжесть истинныхъ, испытанныхъ читателями на самомъ дѣлѣ впечатлѣній, которыя уничтожали своею яркостью, блескомъ и свѣжестью всѣ вымыслы и причуды воображенія. Послѣдовавшіе романы Загоскина слабѣе, но всѣ имѣютъ свою цѣну. Прекрасны повѣсти его, *Кузьма Рощинъ* и другія, помѣщенныя въ Библіотекѣ для Чтенія.

Г. Лажечниковъ, авторъ *Послѣдняго Новика, Ледянаго Дома, Басурмана*, пріобрѣлъ по справедливости вниманіе и уваженіе публики отечественной. Въ двухъ первыхъ романахъ онъ очень счастливо воспользовался тою счастливою для романиста, богатою характерами и случаями эпохою, когда просвѣщеніе европейское водворялось въ полуазіятской дотолѣ Россіи, когда происходила борьба стараго съ новымъ. Къ сожалѣнію, онъ слишкомъ самовольно поступилъ съ нѣкоторыми лицами нашей исторіи и литературы, представивъ ихъ въ превратномъ видѣ. Еще должно сказать, что его романы были бы гораздо привлекательнѣе, если бъ чистота и правильность слога соотвѣтствовали въ нихъ занимательности содержанія. Въ этомъ отношеніи особенно грѣшитъ послѣдній романъ его. Впрочемъ и нельзя требовать, чтобъ Басурманъ чисто говорилъ по-русски. Слогъ, милостивые государи, въ твореніяхъ воображенія и чувства дѣло великое! Это не наружная одежда,

составляющая несущественную часть человѣка. Это тѣло, облекающее и проявляющее духъ его. Это прекрасные глаза, которыми говоритъ пламенная душа, а что можетъ быть лучше прекрасныхъ глазъ!

Достоинствомъ слога отличается романъ *Монастырка*, сочиненный покойнымъ А. А. Перовскимъ, и изданный подъ псевдонимомъ Погорѣльскаго. Созданіе прелестное, особенно первая его часть. Три письма молодой монастырки могутъ служить образцемъ благородства, искренности чувствъ и пріятнаго, увлекательнаго простотою слога!

Г. Вельтманъ подарилъ насъ романами большаго достоинства. Его *Кощей Безсмертный* заключаетъ въ себѣ рядъ картинъ занимательныхъ, оригинальныхъ, схваченныхъ съ подлинниковъ славянскихъ, и мастерски написанныхъ.

Романы и повѣсти Полеваго уступаютъ другимъ его сочиненіямъ. Умный и основательный критикъ чужихъ твореній, искусный и счастливый писатель драматическій, не имѣлъ такой же удачи въ своихъ романахъ. Но они имѣютъ свое неотъемлемое достоинство: въ *Клятвѣ при Гробѣ Господнемъ* изображенъ старинный бытъ русскій съ удивительною точностью. Повѣсти его дышатъ чувствомъ и страстью. Но все это не додѣлано, не кончено. Г. Полевой трудится такъ много, и въ столькихъ различныхъ родахъ, что не можетъ дать своимъ произведеніямъ окончательной отдѣлки.

У насъ есть романъ, пока еще существующій въ рукописи, и извѣстный только немногимъ. Два отрывка изъ него, за нѣсколько лѣтъ предъ симъ, напечатаны были въ Сынѣ Отечества. Этотъ романъ, если только выйдетъ въ свѣтъ, займетъ первое мѣсто, какъ вѣрностью изображенія русскихъ нравовъ, такъ и оригинальностью характеровъ, занимательностью содержанія, высокою нравственною цѣлію, теплотою чувства и мастерскимъ русскимъ слогомъ. Всего достойнѣе замѣчанія то, что онъ написанъ дамою. Я намѣревался было прочитать отрывокъ изъ него, но не могъ выбрать: не трудно снять одно зерно съ нитки, нанизанной механически, но какъ вынете вы часть изъ живаго органическаго цѣлаго, не повредивъ ей, не лишивъ ея жизненности!

Если одинъ хорошій романъ у насъ не напечатанъ, то сотни дурныхъ разгуливаютъ по всему Русскому Царству. Ихъ сочиняютъ обыкновенно, въ Москвѣ, какіе-то литературные нетопыри, невляющіеся на свѣтѣ божій. Книгопродавцы покупаютъ рукопись за безцѣнокъ, печатаютъ ее на сѣрой бумагѣ, пряничными буквами, и разсылаютъ книжки съ Суздалами во вся концы, а покупаютъ ихъ простодушные провинціялы. Всего хуже то, что эти литературные контрабандисты даютъ своимъ исчадіямъ заглавія книгъ, извѣстныхъ публикѣ. Въ числѣ этихъ уродливыхъ поддѣлокъ есть и Иванъ Выжигинъ, и Монастырка, и Черная Женщина. Одинъ петербуржскій журналистъ, увѣдомляя своихъ читателей о выходѣ въ Москвѣ поддѣланной

Черной Женщины, объявилъ, что она, по его мнѣнію, лучше оригинальной. Можетъ быть: вкусъ на вкусъ не приходитъ.

Повѣсти являются у насъ въ неимовѣрномъ числѣ. Укажемъ на лучшія. Пушкинъ издалъ нѣсколько повѣстей, подъ заглавіемъ: *Повѣсти Бѣлкина.* Онѣ были очень посредственны, слабы вымысломъ, невполнѣ развиты и написаны небрежно. Критика полагала, что онъ не въ состояніи написать въ этомъ родѣ ничего хорошаго, но онъ вскорѣ доказалъ, что она въ этомъ случаѣ ошиблась. Его *Пиковая Дама* и *Капитанская Дочка* занимаютъ первыя мѣста въ ряду повѣстей русскихъ. Особенно изобилуетъ неподдѣльными красотами Капитанская Дочка, въ которой Пушкинъ, съ удивительнымъ искусствомъ, умѣлъ схватить и выразить характеръ и тонъ средины XVIII вѣка.

Другой геніяльный авторъ повѣстей, извѣстный въ литературѣ подъ именемъ Марлинскаго, оставилъ намъ нѣсколько прекрасныхъ произведеній въ этомъ родѣ: *Амалатъ-Бекъ*, *Фрегатъ Надежда*, *Наѣзды* и многія другія его созданія восхищаютъ и будутъ долго восхищать публику безпристрастную. Въ одномъ можно упрекнуть этого автора, въ излишней манерности, въ изысканности выраженій, сравненій и противоположностей. Эти блестки иногда очень забавны и милы, но безпрестанное повтореніе лишаетъ ихъ оригинальности и свѣжести. Впрочемъ этотъ недостатокъ заглаживается у нашего автора красотами самородными.

Что же сказать о тѣхъ писателяхъ, которые, не имѣя ни таланта, ни воображенія его, стараются подражать ему въ слабостяхъ и недостаткахъ, вымышляютъ несбыточныя картины, натягиваютъ уродливыя уподобленія, выдумываютъ странныя и нелѣпыя слова, и безъ милосердія коверкаютъ Русскій Языкъ!

Очень забавны малороссійскія повѣсти Г. Гоголя, изданныя подъ названіемъ: *Вечера на хуторѣ близъ Диканки*, и сверхъ того напечатанныя въ разныхъ сборникахъ. Въ нихъ видна малороссійская замысловатость, прикрывающаяся простодушіемъ; въ нихъ представлены въ привлекательномъ видѣ нравы, обычаи и повѣрья поэтической Малороссіи. Въ другихъ разсказахъ авторъ рисуетъ презабавныя карикатуры тамошнихъ помѣщиковъ. Мы не дерзаемъ оскорблять даровитаго Гоголя сравненіемъ его съ величайшими геніями древнихъ и новыхъ временъ, принесеніемъ ему въ жертву всѣхъ прочихъ русскихъ писателей, но съ удовольствіемъ признаемся, что охотно читаемъ его сочиненія; читаемъ даже съ пользою, внося изъ нихъ въ памятную книжку примѣры, какъ не должно писать по-русски. — Еще привлекательнѣе, оригинальнѣе, теплѣе малороссійскіе разсказы Г. Квитки, печатающаго ихъ подъ псевдонимомъ Грицка Основьяненка.

Г. Павловъ обратилъ на себя вниманіе публики тремя повѣстями, которыя содержаніемъ своимъ не могли нравиться, но написаны были хорошо,

умно, гладко и пріятно. Отъ него ожидали многаго. Надежды эти не сбылись. Изданныя имъ недавно три новыя повѣсти написаны страннымъ, дикимъ, вычурнымъ слогомъ. Я привелъ въ третьемъ моемъ Чтеніи одинъ изъ нихъ отрывокъ. Г. Павловъ писатель съ истиннымъ, рѣшительнымъ дарованіемъ. Совѣтуемъ ему не увлекаться дурными примѣрами и вредными совѣтами, мыслить по-человѣчески, и писать по-русски. — Въ Петербургѣ есть молодой писатель въ этомъ родѣ, съ большимъ дарованіемъ, съ умомъ и воображеніемъ. И онъ смахиваетъ на то же безвкусіе. Жаль! Что бы опомниться?

Въ безчисленномъ множествѣ новыхъ повѣстей, съ удовольствіемъ отличаемъ разсказы Госпожи Жуковой, издавшей ихъ подъ заглавіемъ: *Вечера на Карповкѣ;* повѣсти Графини Растопчиной; прекрасную оригинальную повѣсть неизвѣстнаго писателя, подъ заглавіемъ *Неровня*, напечатанную въ Сынѣ Отечества прошлаго года, и представляющую въ близкихъ чертахъ оригинальный бытъ нашихъ среднихъ сословій *.

Вотъ все, что я могъ сказать о предметѣ столь обширномъ и разнообразномъ, какъ литература романовъ и повѣстей. Кажется, что я не пропу-

---

* Вслѣдъ за симъ прочтены были, въ примѣръ разсказа и слога романовъ и повѣстей, отрывки изъ *Кощея Безсмертнаго*, (ч. I, стр. 264), изъ *Рославлева* (ч. I, стр. 110—127) и окончаніе *Капитанской Дочки*.

стилъ ничего важнаго и замѣчательнаго, а ежели и пропустилъ, то скажу, какъ старинные наши лѣтописцы: *Отцы и братіе! еже ся гдѣ описалъ, или переписалъ, или недописалъ, чтите, исправливая Бога для, а не кляните!*

ПЯТНАДЦАТОЕ ЧТЕНІЕ.

(29-го Марта.)

I.

Бесѣды мои о Русскомъ Языкѣ намѣренъ я заключить изложеніемъ правилъ о порядкѣ, или размѣщеніи словъ въ предложеніи или въ періодѣ.

Долгое время господствовала въ нашей литературѣ странная и несправедливая мысль, будто Русскій Языкъ въ размѣщеніи словъ пользуется совершенною свободою или, лучше сказать, своевольствомъ. Ставь слова, какъ хочешь — все равно, преговаривали старики. И это называли даже преимуществомъ, особенною красотою Русскаго Слова! Переводчики и подражатели, перенося въ Русскій Языкъ періоды иностранные, преимущественно латинскіе и нѣмецкіе, щеголяли ненатуральною, противною русскому уму и слуху конструкціею. Сущій Цицеронъ! говорили они, исковеркавъ русскій пе-

ріодъ. Они не догадывались, что если бъ Цицеронъ возродился въ Россіи, онъ сталъ бы писать совсѣмъ не такъ, какъ писалъ въ Римѣ. Они не замѣчали, что Русскій Языкъ образовался по Церковно-Славянскому, въ которомъ конструкція, заимствованная изъ греческаго, простая, естественная, строго логическая; что Русскій Народъ не говоритъ такъ, какъ писали Тацитъ и Готшедъ. Возьмемъ въ примѣръ нѣсколько фразъ изъ Ломоносова: *Уже мы, Римляне, Катилину, столь дерзновенно насильствовавшаго, на злодѣяніе покушавшагося, погибелью отечеству угрожавшаго, изъ града нашего изгнали.* Это періодъ латинскій. Теперь послушаемъ нѣмецкаго: «*Благополучна Россія, что единымъ языкомъ едину Вѣру исповѣдуетъ, и единою благочестивѣйшею Самодержицею управляется, великій въ ней примѣръ къ утвержденію въ Православіи видитъ.*» Слова здѣсь русскія, правила грамматики соблюдены въ точности, а складъ рѣчи дикій и чуждый. Языкъ Русскій съ трудомъ выпутывался изъ этихъ сѣтей, когда явился на поприщѣ словесности нашей Карамзинъ: онъ не толковалъ, не доказывалъ, почему этотъ слогъ не хорошъ, а самъ началъ писать какъ должно, и примѣромъ своимъ увлекъ современниковъ и послѣдователей. Слѣпые поклонники старины, тяжелые педанты, отъ которыхъ, по словамъ Князя Вяземскаго, несетъ латынью, долго ратоборствовали за свое косноязычіе, но послѣ умолкли и они.

При составленіи моихъ Грамматикъ обращалъ я особенное вниманіе на поясненіе и изложеніе сего

важнаго предмета, который былъ обработанъ до меня, и то слегка, профессоромъ Давыдовымъ. Вотъ главнѣйшіе мои выводы.

Русскій Языкъ, въ размѣщеніи словъ, слѣдуетъ законамъ логики: выражаетъ сначала дѣйствующій предметъ, потомъ дѣйствіе, за нимъ предметъ, на который дѣйствіе обращается, вслѣдъ же за тѣмъ дальнѣйшія обстоятельства. Слова опредѣлительныя располагаются вблизи опредѣляемыхъ, дополненія слѣдуютъ непосредственно за дополняемыми частями; все это сообразуется съ свойствомъ и требованіемъ смысла въ предложеніи.

Порядокъ словъ въ предложеніяхъ бываетъ двоякій: *естественный*, или первоначальный, и *измѣненный*. Первый основанъ на обыкновенномъ ходѣ нашихъ мыслей; послѣдній сообразуется съ различными движеніями души говорящаго, которыми измѣняется порядокъ естественный. Первый случай встрѣчается гораздо чаще, и можетъ быть подведенъ подъ общія правила. Посему мы изложимъ преимущественно законы естественнаго порядка словъ, упоминая объ измѣненномъ, какъ о частныхъ исключеніяхъ.

Предложенія, по смыслу своему, бываютъ: *повѣствовательныя*, въ которыхъ что либо утверждается или отрицается о подлежащемъ: *Солнце свѣтитъ. Этотъ человѣкъ нездоровъ. Храбрость есть первое качество солдата.* — *Вопросительныя*, которыми требуется утвержденія или отрицанія, т. е. дополненія которой либо части предложенія:

Пили ли вы чай? Сколько вамъ лѣтъ отъ роду? Не хотите ли прогуляться? — *Повелительныя*, которыми выражается требованіе, повелѣніе, желаніе: *Ступай домой! Будь спокоенъ! Молчать!*

Основныя правила размѣщенія словъ, въ Русскомъ Языкѣ, суть слѣдующія: 1. Важнѣйшее слово должно ставить въ началѣ предложенія, и 2. Если въ началѣ поставлено слово главное, или необходимое по связи грамматической, то важнѣйшее за нимъ ставить въ самомъ концѣ.

На основаніи этого, повѣствовательное предложеніе располагается, въ естественномъ порядкѣ, слѣдующимъ образомъ: подлежащее, связка, сказуемое. Напримѣръ: *Азія обширна. Аѳины были славны. Россія благоденствуетъ. Гордость и дерзость суть спутницы глупости и невѣжества. Ломоносовъ и Державинъ жили и писали въ Россіи. Великій Петръ, герой и законодатель, есть славнѣйшій изъ государей XVIII столѣтія. Языкъ и словесность суть главные способы народнаго образованія.*

Этотъ порядокъ измѣняется, когда мы хотимъ обратить вниманіе на какую либо часть предложенія въ особенности; напримѣръ: *Великъ Богъ.* Здѣсь мы не хотимъ опредѣлять качества божіи, а выказываемъ одно то, которое въ сію минуту болѣе другихъ для насъ важно. *Былъ человѣкъ, который утверждалъ, что науки вредны.* Здѣсь глаголъ *былъ* поставленъ въ началѣ, потому что дѣло состоитъ не въ человѣкѣ, не въ качествахъ его, а въ возможности *бытія*, существованія такого

человѣка. По этому правилу расположены слова въ слѣдующихъ предложеніяхъ: *Раздался звукъ вѣчеваго колокола, и вздрогнули сердца въ Новѣгородѣ.*

Въ предложеніи вопросительномъ, требующемъ пополненія которой либо части, слова располагаются такъ: 1. Нарѣчіе или мѣстоименіе вопросительное. 2. Существительное имя или мѣстоименіе. 3. Остальная часть предложенія. Примѣры: *Гдѣ ты былъ? Куда вы идете? Съ кѣмъ ты водишься? Отчего ты не веселъ? Который часъ? Каковъ мой пріятель? Почемъ эта бумага?*

Въ вопросительныхъ предложеніяхъ сего рода, первая часть (т. е. мѣстоименіе или нарѣчіе), на основаніи перваго изъ общихъ правилъ, полагается впереди, а важнѣйшая изъ слѣдующихъ за нею (имя или глаголъ), ставится въ концѣ; напримѣръ: *Что Иванъ дѣлаетъ? Что дѣлаетъ Иванъ?* Въ первомъ случаѣ вопросъ относится болѣе къ дѣйствію: хотятъ знать, что такой-то именно дѣлаетъ; въ послѣднемъ вопросъ болѣе касается лица: хотятъ знать, что дѣлаетъ именно такой-то, въ противоположность иному лицу. Можно, въ этомъ случаѣ, на основаніи перваго правила, поставить въ началѣ подлежащее, а за нимъ вопросительное слово; напримѣръ: *Иванъ что дѣлаетъ?*

Въ предложеніи вопросительномъ, требующемъ утвержденія или отрицанія, слова располагаются такъ: 1. Предметъ вопроса; главное слово, требующее утвержденія или отрицанія. 2. Союзъ *ли*. 3. Остальная часть предложенія. Напримѣръ: «*Ты*

ли тамъ былъ? *Тамъ* ли ты былъ? *Былъ* ли ты тамъ?» — И здѣсь, въ остальной части предложенія, важнѣйшее изъ другихъ словъ полагается въ концѣ; напримѣръ: «Тамъ ли ты *былъ*? Тамъ ли былъ *ты*?»

Предложенія восклицательныя располагаются точно такъ, какъ вопросительныя; напримѣръ: *Какая радость! Перестанешь ли плакать!*

Предложенія, служащія отвѣтомъ, располагаются, какъ повѣствовательныя. Къ числу ихъ принадлежатъ утвердительныя, въ которыхъ связь подлежащаго со сказуемымъ, т. е. бытіе или дѣйствіе, представляется не только возможнымъ, но и необходимымъ, непремѣннымъ. Такія предложенія располагаются какъ вопросительныя, съ тою только разностію, что мѣстоименія и нарѣчія вопросительныя замѣняются указательными и утвердительными; напримѣръ: *Таковъ былъ великій Петръ! Вотъ награда за труды! Такъ торжествуетъ добродѣтель!*

Въ предложеніяхъ повелительныхъ, наблюдается слѣдующій порядокъ: 1. Глаголъ. 2. Существительное имя или мѣстоименіе (подразумѣваемое). 3. Остальная часть предложенія. Напримѣръ: *Будь* (ты) *счастливъ! Подай* (ты) *воды! Станемъ* (мы) *писать! Начнемъ* (мы) *повѣсть! Стойте* (вы) *твердо! Бейте* (вы) *враговъ! Да здравствуетъ Россія! Да процвѣтаютъ науки! Не страшись клеветы.*

Въ предложеніяхъ сослагательныхъ, или предположительныхъ, наблюдается порядокъ повѣство-

вательныхъ. Союзъ *бы* полагается обыкновенно подлѣ глагола; напримѣръ: «Брату моему хотѣлось *бы* ѣхать. Я успѣлъ *бы* написать. Ты былъ *бы* счастливъ.» Если должно усилить значительность лица противу дѣйствія, союзъ поставляется подлѣ имени или мѣстоименія; напримѣръ: *Мнѣ бы этого не хотѣлось.* Союзъ сей полагается предъ глаголомъ и въ томъ случаѣ, когда глаголу случится быть въ самомъ концѣ предложенія, ибо неловко было бы окончить предложеніе союзомъ; напримѣръ: *Онъ бы на это не согласился,* вмѣсто: *Онъ на это не согласился бы.*

Звательное слово полагается въ началѣ, въ срединѣ и въ концѣ предложенія, смотря по важности онаго; напримѣръ: «*Сограждане!* дерзаю говорить о Екатеринѣ. Что дѣлаемъ и къ чему приступаемъ, *Россіяне!* Выслушайте, *друзья,* повѣсть древнихъ лѣтъ.» Въ первомъ случаѣ писатель именно называетъ того, къ кому обращаетъ рѣчь. Во второмъ дѣйствіе и предметъ его важнѣе, нежели лице дѣйствующее, но и послѣднее должно быть наименовано. Въ послѣднемъ, звательное слово, какъ вставочное, можетъ быть и выпущено.

Въ предложеніяхъ придаточныхъ наблюдается тотъ же порядокъ: въ началѣ полагается союзъ или мѣстоименіе, коимъ придаточное предложеніе присовокупляется къ главному; за нимъ слѣдуютъ другія части, въ обыкновенномъ порядкѣ; напримѣръ: *человѣкъ, который любитъ своихъ ближнихъ; человѣкъ, котораго добродѣтели всѣмъ извѣстны; человѣкъ, котораго любятъ всѣ добрые*

люди; человѣкъ, котораго всѣ добрые люди любятъ за его праводушіе. Приходи ко мнѣ, когда получишь позволеніе. Знаешь ли, что говорятъ о тебѣ въ городѣ? Люблю того, кто смѣло говоритъ правду. Книги, какъ вѣрные друзья, утѣшаютъ меня. Книги, какъ друзья вѣрные, никогда меня не оставляютъ. Изъ всѣхъ сихъ примѣровъ видно, что слова придаточнаго предложенія располагаются въ порядкѣ естественномъ; но какъ первое мѣсто занято союзомъ или мѣстоименіемъ, то важнѣйшее изъ прочихъ словъ, на основаніи втораго изъ главныхъ правилъ, полагается въ концѣ. Если въ придаточномъ предложеніи употреблены слова подобныя или совершенно противоположныя словамъ главнаго, то и расположеніе ихъ должно быть сходное; напримѣръ: *Чѣмъ продолжительнѣе зима, тѣмъ теплѣе лѣто. Чѣмъ дѣти послушнѣе, тѣмъ они счастливѣе.*

Въ короткихъ вставочныхъ предложеніяхъ, употребляемыхъ для наименованія пишущаго или говорящаго, наблюдается порядокъ измѣненный; напримѣръ: «Нѣтъ! (*сказала она*) я на это не соглашусь. Лѣто у насъ (*пишетъ братъ мой*) сухое и жаркое.»

Опредѣленія полагаются вообще непосредственно при опредѣляемомъ ими словѣ; напримѣръ; «*Ржаной* хлѣбъ вкусенъ. *Ржаной* хлѣбъ *очень* вкусенъ. *Мой* другъ не любитъ *шумныхъ* обществъ. *Истинно великіе* люди *всегда* презираютъ *низкія* средства. *Храбро* сражаться есть долгъ воина.»

Опредѣляющія слова существительныхъ размѣ-

щаются въ слѣдующемъ порядкѣ: 1. Мѣстоименіе прилагательное, сначала указательное, потомъ притяжательное. Слова *весь* и *оба* полагаются въ самомъ началѣ. 2. Имя прилагательное обстоятельственное (слѣдственно и числительное). 3. Имя прилагательное качественное. 4. Имя прилагательное притяжательное, личное или родовое. 5. Имя существительное. Напримѣръ: *этотъ первый домъ; тотъ нашъ всегдашній другъ; мой усердный поклонъ; этотъ мой синій мѣшокъ; третій рыжій лисій хвостъ; эта новая медвѣжья шуба; старый женинъ нарядъ; весь мой прежній просторный птичій дворъ; оба эти старые слоновьи клыка.*

Если при существительномъ находятся нѣсколько прилагательныхъ качественныхъ, подлѣ него ставится прилагательное, коимъ означается качество существенное, а далѣе полагаются прочія, по мѣрѣ важности оныхъ; напримѣръ: *новый черный суконный кафтанъ; молодая рѣзвая чернобурая лошадь.* Ближе всѣхъ полагается прилагательное неотъемлемое; напримѣръ: *прекрасный Каменный Островъ; бурное Черное Море.*

Прилагательное качественное имя ставится обыкновенно предъ существительнымъ; напримѣръ: *вѣрный другъ; новый домъ; пріятная погода.* Оно можетъ итти за существительнымъ именно въ слѣдующихъ случаяхъ: а) Когда исчисляются нѣсколько изъ многихъ качествъ существительнаго, а объ остальныхъ какъ бы умалчивается; напримѣръ: «онъ человѣкъ *честный, умный.*» Отъ этого происходитъ, что выраженіе *добрый человѣкъ*

есть хвала, а *человѣкъ добрый* косвенное порицаніе, ибо послѣ онаго ожидаемъ исчисленія другихъ качествъ, можетъ быть, уничтожающихъ первое. б) Когда при имени прилагательномъ находятся дополненія; напримѣръ: «Петръ былъ государь *великій* и на полѣ битвы и среди мира.» в) Когда имя прилагательное не столько означаетъ качество существительнаго, сколько ограничиваетъ объемъ его, и замѣняетъ придаточное, ограничительное предложеніе; напримѣръ: «Человѣкъ *непросвѣщенный* знаетъ только мѣсто своего жительства.» Здѣсь прилагательное *непросвѣщенный* не столько означаетъ качество, сколько ограничиваетъ, стѣсняетъ объемъ слова *человѣкъ*, и потому полагается послѣ него. Это наблюдается и потому, что за такимъ ограниченіемъ нерѣдко слѣдуетъ противополагаемое качество (напримѣръ: *а просвѣщенный имѣетъ понятіе обо всемъ земномъ шарѣ*); противопоставляемыя же слова должны находиться какъ можно ближе одно къ другому. г) Когда прилагательное съ существительнымъ находится съ самомъ концѣ предложенія, и надобно обратить бо́льшее вниманіе на прилагательное; напримѣръ: «У меня шуба *медвѣжья*. Я люблю дѣтей *прилежныхъ*.» д) Послѣ именъ собственныхъ, или означающихъ званіе и тому подобное, когда прилагательное составляетъ существенную, отличительную часть наименованія, или титула; напримѣръ: «Сципіонъ *Африканскій;* Екатерина *Вторая;* Александръ *Благословенный*; Императоръ *Всероссійскій.*» Если же просто хотимъ наименовать лице,

не сообразуясь съ титуломъ, то прилагательное ставится предъ существительнымъ; напримѣръ: «*Испанскій* Король нездоровъ. *Великій* Петръ рано скончался.»

Мѣстоименія вопросительныя и неопредѣленныя полагаются всегда предъ именемъ существительнымъ; напримѣръ: «*который* часъ? *какова* погода? *чей* домъ горитъ? *нѣкоторый* человѣкъ; въ *нѣсколькихъ* книгахъ.» Притяжательныя и указательныя полагаются предъ именемъ и послѣ имени, смотря по значительности того или другаго; напримѣръ: «*мой* другъ; *сей* домъ; *эта* лодка; *тотъ* воинъ, и: другъ *мой*; домъ *сей*; лодка *эта*; воинъ *тотъ*.» Опредѣлительное *самый* предшествуетъ имени, а *самъ* полагается, смотря по смыслу, на основаніи общихъ правилъ; напримѣръ: «*самый* добрый человѣкъ; я *самъ* это дѣлалъ; *самъ* я этого не сдѣлаю.» и т. д.

Приложеніе полагается непосредственно при подлежащемъ или сказуемомъ, которому оно служитъ поясненіемъ; напримѣръ: «Вѣра, *утѣшеніе несчастныхъ*, меня подкрѣпляетъ. Сципіонъ, *римскій полководецъ*, разрушилъ Карѳагенъ.»

Опредѣляющія слова, какъ выше сказано, иногда сами имѣютъ нужду въ ближайшемъ опредѣленіи посредствомъ нарѣчій, т. е. словъ, означающихъ качества качествъ, коими равномѣрно опредѣляются глаголы самостоятельные и совокупные. Нарѣчіе должно находиться непосредственно подлѣ опредѣляемаго имъ слова (прилагательнаго или глагола); напримѣръ: «У меня есть бумага *очень*

черная. Роза цвѣтетъ *пышно.*» Нарѣчіе качественное полагается въ началѣ или въ концѣ, по общимъ правиламъ (напримѣръ: «*пышно* цвѣтетъ роза; роза цвѣтетъ *пышно*; роза *пышно* цвѣтетъ и *скоро* опадаетъ; *пріятно* поетъ соловей; соловей *пріятно* поетъ),» но обстоятельственное, означающее степень качества, всегда ставится предъ опредѣляемымъ; напримѣръ: «Соловей поетъ *очень* громко. Здѣсь *весьма* весело.»

Нарѣчіе можетъ относиться къ качеству подлежащаго, связки и сказуемаго; посему нужно наблюдать осмотрительность въ его помѣщеніи, и не писать, напримѣръ: «онъ поетъ *пріятно* унылую пѣсню, вмѣсто: онъ *пріятно* поетъ унылую пѣсню; онъ кончилъ *совершенно* новую постройку, вмѣсто: онъ *совершенно* кончилъ новую постройку; мы читаемъ *иногда* полезныя книги; вмѣсто: мы *иногда* читаемъ полезныя книги.» То же наблюдается и въ отношеніи къ рѣченіямъ обстоятельственнымъ; напримѣръ: «я, *можетъ быть*, завтра поѣду; я завтра, *можетъ быть*, поѣду; *можетъ быть*, я завтра поѣду.» Для избѣжанія сбивчивости въ смыслѣ, нарѣчіе или рѣченіе обстоятельственное полагается иногда между опредѣляемымъ имъ прилагательнымъ и существительнымъ; напримѣръ: «отличный, *во всѣхъ отношеніяхъ*, человѣкъ; несчастная, *характеромъ своимъ*, женщина; бѣдный *вчера* человѣкъ сегодня сдѣлался богачемъ,» и т. п. — Преимущественно должно избѣгать сбивчивости въ назначеніи мѣста нарѣчію отрицательному *не*; напримѣръ: «*не* я игралъ вчера на флейтѣ; я *не* игралъ вчера на

флейтѣ; я игралъ *не* вчера на флейтѣ; я игралъ вчера *не* на флейтѣ.» Изъ сихъ примѣровъ видно, что оно должно всегда стоять непосредственно предъ тѣмъ словомъ, которое имъ отрицается. Посему слѣдующія предложенія расположены неправильно: «*я не игралъ вчера въ кегли, а въ шашки; я не пойду завтра въ деревню, а послѣ завтра.*

Если случатся сряду два нарѣчія, обстоятельственное и качественное, первое полагается впереди; напримѣръ: «онъ *вчера* горько плакалъ; онъ жилъ *тамъ* весело, или: онъ *тамъ* жилъ весело.»

Дополненія полагаются вообще за дополняемыми словами; напримѣръ: «листъ *бумаги*; роспись *книгамъ*; чиню *перо*; занимаюсь *чтеніемъ*; сижу *на стулѣ.*» Въ началѣ полагается предъидущій членъ отношенія, потомъ указаніе (если оно выражено особымъ словомъ), наконецъ членъ послѣдующій.

Если глаголъ дополняется выраженіемъ нѣсколькихъ отношеній, то важнѣйшее полагается въ концѣ, напримѣръ: «Иванъ подарилъ книгу *сестрѣ своей.* Иванъ подарилъ своей сестрѣ *книгу.* Петръ пишетъ вороньимъ перомъ *новый планъ.* Петръ пишетъ новый планъ *вороньимъ перомъ.* Василій купилъ большое имѣніе *за малую цѣну.* Василій купилъ за малую цѣну *большое имѣніе.*»

Прямыя и непрямыя отношенія дѣйствія, выражаемыя падежами винительнымъ, родительнымъ, дательнымъ или творительнымъ, слѣдуютъ за глаголомъ, какъ выше сказано; когда же надлежитъ преимущественно на эти обстоятельства обратить

вниманіе слушателя, тогда можно начать онымъ предложеніе, и въ этомъ-то случаѣ является собственно *измѣненный* порядокъ словъ, о которомъ упомянуто выше, и въ которомъ части предложенія располагаются слѣдующимъ образомъ: 1. Косвенный падежъ. 2. Глаголъ. 3. Подлежащее. Напримѣръ: «*Москву разоряли Татары и Французы. Смерти боятся одни трусы. Глупому сыну не* (служитъ) *въ помощь богатство. Петру Великому принадлежитъ слава преобразованія Россіи. Симъ государемъ гордится отечество.*

Изъ сихъ правилъ и примѣровъ явствуетъ, что глаголъ, требующій какого нибудь дополненія, не можетъ находиться ни въ началѣ, ни въ концѣ предложенія, да и вообще можно сказать, что въ Русскомъ Языкѣ рѣдко позволяется ставить глаголъ въ концѣ, напримѣръ: «Александръ Персію *покорилъ*. Солнце землю *освѣщаетъ*.» Изъ сего исключаются случаи, которые можно подвести подъ общія правила порядка словъ, т. е. когда хотимъ обратить особенное вниманіе на глаголъ; напримѣръ: «*Побѣждали* и Монголы. *Блаженствуютъ* люди и въ хладныхъ странахъ. У насъ чулки *вяжутъ*, а въ Англіи *ткутъ*.»

Косвенный падежъ съ предлогомъ, означающій отношеніе отдаленное или обстоятельство времени, мѣста и такъ далѣе, полагается иногда въ началѣ, иногда въ концѣ. Въ семъ случаѣ должно начинать съ извѣстнаго, опредѣленнаго, и оканчивать неизвѣстнымъ, или по крайней мѣрѣ, не столько опредѣленнымъ; напримѣръ, въ отдѣль-

ной исторіи Великаго Князя Іоанна III говорится: *Іоаннъ III принадлежитъ къ числу немногихъ государей, избираемыхъ Провидѣніемъ рѣшить надолго судьбу народовъ*, а въ исчисленіи трудовъ Екатерины II на пользу общую, должно сказать: *Къ знаменитымъ памятникамъ ея вѣка принадлежитъ учрежденіе губерній.* Начавъ первый изъ сихъ періодовъ словами: *къ числу немногихъ государей*, и прочее, дадимъ знать, что сей періодъ принадлежитъ къ описанію жизни и подвиговъ нѣсколькихъ государей, а не одного Іоанна III. Поставивъ слова: *учрежденіе губерній* въ началѣ послѣдняго періода, возбудимъ мысль, что говоримъ только объ этомъ учрежденіи, а не обо всѣхъ дѣяніяхъ Екатерины вообще. Эта разность находится и въ слѣдующихъ отношеніяхъ: *Великій Петръ жилъ въ бѣдной хижинѣ, на берегу Финскаго Залива. Въ бѣдной хижинѣ, на берегу Чернаго Моря, жилъ благочестивый пустынникъ.*

Обстоятельство качества, выражаемое падежемъ родительнымъ (иногда и дательнымъ, творительнымъ или инымъ косвеннымъ съ предлогомъ) полагается непосредственно при опредѣляемомъ словѣ; напримѣръ: «Громъ *войны* потрясъ мирныя кущи *поселянъ*. Человѣкъ *съ умомъ* не пропадетъ нигдѣ. Любовь *къ отечеству* спасла Россіянъ.»

Должно избѣгать смѣшенія падежа родительнаго съ винительнымъ, когда имеемъ въ семъ послѣднемъ падежѣ означаются предметы одушевленные; напримѣръ, вмѣсто: *онъ любитъ за добродѣтели человѣка*, надобно сказать: *онъ любитъ человѣка*

за добродѣтели; вмѣсто: *онъ послалъ для занятія сихъ мѣстъ крестьянъ,* говорится: *онъ послалъ крестьянъ для занятія сихъ мѣстъ;* вмѣсто: *отправить за хлѣбомъ солдатъ,* говорится: *отправить солдатъ за хлѣбомъ.* Также должно стараться, чтобы не было сряду двухъ родительныхъ падежей, относящихся къ различнымъ предметамъ; напримѣръ: *не ожидай отъ другихъ похвалъ,* вмѣсто: *не ожидай похвалъ отъ другихъ,* и т. п.

Выраженіе обстоятельствъ количества и числа, въ падежахъ родительномъ, дательномъ и проч., полагается *послѣ* опредѣляемаго слова, когда означается число или количество опредѣленное; напримѣръ: *пять лѣтъ; два часа; сто верстъ; на двѣ минуты; въ четыре мѣсяца; въ три года; чрезъ два часа;* если же число означается неопредѣлительно, приблизительно, то опредѣляющее слово ставится въ началѣ; напримѣръ: *лѣтъ пять; часа два; верстъ сто; минуты на двѣ; года на три; часа чрезъ два,* и т. д.

Въ сокращенныхъ придаточныхъ прилагательныхъ предложеніяхъ творительный падежъ полагается непосредственно послѣ причастія страдательнаго или возвратнаго; напримѣръ: «области, *пораженныя* войною и голодомъ, а не: *пораженныя* области войною и голодомъ; страна, *называвшаяся* въ древности Сарматіею, а не: *называвшаяся* страна въ древности Сарматіею,» и проч.

Изложенныя въ предъидущихъ параграфахъ правила порядка словъ подвергаются иногда раз-

личнымъ измѣненіямъ отъ постороннихъ обстоятельствъ рѣчи; напримѣръ:

1. Въ стихахъ, естественный порядокъ нерѣдко нарушается для соблюденія мѣры и риѳмы; этимъ позволеніемъ пользуются однако жъ большею частію писатели слабые и неопытные.

2. Наблюденіе свободнаго и пріятнаго словотеченія иногда требуетъ отступленія отъ главныхъ и общихъ правилъ; такъ, напримѣръ, должно избѣгать стеченія многихъ слишкомъ длинныхъ или слишкомъ короткихъ словъ; не должно оканчивать періода словомъ односложнымъ; надлежитъ, по возможности, избѣгать стеченія сходныхъ гласныхъ или согласныхъ буквъ, и т. п.

Выше сего упоминаемо было объ измѣненіи естественнаго порядка словъ, сообразующемся съ движеніями души говорящаго. Это обстоятельство нерѣдко бываетъ причиною различной перестановки словъ; но опредѣленіе правилъ и границъ всѣмъ симъ отступленіямъ относится уже не къ грамматикѣ, а къ теоріи слога прозаическаго и стихотворнаго.

Въ изложеніи правилъ *о порядкѣ предложеній*, должно обращать вниманіе на предложенія главныя или придаточныя, сочиняемыя или подчиняемыя.

Главныя, независимыя въ логическомъ отношеніи предложенія, и придаточныя, въ равной степени относящіяся къ главнымъ, располагаются по произволу пишущаго: обыкновенно полагаются сначала важнѣйшія; иногда наблюдается при семъ

постепенность; въ нѣкоторыхъ случаяхъ принимается въ соображеніе порядокъ ихъ во времени, и т. д.; напримѣръ: *Я живу въ деревнѣ, а сестра моя живетъ въ городѣ. Сестра моя живетъ въ городѣ, а я живу въ деревнѣ. Сначала сѣютъ, потомъ жнутъ. Онъ объявилъ мнѣ, что почта пришла, и что я могу надѣяться на скорое рѣшеніе моего вопроса.*

Вводное предложеніе (т. е. главное, раздѣляющее части другаго предложенія, и не состоящее съ нимъ въ грамматической связи) полагается послѣ подлежащаго или глагола, смотря по тому, которая часть онымъ преимущественно объясняется; напримѣръ: «Ломоносовъ (*кто безъ уваженія произноситъ имя сіе!*) былъ моимъ наставникомъ. Завоеватель рѣшился пролить новую рѣку (*страшно выговорить!*) крови человѣческой.» Иногда слово, къ которому собственно относится вводное предложеніе, повторяется послѣ него, особенно когда это предложеніе довольно длинно; напримѣръ: «Екатерина Великая..... кто изъ насъ, и въ самый цвѣтущій вѣкъ Александра, можетъ произносить имя ея безъ глубокаго чувства любви и благодарности?..... *Екатерина* приняла сей плодъ трудовъ Академіи,» и проч.

Зависимыя, въ логическомъ отношеніи, предложенія располагаются по требованію сихъ отношеній. Въ началѣ полагаются: уступленіе, поясняемое, дѣйствіе, поводъ, уподобленіе, а за ними: противное, поясненіе, причина, послѣдствіе, уподобляемое, и проч.; напримѣръ: *Хотя я много ра-*

боталъ, но еще не усталъ. Правда, что они бѣдны, но за то и честны. Въ Россіи бываютъ многія ярмарки, какъ то: нижегородская, коренная, ирбитская и проч. *Онъ не могъ согласиться на мою просьбу, ибо она показалась ему неумѣстною. Мы боимся наводненія, и по этой причинѣ живемъ въ верхнемъ ярусѣ. Я не люблю споровъ, потому что отъ спора не далеко до вражды. Ты не веселъ: я знаю, отъ чего. У насъ въ домѣ такъ весело, что я не охотно выхожу со двора. Солнце грѣетъ землю: такъ благость согрѣваетъ сердца.*

Легко можно усмотрѣть, чтоъ этотъ порядокъ предложеній, равно какъ и порядокъ словъ, зависитъ отъ важности и значительности частей, сложное предложеніе составляющихъ. Такъ, напримѣръ, если уступленіе составляетъ существенную часть періода, необходимое условіе противоположности, то полагается въ началѣ; напримѣръ: *Хотя сегодня погода прекрасная, но я не выйду изъ комнаты.* Если же оно есть частное, случайное условіе при предложеніи утвердительномъ, то ставится подлѣ; напримѣръ: *Я не выйду сегодня изъ комнаты, хотя погода прекрасная.* То же усмотримъ и въ слѣдующихъ примѣрахъ: *Когда вы станете хорошо учиться, я буду васъ любить. Я буду васъ любить, когда вы станете хорошо учиться. Если бъ ты зналъ, какъ трудно пріобрѣтать деньги, то не сталъ бы расточать ихъ безразсудно. Ты не сталъ бы безразсудно расточать денегъ, если бъ зналъ, какъ трудно пріобрѣтать ихъ.*

Придаточныя предложенія занимаютъ мѣсто

тѣхъ частей рѣчи, которыя ими въ главномъ предложеніи замѣняются, а именно:

1. Существительныя придаточныя предложенія (въ томъ числѣ и прилагательныя, употребляемыя вмѣсто существительныхъ) полагаются на мѣстѣ подлежащаго, сказуемаго или дополненія, гдѣ находилось бы имя существительное, ими замѣняемое; напримѣръ: *Что тебя радуетъ сегодня, завтра будетъ печалить. Скажи своему брату, что онъ въ этомъ случаѣ крайне ошибся. Мысль, что я его обидѣлъ, меня огорчаетъ. Кто насъ любитъ, тотъ и журитъ. Дай мнѣ знать, будешь ли дома.*

2. Придаточныя прилагательныя предложенія, начинающіяся словами: *который*, *кто*, *что*, или выражаемыя причастіями, поставляются непосредственно за именемъ существительнымъ, къ которому относятся; напримѣръ: «Время года, *въ которое все цвѣтетъ*, именуется весною. Человѣкъ, *котораго мы любимъ*, иногда можетъ намъ быть несносенъ. Я купилъ домъ, *въ которомъ еще не бывалъ*. Я забылъ все, *что зналъ*. Война, *опустошающая одну страну*, обогащаетъ другую. Люблю слушать соловья, *поющаго въ лѣсу*.»

3. Обстоятельственное придаточное предложеніе полагается какъ можно ближе къ глаголу главнаго предложенія; напримѣръ: «Онъ ужаснулся, *когда увидѣлъ своего врага*. Я васъ не обижаю, *говоря вамъ правду*. Онъ играетъ, *какъ дитя*.» Сокращенныя обстоятельственныя предложенія могутъ находиться и въ началѣ: «*Написавъ страницу*,

я всталъ съ своего мѣста. *Желая мнѣ добра*, говорите мнѣ сущую правду.»

Вѣроятно, нѣкоторые изъ почтенныхъ моихъ слушателей найдутъ, что вторая половина моихъ Чтеній, въ которой я излагалъ законы Синтаксиса, уступаетъ полнотою, опредѣлительностію первой, въ которой говорилъ я о началахъ и законахъ Этимологіи, или Словопроизводства. И они будутъ совершенно правы. Часть этимологическая, въ Русскомъ Языкѣ, какъ и во всѣхъ другихъ, составляетъ цѣлое, конченное, обработанное во всѣхъ частяхъ; тамъ рѣшительно можно сказать: вотъ всѣ правила о такой-то части, исключеній нѣтъ; ссылаемся на лексиконъ. Синтаксисъ же, ограничиваясь нѣкоторыми общими, простыми правилами, указаніемъ на исключенія и уклоненія во многомъ, не даетъ окончательнаго рѣшенія во всемъ, и предоставляетъ многіе вопросы на благоусмотрѣніе, здравый вкусъ и смыслъ пишущаго. Въ этой части грамматики должны мы ссылаться не на лексиконъ отдѣльныхъ словъ, а на примѣръ нарѣчія народнаго, и на образцы, данные великими писателями. Между тѣмъ, народное наше нарѣчіе еще не только не изслѣдовано, но даже и вполнѣ намъ неизвѣстно. Нѣтъ сомнѣнія, что въ частныхъ, областныхъ великороссійскихъ нарѣчіяхъ находятся неизвѣстныя нашему письменному языку слова и обороты, которые могли бы загладить многіе недостатки наше-

го слога. Образцовыхъ же писателей имѣемъ мы только въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ родахъ, да и изъ нихъ не всѣ могутъ итти въ примѣръ, ибо не столько поэты, сколько прозаики-мыслители, утверждаютъ правила языка и слога. Этимологію можно сравнить съ обдѣланными искусствомъ матеріялами для возведенія великолѣпнаго зданія: каждый камень, каждая чугунная, деревянная или другая часть обработана по указанію строителя, на основаніи правилъ начертательной геометріи. Казалось бы, стоитъ только сложить ихъ да скрѣпить, и зданіе кончено. Такъ нѣтъ! Здѣсь нужны быстрый взглядъ, художественное соображеніе, высшая, такъ сказать, небесная механика, которая, совокупленіемъ отдѣльныхъ частей въ одно гармоническое цѣлое, производитъ великія зданія, упирающіяся въ облака, и служащія позднему потомству памятниками величія предковъ.

Ни какія правила согласованія, управленія, расположенія словъ не научатъ васъ правильно писать по-русски, если вы не можете давать себѣ отчета въ своихъ мысляхъ, если не умѣете располагать ихъ въ надлежащемъ порядкѣ, если въ одно время съ мыслію не родится въ умѣ вашемъ и свойственное ей выраженіе; если вѣрное чувство вкуса, приличія и народности не будетъ водить вашимъ перомъ. Это не пріобрѣтается въ книгахъ; это даръ, способность, свыше ниспосланные. Это вѣрное чувство музыканта, нетерпящее разгласія; это безошибочный взглядъ живописца, оживляющій творчествомъ его руку; это искра божествен-

наго луча, протекающаго всю природу, и красующагося преимущественно въ душѣ человѣческой и ея созданіяхъ. — Этого нельзя преподавать, этого можно только желать своимъ слушателямъ, что я въ сію минуту и исполняю съ искреннимъ удовольствіемъ.

II

Въ нынѣшней нашей бесѣдѣ, въ заключеніе Чтеній моихъ о Русскомъ Языкѣ и о его произведеніяхъ, намѣренъ я представить вамъ, почтеннѣйшіе мои слушатели, обозрѣніе одной отрасли Словесности, которая вовсе не была извѣстна и не могла быть извѣстною древнимъ, которая сдѣлалась возможною только по изобрѣтеніи книгопечатанія, но родилась чрезъ сто лѣтъ послѣ этого великаго открытія, распространялась и увеличивалась мало по малу, и нынѣ угрожаетъ если не истребленіемъ, то жестокимъ притѣсненіемъ всѣмъ прочимъ отраслямъ литературы. Я говорю объ изданіяхъ періодическихъ, газетахъ и журналахъ. Каждый вѣкъ первенствующихъ въ Европѣ литературъ, ознаменованъ былъ какимъ либо отличительнымъ характеромъ. Въ XVI вѣкѣ воскресли и возвысились науки и искусства на Западѣ; въ XVII процвѣли Англійская и Французская Литературы; въ XVIII возвысилась Литература Нѣмецкая, были въ модѣ философія, филантропія и чувствительность; въ XIX вѣкѣ, котораго мы прожили двѣ пятыхъ доли, распространилась литература особеннаго рода, легкая, журнальная, га-

зетная. Огромные, тяжелые фоліанты XVII вѣка, многотомные труды писателей XVIII-го замѣнились у насъ книжками, книжечками, книжонками, листами, листиками, листочками, листищами. Все это летаетъ или пресмыкается, перегоняетъ совмѣстниковъ, или отстаетъ отъ нихъ, но все живетъ и движется. Кажется, что новые экипажи, воздушные шары, пароходы и паровозы, сдѣлались только наружными эмблемами той скорости, съ какою мысли человѣческія пробѣгаютъ нынѣ неизмѣримыя пространства въ самое короткое время.

Періодическія, или повременныя изданія бываютъ различныя. Главныя отрасли ихъ суть слѣдующія: 1. Газеты, или вѣдомости, выходящія въ опредѣленномъ мѣстѣ, въ извѣстные сроки, и заключающія въ себѣ извѣстія, важныя и любопытныя именно въ минуту ихъ обнародованія. Газеты эти бываютъ всеобщія, т. е. заключающія въ себѣ извѣстія по всѣмъ вообще предметамъ, или частныя, въ которыхъ помѣщаются новости по какой нибудь отдѣльной части: политическія, коммерческія, промышленыя и т. д. 2. Ученыя, литературныя и художественныя газеты, въ которыхъ сообщаются извѣстія и сужденія о новыхъ произведеніяхъ наукъ, искусствъ, словесности, и т. д., и 3. Журналы, или вѣдомости, выходящія не отдѣльными листами, а книжками и тетрадками, не ежедневно, а въ разные сроки, чрезъ три, два мѣсяца, ежемѣсячно, по два раза въ мѣсяцъ, чрезъ десять дней, еженедѣльно и т. д. Впрочемъ всѣ эти роды нерѣдко сливаются между собою.

Еще можно раздѣлить періодическія изданія на офиціяльныя, издаваемыя отъ правительства, и на партикулярныя, составляемыя частными людьми. Взглянемъ слегка на происхожденіе и распространеніе газетъ и журналовъ въ разныхъ государствахъ.

Какія вѣдомости самыя древнія въ свѣтѣ? Сенатскія. Въ Римѣ, во время Цесаря, составлялись вѣдомости о дѣйствіяхъ сената, и списывались для всенароднаго чтенія. Августъ прекратилъ обнародованіе сихъ актовъ сената, и только оставилъ въ своей силѣ извѣстія городскія, acta diurna, urbana, въ которыхъ объявлялось о дѣлахъ всенародныхъ, о приговорахъ судебныхъ, о наказаніяхъ, о собраніяхъ, о заключеніи и расторженіи браковъ и т. п. Сіи извѣстія были выставляемы во всенародныхъ мѣстахъ Рима, и потомъ хранились въ архивахъ, также разсылаемы были по провинціямъ. Плиній старшій, Светоній и Тацитъ ссылаются на эти извѣстія. Достойно замѣчанія, что древніе Галлы, подобно нынѣшнимъ потомкамъ своимъ, Французамъ, отличались любопытствомъ и страстью къ новостямъ. Цесарь говоритъ, что они останавливаютъ купцовъ и путешественниковъ, и распрашиваютъ о томъ, что дѣлается въ чужихъ краяхъ. Торговые города, значительныя ярмарки были средоточіемъ, куда стекались извѣстія, и расходились оттуда во всѣ стороны: извѣстія скудныя, искажаемыя, преувеличиваемыя по цѣли и потребностямъ вѣстовщиковъ. По изобрѣтеніи книгопечатанія, сдѣлалось возможнымъ

издавать дѣйствительныя газеты, но люди воспользовались симъ средствомъ не прежде половины шестнадцатаго вѣка. Это произошло въ Венеціи, около 1563 года. Республика вела тогда войну съ Солимапомъ II, и обнародывала извѣстія о ходѣ своихъ военныхъ дѣйствій и о дѣлахъ коммерческихъ во всенародныхъ листахъ: они сначала были рукописныя, а потомъ стали ихъ печатать. Вообще господствуетъ преданіе, что эти листки получили свое названіе отъ мелкой монеты gazetta, которую платили за прочтеніе ихъ. Нѣкоторые утверждаютъ, что слово gazetta произошло отъ слова gazza, сорока, болтунья, пустомеля, и что монету назвали по листкамъ, а не листки по монетѣ. Потомъ возникли газеты въ Англіи. И здѣсь подала къ тому поводъ война. Когда, въ 1588 году, двинулась противъ Британніи огромная армада Филиппа II, Лордъ Борлей, тогдашній министръ Елисаветы, началъ издавать извѣстія о военныхъ дѣйствіяхъ, сначала рукописныя, а потомъ печатныя. Эти извѣстія выходили не въ назначенное время, а только въ случаѣ полученія важныхъ извѣстій. По истребленіи армады, стали они являться гораздо рѣже. — Во Франціи газеты обязаны началомъ одному врачу, Теофрасту Ренодо, который любилъ забавлять больныхъ своихъ новостями и анекдотами; онъ собиралъ и получалъ ихъ отвсюду, печаталъ и развозилъ къ своимъ паціентамъ, какъ лекарство отъ безсонницы. При появленіи шестаго нумера его извѣстій, онъ получилъ на изданіе ихъ, въ 1632 году, привилегію. Самъ

онѣ называлъ ихъ газетами, а народъ прозвалъ ихъ въ насмѣшку *вязанками* (fagots), потому, что ихъ продавали по улицамъ, утромъ, въ одно время съ дровами. Кардиналы Ришелье и Мазарини пользовались этими газетами для распространенія выгодныхъ имъ извѣстій. Въ Германіи первыя газеты появились въ Нирнбергѣ, около 1630 года: онѣ издавались не регулярно, въ формѣ писемъ, и преимущественно содержали въ себѣ извѣстія о военныхъ дѣлахъ того времени. Усовершеніе книгопечатанія и исправленіе почтъ много содѣйствовали къ распространенію газетъ, и нынѣ онѣ сдѣлались потребностію всѣхъ европейскихъ народовъ. Нѣтъ спора, что онѣ, въ нынѣшнее время, при безпрерывномъ взаимномъ сообщеніи всѣхъ народовъ земнаго шара, служатъ лучшимъ средствомъ къ мѣнѣ извѣстій важныхъ и полезныхъ, но доказано и то, что чрезмѣрное ихъ размноженіе, особенно въ рукахъ людей корыстолюбивыхъ и безсовѣстныхъ, причиняетъ великій вредъ и правительствамъ и частнымъ людямъ, подвергая ихъ ежедневной клеветѣ и оскорбленіямъ всякаго негодяя. Одинъ путешественникъ, видя размноженіе и злоупотребленіе газетъ въ Англіи, сказалъ, что это единственное бѣдствіе, забытое Моисеемъ для наказанія Египта. Между тѣмъ въ Англіи, по разсудительности, богобоязни и праводушію большей части тамошней публики, это зло умѣряется самымъ своимъ излишествомъ. Здравый смыслъ и привычка къ газетнымъ лжамъ внушили Англичанамъ какое-то чутье, которымъ они легко от-

личаютъ неправду отъ истины. Но величайшее злоупотребленіе тисненія въ публичныхъ газетахъ находимъ мы нынѣ во Франціи, тѣмъ болѣе пагубное, что французскія газеты болѣе нежели англійскія дѣйствуютъ на чужіе краи.

Довольно о газетахъ политическихъ. Оставимъ этотъ бурный океанъ, и войдемъ въ бранолюбивый, но не столь опасный портъ литературы.

Литературные и ученые газеты и журналы дѣлятся на три главные класса: служащіе для пріятнаго и полезнаго чтенія вообще, посвященные особенной отрасли наукъ или искусствъ, и наконецъ, критическія изданія. Нѣтъ ни какого сомнѣнія, что хорошіе литературные журналы имѣли самое благодѣтельное вліяніе на распространеніе полезныхъ свѣдѣній и на образованіе вкуса въ той части читателей, которые, не получивъ класическаго образованія въ юности, стараются замѣнить его чтеніемъ и собственнымъ размышленіемъ, особенно на распространеніе познаній между женскимъ поломъ. Противники ихъ утверждаютъ, что они распространяютъ только легкія, поверхностныя, неосновательныя знанія, но если бъ не было журналовъ, то не распространялось бы и этихъ свѣдѣній. Человѣкъ истинно ученый не станетъ искать образованія въ журналахъ, а тотъ, кто его ищетъ, конечно имѣетъ въ немъ надобность. Правда, что журналы увеличиваютъ число мелкихъ, плохихъ писателей, отвлекаютъ ихъ отъ занятій строгихъ и важныхъ, и даже заражаютъ женскій полъ излишнею страстью къ литературной

извѣстности. Правда, но что дѣлать! Во всемъ есть крайности и злоупотребленія. Конечно, лучше быть хорошимъ столоначальникомъ, нежели дурнымъ стихотворцемъ; правда, очень непріятно видѣть дѣйствіе практической литературы въ прекрасномъ полѣ: видѣть, что черные глазки покраснѣли отъ безпрерывнаго чтенія, розовые пальчики запачканы чернилами. Но это исключенія и преувеличенія. Неужели человѣкъ долженъ вѣчно кружиться въ вихрѣ механической своей должности, и никогда не смѣетъ подняться немного выше мыслію и чувствомъ? Неужели женщины обречены быть или ключницами и няньками, или безмысленными куклами, сотворенными для потѣхи и обогащенія парикмахеровъ, швей и магазинщицъ? Неужели возможно облагороженіе сердца безъ просвѣщенія ума? Дайте просторъ сердцу и душѣ, дайте прекраснѣйшей части рода человѣческаго право и возможность воспитать и образовать въ себѣ зародышъ изящнаго и благороднаго, вложенный въ женщинѣ самимъ Создателемъ. Имъ не нужны ни диференціялы съ интегралами, ни выспренія умозрѣнія трансцендентальной философіи. Имъ нужны словесность, поэзія, исторія — и легчайшій путь этимъ знаніямъ въ дамскій будуаръ идетъ чрезъ журналы.

Оставивъ въ сторонѣ специяльныя изданія по разнымъ частямъ наукъ и искусствъ, займемся тѣми, которыя преимущественно посвящены были изящной словесности. Самый старшій литературный журналъ во Франціи былъ Французскій

Меркурій (Mercure de France), начавшійся въ 1672 году, и продолжавшійся лѣтъ полтораста. Онъ былъ долго единственнымъ въ своемъ родѣ. Другіе литературные журналы Франціи были: Иностранный Журналъ (Journal Etranger), Энциклопедическій Журналъ (Journal Encyclopédique), Декада, Энциклопедическій Магазинъ, Миллена; Энциклопедическое Обозрѣніе (Revue Encycloped(Жюльена, Женевская Bibliothèque Britannique, нынѣ Biblioth. Universelle. Въ новѣйшія времена возникли во Франціи очень хорошіе журналы, подъ заглавіемъ обозрѣній: Парижское Обозрѣніе, Обозрѣніе обоихъ Свѣтовъ. Впрочемъ собственно литературныхъ газетъ во Франціи не много. Легкая словесность нашла себѣ мѣсто въ фельетонахъ, или смѣси, большихъ политическихъ журналовъ, которые имѣютъ значительное число читателей. Такимъ образомъ Journal des Débats издавна отличается интересными статьями о словесности.

Литературные журналы Англіи появились въ началѣ XVIII вѣка въ ежедневныхъ изданіяхъ Аддисона, Стиля и другихъ даровитыхъ и умныхъ писателей того времени. Въ числѣ ежемѣсячныхъ изданій занимаютъ въ Англіи первое мѣсто такъ называемые магазины, заключающіе въ себѣ статьи, превосходно написанныя. Въ новѣйшее время стали въ Англіи издавать магазины для низшихъ классовъ публики, украшенные картинками, вырѣзанными на деревѣ, и продающіеся по самой дешевой цѣнѣ. Это самое лучше противуядіе отъ книгъ вредныхъ и безнравственныхъ въ такой странѣ,

гдѣ господствуетъ свобода тисненія: дешевизною хорошихъ книгъ вытѣсняются дурныя.

Изъ нѣмецкихъ литературныхъ журналовъ пользовались наибольшею извѣстностію Нѣмецкій Меркурій, начатой Виландомъ въ 1773 году, и продолжавшійся тридцать семь лѣтъ; Берлинское Ежемѣсячное Изданіе, начатое профессорами Бистеромъ и Гедике въ 1783 году, и пользовавшееся общимъ уваженіемъ; Талія и Горы, Шиллера и Гёте. Ежемѣсячныя изданія въ Германіи, съ начала XIX вѣка, были вытѣснены ежедневными листками, которые тамъ издаются во множествѣ. Важнѣйшіе изъ нихъ: Газета для изящнаго свѣта, въ Лейпцигѣ, Утренній Листокъ, въ Штутгартѣ, Вечерній Листокъ, въ Дрезденѣ, Вѣнская Театральная Газета, Востокъ и Западъ, въ Прагѣ, Гамбургскій Телеграфъ. Въ этихъ и подобныхъ имъ изданіяхъ помѣщаются стихотворенія, повѣсти, которыя тянутся нумерахъ въ двадцати, извѣстія о новыхъ книгахъ, и корреспонденція, т. е. письма сотрудниковъ изъ разныхъ городовъ Европы и самой Германіи о произведеніяхъ литературы и искусствъ, и преимущественно о концертахъ и театральныхъ представленіяхъ. Тутъ разбираютъ самыя ничтожныя явленія драматической литературы съ большою важностію и плодовитостію; разсматриваютъ и оцѣниваютъ игру всякаго плохаго актера на самыхъ жалкихъ театрахъ. Удивительно, какъ подобные этимъ поверхностные, плохо издаваемые журналы могутъ существовать въ просвѣщенной, ученой, глубокомысленной Гер-

маніи! Издатель Гамбургскаго Телеграфа, начиная первый нумеръ своей газеты на 1840 годъ, говоритъ: «Чего не пишутъ досужія перья! Сколько бездомныхъ повѣстей, стихотвореній и корреспонденцій странствуютъ изъ Вѣны въ Штутгартъ, изъ Штутгарта въ Лейпцигъ, изъ Лейпцига въ Берлинъ, и просятъ впуска въ колонны какого нибудь жалостливаго журнала! Сотни замерзшихъ рукописей лежатъ подъ снѣгомъ нашего литературнаго Санктъ-Бернарда, и многіе обанкрутившіеся журналы живутъ только при помощи обученыхъ собакъ, которыя рыщутъ въ этихъ пустыняхъ, и изъ подъ снѣгу вырываютъ окостенѣвшія произведенія великихъ геніевъ, для наполненія тощихъ листовъ. Отчего во многихъ нѣмецкихъ журналахъ помѣщаются статьи, которыя можно печатать только Христа ради? За квартиру и за скудный харчъ, иной литераторъ выпишетъ душу изъ своего грѣшнаго тѣла. Въ Германіи нѣтъ богадѣлень, за то есть журналы.» Прошу замѣтить, что это говорится только о журналахъ, посвященныхъ изящной словесности. Науки, критика дѣло иное.

Взглянемъ теперь на журналы критическіе. Критика имѣла значительное вліяніе на ходъ и образованіе новой литературы. Критическіе журналы сдѣлались посредниками между учеными людьми, которые встарину довольствовались частною перепискою съ своими товарищами и совмѣстниками. Политическіе журналы существовали уже очень долго, когда вздумали издавать журналы ученые

и критическіе. Они сдѣлались средствомъ сообщенія между народами дотолѣ чуждыми, и распространили свѣтъ учености въ самыя отдаленныя земли, знакомя людей, самымъ легкимъ и скорымъ образомъ, съ новыми созданіями и открытіями въ области наукъ. Самый старшій изъ критическихъ журналовъ, le Journal des Savans, начался во Франціи въ 1665 году, и продолжался до начала революціи. Въ это время составлялъ онъ 121 томъ. Правительство возобновило сіе изданіе въ 1816 году, и оно продолжается понынѣ, на счетъ казны, которая жертвуетъ на то значительными суммами, потому что выручка не покрываетъ издержекъ. Главные предметы критики сего журнала суть филологія древняя и восточные языки. Большою знаменитостью пользовались во Франціи Записки Тревускія, издававшіяся іезуитами съ 1701 года въ теченіе осьмидесяти лѣтъ, и отличавшіяся нападеніями на вольнодумцевъ и философовъ того времени. Съ 1754 года Фреронъ началъ издавать критическій журналъ l'Année littéraire, продолжавшійся до 1791 года. Вольтеръ осмѣялъ и ославилъ Фрерона, какъ невѣжду, глупца и злодѣя, а онъ былъ человѣкъ умный, ученый, одаренный тонкимъ вкусомъ. Вообще всякій литераторъ, занявшись критикою, долженъ готовится къ величайшимъ непріятностямъ. Начать журналъ съ твердымъ намѣреніемъ говорить правду, называть хорошее хорошимъ, дурное дурнымъ — значитъ то же, что выйти на площадь, стать на возвышенное мѣсто, и громогласно вопіять о проходя-

щихъ: этотъ господинъ писать не умѣетъ; этотъ самый жалкій стихотворецъ; эта барыня поступила бы лучше, если бъ вязала чулки, и не сочиняла драмъ. И чѣмъ справедливѣе его критика, тѣмъ болѣе наживетъ онъ себѣ враговъ, потому что тѣмъ болѣе будетъ нападать на людей посредственнаго дарованія, а посредственность неумолима. Истинный талантъ охотно проститъ за критику, даже несправедливую. Плохой писатель тѣмъ болѣе злится на критика, чѣмъ больше о немъ сказано правды. Если критикъ, наскучивъ безпрерывными спорами, вздумаетъ понизить тонъ свой, станетъ говорить мягче, судить снисходительнѣе, возопіютъ читатели: «Что это сдѣлалось съ Полевымъ? Совершенно измѣнился, сталъ снисходителенъ къ дурнымъ книгамъ. Нечего его и читать!» — Послѣ этого просимъ угодить на всѣхъ:

Между лѣнтяемъ и брюзгой
Между тщеславья и порокомъ,
Нашелъ кто развѣ ненарокомъ
Путь добродѣтели прямой!

Въ новѣйшія времена критическія литературныя статьи во Франціи помѣщаются въ обозрѣніяхъ и въ политическихъ журналахъ. Въ числѣ критиковъ новаго времени, особенно произведеній драматической литературы, отличается Жюль-Жаненъ.

Старшіе критическіе журналы въ Англіи суть: Критическое Обозрѣніе, начатое въ 1765 г. Смоллетомъ, и Ежемѣсячное Обозрѣніе (Monthly Reaiew(Но лучшимъ органомъ критики сдѣлалось

Эдинбургское Обозрѣніе (Edinburgh Review), начатое въ 1802 году Джефріемъ, и въ послѣдствіи издававшееся Маккулохомъ. Въ это время критика оставила языкъ школьный и педантскій, занялась литературою въ отношеніи ея къ свѣтской жизни и политикѣ. Этотъ журналъ былъ отголоскомъ партіи виговъ. Въ 1809 году началось въ Лондонѣ критическое изданіе Quarterly Review, въ которомъ первенствовали тори. Въ сихъ двухъ изданіяхъ предметы обсуживались иногда основательнѣе и подробнѣе, нежели въ критикуемыхъ ими книгахъ. Въ Вестминстерскомъ Обозрѣніи, начатомъ въ 1804 году, излагаемо было ученіе Бентамовой Школы. Въ Foreign-Review помѣщались основательныя сужденія о ходѣ и произведеніяхъ иностранныхъ литературъ. Сверхъ того занимались критикою Литературная Газета, Еженедѣльное Обозрѣніе и Атеней.

Критика ученая и литературная преимущественно процвѣтаетъ въ Германіи: тому способствуютъ прилежаніе, глубокая и многосторонняя ученость и безпристрастный, чуждый народныхъ предразсудковъ, духъ ея ученыхъ и литераторовъ. Въ Германіи обсуживаются съ равнымъ раченіемъ и свои и иностранныя произведенія. Духъ критики возникъ въ ней съ того времени, когда Швейцарцы, Бодмеръ и Брейтингеръ, возстали на Готшеда и его школу. Споры и изслѣдованія обѣихъ партій возбудили вниманіе и любовь къ литературѣ. За сто лѣтъ предъ симъ начались знаменитыя Геттингенскія Извѣстія о Литературѣ, про-

должающіяся и понынѣ, въ прежнемъ форматѣ, и, кажется, печатающіяся прежними буквами. Эта литературная газета пережила свой вѣкъ, и съ трудомъ плетется за юными совмѣстницами. Истинная литературная критика въ Германіи началась съ Лессинга. Онъ былъ человѣкъ ученый, необыкновенно умный, проницательный, безпристрастный, смѣлый, любитель правды, одаренный чистымъ вкусомъ, и ловкій діалектикъ. Въ одно время съ нимъ дѣйствовалъ знаменитый берлинскій книгопродавецъ Николаи: въ союзѣ со многими другими литераторами и учеными основали они Всеобщую Нѣмецкую Библіотеку, продолжавшуюся около пятидесяти лѣтъ, и много способствовавшую къ распространенію здравыхъ понятій и общеполезныхъ знаній въ отечествѣ. Критики Виландова Нѣмецкаго Меркурія отличались тономъ приличія и благородства. Въ концѣ XVIII столѣтія началось при Іенскомъ Университетѣ изданіе Всеобщихъ Литературныхъ Вѣдомостей; потомъ стали издавать подобные журналы въ Галлѣ, въ Лейпцигѣ и въ Гейдельбергѣ. Въ Вѣнѣ, при пособіи правительства, издаются Лѣтописи Литературы. Въ Берлинѣ, начались съ 1827 года, Берлинскія Лѣтописи Ученой Критики, основанныя Гансомъ и Гегелемъ. Въ новѣйшее время прославились Галльскія Лѣтописи Литературы. Въ составленіи и изданіи сихъ критическихъ журналовъ участвуютъ знаменитѣйшіе нѣмецкіе ученые и литераторы. Хотя въ нихъ есть и недостатки: неимовѣрное многословіе и тяжелое педантство,

высокопарный и темный языкъ, иногда и явное пристрастіе, особенно въ критикахъ, не подписанныхъ авторомъ, но вообще эти изданія принесли великую пользу наукамъ, и новѣйшія изъ нихъ преимущественно способствуютъ къ распространенію просвѣщенія и высшихъ знаній. Достойно замѣчанія, что журналы литературные старѣются съ своими издателями, и рѣдко могутъ удерживаться на прежней степени въ теченіе долгаго времени. Можетъ быть, я въ этомъ случаѣ произнесу грозный приговоръ и самому себѣ, но не могу скрыть моего о томъ мнѣнія. Газета, наполняемая вновь приходящими матеріялами и извѣстіями, можетъ существовать долгое время, перемѣняя редакторовъ, и измѣняя прежній свой видъ, сообразно съ требованіями времени и публики. La Gazette de France, Гамбургскій Корреспондентъ, Санктпетербургскія Вѣдомости, даже, скажемъ, Сѣверная Пчела, существуютъ долгое время, и могутъ прожить еще столько же лѣтъ и болѣе. Но журналъ литературный живетъ образомъ мыслей и чувствованій своего издателя или издателей: вмѣстѣ съ ними мужаетъ, крѣпнетъ, пріобрѣтаетъ силы, и вмѣстѣ съ нимъ старѣется. Отъ этого многіе хорошіе въ началѣ своемъ, литературные и критическіе журналы слабѣли, падали и умирали еще при жизни своихъ основателей, хотя бъ эти основатели были люди первостепеннаго ума и дарованій. Такимъ образомъ знаменитый въ свое время Виландовъ Нѣмецкій Меркурій нѣсколько лѣтъ влачилъ бѣдственное свое существованіе, безъ подписчиковъ

и безъ читателей, и издавался единственно потому, что его охотно читалъ покойный Императоръ Австрійскій. Притомъ и утомительная тягость срочной работы изнуритъ силы самаго бодраго скорописца. Лишь только выпустилъ въ свѣтъ книжку, думай уже о другой; думай не только о томъ, чтобъ она была готова въ надлежащей формѣ и законной величинѣ, но чтобъ она была занимательна, умна, хорошо написана. Сверхъ того еще слушай милыя сужденія благосклонныхъ читателей, ежегодно повторяемыя: «вашъ журналъ въ прошломъ году былъ гораздо лучше и интереснѣе нынѣшняго,» между тѣмъ, какъ самъ знаешь, что прошлаго года ты былъ нездоровъ, работалъ съ трудомъ, не имѣлъ нынѣшнихъ помощниковъ, а теперь дѣло идетъ гораздо лучше. Что дѣлать! Ждать будущаго года: авось-либо тогда похвалятъ нынѣшній.

Обратимся теперь собственно къ русскимъ періодическимъ изданіямъ. До начала XVIII вѣка ихъ вовсе не было въ Россіи. Для Царя Алексѣя Михайловича составлялись выписки изъ заграничныхъ газетъ, и такъ какъ главнымъ ихъ источникомъ былъ Амстердамскій Курантъ, то и выписки эти назывались *курантами*. Первыя русскія газеты печатались въ Москвѣ съ 1705 года; въ Петербургѣ начали онѣ издаваться съ 1714 года, и, по учрежденіи Академіи Наукъ, поступили въ ея собственность. Въ теченіе всего XVIII вѣка печатались онѣ въ четвертку, и выходили по два раза въ недѣлю. Это былъ тогда единственный

источникъ свѣдѣній нашихъ о Европѣ и ея дѣлахъ. Съ 1801 года стали онѣ печататься въ листъ, съ 1827 года выходили трижды въ недѣлю, съ 1831 выходятъ шесть разъ. Московскія Вѣдомости, издающіяся съ 1756 года, и только года два печатающіяся въ листъ, составляютъ единственное чтеніе многихъ помѣщиковъ замосковныхъ губерній. Впрочемъ мы упомянули объ этихъ изданіяхъ только для соблюденія хронологическаго порядка: нашъ предметъ заключается въ обозрѣніи журналовъ собственно литературныхъ. По сей причинѣ не станемъ мы распространяться о специяльныхъ изданіяхъ технологическихъ, коммерческихъ, земледѣльческихъ, даже строго ученыхъ, которыя у насъ, особенно въ новѣйшее время, составляются съ большимъ раченіемъ, и расходятся съ успѣхомъ и пользою для публики.

Первый литературный журналъ начатъ былъ у насъ академикомъ Миллеромъ, въ 1755 году, и продолжался десять лѣтъ, подъ названіемъ: *Ежемѣсячныя Сочиненія къ пользѣ и увеселенію служащія*. Въ немъ помѣщались многія любопытныя по тогдашнему времени статьи, оригинальныя и переводныя, историческія, географическія, также печатались произведенія почти всѣхъ тогдашнихъ стихотворцевъ. Въ 1759 году Сумароковъ издавалъ *Трудолюбивую Пчелу*, въ которой старался возвысить себя на счетъ Ломоносова и другихъ современныхъ ему писателей. Въ послѣдствіи стали появляться разныя литературныя изданія: *Всякая Всячина*, Козицкаго; *И то и се*, Башилова; *Ни*

то ни се, Рубана; *Адская Почта*, Эмина; *Трудолюбивый Муравей*, *Поденщина*, *Смѣсь*, и еще другія. Журналы эти были сатирическіе и нравоописательные. Первое мѣсто между тогдашними журналистами принадлежитъ Новикову: онъ печаталъ разныя періодическія изданія, въ числѣ коихъ отличался *Живописецъ* рѣзкостью сужденій, близостью портретовъ, до сихъ поръ сохранившихъ свою свѣжесть. Новиковъ былъ тогда для Россіи тѣмъ же, что Николаи для Германіи, съ тою разницею, что Николаи противоборствовалъ всѣмъ тайнымъ обществамъ, всѣмъ причудамъ мистики и мартинисма, а Новиковъ въ послѣдствіи покорился этимъ мечтаніямъ. Старинные сатирическіе журналы любопытны и достойны вниманія тѣмъ, что сохраняютъ въ потомствѣ образцы нравовъ, обычаевъ и языка своего времени. Изъ Живописца, напримѣръ, можемъ мы видѣть, между прочимъ, что *во время оно*, тогдашнія модницы, называвшіяся щеголихами, странствовали не по магазинамъ, какъ нынѣ, а по Гостиному Двору; садились въ лавкахъ бесѣдовать о нарядахъ и о сердечныхъ дѣлахъ, и пересмѣхали проходящихъ, а между тѣмъ купцы теряли свое время. Люди средняго званія, видя въ лавкахъ людей знатныхъ, изъ учтивости проходили мимо. Эти тягостные гости, просидѣвъ въ лавкѣ часа два, выходили въ другую, а бѣдные купцы часа три прибирали разбросанные барынями товары, изъ которыхъ не было куплено ничего. — Въ то время вошли въ употребленіе слова: *безподобный*, *радость*, *ужасть*. Лю-

безный, милый человѣкъ назывался *болванчикомъ*, и совсѣмъ не въ укоръ. И подлѣ этого жеманства, Живописецъ рисуетъ картину тогдашняго варварства нравовъ, предшествовавшихъ Недорослю. Эти памятники старины драгоцѣнны для наблюдателя нравовъ. Грубость и безвкусіе, вышедшія нынѣ изъ нашихъ обычаевъ, свидѣтельствуя о степени тогдашняго образованія и нравственности, заставляютъ насъ благодарить судьбу, что мы родились вѣкомъ позже.

Первые русскіе журналы издавались въ С. Петербургѣ. Вскорѣ оказались въ Москвѣ благотворныя дѣйствія учрежденнаго тамъ университета. Стали появляться важные и полезные сочиненія и переводы. Новиковъ переселился въ Москву, взялъ на откупъ университетскую типографію, преобразовалъ и распространилъ Московскія Вѣдомости, и началъ выдавать при нихъ Дѣтское Чтеніе и другіе періодическіе листы. Съ тѣхъ поръ оказался перевѣсъ московской литературы надъ петербургскою, продолжавшійся лѣтъ пятьдесятъ. Нынѣ большинство писателей и читателей находится безспорно въ Петербургѣ. Въ семидесятыхъ годахъ издавался *Санктпетербургскій Вѣстникъ*, подъ редакціею Богдановича; онъ заключалъ въ себѣ извѣстія офиціяльныя и частныя, статьи оригинальныя и переводныя, стихи, большею частію очень плохіе, и извѣстія о вновь выходящихъ книгахъ, съ замѣчаніями и сужденіями весьма краткими и кроткими. Слогъ и даже правописаніе этого изда-

нія были очень несовершенны. Въ Москвѣ выходилъ *Опытъ Трудовъ Вольнаго Россійскаго Собранія*, въ которомъ печатались особенно важныя статьи по Русской Исторіи. Въ 1783 году, съ учрежденія Россійской Академіи, издавался *Собесѣдникъ Любителей Россійскаго Слова*, предпринятый Княгинею Дашковою. Онъ начался одою Фелицѣ, и заключалъ въ себѣ прозаическія статьи и стихотворенія фонъ-Визина, Богдановича, Хераскова и другихъ тогдашнихъ литераторовъ. Сама Императрица помѣщала въ немъ Записки касательно Россійской Исторіи и сатирическія статьи, подъ заглавіемъ: Были и небылицы, на которыя смѣлый фонъ-Визинъ печаталъ свои замѣчанія, и предлагалъ автору ихъ вопросы. Государыня отвѣчала на нихъ очень умно, кратко и ловко. Собесѣдникъ издавался только въ теченіе двухъ лѣтъ, и послѣ него въ Петербургѣ долгое время не было хорошихъ литературныхъ журналовъ. Въ Москвѣ Подшиваловъ и Сохацкій, о которыхъ мы упоминали, стали издавать еженедѣльники подъ названіемъ: *Чтеніе для вкуса и разума*, *Пріятное и полезное препровожденіе времени*, *Иппокрена*, *Новости Русской Литературы*: этотъ рядъ изданій продолжался до 1805 года. Въ нихъ помѣщались хорошіе переводы изъ иностранныхъ писателей, опыты молодыхъ поэтовъ; вообще слогъ ихъ былъ чистый и правильный, но въ нихъ не было современности, не было критики, не было того, что даетъ жизнь и движеніе журналу. — Дѣйствительное начало русскимъ періодическимъ изданіямъ,

литературнымъ и критическимъ, положилъ Карамзинъ, своимъ *Московскимъ Журналомъ*, выходившимъ въ 1791 и 1792 годахъ. Прочитайте умныя и дѣльныя впрочемъ статьи Санктпетербургскаго Вѣстника, Собесѣдника, и сравните ихъ съ живыми, современными страницами Московскаго Журнала, въ которомъ печатались стихотворенія Державина, Хераскова, Дмитріева, Письма Русскаго Путешественника, прекрасные, неслыханные дотолѣ переводы изъ Бартелеми, Стерна, Мармонтеля, Флоріана; являлись, въ первый разъ въ Россіи, регулярныя критики на произведенія словесности: это были уже не отдѣльныя замѣчанія и насмѣшки прежнихъ журналовъ. О дѣйствіи, какое произвелъ Московскій Журналъ на русскую публику, говорилъ я выше. Въ немъ услышала она въ первый разъ простой, ясный, благородный, правильный Русскій Языкъ, увидѣла изложеніе предметовъ и дѣлъ по примѣру, представляемому образованною, ученою Европою, получила основательныя и дѣльныя сужденія о произведеніяхъ отечественной и иностранной словесности. Но, какъ я уже упоминалъ, дѣйствія слога и взгляда Карамзина были въ то время медленны, и не прежде истеченія нѣсколькихъ лѣтъ публика увидѣла, что̀ въ немъ явилось для нашей литературы. На Московскій Журналъ было такъ мало подписчиковъ, что издатель едва не остался въ убыткѣ, а чрезъ пять лѣтъ должно было напечатать его вновь, для удовлетворенія спросамъ публики, оцѣнившей, наконецъ, талантъ и слогъ Карамзина.

Въ одно время съ Московскимъ Журналомъ выходили въ С. Петербургѣ *Зритель* и *Санктпетербургскій Меркурій*, издававшіеся Клушинымъ и Крыловымъ, нашимъ Иваномъ Андреевичемъ. Эти журналы любопытны тѣмъ, что были послѣдними въ ряду нравоописательныхъ, или сатирическихъ изданій XVIII вѣка, въ родѣ Живописца. — Статьи Крылова въ нихъ умны, хорошо написаны, но отнюдь не предвѣщали того, что мы въ немъ увидѣли въ послѣдствіи. Въ 1796 году И. И. Мартыновъ издавалъ въ Санктпетербургѣ журналъ *Муза*, въ которомъ было много хорошихъ статей, и между прочимъ напечатаны прекрасные стихи двѣнадцати-лѣтняго поэта на рожденіе нынѣ благополучно царствующаго Государя: этотъ отрокъ-поэтъ былъ Жуковскій. Въ 1799 году, извѣстный образованностью, умомъ и дарованіями своими, литераторъ Пнинъ издавалъ *Санктпетербургскій Журналъ*, въ которомъ, въ первый разъ, начали появляться на Русскомъ Языкѣ статьи о государственномъ управленіи, о политической экономіи и другихъ столь же важныхъ предметахъ. Эти статьи были плодомъ ученія и трудовъ юныхъ вельможъ, Графа П. А. Строганова, Н. Н. Новосильцова и другихъ, окружавшихъ тогдашняго Наслѣдника Престола. — По вступленіи на престолъ Императора Александра Павловича, Русская Литература, какъ мы уже говорили, возникла съ новою силою, съ новымъ блескомъ, и началась собственная непрерывная русская журналистика, состоявшая дотолѣ изъ опытовъ, отрывковъ и неудачъ. Съ 1802 года

начатъ въ Москвѣ Карамзинымъ *Вѣстникъ Европы*, сильно содѣйствовавшій успѣхамъ просвѣщенія и распространенію любви къ чтенію въ Россіи. Онъ дѣлился на двѣ части, политическую и литературную. Первая часть находила въ то время обильную для себя пищу: въ Россіи вступилъ на престолъ юный, благолюбивый Монархъ, и началъ мирными трудами рядъ тѣхъ великихъ подвиговъ, которыми имя его внесено въ храмъ безсмертія; во Франціи красовался, во всемъ блескѣ незапятнанной еще славы, тотъ великій полководецъ и мужъ государственный, въ которомъ Европа мнила видѣть возрожденіе героевъ временъ баснословныхъ; въ Англіи дѣйствовали всею силою своихъ дарованій Питтъ, Фоксъ, Нельсонъ. Карамзинъ сообщалъ въ своемъ журналѣ переводы и выписки изъ заграничныхъ изданій, но въ то же время печаталъ и собственныя свои статьи, которыя и нынѣ, по прошествіи почти сорока лѣтъ, по минованіи тогдашнихъ опасеній и выгодъ, сохранили интересъ и важность. Литературная часть Вѣстника была еще занимательнѣе. Въ ней помѣщены были прекрасныя историческія статьи автора: Путешествіе къ Троицѣ, О московскомъ мятежѣ въ царствованіе Царя Алексѣя Михайловича, Русская Старина; повѣсть Мароа Посадница; печатались многія статьи о тогдашнихъ случаяхъ и произведеніяхъ литературы; наконецъ сообщались мастерскіе переводы изъ современныхъ иностранныхъ журналовъ. Карамзинъ писалъ и переводилъ всѣ статьи самъ, и однажды, помѣстивъ повѣсть, которой двадцать

первыхъ страницъ переведены были другимъ, оговорился о томъ въ примѣчаніи. Вообще онъ, какъ писатель, какъ издатель журнала, можетъ служить образцемъ трудолюбія, добросовѣстности и рачительности въ исполненіи своихъ обязанностей: онъ не спѣшилъ, ничего не дѣлалъ наобумъ, не толковалъ о предметахъ, которые не были ему совершенно извѣстны. Онъ ошибался какъ человѣкъ, но никогда не впадалъ въ ошибки отъ легкомыслія, нерадѣнія или надежды на чужую помощь. Извините меня, почтеннѣйшіе слушатели, что я такъ подробно толкую объ этомъ изданіи: вообразите, что я говорю о первомъ предметѣ юношеской любви своей. Мы, тогдашніе юноши, съ жадностью пожирали Вѣстникъ Европы, и не могли дождаться прихода московской почты съ красненькими книжками. Мы учили наизустъ статьи Карамзина, бредили ими во снѣ, и смѣялись съ негодованіемъ надъ приверженцами старины, которые вопили, что нашъ любезный авторъ испортилъ Русскій Языкъ, исключивъ изъ него:

И аще, абіе и убо,
И сице, дондеже, сугубо!

Одного недоставало въ Вѣстникѣ Европы — критики литературной, безъ которой журналъ не журналъ, какъ прекрасная женщина не женщина безъ капризовъ. Карамзинъ, въ самомъ началѣ своего журнала, объявилъ, что не хочетъ оскорблять самолюбія самыхъ дурныхъ писателей. Онъ былъ неправъ: можетъ ли судья сказать, что онъ, по добродушію, не хочетъ взыскивать съ людей ихъ

проступковъ и нарушенія законовъ? Этотъ недостатокъ заглаженъ былъ *Московскимъ Меркуріемъ*: его издавалъ, въ 1803 году, Петръ Ивановичъ Макаровъ, человѣкъ, образованный, умный, смѣлый. Онъ первый началъ громко, рѣшительно и рѣзко судить о произведеніяхъ современной Русской Словесности, хвалить хорошее, порицать дурное, преслѣдовать невѣжество, бездарность и шарлатанство. Хотя критики его, смѣлостью и жестокостью, такъ же походили на нынѣшнія, какъ стаканъ лимонаду на стаканъ пуншу, но онѣ возбудили общій ропотъ легіона посредственныхъ писателей, и возставили на него множество враговъ. Макаровъ заслуживаетъ благодарность нашу тѣмъ, что проложилъ у насъ дорогу критикѣ литературной, и показалъ истинную ея важность и значеніе. Онъ умеръ чрезъ нѣсколько времени по окончаніи перваго года его изданія, и по этому случаю написана была эпиграмма:

Обрадовался нашъ Бездаровъ,
Что умеръ журналистъ Макаровъ.
Ну, слава Богу, онъ сказалъ;
Могу печатать все, что прежде ни писалъ!

Карамзинъ издавалъ Вѣстникъ Европы только два года. Съ 1805 года онъ перешелъ въ руки М. Т. Каченовскаго, который въ послѣдствіи имѣлъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ товарищемъ В. А. Жуковскаго, на 1814 годъ передалъ В. В. Измайлову, а потомъ опять издавалъ его самъ. Г. Каченовскій долгое время удерживалъ этотъ журналъ на первой степени, но наконецъ долженъ былъ усту-

пить силѣ времени. Вѣстникъ Европы, нѣсколько лѣтъ отличавшійся дѣльными статьями, умною критикою и хорошимъ слогомъ, зачахъ, забредилъ подъ перомъ новыхъ сотрудниковъ, и скончался, не проживъ тридцати лѣтъ. Первою примѣтою его разслабленія были толки о банномъ строеніи. Одинъ любитель исторіи, услышавъ, что въ Малороссіи называютъ *банею* главу церковную, сталъ утверждать, что банное строеніе, созданное митрополитомъ Ефремомъ, какъ говоритъ Несторъ, значило церковь съ главами. Каченовскій напечаталъ его статью, и потомъ помѣстилъ свое возраженіе. Авторъ отвѣчалъ. Критикъ отозвался вновь, и почти въ каждой книжкѣ Вѣстника толковали о банномъ строеніи. Возгорѣлась война 1812 года. Непріятель занялъ Москву. Вѣстникъ прекратился. Изгнали непріятеля. Возобновились московскія типографіи. Вышелъ Вѣстникъ Европы, и одною изъ первыхъ статей его было банное строеніе. Демьянова уха! Но развѣ издатель журнала не смѣетъ печатать всего, что ему вздумается? Нѣтъ, не смѣетъ. Сочинитель, издатель, переводчикъ отдѣльной книги можетъ сказать: не угодно вамъ, не читайте. Но издатель журнала, особенно начатаго не имъ самимъ, не хозяинъ въ своемъ домѣ: онъ долженъ прислушиваться къ мнѣніямъ и требованіямъ благоразумной части публики, которой принадлежитъ всякое срочное изданіе. За несоблюденіе этого правила, онъ непремѣнно поплатится.

Успѣхъ Вѣстника Европы породилъ множество

журналовъ въ Петербургѣ и въ Москвѣ. Изъ нихъ заслуживаютъ воспоминанія: *Сѣверный Вѣстникъ*, издававшійся И. И. Мартыновымъ, журналъ литературно-ученый; *Цвѣтникъ*, издававшійся А. Е. Измайловымъ и П. А. Никольскимъ, въ которомъ объявлена была война закоснѣлымъ славенофиламъ; *Русскій Вѣстникъ*, С. Н. Глинки, отличавшійся прекрасною патріотическою цѣлію и ревностными трудами издателя къ достиженіе ея; *Санктпетербургскій Вѣстникъ*, издававшійся въ 1812 году Обществомъ Любителей Словесности, въ которомъ участвовали Д. В. Дашковъ, Д. Н. Блудовъ, К. Н. Батюшковъ, Князь П. А. Вяземскій, В. Л. Пушкинъ, Д. М. Княжевичъ, А. Х. Востоковъ, М. В. Милоновъ, И. М. Фовицкій, А. Е. Измайловъ, П. А. Никольскій: этотъ журналъ былъ поприщемъ оппозиціи противъ распространявшагося тогда дурнаго вкуса въ словесности, порожденнаго ложными понятіями о свойствѣ, достоинствахъ и различіи Языковъ Церковно-Славянскаго и Русскаго. Грозная буря войны разразилась надъ нашимъ отечествомъ, и мирныя музы сокрылись.

Въ то время, когда московскіе журналы прекратились отъ нашествія непріятельскаго, а петербургскіе умолкли оттого, что большая часть сотрудниковъ ихъ разъѣхалась въ разныя стороны, когда ужасы войны терзали Россію, и она съ недоумѣніемъ и страхомъ смотрѣла въ туманную даль, начался *Сынъ Отечества*, имѣвшій, при великодушномъ пособіи свыше, при покровительствѣ просвѣщенныхъ

вельможъ-патріотовъ, и при участіи всей публики, успѣхъ дотолѣ небывалый, который долженъ быть вполнѣ приписанъ тогдашнимъ обстоятельствамъ. Въ началѣ этотъ журналъ былъ вовсе не литературный: труды издателя исчезали въ важности предмета и величіи тогдашняго времени. Не мнѣ слѣдуетъ судить объ этомъ журналѣ, который, по истеченіи двадцати пяти лѣтъ, сданъ мною въ руки дѣлателей юныхъ и ретивыхъ. Сдѣлаю одно замѣчаніе. Сынъ Отечества былъ первымъ изъ журналовъ (если исключимъ Вѣстникъ Европы), которые издателю своему приносятъ не убыль, а доходъ, которые даютъ ему возможность посвящать себя всего избранному имъ дѣлу. До того времени издавать журналъ значило задолжать въ типографію и въ бумажную лавку. Эта перемѣна была полезна и публикѣ и литературѣ: редакторы журналовъ сдѣлались зависимыми отъ читателей; они стали заниматься своимъ дѣломъ, какъ должностію, а не какъ забавою, въ которой не обязаны никому отчетомъ. Издатели получили возможность награждать существенно своихъ сотрудниковъ, и побуждать ихъ къ дѣятельности и усовершенствованію. Есть люди, которые утверждаютъ, будто денежное возмездіе унижаетъ литератора. Почему? Это доходъ точно такой, какъ отъ дома, отъ деревни, нажитыхъ собственнымъ трудомъ. Это жалованье, получаемое за безпрерывные, тяжкіе, честные труды, и отнюдь не достаточное для вознагражденія человѣка за многія лишенія, за безпрерывныя досады,

огорченія и даже обиды. Говорятъ, что нѣкоторые писатели для денежной прибыли жертвуютъ выгодами своихъ читателей, сбываютъ свои книги обманомъ и шарлатанствомъ, не исполняютъ обѣщаннаго. Такъ, это случается, но это злоупотребленіе, сопутствующее слабостямъ человѣческимъ всегда и вездѣ. На то есть здравый смыслъ публики, которою нельзя шутить долго и безнаказанно. Честнаго, трудолюбиваго и благонамѣреннаго литератора не могутъ унизить козни и происки литераторовъ, недостойныхъ сего благороднаго имени. Хорошій писатель такъ же мало походитъ на дурнаго, какъ честный чиновникъ на взяточника.

Съ того времени журналы размножились до безконечности, и оправдали стихъ Князя Горчакова:

И наконецъ я зрю, въ странѣ моей родной,
Журналовъ тысячи, а книги ни одной.

Въ С. Петербургѣ П. П. Свиньинъ сталъ издавать свои *Отечественныя Записки*, въ которыхъ помѣщались статьи очень любопытныя о русскихъ древностяхъ, о Русской Статистикѣ, старинныя путешествія, извѣстія о новыхъ открытіяхъ, о необыкновенныхъ талантахъ въ Россіи. Изданіе его было бы гораздо полезнѣе и занимательнѣе, если бъ онъ не слишкомъ увлекался пристрастіемъ къ отечественному. — Съ 1818 года начался *Благонамѣренный*, А. Е. Измайлова, журналъ, похожій на его басни и сказки, простодушный, наивный, въ которомъ издатель, опоздавъ выдачею

книжекъ, извинялся предъ друзьями своими, подписчиками, тѣмъ, что гулялъ на праздникахъ.

Съ 1822 года выступилъ на поприще русской журналистики литераторъ, имѣвшій большое вліяніе на ходъ и развитіе у насъ этой части, Ѳ. В. Булгаринъ. Я могу свободно говорить о его тогдашнихъ трудахъ, потому что ни мало въ нихъ не участвовалъ. Ему обязаны мы тѣмъ, что русскіе журналы перестали ограничиваться повтореніемъ и переводами статей иностранныхъ. Въ литературныхъ прибавленіяхъ къ *Сѣверному Архиву*, сообщавшему публикѣ важныя статьи историческія и статистическія, возобновилъ онъ статьи нравоописательныя, сатирическія, которыя давнымъ давно уже у насъ не показывались. Онъ старался, сколько могъ, обращать свой умъ критическій, зоркій на слабое и смѣшное въ свѣтѣ и литературѣ. Удивительно ли, что онъ возбудилъ и общее вниманіе публики, и громкія порицанія литературныхъ недруговъ? Ежегодно возникали, особенно въ Москвѣ бѣлокаменной, эфемерныя изданія, которыя обыкновенно начинались безтолковою статьею о нѣмецкой философіи, и оканчивались лубочною картинкою парижскихъ модъ: средина наполнялась вялыми стихами и бранью на Булгарина. Долгъ справедливости побуждаетъ меня однако сказать, что въ числѣ недавнихъ московскихъ журналовъ, заслуживалъ вниманіе *Московскій Вѣстникъ*, Г. Погодина. Но особеннаго уваженія изъ новыхъ журналистовъ достоинъ Г. Полевой, нѣсколько

лѣтъ подвизавшійся въ *Телеграфѣ*, и нынѣ дѣятельно участвующій въ *Сынѣ Отечества*. Онъ человѣкъ умный, образованный чтеніемъ и собственнымъ размышленіемъ, дерзающій судить своею головою, и писать своимъ перомъ. Онъ не записной факультетскій ученый — и тѣмъ лучше. Ученый, профессоръ занимается своимъ собственнымъ предметомъ, и небрежетъ о прочихъ. Полевой, обязанный образованіемъ самому себѣ, не заглушившій въ себѣ тяжелою ученостью чувства и ума русскаго, очень хорошо понимаетъ потребность русской публики, знаетъ, чего она хочетъ, и старается удовлетворить ея требованіямъ. Если бъ можно было отпустить ему изъ казенныхъ магазиновъ хоть сколько нибудь нѣмецкой аккуратности и постоянства, онъ былъ бы журналистъ неоцѣненный.

Въ одно время съ Московскимъ Телеграфомъ началась *Сѣверная Пчела*? Что мнѣ сказать о ней? Бранить ее? И безъ меня бранятъ ее довольно. Хвалить? Возможно ли! Повторю стихи Дмитріева:

Что мнѣ объ ней сказать?
Другимъ и я бывало
Легко могъ надписи писать,
А милую, какъ ни хвали, все мало!

Издавать журналъ по требованіямъ публики, вещь не легкая. Это доказалъ Пушкинъ. Въ его *Современникѣ* были статьи умныя и интересныя, но это изданіе не произвело большаго впечатлѣнія въ публикѣ, особенно оттого, что Пушкинъ кружился въ немъ въ тѣсныхъ предѣлахъ одно-

сторонней литературной партіи. Онъ отбивался отъ своихъ противниковъ и поражалъ ихъ эпиграммами, которыя ничего не доказываютъ, и не хотѣлъ заниматься дѣйствительною критикою, чтобъ не огорчить своихъ друзей. Намъ кажется, что первый другъ журналиста есть публика.

Библіотека для Чтенія, предпринятая соединенными силами всѣхъ русскихъ литераторовъ, возбудила большія надежды, и сначала довольно хорошо ихъ выполняла; но мало по малу оставили ее почти всѣ извѣстные писатели, стихотворцы и прозаики. Въ ней стали проповѣдовать странныя правила, стали шутить надъ предметами вовсе не шуточными, забавлять публику фарсами, и представлять ей многое не въ надлежащемъ свѣтѣ, на перекоръ истинѣ и здравому смыслу; наконецъ вздумали передѣлывать въ ней и Русскій Языкъ, и въ примѣръ чистаго, благороднаго слога, выставлять какое-то бѣлорусское косноязычіе. Тоненькая книжечка, розданная при Сѣверной Пчелѣ, остановила это рвеніе къ преобразованію, и съ тѣхъ поръ умолкли грозные возгласы Библіотеки на несчастныя мѣстоименія *сей* и *оный*; съ тѣхъ поръ перестали въ ней смѣяться надъ людьми, которые чисто пишутъ по-русски. Впрочемъ Библіотека часто сообщаетъ публикѣ хорошія и дѣльныя статьи, и вообще принадлежитъ къ лучшимъ нашимъ періодическимъ изданіямъ, отличаясь особенно исправностью выхода книжекъ.

Блистательный успѣхъ Библіотеки для Чтенія взманилъ у насъ ревность и другихъ словесниковъ.

Пошли въ моду толстые журналы, о которыхъ можно сказать, какъ о слонѣ, въ баснѣ Крылова:

Въ родню былъ толстъ,
Да не въ родню былъ простъ.

Удерживаюсь отъ всякаго сужденія о сихъ журналахъ, въ которыхъ осыпаютъ меня, моихъ сотрудниковъ, мои изданія и даже мои нынѣшнія Чтенія, безпрерывною, безпощадною бранью. Если я заслужилъ ее — по дѣломъ мнѣ; если же нѣтъ — она падетъ, всею тяжестью своего невѣжества и безвкусія, на главу виновниковъ. Притомъ, не жестоко ли было бы дѣйствовать эпиграммами противъ того, надъ кѣмъ, можетъ быть, вскорѣ прійдется сочинять эпитафію?

Въ исполненіе желанія вашего, почтенные мои слушатели, присовокупилъ я къ Чтеніямъ о Русскомъ Языкѣ, обозрѣніе нашей Литературы старинной и новой; старался показать начало, ходъ, успѣхи и нынѣшнее состояніе разныхъ ея отраслей; начертать характеръ писателей, и представить доводы моихъ мнѣній изъ собственныхъ ихъ твореній. Желаю, чтобъ легкіе очерки, набросанные мною почти безъ всякаго приготовленія, послужили къ поясненію и доказательству необходимости, важности, благодѣтельности національной литературы во всякомъ образованномъ, благоустроенномъ государствѣ, у всякаго народа, назначеннаго Провидѣніемъ къ занятію значительнаго и виднаго мѣста въ исторіи вѣковъ. — Весь видимый нами

вещественный міръ состоитъ преимущественно изъ двухъ началъ: одного — тяжелаго, грубаго, безжизненнаго, толщи, массы мертвой и холодной, и другаго — элемента свѣта, жара, жизни, которымъ озаряется, согрѣвается, призывается къ органическому бытію бездушная, неподвижная громада. Вотъ вамъ проза и поэзія! Эти два начала находятся не только въ словесности: они проявляются вездѣ. Поэзія есть и въ битвахъ великихъ, священныхъ, предпріемлемыхъ для славы и блага любезной родины; она идетъ на приступъ неодолимой твердыни; она строитъ военный корабль, и носится на немъ по отдаленнымъ зыбямъ безпредѣльнаго океана; она возсѣдитъ въ судѣ, гдѣ находитъ защиту и спасеніе невинный страдалецъ, гдѣ порокъ и преступленіе поражаются должною карою. — Проза, съ своей стороны, вторгается въ собственные предѣлы поэзіи, лишь только поэзія ослабитъ дѣйствіе благотворныхъ лучей своихъ: это льдистыя громады, воздвигающіяся у полюсовъ, гдѣ солнце теряетъ свою живительную силу. Проза преобладаетъ въ наукѣ, когда наука состоитъ изъ механическаго повторенія вытверженныхъ, безжизненныхъ формулъ; проза владычествуетъ въ исторіи, которая скрываетъ или искажаетъ истину для временныхъ видовъ, для угожденія слабостямъ и страстямъ людскимъ; проза одерживаетъ верхъ надъ поэзіею въ самой поэзіи, когда поэзія, забывая великое и священное свое назначеніе, становится забавою слуха, а не души, когда она красками своими живописуетъ

не благость, не добродѣтель, не истинную славу, а развратъ, порокъ и нечестіе.

Заключимъ бесѣды сіи изъявленіемъ желанія и ожиданія, чтобъ въ мірѣ семъ, особенно въ любезномъ нашемъ отечествѣ, все занимало настоящее свое мѣсто: чтобъ проза, оставаясь при удовлетвореніи низшихъ житейскихъ нуждъ нашихъ, и тамъ согрѣвалась и озарялась лучами поэзіи, и чтобъ поэзія, просвѣтительница и утѣшительница наша въ семъ юдольномъ мірѣ, никогда не утратила благодатной власти надъ сердцами и душами нашими. Да наслаждается Россія, огромное и прекрасное наше отечество, ведомое твердою и святою волею Помазанника Божія къ великой цѣли своей, всѣми благами земными, и болѣе еще небесными! Да будетъ она всегда, какъ нынѣ, славна, велика, могущественна! Да возсіяетъ въ ней благотворный свѣтъ наукъ и искусствъ! Да процвѣтетъ словесность наша, возвѣщая современникамъ и потомству, что Русскому Народу доступны всѣ роды величія и славы!

КОНЕЦЪ.

СОДЕРЖАНІЕ

ВТОРОЙ ЧАСТИ.

Осьмое Чтеніе.

I.

II.

Девятое Чтеніе.

I.

II.

Десятое Чтеніе.

I.

II.

Одиннадцатое Чтеніе.

I.

II.

Двѣнадцатое Чтеніе.

I.

II.

Тринадцатое Чтеніе.

I.

II.

Четырнадцатое Чтеніе.

I.

II.

Пятнадцатое Чтеніе.